

Л. М. ЛЕШИНСКИЙ

**БАНКРОТСТВО
ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
ГЕРМАНСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ**

1 9 5 1

ПОДПОЛКОВНИК
Л. М. ЛЕЩИНСКИЙ
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

БАНКРОТСТВО
ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
ГЕРМАНСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1951

Подполковник ЛЕЩИНСКИЙ Л. М., кандидат исторических наук

**БАНКРОТСТВО ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ**

На обширном военно-историческом материале автор разоблачает военную идеологию господствующих классов Пруссии и империалистической Германии как идеологию захватничества и порабощения народов, как идеологию крайней реакции, как идеологию угнетения самого немецкого народа.

В книге подчеркивается превосходство советской военной науки над буржуазной военной наукой.

На опыте Великой Отечественной войны Советского Союза автор показывает, что полное банкротство военной идеологии германских империалистов явилось результатом великих побед советских Вооруженных Сил.

В последней главе книги разоблачаются американско-английские империалисты, использующие ныне в своих агрессивных интересах военные теории германских милитаристов.

Книга предназначена для офицеров Советской Армии.

ВВЕДЕНИЕ

Проверка, которой подверглась реакционная немецкая военная идеология в двух мировых войнах, вскрыла ее полную несостоятельность. Поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне, разгром и безоговорочная капитуляция немецко-фашистской армии, наглядный провал немецкой стратегии и тактики означали также и банкротство военной идеологии германских империалистов.

Столь полное поражение гитлеровской Германии стало возможным в результате того, что ее главным противником, принявшим на себя всю тяжесть ударов немецко-фашистской военной машины — наиболее мощной из всех известных в истории буржуазных военных машин — и разбившим эту машину, было Советское социалистическое государство.

История второй мировой войны свидетельствует, что победы над гитлеровской Германией и империалистической Японией — результат героической борьбы Советского Союза, который под руководством коммунистической партии, под водительством великого Сталина сплотил вокруг себя все прогрессивные силы мира и разстроил предательские, профашистские планы американско-английской реакции.

Всемирно-исторические победы Советского Союза в Великой Отечественной войне показали всему миру превосходство советского общественного и государственного строя над строем капиталистическим, превосходство советской военной организации над военной организацией капиталистических стран. Вместе с тем победы Советского Союза показали превосходство советской военной идеологии и советской военной науки над буржуазной военной идеологией и буржуазной военной наукой.

В результате побед Советского Союза в Великой Отечественной войне соотношение сил между лагерем социализма и лагерем империализма изменилось в пользу социализма.

Могучий лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, борется против капиталистического рабства, против поджигателей войны и агрессоров, за свободу и независимость народов.

После второй мировой войны центром реакции и агрессии стали Соединенные Штаты Америки, возглавляющие империали-

стический, антидемократический лагерь, поставивший перед собой задачу развязать третью мировую войну против Советского Союза и стран народной демократии и подавить рабочее и национально-освободительное движение в других странах с целью установления мирового господства американских монополистов.

Во имя этих бредовых планов мирового господства магнатов Уолл-стрита «в лагере империализма, — говорил тов. Н. А. Булганин, — усиливается гонка вооружений, раздуваются военные расходы, увеличивается численность вооружённых сил, уничтожаются остатки демократических свобод и преследуются прогрессивные организации. Для достижения этих целей американские империалисты надеются использовать в качестве пушечного мяса армии зависимых от них стран. Правящие круги Англии и Франции, осуществлявшие когда-то самостоятельную внешнюю политику, теперь, в ущерб своим национальным интересам, во всех основных международных вопросах угодливо подчиняются диктату империалистов США»¹.

В 1950 г. американско-английские империалисты от подготовки к войне перешли к прямым актам вооруженной агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики. Злодеяния американских интервентов против мирного корейского населения превосходят зверства гитлеровских захватчиков и японских самураев. События в Корее показали, что американский империализм является злейшим врагом всего прогрессивного человечества.

Поражение германского фашизма и японского империализма во второй мировой войне показало несбыточность, авантюристичность империалистических планов завоевания мирового господства. Но опыт истории ничему не научил американских поджигателей войны, которые в своем авантюризме превосходят германо-японских империалистов.

Особое место в планах американской военщины занимает вопрос о создании западногерманской и японской наемных армий, которые могли бы служить для нее пушечным мясом. Территории Западной Германии и Японии американско-английские империалисты превращают в свои военные базы, в плацдармы для войны против Советского Союза и стран народной демократии. В этих целях правительства США, Англии и Франции приняли в 1950 г. официальное решение о ремилитаризации Западной Германии и Японии, хотя на практике они начали проводить такую политику сразу же после окончания второй мировой войны.

Если Советская Армия, разгромив гитлеровские полчища, пришла в Германию как освободительница и друг немецкого народа, то армии США, Англии и Франции пришли туда как колонизаторы, угнетатели трудящихся.

¹ Н. А. Булганин, 33-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, М., 1950 г., стр. 24.

Наряду с военной и экономической экспансией правящие круги США, Англии и других капиталистических стран большое внимание уделяют идеологической подготовке третьей мировой войны.

Пропагандируя идеи агрессии, они стремятся «доказать», что войны — вечный и неустранимый спутник человеческого общества, что третья мировая война неизбежна. Они пытаются отравить сознание трудящихся ядом милитаризма и агрессии, неверием в возможность отстоять дело мира. Поджигатели войны восхваляют «американский образ жизни», проповедают идеи расизма, идеи «господства высшей расы» и национальной дискриминации, отрицают принципы суверенитета и национальной независимости народов.

Все эти гнусные идеи не только пропагандируются, но и проводятся в жизнь американско-английскими империалистами. Они отвергли неоднократные предложения Советского правительства и правительств стран народной демократии о разработке и заключении мирных договоров с Германией и Японией, о создании условий для превращения их в миролюбивые, демократические государства и о последующем выводе оккупационных войск из этих стран. Больше того, заправила Уолл-стрит возрождает германский фашизм и японский милитаризм, открыто перевооружают Западную Германию и Японию, восстанавливают их военно-экономические потенциалы, ведут политику, рассчитанную на длительную военную оккупацию германской и японской территорий.

В этих условиях реакционная немецкая военная идеология, наиболее разработанная буржуазная военная идеология, стала тем «кладом мудрости», из которого новые претенденты на мировое господство, сочиняя свои «рецепты победы», черпают «откровения». Современные американско-английские военные идеологии, несмотря на их национальные особенности, явно отражают не только прямое заимствование ряда ведущих положений немецко-фашистской военной идеологии, но и принципиальное единство, родство душ с нею.

Военная идеология эксплуататорских классов Германии на протяжении длительного периода времени имела широкое распространение, а ее «авторитеты» пользовались незаслуженным уважением. В наше время эта разбойничья идеология, в корне порочная, но «удобная» для поджигателей войны, широко используется американско-английской военной.

Раскалывая Германию, подвергая ее западные области колониальной эксплуатации, проводя политику национального угнетения германского народа, американско-английские империалисты превращают Западную Германию в плацдарм, а ее население в пушечное мясо для войны, которую они хотят развязать против Советского Союза и стран народной демократии.

Поджигатели войны, не имея возможности опираться в своей политике возрождения милитаризма, фашизма в Германии на трудящихся, которые все более активно выступают против этой преступной политики, поставили у власти в Западной Германии юнкеров, монополистов, милитаристов, презренных лакеев империа-

лизм — правых социал-демократов — всех этих исконных врагов, палачей и предателей германского народа.

Беззастенчиво разоря мирные отрасли немецкой промышленности в Западной Германии, поджигатели войны одновременно прилагают все усилия для восстановления ее военно-экономического потенциала. Население Западной Германии обрекается на голод и нищету, а на сохранение кадров гитлеровской армии, на формирование из них наемной армии расходуются огромные средства.

Вся эта политика империалистического блока, являющаяся заговором против дела мира и национального существования народов, представляет смертельную опасность и для германского народа.

Германский народ, все более ясно сознавая преступность политики реакционной клики юнкеров, монополистов, милитаристов, проникаясь чувством исторической ответственности за те величайшие бедствия, в которые дважды на протяжении жизни одного поколения ввергли мир германские империалисты, не хочет быть более жертвой и орудием агрессоров. Поэтому германский народ отвечает на происки американо-английского блока и его ставленников в Западной Германии мощным движением за миролюбивую, единую, независимую демократическую Германию.

Ярким доказательством неодолимости этого исторического движения германского народа является образование Германской Демократической Республики.

«Образование Германской демократической миролюбивой республики, — заявил товарищ Сталин, — является поворотным пунктом в истории Европы. Не может быть сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладёт конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами»¹.

Для того чтобы сорвать планы американо-английских империалистов и других поджигателей войны, в том числе немецких реакционеров, необходимо сплочение всех сил мира и демократии вокруг великого Советского Союза, необходима бдительность, необходимо постоянно повышать боевую готовность Вооруженных Сил Советского Союза, необходимо разоблачать преступные агрессивные планы — раскритиковать империалистические идеи захватничества и порабощения народов, а в самой Германии — уничтожить дух шовинизма и милитаризма.

Вскоре после окончания второй мировой войны, гениально предвидя направление исторического процесса, товарищ Сталин поставил задачу раскритиковать носителей реакционной военной идеологии в Германии.

«Мы обязаны, — писал товарищ Сталин, — с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритико-

¹ Журнал «Большевик» № 19, 1949 г., стр. 1—2.

вать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлифена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии в Германии»¹.

В настоящее время, когда американо-английские милитаристы используют реакционнейшие идеи германских милитаристов, когда немецкие милитаристы стали наемниками американо-английских империалистов, когда поджигатели войны пытаются осуществить на практике разбойничьи агрессивные теории, выполнение задачи, поставленной товарищем Сталиным, приобретает особенно актуальное, жизненно важное значение.

Исследование литературы, заключающей в себе критику агрессивной немецкой военной идеологии, показывает, что подлинно научная критика этой идеологии дается только в трудах классиков марксизма-ленинизма и на основе исторических указаний товарища Сталина развертывается в советской печати.

При ознакомлении с дворянской и буржуазной литературой, уделяющей то или иное внимание критике немецкой военной идеологии, как правило, сразу же бросается в глаза слабость, непринципиальность, поверхностность этой критики.

В конце XVIII в. и в XIX в. наиболее острая критика немецкой военной теории и военного искусства проводилась передовыми представителями русского военного искусства.

Непримиримым противником и критиком прусских взглядов и порядков в военном деле был выдающийся русский полководец и военный мыслитель А. В. Суворов. В многочисленных приказах, письмах, инструкциях, высказываниях он остро критиковал фридриховские (пруссские) взгляды и порядки, отвергая их начисто.

В произведениях передовых русских военных деятелей и мыслителей XIX в. проводится критика прусских взглядов по ряду вопросов военного искусства и военной теории.

Решительно выступал против пфулей и вейротеров гениальный русский полководец М. И. Кутузов, который, вопреки господствовавшим при дворе Александра I взглядам, настойчиво развивал передовое русское военное искусство.

Ярко показал недостатки военного искусства Фридриха II декабрист Н. Муравьев.

Н. Г. Чернышевский, будучи редактором журнала «Военный сборник», целеустремленным подбором статей и своими примечаниями к ним подвергал немецкую военную идеологию острой критике и выступал против пруссаческого влияния в русской армии.

В западноевропейской и американской военной литературе прошлого мы не находим такой критики немецких военно-теоретических взглядов, которая могла бы сравниться, например, с суворовской критикой. В частности, Жомини в отношении Клаузевица ограничивался двумя-тремя упреками, в работах Леваля частные критические замечания по адресу немецких идеологов едва заметны из-под спуда заимствованных у них же реакционных идей; Кюльман сделал лишь отдельные замечания по некоторым вопросам

¹ Журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 7.

военных работ Мольтке, оставаясь в плену у него при решении основных проблем военного искусства.

После первой мировой войны ряд военных авторов из стран, одержавших победу над Германией, отмечал недостатки отдельных положений немецкого военного искусства, но эта критика по существу носила характер частных поправок, рекомендаций. Характерным же для этой «критики» было то, что она восхваляла военное искусство кайзеровской армии, хотя оно и не выдержало испытаний на полях войны.

Большинство военных всего мира в прошлом, в том числе и военных в царской России, раболепно преклонялось перед немецкой военной идеологией и ее авторитетами, восхваляя и заимствуя ее реакционные идеи.

Характерной чертой современной буржуазной и прежде всего американской и английской военной литературы является не только отсутствие в ней критики реакционной немецкой военной идеологии, но и самое беззастенчивое заимствование у германских милитаристов агрессивных идей, пропаганда наиболее реакционных взглядов Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и др.

В том, что никто из дворянских и буржуазных военных теоретиков не смог провести научную, последовательную критику реакционной немецкой военной идеологии до конца, нет ничего удивительного: для решения этой задачи было необходимо вскрыть классовые корни этой идеологии, показать ее идеалистичность, метафизичность, разоблачить ее как систему реакционных взглядов.

Решение этой задачи возможно лишь на основе марксистско-ленинской теории.

Не задаваясь целью показать здесь все, что сделано классиками марксизма-ленинизма в отношении критики немецкой военной идеологии, ограничимся лишь несколькими моментами.

Маркс и Энгельс в своих многочисленных военных, а также общетеоретических, исторических, публицистических произведениях вскрыли и разоблачили реакционность, порочность немецкой военной идеологии периода домонополистического капитализма. Они показали, что немецкая военная идеология является областью мировоззрения реакционных помещиков и буржуазии. Маркс и Энгельс бичевали прусскую проповедь шовинизма, «тевтонского патриотизма», культура войны. Они боролись с милитаризацией Германии, разоблачая узурпаторскую, антинародную политику господствующих классов. Маркс и Энгельс вскрыли классовый смысл прусской военной системы и ее назначение — обеспечивать наличие надежной военной машины для подавления трудящихся масс внутри страны и захватов новых территорий и рынков.

«Защитники тевтонского патриотизма, — писал Маркс, — говорят: но вы не должны смешивать немцев с французами. Мы хотим не славы, а только безопасности. Немцы — по существу миролюбивый народ. В своей рассудительной защите они даже превращают завоевания из причины будущей войны в залог вечного мира.

Конечно, не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII столетия при помощи штыков. Как будто не Германия замарала свои руки при порабощении Италии, при подавлении Венгрии и при разделе Польши. Ее нынешняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию на службе и вторую постоянную армию в запасе, — причем обе обречены на беспрекословное подчинение своему, божьей милостью, начальству, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации!»¹.

Маркс и Энгельс разоблачили и высмеяли «культ предков» — агрессоров, воспеваемых немецкими милитаристами и их приспешниками — историками. Они показали, что этот культ (в интересах идеологической подготовки войн) поднимает на щит самые зловещие пережитки из истории немецкого средневековья.

В многочисленных произведениях Маркс и Энгельс дали убийственно меткие характеристики немецким военным идеологам, разоблачив их реакционность и ограниченность.

Особенно благоприятной средой для милитаризма в Германии являлось филистерство — мещанство. Бичуя немецкое мещанство, Маркс и Энгельс вскрывали его исторические корни: «В Германии, — писал Энгельс, — мещанство есть плод неудавшейся революции, плод прерванного и задержанного развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свойственный ему крайне резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы как раз в это время переживали быстрый подъем»².

Маркс и Энгельс показали, что немецкое филистерство захватывало все слои населения Германии: «Оно царит на троне так же часто, как и в хижине сапожника»³. Используя огромный исторический материал, они развенчали «победы прусского оружия», разоблачили ухищрения немецкой шовинистической историографии.

В ленинской критике немецкой военной идеологии мы находим неисчерпаемое богатство мыслей. Естественно, что Ленина интересовал прежде всего актуальный политический вопрос — разоблачение политики и идеологии господствующих классов Германии эпохи империализма, но, решая его, Ленин часто возвращается и к более ранним периодам немецкой истории, вскрывая исторические корни реакционных сил Германии и их идеологии.

Немецкая буржуазия всегда угодничала перед феодалами и монархией, всегда вела себя предательски по отношению к народным массам. «...В Пруссии, — писал Ленин, — первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом...

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 96—97.

² Там же, т. XXVIII, стр. 220.

³ Там же, т. XXVII, стр. 288.

Немецкая буржуазия... явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов»¹.

Классическая ленинская оценка особенностей германского империализма, в котором сочетаются «последнее слово» (В. И. Ленин) современной крупнокапиталистической техники и планомерная организация, подчиненная юнкерски-буржуазному империализму, является тем прочным фундаментом, на основе которого и должна вестись научная критика военной идеологии Пруссии — Германии.

Ленин отметил особенности международной обстановки, сложившейся к концу XIX и к началу XX в. для быстро развивавшегося, но опоздавшего к столу капиталистических яств германского империализма, и показал, что эти особенности в сочетании с особенностями внутренней структуры германского юнкерски-буржуазного империализма объясняют присущие ему черты хищничества и авантюризма.

Ленин разоблачил шовинистическую проповедь немецких империалистов и их приспешников — немецких социал-шовинистов — и заклеймил ее как лживую антинародную демагогию. Много внимания уделил Ленин разоблачению немецкого «монархического милитаризма», показав его преступную роль в истории Германии и в истории человечества.

Исключительная заслуга в деле критики агрессивной немецкой военной идеологии принадлежит товарищу Сталину.

Товарищ Сталин подверг всесторонней научной критике все «устои» военной идеологии империалистической Германии.

Разоблачив фашистскую идеологию как идеологию звериного национализма, товарищ Сталин показал ее внутреннюю слабость. Немецкие фашисты, разоблаченные товарищем Сталиным как злейшие враги человечества и самого немецкого народа, как цепные псы немецких империалистов, предстали перед всем миром во всей своей отвратительной нагоде.

Сталинская критика не оставила камня на камне от мифа о «непобедимости» немецкого оружия.

Товарищ Сталин вскрыл основной порок немецкой стратегии — неизменную переоценку своих сил и недооценку сил противника; основной порок немецкой тактики — ее шаблонность.

Товарищ Сталин показал ложность буржуазной военной науки, ее неспособность учитывать моральный и экономический потенциалы страны, а также то, что эта наука переоценивает значение военных планов.

Руководимые величайшим полководцем Генералиссимусом Советского Союза товарищем Сталиным Вооруженные Силы Советского Союза повергли в прах вооруженные силы гитлеровской Германии. Исторические уроки второй мировой войны свидетельствуют о полном банкротстве германского милитаризма, о несостоятельности военной идеологии империалистической Германии.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 182—183 (в последующем все ссылки на Сочинения В. И. Ленина даются по 4-му изданию).

В результате развернутой на основе указаний товарища Сталина критики советская военная литература обогатилась значительным количеством работ. В них проводится критика ряда положений немецкой военной идеологии.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающую критику военной идеологии германских империалистов. Цель ее состоит в том, чтобы, подвергнув критике ведущие реакционные взгляды германских милитаристов, проследить, как в условиях усиливающейся буржуазно-помещичьей реакции немецкая военная идеология приобретала все более разбойничий характер и, в конечном счете, в эпоху империализма превратилась в систему человеконенавистнических, агрессивных, авантюристских идей, воспринимаемых в настоящее время американско-английскими империалистами, которые в реакционности, человеконенавистничестве и авантюризме превосходят своих немецко-фашистских предшественников.

ИСТОКИ АГРЕССИВНОЙ НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Период становления агрессивной немецкой военной идеологии отчетливо распадается на два этапа: абсолютистский и юнкерско-буржуазный.

Наиболее крупными носителями этой идеологии были: на первом этапе — Фридрих II, на втором этапе — Клаузевиц.

Марксизм-ленинизм учит: чтобы правильно оценить явление общественной жизни, необходимо рассматривать его в процессе исторического развития. Только такой подход обеспечит подлинно научное понимание современного состояния данного явления.

В своей знаменитой лекции о государстве В. И. Ленин говорил:

«Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Это основное требование марксистско-ленинского метода научного исследования обязывает нас начать критику немецкой военной идеологии с момента ее зарождения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРУССКОГО МИЛИТАРИЗМА

Немецкие фашисты, стремясь получить возможно больший материал для своей проповеди захватнических войн, обращались к прошлому Германии. Фальсифицируя историю, они искали в этой истории обоснования своей политики империалистического разбоя.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

Особенно излюбленной областью этих исторических экскурсов была история немецкого средневековья.

Фальсификаторы истории стремились изобразить историю Германии как сплошную линию поступательного развития, обусловленного «славной» деятельностью королей и «великих» полководцев. Они превратили в мифических «героев» «псов-рыцарей», организатора грабительских экспедиций в Северную Италию Фридриха Барбароссу, ландскнехтов.

В действительности история Германии была борьбой прогрессивных и реакционных сил, прогрессивных и реакционных культур. Однако отличительной чертой этой истории было то, что вследствие особенностей исторического развития Германии реакционные силы в ней весьма часто оказывались сильнее прогрессивных сил. Это объясняет, почему в истории прошлого Германии столь много черных страниц.

Немецкое средневековье оставило наследство, в котором было много реакционного: пережитки крепостничества в экономике в виде крупного помещичьего землевладения и полукрепостнических форм эксплуатации трудящихся; пережитки в политическом строе в виде монархии и политического первенства юнкеров; в идеологии — средневековое мракобесие в различных формах. Черты средневекового милитаризма и феодальной военной идеологии никогда не исчезали в Германии.

Для того чтобы объяснить, почему это средневековое наследство не исчезало, необходимо обратиться к выяснению исторических особенностей, в которых произошел переход Германии от феодального способа производства к капиталистическому способу производства.

В XV и XVI вв. в Западной Европе явственно обозначились экономические и политические процессы, характеризующие начавшийся переход от феодализма к капитализму. Развивается мануфактурная промышленность, во все поры хозяйственной жизни проникают товарно-денежные отношения, образуются внутренние рынки, складываются нации. Великие географические открытия конца XV столетия и интенсивная эксплуатация новых богатейших колоний ускоряют этот процесс. К концу XVI и началу XVII в. Англия, Франция, Голландия уже представляли собой централизованные государства. На этом этапе передовой социальной силой становится буржуазия, которая в своих корыстных классовых интересах выступает против пережитков феодализма в экономике и политической жизни.

Являясь как класс эксплуататоров всегда лишь ограниченно революционной, буржуазия, поскольку пролетариат еще не выступал самостоятельно, а массы мелких товаропроизводителей видели в ней своего естественного вождя, могла в передовых странах призывать к штурму феодализма и даже, до известного предела (пока не возникла угроза «священной частной собственности» вообще), возглавлять народ, совершающий буржуазную революцию. Результатом этих буржуазных революций была радикальная ломка общественных отношений, устранение многих наиболее вредных пере-

житков феодализма в экономике и политической жизни, консолидация и оформление национальных государств.

В то время как в передовых странах уже велась борьба против пережитков крепостничества, в Германии сохранялось неизбежным феодальное землевладение, крайне медленно развивались капиталистические мануфактуры, непреодолимой преградой для образования внутреннего рынка оставались бесчисленные таможенные барьеры.

Не только в XVI, XVII, но и в XVIII и XIX столетиях Германия была раздробленной, она состояла из множества мелких и мельчайших замкнутых государств и полугосударств. К концу XVIII в. в Германии насчитывалось до 296 государств, в свою очередь состоявших из 40 тысяч феодальных владений. Германия отставала от других государств Западной Европы как экономически, так и политически. Задерживалась государственная и национальная консолидация Германии.

Возникшая в этих условиях немецкая буржуазия долго не имела сил для того, чтобы достичь экономического превосходства над феодальным дворянством. Распыленная, не располагающая прочной опорой в больших городах (как это было, например, во Франции), она оставалась малозначимым фактором в политической жизни страны. Буржуазия Германии не только не возглавляла борьбу «третьего сословия» с крепостничеством, но, наоборот, в решительные моменты предавала своих союзников и становилась на сторону феодалов.

Участвуя в широком антифеодальном движении, проходившем под религиозными лозунгами (реформация), немецкое бюргерство стремилось всячески выхолащивать революционное содержание борьбы, а затем предало народ, заключив сделку с реакцией.

Поражение революционного крестьянства в Крестьянской войне в Германии в начале XVI столетия, также преданного немецким бюргерством, еще более укрепило экономические позиции и политическую власть крепостников-князей.

Экономическая и политическая отсталость Германии усугубилась Тридцатилетней войной (1618—1648 гг.), в годы которой страна подверглась небывалому опустошению. Разруха, уничтожение материальных и культурных ценностей, запустение и одичание были результатом не столько военных действий, сколько грабежа и насилий солдат-наемников.

Особенно отличались в этом отношении немецкие ландскнехты, о «подвигах» которых современник Тридцатилетней войны писал:

«Там, где изгнаны из дома хозяин, его жена и дети, там наступают плохие времена для кур, гусей, жирных коров, быков, свиней и овец. Тогда деньги делят шапками, меряют пиками бархат, шелк и полотно; убивают коров, чтобы содрать с них шкуру; разбивают все ящики и сундуки и, когда все разграблено, поджигают дом. Истинная забава для ландскнехтов, когда 50 деревень и местечек пы-

дают в огне; насладившись этим зрелищем, они идут на новые квартиры и начинают то же самое»¹.

Из среды ландскнехтов вышла значительная часть так называемого нового служилого дворянства, и традиции ландскнехтов были полностью восприняты немецкой военщиной.

Одним из наиболее тягостных для немецкой истории последствий Тридцатилетней войны был духовный упадок — распространение духа угодничества перед властью имущими, филистерство — мещанская ограниченность.

«С мелкобуржуазным мещанско-филистерским духом в партии, — писал Энгельс, — мы постоянно вели самую жестокую борьбу, потому что он, развиваясь со времени Тридцатилетней войны, охватил *все* классы в Германии, сделался наследственным ее несчастьем, родным братом лакейства, верноподданнического смирения и всех прочих наследственных немецких пороков. Это он сделал нас за границей смешными и достойными презрения»².

Поражение народных масс в Крестьянской войне и опустошение страны Тридцатилетней войной привели к истощению революционной энергии масс, к господству реакционных сил во всех областях общественной жизни.

Непосредственным результатом Тридцатилетней войны было то, что она закрепила феодальную раздробленность, свела почти к нулю императорскую власть в Германии. После этой войны произошло полное обособление нескольких курфюршеств и выделение огромного количества рыцарских, церковных владений и вольных городов. Княжеский абсолютизм, препятствуя созданию внутреннего рынка, росту отечественной промышленности и торговли, закрепляя обособленность отдельных княжеств, обрекал страну на крайне медленное развитие.

Княжеский абсолютизм являлся реакционным государственным строем. Мелкий или сравнительно мелкий владетель был прежде всего не глава государства, а феодальный вотчинник. Немецкий княжеский абсолютизм стремился сохранить и закрепить крепостнические отношения. Сам курфюрст был прежде всего крупнейшим помещиком. В княжеской власти дворянство нашло сильное орудие для проведения небывалого закрепощения крестьян. В мелких и карликовых государствах уродливо разросся бюрократический аппарат. Мелочная, придирчивая регламентация душила не только все проявления прогрессивной общественной жизни, но властно проникала и в частную жизнь.

В Германии безраздельно господствовал милитаризм.

Грабительские династические войны следовали одна за другой, часто не прекращаясь и тогда, когда на страну нападали иноземные враги.

Крепостное крестьянство и мелкий городской люд нещадно эксплуатировались. Германский народ, казалось, только для того

¹ См. Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, Воениздат, 1940, стр. 78.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 287—288.

и существовал, чтобы содержать своих многочисленных правителей и расплачиваться за их военные распри и грабительские набеги.

Тридцатилетняя война задержала развитие Германии, но она создала благоприятные условия для усиления Пруссии.

История возникновения и «возвеличения» Пруссии — это повесть о самом грубом захватничестве и вероломстве. Начало этой истории — в экспансии немецких феодалов на восток и северо-восток Европы, в захватах «псов-рыцарей», которые в свое время были наемниками генуэзских и венецианских купцов, французского короля или римского папы (хозяином избирался тот, кто больше платил). Воспитанные в духе насилия, чинимого в отношении порабощенных народов, полной аморальности, безудержного разгула низменных инстинктов, сочетаемого с лицемерием и ханжеством, «псы-рыцари» в XII—XIII вв. были использованы в качестве ударной силы феодальной экспансии на востоке Европы.

«Псы-рыцари» поработали и истребляли славянские народы и народы Прибалтики.

Одним из свидетельств этих злодеяний является «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского¹. Будучи современником и участником событий, ярым апологетом немецких «псов-рыцарей», автор данной летописи ставил перед собой цель оправдать и даже возвеличить их деяния. Но и при такой направленности «Хроника» является обличительным документом, разоблачающим аморальные, человеконенавистнические традиции, к которым апеллировали германские империалисты.

Вот описание одного из походов Тевтонского ордена против эстонских племен: «И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили женщин и детей в плен и, наконец, сошлись вместе у замка. На следующий и на третий день, обходя все кругом, разоряли и сжигали что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой... Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибали, замерзали от холода»².

Такие же зверства совершали тевтоны-крестоносцы в 1216 г. в центральной части Эстонии. «Придя туда, — бесстрастно повествует автор «Хроники», — мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям той земли и стали все сжигать и опустошать; мужского пола всех убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней»³.

О набегах колонизаторов на земли племен эстов в «Хронике Ливонии» говорится: «... вступили они в Унгавнию, опустошили и предали огню все деревни, а мужчин, каких могли захватить, всех сожгли живыми... Женщин и детей увели с собой в плен,

¹ Генрих Латвийский, «Хроника Ливонии», Издательство Академии наук СССР, 1938 г.

² Там же, стр. 136, 137.

³ Там же, стр. 180.

захватили коней, скот, большую добычу и вернулись в землю свою»¹.

Оправдывая гнусные злодеяния захватчиков, Генрих Латвийский цинично писал:

«Была же добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гарионцев, куда те обыкновенно всегда спасались; зажгли огонь с дымом при входе в пещеры и дымя днем и ночью удушили всех мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было всего задохнувшихся обоого пола во всех пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской»².

Подлинные цели всех этих зверств заключались в том, чтобы подавить волю свободолюбивых народов к борьбе за свою независимость и сделать их рабами феодалов.

Характеризуя немецкую феодальную колонизацию, Маркс писал: «...чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубая леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньории и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»³.

Прусское государство, первоначально образованное на территории славянских и литовских племен, завоеванных феодалами-колонизаторами — «псами-рыцарями» — еще в XII—XIII вв., составилось из нескольких, ничем не связанных, территориально разобщенных частей и продолжало расширять свои границы за счет новых насильственно присоединяемых немецких, славянских, литовских областей.

Разгром псов-рыцарей в 1242 г. на льду Чудского озера новгородцами под предводительством Александра Невского надолго ослабил немецких колонизаторов. Второй мощный удар славянских (русских, польских, белорусских) народов совместно с литовцами под Грюнвальдом в 1410 г. сильно подорвал силы немецких захватчиков. В XV столетии ослабленная Пруссия представляет собой феодальное владение Польши. Однако и в этих условиях, лакействуя перед польскими магнатами, прибегая к подкупу изменнических элементов из числа польских феодальных магнатов, Пруссия смогла вновь обрести самостоятельность и вернуться к своей политике внешних захватов.

«Только воспользовавшись подкупом польских изменников родине и милостью польских королей и только в качестве вассалов польской республики, которой они принесли ленную присягу, выма-

¹ Генрих Латвийский, «Хроника Ливонии», стр. 171.

² Там же.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 342—343.

нили они герцогство Пруссию: так возникла бранденбургско-прусская вотчина»¹.

Ведя политику лавирования, беззастенчиво торгуя интересами Германии, не стесняясь выступать с оружием в руках на стороне ее врагов, правитель Пруссии Фридрих-Вильгельм I («великий курфюрст») сумел оказаться в числе победителей в Тридцатилетней войне, в которой Германия потерпела тягчайшее поражение.

Даже на общем неприглядном фоне господства крепостничества, бюрократии и милитаризма в Германии Пруссия выделялась крайней консервативностью. Прусские юнкера ревностно охраняли крепостные порядки в своих поместьях и в стране.

В условиях этого реакционного строя оформилось пресловутое прусское чиновничество, распространился в стране и широко укоренился чиновничий дух с его раболепной покорностью перед властью имущими, благоговением перед буквой закона полицейского государства и холодной жестокостью, способностью к бездушному выполнению любых преступлений по приказу начальства. Пруссия стала родиной и рассадником самого реакционного милитаризма, который впоследствии распространился во всей остальной Германии.

Искусственным было возникновение Прусского государства, таким же был дальнейший его рост, совершавшийся путем насильственных захватов и дипломатических комбинаций.

Пруссия никогда не поднималась до уровня передовых европейских государств. Причины ее отсталости коренились в общественно-исторических условиях. Прусское бюргерство оказалось исключительно слабым: пройдя основательную школу угодничества и низкопоклонства при дворах курфюрстов, оно с момента своего выхода на арену общественной жизни заключило контрреволюционный блок с феодалами. Княжеский абсолютизм в Пруссии выражался в ничем не сдерживаемом деспотизме. Крестьянство было закрепощено до крайности. В этих условиях промышленность, несмотря на меркантильную политику правителей (начиная с Фридриха-Вильгельма I), развивалась очень медленно.

К моменту выхода на арену «большой европейской политики» Пруссия состояла из земель, захваченных Тевтонским орденом, и курфюршества Бранденбург. Пруссия — Бранденбург реально не имела армии. Экономическая отсталость, политическая слабость выразились очень четко и в военной немощи. При пустой казне невозможно было содержать наемную армию. Пропавшая же, существовавшая между трудовым сельским и городским людом и правящей верхушкой, исключала самую мысль об ополчении. По спискам числилось немногим более тысячи человек дворян, обязанных нести военную службу, на деле их было меньше. Ядро «вооруженных сил» составляло 200 человек дворцовой охраны. Но, вступив на путь военных авантюр, прусские правители нуждались в большой армии. И отныне вся жизнь народа подчиняется задачам под-

¹ Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве, Госполитиздат, 1942 г., стр. 10.

готовки и ведения войн. Дело создания большой армии сначала шло очень медленно. К концу Тридцатилетней войны курфюрст Фридрих-Вильгельм располагал 125 рейтарами и 2150 пехотинцами. К концу же его правления прусская армия насчитывала 27 тысяч человек.

Фридрих-Вильгельм оставил наследникам не только армию, но и созданные им основы чиновничье-бюрократического аппарата, без которых эта армия не могла существовать. Он строил государственный аппарат, явно преследуя цель — обеспечить содержание большой армии. В 1723 г. в Пруссии функции гражданской администрации и командования были объединены в руках одного органа — «генеральной директории». Директория ведала изысканием средств на содержание войск, управлением королевскими поместьями (доменами) и руководством армией. Натуральные налоги были заменены денежными. Особо излюбленным средством добычи денег стали косвенные налоги. Господство милитаризма в стране выразилось в подчинении всего населения бесконтрольной власти военщины. Указ 1733 г. гласил: «... Все уроженцы округа подлежат полку, в нем квартирующему».

В Пруссии не нашлось сил, способных оказать сопротивление этому реакционному военно-полицейскому режиму.

Дальше «оппозиции» и небольших эксцессов (вроде выставления пушек на стенах Кенигсберга) дело не пошло. Да и не могло быть сколько-нибудь серьезного расхождения между прусским королем и его подданными из числа дворян и бюргеров. Он как нельзя лучше выражал их собственную политику. В последующем борьба вокруг налогов продолжалась, но она уже велась в иной плоскости — в плоскости распределения военных тягот. Имущие классы сошлись на том, что платить должны крестьяне и мелкий городской люд. Это и было осуществлено детально разработанной системой прямого и особенно косвенного обложения.

Принцип государственной политики — взваливать всю тяжесть военных расходов на трудящиеся массы — был сохранен неизменным во всей последующей истории Пруссии и затем Германии.

В это же время были заложены основы прусской военной системы эпохи абсолютизма: комплектование войск из подонков общества, независимо от национальности, путем принудительного найма — вербовки, строго классовый подбор офицерского корпуса из среды дворянства, палочная дисциплина, муштра и над всем этим в качестве девиза общественной жизни Пруссии: «Не рассуждать».

ПРУССКАЯ ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКАЯ ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Прусский милитаризм достиг своих «классических» форм при Фридрихе II.

Фридриху II принадлежит особое место в развитии реакционной немецкой военной идеологии. Он впервые сформулировал и свел в систему ее положения.

Фридрих II всемерно отстаивал и укреплял крепостническую основу Прусского государства, подавлял малейший проблеск свободомыслия, насаждал чиновничье-полицейский произвол.

Он стремился так направлять развитие промышленности, чтобы обеспечить себе возможность ведения агрессивных войн, но и в этом достиг немногого. Некоторое развитие получили текстильные мануфактуры, производство вооружения. Но Фридрих не смог преодолеть зависимость прусской армии и тем более страны от импорта. Как никогда ранее возросли налоги. Политика Фридриха II направлялась исключительно в интересах дворянства. Оно не только не платило налогов, но освобождалось от ряда пошлин на товары. Помещикам предоставлялся государственный кредит.

Внешняя политика Фридриха II соответствовала внутренней политике. Она представляла собою сочетание грубого захватничества с вероломством, интригой и провокацией. Фридрих II стремился использовать международные противоречия: борьбу Англии и Франции, Франции и России, России и Турции, России и Австрии, Австрии и Турции. Особенно не торгуясь, он предложил свои услуги Англии в ее борьбе против Франции. Но он выступал и на стороне последней, когда считал это выгодным. При всех европейских дворах прусские дипломаты прилагали максимум усилий, чтобы создать обстановку, исключающую согласованное противодействие прусской агрессии.

Раздробленность Германии, отсутствие политического единства, представлявшие величайшее зло для немецкого народа, широко использовались Фридрихом. Он не останавливался перед опубликованием ложных воззваний, фальшивых писем, чтобы сеять вражду между германскими феодалами.

В статье «Подвиги Гогенцоллернов» К. Маркс писал:

«Всякий знает, как Фридрих II, творец патриархального деспотизма, друг просвещения, вколачивавший его палочными ударами, продавал с аукциона свою страну французским дельцам; всякий знает, как он, в союзе с Россией и Австрией, совершил над Польшей грабеж, который еще и теперь, после революции 1848 г., остается позорным, не смытым пятном на немецкой истории»¹.

Вступая на престол, Фридрих говорил: «Все мои помыслы направлены лишь на то, как бы увеличить армию...»

Получив в наследство армию в 50 тысяч человек, Фридрих довел ее до 70 тысяч в мирное и до 180—220 тысяч в военное время. Накануне Семилетней войны на содержание армии расходовалось более $\frac{3}{4}$ бюджета — 13 миллионов талеров из 16. Проводя политику, направленную на то, чтобы иметь возможно большую армию, он, как и его предшественники, не считался с моральными качествами набираемых солдат.

Прусская армия комплектовалась рядовым составом путем вербовки наемников. Не менее половины ее составляли иностранцы.

Фридрих чрезвычайно неохотно прибегал к принудительным наборам из населения. Но и рекрутируемые из крестьян прусские

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 387.

солдаты были не более надежными, чем вербованные наемники. В число их попадали, как правило, те, от кого стремились избавиться местные власти и помещики. В своих «основах тактики» Фридрих требовал посылать этих солдат впереди линий в качестве живого щита, «чтобы огонь неприятельский был направлен на них, чтобы они могли в благоприятном случае произвести беспорядок в неприятельских войсках. Нужно при этом помнить, что за ними должна стоять регулярная пехота, которая принудила бы их под страхом расстрела к горячей и решительной атаке»¹.

Комплектование армии из подонков общества и иностранцев (даже подданных враждебных государств и военнопленных) не являлось чем-то неестественным и случайным для фридриховской Пруссии. Наоборот, это был один из принципов прусской военной системы того времени.

Имея к началу силезских войн небольшое население (2¼ миллиона человек), являясь экономически слабой и отсталой страной и все же идя на военные авантюры даже при этих условиях, юнкерская Пруссия стремилась сохранить каждого крестьянина у сохи и каждого ремесленника в мастерских. Прусским милитаристам было невыгодно уменьшать количество налогоплательщиков.

В 1742 г. Фридрих начал комплектовать свои войска таким образом, чтобы $\frac{2}{3}$ каждой роты состояло из иностранцев. В самом начале Семилетней войны, когда прусская армия, неожиданно напавшая на слабую Саксонию, еще не имела существенных потерь, Фридрих приказал включить в войска 18 тысяч пленных солдат.

Офицерский корпус в прусской армии состоял из прусских дворян (юнкеров). На офицерские должности принимались и иностранцы, но исключительно дворяне. Фридрих решительно боролся с проникновением в офицерскую среду лиц недворянского происхождения. Выдвижение солдат в офицеры было совершенно исключено. Такая политика отражала интересы господствующего класса Пруссии, где масса мелких и средних юнкеров, разоряемая в условиях развивающихся товарно-денежных отношений, видела в замещении офицерских должностей жизненно-необходимый источник дохода. Прусское дворянство провозгласило свою привилегию на замещение офицерских должностей «естественным правом». Культивировалась идея, что право быть офицером справедливо принадлежит дворянам потому, что только у дворянства есть «естественные» качества, необходимые для военного руководства.

Прусское бюргерство, не имея сил не только бороться за свое место в армии, но и протестовать, подчинилось.

Буржуазные военные историки не жалеют слов для восхваления фридриховского военно-полицейского режима, при котором в армии процветало казнокрадство; офицеры получали солдатское жалование по фиктивным спискам, преувеличивая численность своих частей. Многие, внося собственных крепостных в списки частей, по-

¹ См. Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, Воениздат, 1940 г., стр. 116.

лучали за них деньги, хотя эти «солдаты» продолжали отбывать барщину.

Наиболее теплым местечком считалась должность командира роты — капитана. Рота самостоятельно снабжалась, что открывало самые широкие возможности стяжания. Военные чины имели по существу неограниченную власть над большинством гражданского населения.

Высшее начальство не только знало об этой системе казнокрадства, произвола офицеров, но явно покровительствовало ей. Сам Фридрих в награду за «заслуги» отдавал своим генералам «на кормление» целые воинские части вместе с районами их расквартирования.

Таковы были военно-полицейские порядки в Пруссии, которая если и отличалась чем-либо от других феодально-абсолютистских государств, то именно тем, что она представляла собой наиболее мрачную казарму. Таковы были солдаты и офицеры прусской армии.

Между ними существовала непроницаемая стена. Унтер-офицеры, пользовавшиеся безграничной властью над солдатами, не сглаживали это различие, а, наоборот, усугубляли его.

Фридрих применил к военному искусству мерзкий принцип иезуитов: для достижения цели все средства хороши. Он использовал сам и рекомендовал другим заведомо преступные средства ведения войны. Фридрих лично сочинял провокационного содержания письма, чтобы подорвать доверие немецких князей к императору, чеканил фальшивые деньги, разжигал в солдатах низменные инстинкты насильников и грабителей.

В своей работе «Пруссаки-каналы» Маркс писал: «В начале 1771 г. целые области прусской Польши были наводнены прусскими наемниками, которые совершали неслыханные грабежи, жестокости, подлости и всевозможные зверства. Голодные каналы не ограничились тем, что грабили по собственной инициативе и по государственному приказу. Они даже взымали с деревень, по заранее составленным спискам, *дань женщинами*, которые принуждались к сожительству с мерзкими прусскими канальями-солдафонами»¹.

Фридрих цинично высмеивал международный обычай объявления войны, считая необходимым совершать неожиданные нападения, не считаясь с наличием мирных договоров и союзнических обязательств.

Он говорил, что войну следует развязывать при любом удобном случае, когда есть надежда осуществить захват. Объясняя, почему он начал войну с Австрией, Фридрих говорил, что к этому его побуждали «полнота казны» и «предивное состояние» его войск.

Идеолог немецкой агрессии начала XX в. Бернгарди, аргументируя свое требование начинать войну без объявления, ссыдался на столь высоко авторитетное для германских милитаристов мнение

¹ Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве, стр. 15.

Фридриха II. Бернгарди цитировал следующее письмо Фридриха к его достойному партнеру — английскому министру Питту: «Без сомнения каждый человек, если он немного благоразумен, не даст противнику времени для подготовки и использует свое преимущество, чтобы его уничтожить. Разве слово агрессор так страшно? Это только чучело, которым можно пугать трусов»¹.

Захваты Фридрих выдвигал как главную цель своей государственной политики. Зная экономическую и военную слабость Пруссии, он в своих «Утренниках» подает советы, преисполненные цинизма: «Есть иные политики, думающие, что государство до некоторой степени достигшее (цели своей агрессии — Л. Л.) не должно распространяться... (но — Л. Л.) всегда должно покушаться и быть удостоверену, что нет ничего для нас неблагопристойного, но только остерегаться надлежит, чтобы не весьма тщеславно выпускать на свет свои требования...»².

Следовательно, предела агрессивным вожделениям нет, захватывай, поработай, грабь народы, но вместе с тем будь осторожен, чтобы тем вернее иметь успех.

Фридрих уделял особое внимание шпионажу. И в этой области он выступил не только как практик, но и как «теоретик».

В своем «Наставлении о военном искусстве» Фридрих отвел особую главу шпионажу, так и назвав ее «О шпионах». В этой главе Фридрих со знанием дела классифицировал шпионов по разрядам, пространно указывал методы их вербовки и употребления в дело. До какой степени этот коронованный организатор шпионажа не стеснялся в рекомендациях методов вербовки шпионов, показывает следующий пункт «Наставления»:

«...Выбрать одного зажиточного мещанина, имеющего жену и детей... под таким видом, что будто он едет жаловаться об учиненной ему обиде; притом надобно ему подтвердить накрепко, что ежели он будучи довольно в неприятельском лагере не возвратится назад, то жену и детей его разрубят в части, а дом его ограбят и сожгут»³. Это указание прусским генералам Фридрих делал, ссылаясь на личный опыт. Политическое коварство Фридрих не только всячески оправдывал, но рассматривал его как главное средство для достижения успеха. Этот мастер агрессии любил повторять: «Политика значит то же, что и плутовство»⁴.

О стратегии прусского государства при Фридрихе II написано очень много. Немецкая военная историография по данному вопросу представлена официальным изданием истории Семилетней войны и многочисленными произведениями группы военных немецких писателей во главе с Бернгарди. Фридриховская стратегия изображается подготовительной ступенью стратегии нового времени, а сам Фридрих — предшественником Наполеона. Таким образом, у немецких

¹ Berngardt, Vom heutigen Kriege, Berlin, 1912, S. 484.

² Утренники короля прусского, писанные им самим, СПб, 1782, Москва, 1803.

³ Наставление о военном искусстве прусского короля, СПб, 1762, стр. 58.

⁴ Утренники короля прусского, стр. 23.

милитаристов получается, что заслуга создания нового военного искусства принадлежит не Суворову, Кутузову, не армии французской буржуазной революции конца XVIII века, а Фридриху II. Однако исторические факты свидетельствуют, что передовое военное искусство конца XVIII и начала XIX вв. не только не продолжало фридриховских традиций, но являлось их прямой противоположностью.

Взгляды Фридриха II на стратегию, как и его полководческая практика, должны рассматриваться в связи с конкретными условиями исторической обстановки.

Способы ведения войн абсолютистскими государствами Западной Европы в тот период определялись мануфактурным производством, ограничивавшим возможности комплектования армий и их оснащения. Вербованные армии стоили очень дорого, но были весьма ненадежны.

Военное искусство абсолютистских монархий переживало кризис. В западноевропейском военном искусстве господствовала тенденция предпочтения обороны наступлению. Полководцы крайне неохотно решались на сражения, предпочитали длительным выжидаем, передвижениями, имеющими целью поставить противника в невыгодное положение, наносить частные удары по отдельным его отрядам, ослабляя и таким образом принуждая его к заключению невыгодного мира.

Моральный фактор полностью игнорировался, солдат считали марширующими и по команде стреляющими автоматами. Военную теорию рассматривали как набор догматов и шаблонов. Все сводилось к составлению подробнейших диспозиций. Причем соотношение сил, обстановка борьбы не учитывались. Стратегия подменялась тактикой. Стратегические вопросы (что, естественно, недопустимо и в тактическом масштабе) стали решаться простым измерением операционных линий, коммуникаций, их взаимной конфигурацией. В военных теориях, в военном искусстве господствовали формализм, схоластика.

Господствующая военная теория Западной Европы того времени, отражая интересы реакционного дворянства, объявила подобные тенденции военного искусства «идеальным состоянием».

Фридрих II был одним из наиболее ярых рутинеров в военном искусстве своего времени. Его планы кампаний, расписанные до мельчайших деталей и на большие сроки вперед, диспозиции, инструкции войскам, как и вся его деятельность, целиком подтверждают это.

Ведя захватнические династические войны, Фридрих не мог рассчитывать на поддержку народных масс. Он боялся (и вполне основательно) участия населения в военных действиях. «Мирный гражданин, — писал он, — даже не должен замечать, что нация сражается»¹. Мысль Фридриха ясна. Нация (а большинство ее

¹ Kriegsgeschichte. Einzelschriften. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe, Berlin, fünfter Band, 1910, S. 494.

составляли крепостные крестьяне и мелкий городской люд) должна была оплачивать войну, неся все ее тяготы, но ни в какой степени не влияя на политику прусского правительства, ведущего грабительские войны в интересах династии и реакционных помещиков.

Боязнь Фридриха придать войне, как писал Меринг, «высшее национально-жизненное содержание»¹ была настолько большой, что он объявлял жителей мятежниками и жестоко наказывал их, если они брались за оружие для самозащиты от мародеров. Отсюда следует, что реальным политическим содержанием стратегии Фридриха II были династические интересы дома Гогенцоллернов и совпадающие с ними узкословные интересы прусских конкеров.

Фридрих стремился усилить Пруссию, увеличить ее владения в интересах династии Гогенцоллернов за счет Германии, путем ее ослабления. «Всемирная история,— говорит Маркс,— не знает второго короля, цели которого были бы так ничтожны! Да и что могло быть «великого» в планах бранденбургского курфюрста, величаемого королем, действующего не во имя нации, а во имя своей вотчины и стремящегося к тому, чтобы на территории этой нации закруглить и расширить свои владения!.. Преобразовать государство и стать во главе его — подобное честолюбие было чуждо Фридриху II»².

Фридрих неоднократно утверждал, что на сражение следует смотреть, как на предприятие невыгодное, опасное, которого лучше избегать. Он уверял, что можно выиграть войну, избегая встречи с главными силами противника, только методом истощения его утомительными маршами, опустошением его территории, захватом баз и уничтожением отдельных отрядов.

В своем «Наставлении», в «Истории Семилетней войны» (которая является сплошной фальсификацией истинных событий), а также в своих многочисленных письмах Фридрих писал, что всегда следует избегать сражений, к которым в большинстве случаев приводит «отсутствие гениальности» у полководцев. Все сражения, прошедшие под его руководством, Фридрих рассматривает как «рвотное».

Итак, Фридрих говорил и об «осторожном» ведении войны, требовал добиваться победы без риска, связанного с большими сражениями. Это означало ведение длительных войн. Но Фридрих не имел оснований рассчитывать на победу в длительной войне, особенно в такой, например, аванюре, как затеянная им Семилетняя война. Поэтому он вынужден был то и дело брать на себя инициативу больших сражений, стремясь «короткими ударами» вывести из строя своих противников одного за другим.

¹ Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, стр. 116.

² Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве, стр. 14.

В своем «Наставлении о военном искусстве» он указывал: «...чтоб наши производимые войны не продолжительны, но коротки были. Не прилично продолжать дело, для того что долговременная война нечувствительно удивительной наш военной порядок испортит, уменьшит только число людей в нашем государстве и истощит наши средства к помощи»¹.

Объяснение стратегии Фридриха II в Семилетней войне, его попыток выиграть войну сначала путем стремительных ударов, а затем путем «маневрирования» следует искать в авантюристической политике Пруссии, стремившейся осуществить широкую программу захватов при недостаточных силах.

Фридрих развязал эту войну с коалицией, явно превосходившей Пруссию по численности армии: в кампании 1757 г. союзники имели больше чем двойное превосходство над Фридрихом II (300 тысяч против 135 тысяч), а к концу войны — больше чем тройное (600 тысяч против 180 тысяч). В отношении материальных ресурсов коалиция превосходила Пруссию в еще большей степени. Попытки использовать противоречия между участниками коалиции не дали Фридриху ожидаемых результатов. Союзница Пруссии — Англия, верная своей традиционной коварной внешней политике, «забыла» о своих обещаниях военной помощи; ни один ее корабль не вышел в Балтийское море. Ограничиваясь субсидированием Пруссии, она тем временем усердно отвоевывала французские колонии.

Фридрих не мог не понимать, с какой интенсивностью время работает против него. Стоило только его противникам мало-мальски согласовать свои действия, и 500—600-тысячное их войско, безусловно, раздавило бы прусскую армию.

Если сличить все высказывания Фридриха о стратегии и подвергнуть анализу его практику, то мы ясно увидим, что в его стратегических взглядах имелись две тенденции: с одной стороны, боязнь решительной борьбы, столкновений с главными силами противника по причине ненадежности армии и скудости ресурсов; с другой стороны, стремление выиграть войну возможно быстрее, нанося «смертельные» удары главным силам противника. Эти противоречивые тенденции были продиктованы агрессивностью и вместе с тем той же слабостью Пруссии, вступившей на путь военных авантур.

Указание Маркса на существо фридриховской внешней политики, как крайне агрессивной и вместе с тем мелочной, ограниченной, раскрывает смысл прусской военной стратегии второй половины XVIII столетия. Это — стратегия алчного, но еще слабого хищника.

Характернейшей чертой прусской тактики была шаблонность. Будучи бесконечно далеким от подлинного понимания взаимозависимости закономерного и случайного на войне, Фридрих в своем «Наставлении» писал о «внезапных случаях» и о «военном сча-

¹ «Наставление о военном искусстве», стр. 121—122.

стве». В то же время он утверждал, что можно предвидеть «...все приключения, которые в войне с генералом случиться могут», и предписывал «правила» для всех случаев боевой действительности.

«Наставление» Фридриха и представляет набор такого рода рецептов, как действовать «при всяком случае». Хотя оно и именуется «Генеральными принципами», но в нем трактуются отнюдь не общие принципы, а преподаются готовые шаблоны на все случаи обстановки¹.

Такие взгляды Фридриха на тактику не были случайными. Они обуславливались всем строем прусского государства — господством в стране кучки юнкеров, вселием чиновничества и безудержной эксплуатацией народа, тиранией королевской власти и захватнической внешней политикой правителей.

Для такого государства нужна была армия, где никто не мог бы осмысленно действовать, а являлся бы только слепым исполнителем того, что приказано и предусмотрено начальством.

Требование «не рассуждать» было лейтмотивом требований Фридриха ко всей армии, в том числе и к ее командному составу. «От офицера до последнего рядового,— писал он,— никто не должен рассуждать, но лишь исполнять то, что приказано».

Таких качеств своих солдат и офицеров Фридрих (как и его предшественники) стремился достичь при помощи муштры и палочной дисциплины.

Муштра практиковалась и в других европейских армиях, но Фридрих до тонкости разработал эту систему. Поэтому в военной истории прусская муштра стала нарицательным термином.

«Учреждение моих войск,— писал Фридрих,— требует неусыпного рачения от тех, которые оными повелевают. Их должно содержать во всегдашней строгости... важное дело состоит в том, чтоб пресечь побег»².

Пресечь возможность дезертирства — этому стремлению подчинялось все вплоть до боевых действий войск. Поэтому ночной бой считался нежелательным, избегались марши по лесным местностям, на походе и отдыхе армию окружали сторожевые посты. Дезертиры, как правило, подвергались смертной казни. Для ловли дезертиров широко привлекались гражданские власти.

Прусская армия была под стражей на учении, на отдыхе, на марше и в бою. Солдаты шли в бой со всех сторон окруженные офицерами, унтерами, отрядами гусар. Самые зверские наказания входили прочно в быт армии. Палка составляла предмет снаряжения унтера.

Но, очевидно, что все эти меры не могли быть достаточными. Чтобы иметь послушную армию, необходимо было выработать в солдате «рефлекс подчинения», привычку к несложным дей-

¹ Сам Фридрих снабдил «Наставление о военном искусстве» тринадцатью такими планами-шаблонами.

² «Наставление о военном искусстве», стр. 1.

ствиям по команде. Поскольку не существовало идеи, которая бы могла воодушевлять солдат в бою, то в них пытались убить живую мысль, желания, побуждения, стремились превратить их в бездушные механизмы. Одиночного обучения солдата не существовало. Обучали действовать только подразделениями, частями и в основном всей армией. Обучение сводилось прежде всего к строевой подготовке и к стрельбе залпами. Стрелять требовали не целясь, не наклоня головы, чтобы не терять равнения. Учили стрелять холостыми патронами. Добивались прежде всего одновременности залпа.

Неудивительно, что прусская армия одерживала победы только над слабым противником. При встрече же со стойким и активным противником она неминуемо терпела поражение, а ее четкие строи обращались в толпу, спасающуюся бегством.

Как и все армии феодально-абсолютистских государств, прусская армия применяла линейную тактику. Но особенность фридриховской линейной тактики заключалась в том, что в ней сочетались все пороки линейного боевого порядка.

Линии стали идеально ровными, но управлять ими было очень трудно. Исчезла возможность поддержки из глубины. Резерв потерял свой смысл и был сохранен Фридрихом лишь в полицейских целях (гусары должны были заставить наступать основные войска). Фридрих не сумел решить один из важнейших вопросов современного ему военного искусства — сочетание огня и удара в штыки.

В одних случаях наступление рассматривалось Фридрихом как методическое продвижение линий, во время которого должен был вестись залповый огонь; причем предполагалось, что наступление завершается штыковым ударом. В других случаях он требовал от войск наступать, маршируя без выстрела. Но и в том и в другом случае тактика Фридриха не выдерживает критики. Фридриховская пехота вела неприцельный огонь. Целиться категорически воспрещалось. Очевидно, что эффективность таких залпов из гладкоствольного ружья была очень низка. Залповый огонь был рассчитан на то, чтобы оказать моральное воздействие на собственные войска, удержать своих солдат в линиях, а также на то, чтобы запугать противника и заставить его бежать. Бесприцельные залпы не подготавливали штыкового удара. Ставка же на устрашение противника одним видом прусского марша оказывалась еще более несостоятельной.

Таким образом, прусскому королю не удалось разрешить проблему сочетания огня и удара в штыки. Это решение, как известно, было найдено в России новатором военного искусства великим полководцем и теоретиком Суворовым. При обучении войск он требовал: «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко...», «...всякая стрельба кончается штыками...», «...каждый целит одиночкою...»¹.

¹ Генералиссимус Суворов, Госполитиздат, 1947, стр. 79, 96, 100, 102.

Для понимания тактических воззрений Фридриха II немаловажное значение имеет его отношение к новой, зарождающейся тактике. Он игнорировал рассыпной стрелковый строй, опыт применения Румянцевым егерей под Кольбергом.

Тактика прусской армии при Фридрихе II вполне соответствовала его авантюристической стратегии.

Путем муштры и плац-парадной подготовки войск он добился того, что его армия совершала сложные перестроения, развертывалась в линии и, отбивая шаг и поддерживая равнение, шла на противника со скоростью 75 шагов в минуту.

Инициатива частных начальников была полностью парализована прикованностью их войск к своему месту в линии. Но Фридрих и делал ставку на механическую, нацеленную в одном направлении силу удара массы.

Противоположное, прогрессивное решение вопроса об инициативе не только частных начальников, но и солдат, дал великий Суворов. «Всякий част[ный] начальник,— писал он в одном из своих приказов,— толико расторопен и в полном присутствии духа, что при начале боя не ожидает никакого повеления от высшего командира, ниже имеет время его чем доложитца и только его о происшествиях извещает»¹. В другом приказе Суворов требовал: «Каждый воин должен понимать свой маневр»².

Порочной была и тактика прусской конницы. Вся подготовка кавалерии преследовала одну весьма определенную цель — научить всю конную массу армии, в предельно сомкнутых строях (колени в колени), на карьере атаковать пехоту противника. 15—20 тысяч всадников, примыкая к пехоте, строились в виде продолговатого (по фронту) прямоугольника таким образом, что ни один всадник не мог произвольно управлять лошадью. Удар наносился всей этой плотно построеной кавалерией. Основную массу конницы составляли кирасиры (тяжелая конница). На гусар возлагалась задача атаки на флангах всей армии. Причем на внешнем фланге строился полк гусар в составе десяти эскадронов. Часть гусар выделялась в общий резерв для того, чтобы заставить войска сражаться, т. е. этот резерв выполнял задачи военной полиции. Приводя к неоправданным потерям, такие атаки, как правило, не достигали своей цели.

В армии Фридриха II на каждую тысячу солдат приходилось по 5—6 орудий. Однако Фридрих питал явное недоверие к этому роду войск, так как артиллерия не укладывалась в его шаблонной тактической схеме.

Итак, Фридрих довел линейные боевые строи до окостенения. Он полностью ликвидировал прерывчатость линий, запрещал малейшее нарушение темпа движения и прицельную стрельбу, культивируя залповую стрельбу, которая была рассчитана лишь на

¹ Генералиссимус Суворов, стр. 98.

² Там же, стр. 108.

создание внешнего эффекта. Как уже указывалось, главная причина этого заключалась в ненадежности солдат прусской армии, в реакционной внутренней и агрессивной внешней политике.

Прусская военщина пыталась вытравить мысли и чувства солдата и превратить его в мерно двигающуюся, марширующую и стреляющую машину.

В военно-исторической литературе встречаются утверждения, что Фридрих II дополнил линейную тактику фланговым маневром — «косой атакой». Однако исторические факты свидетельствуют о том, что не Фридриху принадлежит первенство в решении этого вопроса. Он был решен до Фридриха русским военным искусством. Петр I творчески развивал все области военного искусства и в частности линейную тактику. Боевой порядок в русской армии приобрел глубину, выделялись крупные резервы, большое внимание уделялось увеличению подвижности войск. Петр I вводит в практику военного искусства такой вид боевой деятельности, как преследование разгромленного врага для полного его уничтожения. Уделяя большое внимание маневру на поле боя, Петр I разработал и фланговый маневр. Причем он предусматривал и контрманевр в тех случаях, когда противник наносит удар по одному из крыльев боевого порядка.

В своей инструкции «Собственноручные для битвы правила» Петр I указывал: «Также накрепко надобно смотреть, чтоб друг другу секундовать, и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу во фланг атаковать».

Что же касается фридриховской «косой атаки», то переход к ней означал не развитие линейной тактики, а ее шаблонизацию.

Сущность такой атаки заключалась в том, что независимо от обстановки несколько десятков тысяч войск выстраивались всегда в две-три линии на виду у противника. Затем вся эта неуклюжая масса подводилась к одному из флангов вражеской армии, чтобы обрушиться на него и этим решить исход боя в свою пользу.

* * *

Как известно, основными причинами возникновения Семилетней войны являлись, с одной стороны, борьба Англии и Франции за колонии и, с другой стороны, соперничество Австрии и Пруссии из-за гегемонии в Германии.

В результате длительной дипломатической борьбы сложились две коалиции: англо-прусская и франко-австро-русская. Англия, вступившая в военный союз с Фридрихом II, существенной помощи Пруссии не оказала, если не считать довольно скудных субсидий, выделенных ею прусскому королю. Но зато, связав Францию с помощью Пруссии на континенте, Англия с полным напряжением сил повела борьбу за французские колонии.

Несмотря на то, что франко-австро-русская коалиция была связана определенными интересами, между союзниками существовали большие противоречия. Франции было выгодно лишь некоторое

ослабление Пруссии. Австрия же хотела устранить последнюю как конкурента в борьбе за господство в «Священной Римской империи германской нации». Наряду с этим Франция и Австрия не желали усиления России. Расхождение политических интересов союзников сказалось как на их стратегических планах войны, так и на ведении самой войны.

Фридрих начал войну в 1756 г. вероломным нападением на слабую Саксонию и имел здесь успех.

Для действий прусской армии в кампании 1757 г. было характерно то, что уже тогда стала проявляться порочность стратегии Фридриха II, сосредоточившего свои основные усилия на борьбе с Австрией и Францией, но недооценившего военной мощи России. Авантюристический характер его стратегии наиболее ярко выявился именно в военных действиях против России.

Несмотря на то, что русская армия начала войну, имея недоукомплектованные дивизии и недостаточно устроенный тыл, она 17 июня 1756 г. осадила Мемель, который 24 июня капитулировал. 20 июля русские войска вступили в Тильзит и через девять дней — в Инстербург.

В 20 числа июля русские войска возобновили дальнейшее движение в глубь Восточной Пруссии. Местные прусские власти в панике бежали. Удар в направлении Фридрихсбург — Кенигсберг позволил бы занять столицу Восточной Пруссии, овладеть портом Лабиау и обеспечить этим снабжение армии с моря. Однако командующий русской армией, бездарный царедворец Апраксин, не сумел использовать обстановку, потерял время на стягивание всех сил, а затем стал двигаться на Заалу. Выяснив, что противник имеет сильно укрепленные позиции, Апраксин изменил направление движения русской армии и повернул ее на Алленбург. Достигнув р. Прегель, он перешел на ее западный берег и расположил свои войска в лесистой местности у деревни Гросс-Егерсдорф.

У этой деревни русская армия и была 30 августа атакована группировкой Левальда. Несмотря на внезапность, эта атака оказалась безуспешной. Русские не только выдержали натиск, но затем сами перешли в наступление и наголову разбили пруссаков. Решающую роль в этом сражении сыграла дивизия талантливого генерала П. Румянцева.

Бой под Гросс-Егерсдорфом произошел при выгодном для русских соотношении сил (70 тысяч русских войск против 25 тысяч прусских). Однако условия, в которых начался этот бой, сводили на нет численное превосходство русской армии. Вследствие плохой разведки русская армия была атакована внезапно. Растянутые на лесных дорогах войска вводились в бой по частям. Апраксин не руководил боем, судьбу его решили инициатива офицеров и прославленная стойкость русских солдат.

Бой у деревни Гросс-Егерсдорф протекал следующим образом. Командующий прусской армией Левальд, торопившийся использовать выгодную для себя обстановку, не организовал разведки

и приказал атаковать русские части во фланг по всем правилам Фридриховской «косой атаки». Удар пруссаков пришелся по центру боевого порядка русских. Атака врага была отбита Московским гренадерским полком.

Вторую атаку прусской армии малочисленные в данном пункте русские войска не смогли сдержать, и их фронт был прорван. Прусская пехота стала заходить в тыл 2-й русской дивизии, которая начала отступать. В этих условиях прусские войска получили возможность атаковать остальные русские войска на дороге при выходе их из леса, не дав им развернуться в боевой порядок.

Русская армия оказалась в тяжелом положении. П. Румянцев, дивизия которого в это время находилась на биваке, проявил инициативу, решив контратаковать противника. Отрывочные сведения об обстановке, которые ему удалось добыть, позволили талантливому командиру принять правильное решение — нанести удар по вражеским войскам, вклинившимся в центр боевого порядка русских.

Он быстро повел свою дивизию через лес, затем построил ее на опушке и атаковал противника во фланг и тыл. Это сразу же изменило обстановку, дало возможность отступавшим русским частям также перейти в контратаку. Все части, которые удалось ввести в бой, сражались самоотверженно. (В бою приняло участие не более трети русской армии.) Особенно отличились донские казаки, действовавшие на левом фланге. Отступая перед прусской кавалерией, они завлекали ее под огонь русской пехоты и артиллерии, а затем, когда кавалерия противника обратилась в бегство, успешно преследовали, кололи и рубили ее. Поражение прусской армии, которая была столь близка к успеху, было полным. Решающими условиями победы русской армии были стойкость русских солдат, смелое, инициативное решение П. Румянцева, верно определившего направление и момент контратаки, инициативные действия ряда командиров частей.

Шаблонность действий была одной из причин поражения прусской армии под Гросс-Егерсдорфом. «Косая атака» удавалась Фридриху II лишь благодаря ошибкам противника или случайному стечению особо благоприятных обстоятельств. Если же этого не было, то прусская армия терпела неминуемое поражение. Подтверждением этого могут служить многие примеры из практики. Так, под Прагой (6 мая 1757 г.) Фридриху II удалось разбить австрийцев только потому, что они действовали крайне пассивно. При этом Фридрих II сам потерял почти четвертую часть своей армии, и победа к тому же была незавершенной.

18 июля 1757 г. под Колином в бою с той же австрийской армией прусский король потерпел крупное поражение. На этот раз шаблонный фланговый маневр пруссаков был замечен противником. Австрийцы, расположившиеся фронтом на север, своевременно перестроили свои войска фронтом на запад, подвели войска к флангу, над которым нависла угроза, и парировали удар. Встретив сопротивление, прусская пехота скоро оказалась неспособной

к дальнейшему наступлению и, нарушив свой «великолепный» строй, обратилась в бегство.

Под Росбахом (5 ноября 1757 г.) Фридрих II разбил французскую армию и войска «имперцев» (баварские войска и войска других немецких князей) только потому, что их руководство допустило грубейшую ошибку. Предприняв маневр без разведки и охранения, союзное командование дало возможность пруссакам, построившимся в боевой порядок, атаковать войска французов и «имперцев» на марше, в голову колонны.

Победа Фридриха II под Лейтеном была обусловлена бездарностью, пассивностью и беспечностью австрийского командования. Расположив свои войска на растянутой 7-километровой позиции тылом к ручью Вестриц, оно не организовало ни разведки, ни охранения. Вследствие этого прусские войска беспрепятственно приблизились к австрийским позициям, выстроились в боевой порядок и перешли в атаку. Австрийское командование начало перестраивать боевой порядок лишь тогда, когда пруссаки ворвались в расположение оборонявшихся. Причем перестроение боевого порядка было больше выгодно для противника, чем для самих австрийцев, так как их войска в результате этого сгучились в беспорядочную массу на узком участке. В самый напряженный момент боя австрийская кавалерия отступила и оголила правый фланг своей пехоты, которая в панике начала отступать под натиском кавалерии противника. Следует отметить, что ударная сила прусской пехоты была истощена еще задолго до конца боя, но австрийское командование не сумело воспользоваться этим благоприятным обстоятельством.

Немецкие милитаристы и их единомышленники в США и Англии ничего не писали и не пишут о поражениях Фридриха II, но они то и дело прославляют его победу при Лейтене как «образец» «генерального сражения», называя это сражение «классическими Каннами». Между тем факты неопровержимо свидетельствуют о том, что успех под Лейтеном не дал Фридриху II крупного стратегического выигрыша, не доказал правомерности шаблонной «кой-сой атаки», которая удалась лишь вследствие ошибок противника.

Итак, уже в ходе кампании 1757 г., несмотря на благоприятные для Пруссии условия ведения боевых действий, стали сказываться органические пороки фридриховского военного искусства. Пороки эти в еще большей степени проявились в последующие годы.

В кампании 1758 г. Фридрих действовал еще более авантюристически.

После отхода русских из Восточной Пруссии в августе 1757 г. он присоединил войска Левальда к войскам, действовавшим против Австрии и Франции, полагая, что зимой русские войска не смогут возобновить боевые действия. Однако в январе 1758 г. русская армия начала наступать. Несмотря на некомплект в войсках и сильные морозы, наступление шло успешно. 2 января отряд, которым командовал П. Румянцев, занял Тильзит, а уже 11 января русская армия вступила в Кенигсберг.

Оккупация русской армией Восточной Пруссии оказала огромное влияние на последующий ход войны: с падением Кенигсберга открылась дорога в Померанию и Бранденбург. Однако успехи русской армии обеспокоили не только Фридриха II, но и союзников России, которые не хотели ее усиления.

В мае русские войска переправились через Вислу и начали новое наступление. Появление русских у Кюстрина вынудило Фридриха II, оставив часть войск в Силезии, поспешить с главными силами на выручку своей столицы.

14 августа у деревни Цорндорф произошло крупное сражение между русской армией (42 тысячи человек при 240 орудиях) и прусской (32 тысячи при 116 орудиях). Существовала договоренность, что русские и австрийские войска должны одновременно нанести удар армии Фридриха II при подходе ее к Кюстрину. Тем не менее австрийское командование не выполнило своих обязательств. К тому же положение русских войск было не блестящим. Дивизия Румянцева, который до этого получил задачу действовать в направлении Шведта, оказалась изолированной от главных сил и не приняла участия в бою. Совершенно неудовлетворительным было руководство войсками со стороны русского командующего Фермора и его штаба. Не принимая решения на наступление, слишком полагаясь на подход союзных австрийских войск, главнокомандующий изматывал войска бессмысленными маршами. Решив обороняться, Фермор не позаботился о выборе выгодной позиции, в результате чего накануне боя русские войска оказались отрезанными от своего укрепленного лагеря.

Судьбу сражения под Цорндорфом решили стойкость русских войск и инициатива русских офицеров. Шаблонная «косая атака» Фридриха II, упорно им повторяемая, не удалась. Как всегда, Фридрих II начал атаку с артиллерийского обстрела русского правого крыла. Русская артиллерия ответила противнику интенсивным огнем. «...В исходе 11 часу из мелкого ружья огонь загорелся, ибо неприятель наш правой фас... атаковал, откуда храбростью солдат скоро разбит и прогнан до второй его линии,— в то же самое время генерал-майор Демику с кавалерией неприятельское левое крыло с такою храбростью атаковал, что, первую линию опровергнув и два полка пехотные изрубив, на вторую напал...»¹.

Удачную атаку русской конницы поддержала пехота. Но Фермор не развил успеха остальными войсками, и Фридриху II удалось восстановить положение, хотя его «косая атака» и потерпела крах. Фридрих II предпринял еще одну, теперь уже фронтальную атаку. Прусская армия вновь была контратакована и отброшена с большими потерями. «Отступившие наши пехотные полки, подкреплены будучи другими, вновь неприятеля прогнали»,— сообщает «Журнал военных действий»², подчеркивая, какую большую роль и на этом

¹ Семилетняя война. Сборник документов, Воениздат, 1948 г., стр. 332.

² Там же.

этапе боя сыграла русская артиллерия, которая сильным картечным огнем содействовала контратакующей пехоте.

Сражение закончилось в 7 часов вечера. Обе стороны понесли тяжелые потери, не достигнув, однако, победы. Не принесла Фридриху II успеха и его попытка обойти на другой день правый фланг русской армии. Убедившись в невозможности разбить русских, он отошел.

Сражение под Цорндорфом еще раз подтвердило, что «косая атака» — шаблонный прием, непригодный для действий против стойкой армии. Очевидец сражения, адъютант Фридриха II де Катт записал в своем дневнике, что «с русским гренадером нельзя сравнить ни одного солдата».

Многие русские офицеры, проявляя в действиях под Цорндорфом разумную инициативу, опрокидывали шаблоны прусской тактики. Но вместе с тем это сражение вновь показало непригодность командующих типа Фермора, бездеятельность которого граничила с предательством.

С наступлением зимы Фермор отвел войска на зимовку за Вислу, оставив, таким образом, всю территорию, занятую русской армией летом 1758 г.

Порочность военного искусства Фридриха наиболее полно вскрылась в Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 г.

12 июля русские войска разбили армию Веделя и стали наступать в направлении Франкфурт — Берлин. Это заставило Фридриха II вновь поспешить на восток. Собрав армию в 48 тысяч человек при 200 орудиях, он атаковал 1 августа 60-тысячную армию Салтыкова (41 тысяча русских и 18 500 австрийцев при 248 орудиях) у деревни Кунерсдорф, но сам был наголову разбит. Прусские войска в панике бежали. Паникой были охвачены не только прусские войска, но и сам Фридрих II, писавший своему министру Финкенштейну: «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня нет больше власти над этими людьми... Жестокое несчастье. Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня больше нет никаких средств, и сказать по правде, я считаю все потерянным»¹.

Сражение под Кунерсдорфом, как решающее сражение Семилетней войны, является наиболее поучительным и интересным. Кунерсдорфская победа имела весьма большое стратегическое значение, так как в этом сражении силы Пруссии были подорваны. В 1759 г. Пруссия имела примерно 220 тысяч войск, тогда как объединенные силы коалиции насчитывали 450 тысяч. Русские войска находились в 110 км от Берлина.

Фридрих II, который раньше недооценивал силы России, вынужден был признать, что она — наиболее грозный и опасный противник, и теперь стремился разбить в первую очередь русскую армию.

¹ Politische Korrespondenz Friedrich des Grossen, B. XIII, S. 481.

Фридрих II привел к Кунерсдорфу лучшие части своей армии. Прусская армия подходила с запада; затем, в соответствии со своим обычным шаблонным приемом — «косой атакой», она совершила маневр вне поля боя, форсировала Одер выше Франкфурта и, обойдя русских с востока и юга, атаковала их левое крыло. Стоявшие там пять русских полков, недавно укомплектованные молодыми рекрутами, оказали сопротивление, но под натиском превосходящих сил противника вынуждены были оставить занимаемую ими высоту.

Захватив высоту на левом фланге русских, Фридрих II получил местный успех, но, введя здесь в бой всю свою пехоту, вскоре утратил инициативу. Его скученные на небольшом участке войска несли большие потери от артиллерийского огня русских. Командующий русской армией генерал П. С. Салтыков методично наращивал силы, подтягивая резервы.

В реляции от 2 октября 1759 г. Салтыков писал: «... неприятель двумя батареями завладел, лаская себя на сем крыле победою и полученным вначале авантажем столько пользоваться искал, что во всей его армии ни одного полку не осталось, который бы для подкрепления его атаки подвержен не был»¹.

Теперь, как заявил далее Салтыков, «можно было почитать баталию одержанною»². Все попытки Фридриха добиться успеха разбивались о стойкость русских войск.

Не добившись успеха на левом фланге русских, Фридрих принял отчаянные попытки опрокинуть центр их боевого порядка. После сильного артиллерийского огня прусская пехота перешла здесь в атаку. Румянцев, командовавший здесь группой русских войск, умелым расположением своих частей создал на высоте Большой Шпиц непреодолимую для врага преграду. Прусская пехота, подгоняемая гусарами, пыталась во что бы то ни стало сбить части Румянцева с высоты. Но, несмотря на большие потери, русские не сделали ни шагу назад. Вражеская атака не имела успеха. В отражении этой атаки большую роль сыграла русская артиллерия, которая нанесла большие потери пехоте и кавалерии Фридриха II. Особенно эффективным был огонь новых гаубиц, превосходивших своими боевыми качествами орудия всех западноевропейских армий. «Наша артиллерия, — доносил командующий Салтыков, — особенно же большая посредине армии из новоинвентованных орудий и шуваловских гаубиц устроенная батарея, великой неприятельской кавалерии и супротивных им батареям вред причиняла и кавалерии в намеряемой с той стороны атаке воспрепятствовала и несколько у неприятельских батарей пушек сбила и повредила...»³.

Повторные атаки не дали никаких результатов, хотя Фридрих ввел в бой свои лучшие части. Наконец, он решил бросить на

¹ Масловский, Русская армия в Семилетнюю войну. Приложение к 4-му выпуску, стр. 22.

² Там же.

³ Семилетняя война, Сборник документов, Воениздат, 1949 г., стр. 488.

высоту Большой Шпиц кавалерию Зейдлица. Эта атака, стоившая ему огромных потерь, также была безуспешной. Расстроенная прусская кавалерия была атакована во фланг русской и австрийской кавалерией. Затем последовала общая контратака русской армии, в результате которой армия Фридриха, понеся большие потери, обратилась в бегство.

Впоследствии Фридрих II признавался, что он «рассчитывал на слабость и глупость противника».

В отличие от западноевропейских армий, которые могли действовать лишь на равнинной местности, русская армия могла вести бой на любой местности. Учитывая эти обстоятельства, Салтыков избрал для своих позиций пересеченную местность, стремясь создать этим большие трудности для фридриховской армии с ее плац-парадной тактикой.

Прусский же король не позаботился ни изучить местность, ни сообразовать свои действия с ее особенностями. «Косая атака» была применена Фридрихом II по всем разработанным для нее «правилам». Но, придерживаясь такой тактики, нельзя было разбить стойкую и хорошо управляемую армию.

Таким образом, в сражении под Кунерсдорфом было еще раз доказано, что фридриховская шаблонная тактика несостоятельна, что его «косая атака» представляет собой искусственный прием, рассчитанный лишь на особо благоприятные условия (слабое сопротивление противника). Тем не менее и в дальнейшем Фридрих II (как и его последователи) не отказался от своей шаблонной тактики, не изменил своей системы обучения и воспитания войск.

Энгельс писал: «...Фридрих положил основание тому педантизму и муштре, которыми с этих пор отличались пруссаки, и этим действительно подготовил их к беспримерному позору Иены и Ауэрштедта»¹.

В сражении под Кунерсдорфом встретились главные силы русской и прусской армий. «Косой боевой» порядок Фридриха II оказался порочным, так как все атаки пруссаков разбились о стойкость русских войск, которые проявили высокую боеспособность, умение маневрировать в бою пехотой, конницей и артиллерией. Выиграв сражение, русская армия поставила прусского короля перед катастрофой.

Салтыков, а также Румянцев, части которого оказались на наиболее угрожаемом участке, показали образцы управления войсками для своего времени. И если русская армия не смогла использовать победу под Кунерсдорфом для окончательного разгрома Пруссии, то это объясняется главным образом тем, что Австрия, боясь усиления России, всячески саботировала планы коалиции и препятствовала их осуществлению. Австрийские и французские представители в Петербурге затеяли переговоры, на кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 486.

рые ушли месяцы, и кампания 1759 г. вновь не принесла полной победы над Пруссией, хотя разгром ее армий под Пальцигом и Кунерсдорфом создал для этого все необходимые предпосылки.

28 сентября 1760 г. русские войска овладели Берлином, чем нанесли Пруссии новое огромное поражение.

Кампания 1761 г. ознаменовалась блестящим успехом русских войск при взятии Кольберга, мощной для того времени прусской военно-морской базы на Балтийском море. В осаде и штурме сильно укрепленного города и порта Кольберга русское военное искусство обогатилось новым ценным опытом. Один из основоположников русского военного искусства, генерал П. А. Румянцев противопоставил под Кольбергом прусской авантюристической стратегии и шаблонной тактике трезвый расчет сил и новые тактические формы борьбы.

Румянцев в короткие сроки и в условиях боевой обстановки сумел подготовить свои войска к штурму крепости, а также найти новые формы ведения боевых действий, которые обеспечили ему успех. Он сформировал легкие подвижные бригады, каждая в составе двух пехотных полков и гренадерского батальона.

Крупным достижением военного искусства была идея Румянцева о действиях колоннами, претворенная в жизнь под Кольбергом. В инструкции генералу И. Еропкину Румянцев писал 24 июня 1761 г.: «Единственно надобнейшее заключаю быть строение колонны и из оных как фронта, так и поворотов оных, по случаю и времени... Сие построение колонн и фронта часто может случиться в самом огне и для того нужно солдат приучать стрелять, не садясь на колени, но токмо перекося ряды...»

Во второй половине сентября корпус Румянцева осадил Кольберг, а флот блокировал его с моря. В свою очередь прусское командование сделало ряд попыток деблокировать Кольберг. С этой целью в начале сентября к Трептову выдвинулся отряд генерала Вернера (2000 кавалеристов, 300 пехотинцев, 6 орудий).

Румянцев приказал полковнику Бибикову с 800 гренадерами атаковать отряд Вернера. Одновременно войска осадного корпуса атаковали левый фланг укрепленного лагеря, не дав его гарнизону возможности оказать помощь Вернеру.

Атака гренадеров Бибикова увенчалась полным успехом. Прогривник, имевший трехкратное численное превосходство, был разгромлен, потеряв 600 человек убитыми и 500 человек пленными, причем был захвачен в плен сам генерал Вернер.

Блестящий успех отряда Бибикова объясняется в значительной мере тем, что русские гренадеры действовали против прусских линий, будучи построены для атаки в батальонные колонны. Таким образом, 12 сентября 1761 г. под Трептовом русские впервые в истории военного искусства применили тактику колонн.

Не менее важным шагом вперед в военном искусстве было то, что Румянцев впервые в истории сформировал батальоны егерей, которые обучались действовать в рассыпном строю в лесах, насе-

ленных пунктах и т. д. 18 августа 1761 г. Румянцев приказывал: «...за благо и полезно нашел, собрав охотников, два батальона для употребления с легкими войсками... облегчить их во всем, и именно: шпаги оставить, а вложить в портупей штыки... (действовать) в лесах, деревнях и на полях... В маршах... всегда наступно следовать за легкими войсками, а при ретиреде закрывать оные и артиллерию очищать, а особливо при дефилеях закрывать, напротив, и легкие войска должны ваши крылья и фланги закрывать, и во всех сих подобных случаях взаимно одним другим спомоществовать и не оставлять»¹.

Перед этой тактикой колонн и рассыпного строя прусская шаблонная линейная тактика оказывалась бессильной. Интересно отметить, что в западноевропейских армиях тактика колонн и рассыпного строя начала применяться лишь с конца XVIII в.

16 декабря Кольберг капитулировал. Сопrotивление Пруссии было сломлено. «Как суров, печален и ужасен конец моего пути, — писал Фридрих II. — Я не могу избежать своей судьбы; все, что человеческая осторожность может посоветовать, все сделано, и все без успеха. Только судьба может меня спасти из положения, в котором я нахожусь»².

Но Фридрих II и в данном случае извращал факты. Разгром Пруссии был естественным итогом ее авантюристической политики. Ей не помогли ни интриги, ни коварство, ни разногласия в лагере коалиции, противостоявшей Пруссии.

Русская армия, нанеся пруссакам ряд поражений, поставила Пруссию перед катастрофой. Пруссия стремилась во что бы то ни стало заключить мир. От гибели ее спасло лишь то, что после смерти Елизаветы на русском престоле оказался голштинский принц, получивший имя Петра III, который не только прекратил войну против Пруссии, но и заключил союз с Фридрихом II.

Вслед за Россией заключили мир с Пруссией Швеция, Австрия и Франция. После заключения мира установилось существовавшее до войны «равновесие в Европе». Выиграли от войны главным образом Англия, захватившая ряд французских колоний, и Пруссия, закрепившая за собой Силезию. Следует, однако, отметить, что война сильно истощила Пруссию, которая теперь уже не могла угрожать России, хотя опасность новой агрессии реакционных сил Пруссии в Европе не исчезла.

Семилетняя война оказала большое влияние на развитие военного искусства. Будучи крупным историческим испытанием для вооруженных сил и военного искусства главных государств Европы во второй половине XVIII в., эта война показала необходимость перехода к новым формам стратегии и тактики, преодоления устарелого феодально-абсолютистского военного искусства.

Новые пути в области военного искусства прокладывала русская армия.

¹ Семилетняя война, Сборник документов, стр. 771, 772.

² Там же, стр. 8.

Русское военное искусство доказало свое превосходство над прусским военным искусством. Война вскрыла полную несостоятельность последнего.

Обанкротилась авантюристическая в своей основе стратегия Фридриха II, сочетавшая в себе бессмысленное «маневрирование» с попытками нанесения «смертельных» «коротких ударов»; обанкротилась прусская шаблонная тактика, нашедшая свое завершение в фридриховской «косой атаке».

Не только военное искусство, но и вся система взглядов Фридриха, вся военная организация Пруссии оказались порочными. Война выявила низкие моральные и боевые качества прусской армии. Но, конечно, военная идеология Пруссии полностью разоблачена не была и не могла быть разоблачена, так как против Пруссии выступали в социально-политическом отношении однотипные абсолютистские государства, коалиция которых к тому же ослаблялась острыми противоречиями.

Германская военщина не сделала из поражения Пруссии в Семилетней войне, из этих исторических уроков правильных выводов. Не сделали таких выводов реакционеры и в других странах. До сих пор военные идеологи США и Англии продолжают использовать порочные идеи патриарха прусского милитаризма Фридриха II.

В последующем Восточная Пруссия продолжала оставаться плацдармом агрессии, форпостом германского империализма, очагом реакционнейшего милитаризма.

Лишь победа Советского Союза над фашистской Германией и ее вооруженными силами полностью вскрыла несостоятельность агрессивной прусско-германской военной идеологии и военного искусства, одним из источников которых были реакционные взгляды Фридриха II.

После Семилетней войны отношение к фридриховской военной системе и военному искусству стало предметом острой борьбы между реакционными силами, с одной стороны, и новаторами военного искусства — с другой. Реакционные силы видели в прусской военной идеологии и военной политике свои сокровенные мысли, свою собственную политику.

В борьбе против пруссачества особая роль принадлежит генералиссимусу Суворову, который оставил после себя богатое практическое и теоретическое наследство. В «Науке побеждать» просто и ясно изложено суворовское понимание военного искусства.

«Искусство военное. Три воинские искусства. П е р в о е — *глазомер*... для занятия местоположения, примерного суждения о силах неприятельских, для узнания его предприятий. В т о р о е — *быстрота*... Т р е т ь е — *натиск*»¹.

В этих немногих словах все обращено против фридриховского военного искусства, отрицавшего инициативу подчиненных, требо-

¹ А. В. Суворов, Наука побеждать, Воениздат, 1944 г., стр. 23—26.

вавшего действовать всегда по определенному шаблону и недооценивавшего противника.

Полководческое искусство Суворова, в частности, включало и применение решительного маневра на охват и обход противника. «Отрезывать», «окружать» было одним из важнейших требований Суворова. Но, в отличие от Фридриха, полководец-новатор Суворов подходил к вопросу о маневре не формально, а творчески, он не видел в маневре «универсального средства» победы, не ограничивался охватом, а широко применял и многие другие формы маневра, избирая их всегда применительно к условиям обстановки. И к фланговому маневру Суворов требовал подходить творчески. И его указания соответствовали условиям эпохи. «Неприятеля можно отрезать,— писал Суворов австрийскому генералу Гадеку 25 мая 1799 г.,— только с превосходным числом войска, иначе сам будешь отрезан им. Но другое дело атаковать его с тылу. Тогда и с малым отрядом можно отрезать его и принудить к сдаче. Будучи победителями, вы остановились... Вы должны были, разбив неприятеля, преследовать его; в подобном случае можно и с малым отрядом отрезать противника»¹.

10 июня 1799 г., преследуя отступающие после поражения на реке Трещини французские войска, Суворов получил сообщение с появлении авангарда армии Моро в своем тылу. Суворов принял решение разгромить армию Моро (20 тысяч человек), зажав ее в клещи между главными силами (24 тысячи человек) и войсками Бельгарда (11 тысяч человек), расположенными в районе Александрии.

23 июня 1799 г. Суворов писал Бельгарду: «Мы оба могли бы 26 числа поставить неприятеля между двух огней в стороне Сен-Жельямо или Боско и если бы он дождался, уничтожить его. Вот наш комбинированный маневр. Я надеюсь на вас, положитесь на меня»².

Моро спасся на этот раз от разгрома поспешным отступлением.

Для мануфактурного периода войны взгляды Суворова на охват и окружение были безусловно правильными, творческими и прямо противоположными фридриховскому формализму.

Суворов, решительно выступив против прусских взглядов на военное дело, не остановился перед оппозицией к военной политике венценосного поклонника пруссачества Павла и его приспешников.

«Русские прусских всегда бивали — что же тут перенять»,— говорил Суворов, указывая на банкротство прусского военного искусства на практике.

Об убожестве фридриховского военного искусства убедительно писал в свое время декабрист Муравьев, иллюстрируя свои высказывания историческими фактами.

В 1759 г., простояв четыре месяца в лагерях у Ландсгута и Шлютзенфена, Фридрих не воспользовался ошибками противника,

¹ ЦГВИА, ф. 43, оп. 2, д. 1490, л. 15.

² Там же, д. 1512, л. 16.

который разбросал свои силы. В следующем году он подставил под удар корпус генерала Фукта, который был уничтожен на виду у прусской армии. Имея в виду именно этот случай, Муравьев писал: «Суворов не послал бы без всякого повода на жертву 17-тысячный отряд в тыл 100-тысячной армии; он не был бы хладнокровным свидетелем его истребления на расстоянии одного перехода... Но чрезмерные панегиристы прусского монарха удивляются и тому, что он дал на себя врасплох напасть под Гохкирхеном. Стратегия Суворова, которая характеризуется быстротой и решительностью движений, бесспорно превосходит стратегию Фридриха»¹.

Критикуя тактику Фридриха, Муравьев столь же убедительно показал превосходство суворовской тактики: «Но наш полководец не хотел входить в тонкости прусской тактики: он почитал ее, конечно, искусственной и часто неудобной для исполнения. Во-первых, должно иметь дело с неподвижным противником, который бы дал время почти все силы устремить на одно крыло... во-вторых, маневр сей... несомнителен против врага уступчивого, становится опасным, когда имеет дело с упорным неприятелем. Тонкие строи... бывают уже не в состоянии тогда опрокинуть (неприятеля) и подвергаются опасности самим быть расторгнутыми»².

Н. Муравьев был одним из первых, кто отстаивал приоритет великого русского полководца Суворова в создании важнейших элементов нового военного искусства в конце XVIII века: «Надлежит иметь битвенный порядок, который был бы надежнее, сильнее и удобнее к движению диплоированных (т. е. развернутых) линий. Тут нужны батальонные колонны, подкрепленные большими отрядами конницы и многочисленную артиллерию. Сии соображения принадлежат к новейшей тактике, употребляемой Суворовым, французскими полководцами и, наконец, Наполеоном... Суворов основал свое искусство на быстроте и тактике сосредоточенных сил...»³

Историческое развитие подвергло реакционные взгляды Фридриха II и военную систему Пруссии проверке, в результате которой вскрылась их полная несостоятельность.

Однако современные агрессоры пытаются приспособить воззрения прусского короля к новым условиям. Американско-английские поджигатели войны и милитаристы Западной Германии и в наши дни используют реакционное фридриховское идейное наследие для обоснования своих империалистических устремлений. В этих целях неоднократно битый русскими войсками Фридрих II прославляется ныне буржуазными военными историками как «величайший» полководец прошлого.

¹ Н. Муравьев, Рассуждения о жизнеописаниях Суворова. ЦГАДА, ф. 69, д. 15 (цитируется по диссертации Е. А. Прокофьева «Военные взгляды декабристов»).

² Там же.

³ Там же.

ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНАЯ ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

ПРУССКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД ПОБЕДЫ
И УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

Конец XVIII и начало XIX столетия ознаменованы рядом крупных исторических событий. В своих Замечаниях о конспекте учебника новой истории товарищи Сталин, Киров и Жданов писали, «...что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке...»¹. Революционный патриотический подъем позволил французскому народу «по-плебейски» расправиться со средневековым и отбить атаки объединенных сил контрреволюционных коалиций.

Новые общественно-экономические и социально-политические отношения поставили и новые задачи перед военным искусством, которое было коренным образом преобразовано.

Французская буржуазная революция создала массовые подвижные армии, явившиеся материальным условием для побед Наполеона I.

Развитие Германии в конце XVIII в. шло иначе. Касаясь вопроса о положении Германии того времени, Энгельс писал:

«Это была одна гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавого правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов. Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм — весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную пе-

¹ К изучению истории, Госполитиздат, 1938 г., стр. 25.

ремену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений»¹.

Говоря о влиянии французской революции на Германию, Энгельс писал, что она «...точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией»². Однако хотя влияние это и было огромно, но оно своеобразно преломилось в общественно-политической жизни тогдашней Германии. Немецкий народ, задавленный деспотизмом, расколотый границами сотен государств, не поднялся на массовую борьбу с крепостничеством, а немецкая буржуазия и на этот раз продемонстрировала свою трусость, предательство национальных интересов, занимаясь, как говорил Маркс, обдѣлыванием своих мелких делишек.

Но если так пассивен был немецкий народ, так предательски вела себя немецкая буржуазия по отношению к французской революции, то весьма определенной была политическая позиция феодальной реакции.

Страны реакционных монархий стали убежищем контрреволюционеров, базой вооруженной интервенции во Францию.

Коалиции против Франции сколачивала, вдохновляла и возглавляла Англия и в данном случае проводившая свою коварную политику ведения войны чужими руками.

«...Английская буржуазия,— говорил товарищ Сталин,— не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для неё из огня каштаны.

Так было дело во время великой французской буржуазной революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции»³.

В первые годы борьбы интервенты имели некоторые успехи, но затем произошло исторически неизбежное. Новый общественный строй создал новую военную организацию и военное искусство, перед которыми армии вербованных наемников и ставшая традиционной фридриховская «косая атака» обнаружили полное бессилие. Поражение прусской армии у Вальми (1792 г.) знаменовало собой победу передового военного искусства. Под Вальми прусская армия оказалась неспособной и к осуществлению своего шаблонного наступления. Стойкость французов-патриотов парализовала прусскую армию. Ее бессилие показывало, что фридриховская военная система несостоятельна.

В Пруссии продолжали господствовать полуфеодальные порядки, особенно в сельском хозяйстве, где преобладали крепостнические отношения. Растущее обезземеливание крестьян, сгоняемых с земли, несмотря на правительственные запрещения и рост эксплуатации делали положение трудового крестьянства исключительно тяжелым. Распыленная капиталистическая мануфактура, вытесняя и разоряя самостоятельного ремесленника, не могла под-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 6—7.

² Там же, стр. 7.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 324, 325.

няться на высшую ступень капиталистического производства. Слабость внутреннего рынка обуславливалась прежде всего политической раздробленностью. В Германии продолжали существовать десятки государств с десятками тысяч феодальных владений. Феодальная раздробленность определяла весь строй общественной жизни.

Военная система Пруссии и прочих германских государств оставалась старой, феодально-абсолютистской.

Пруссия располагала теперь одной из самых больших (240 тысяч человек) армией в Европе. Но ее армия в качественном отношении была еще хуже фридриховской. Иностранцы составляли около половины войск, а вторая половина комплектовалась из пруссаков. Отсутствие каких-либо общественно-политических условий для возникновения чувства национального единства и национальной гордости делало этих солдат еще более ненадежными, чем вербованные наемники-иностранцы.

Экономическая отсталость Пруссии была одной из причин ее военной отсталости. Прусская армия имела на вооружении плохие ружья, часто вовсе негодные для боевой стрельбы. Солдаты получали голодный паек и плохое обмундирование.

Система обучения и воспитания войск восприняла целиком фридриховские образцы. Подготовка солдат проводилась на плацу и состояла из маршировки со сложными, но бессмысленными перестроениями. Примером прусской фрунтмании могут служить взгляды на обучение войск одного из ярых фрунтмейстеров генерала Сольдерна, писавшего: «Хотя предписывается маршировать со скоростью 76 шагов в минуту, но по зрелым размышлениям и многократном наблюдении пришел я к тому, что 75 шагов в минуту будет лучше»¹.

Вся жизнь солдат и офицеров проходила в непрерывной плацпарадной муштре и хозяйственных работах. О настоящей подготовке армии для боя никто и не помышлял. «Война и ее изучение, — писал один кирасирский офицер, — казалось, не была больше нашей целью, мы существовали лишь для нескольких дней в году, когда нас смотрели король и инспектор; в остальное время мы не имели другой цели и занятия, как изучение пригонки шлей и кормление разжиревших лошадей»².

В основу тактической подготовки была положена все та же пресловутая «косая атака». На ежегодных маневрах сам прусский король наблюдал захождение плечом (вправо или влево) десятков батальонов и эскадронов. В своем приказе по армии осенью 1803 г. фельдмаршал фон-Моллендорф давал следующие указания от имени короля:

«Солдатам, — гласил приказ, — надо лучше показывать приемы стрельбы, чтобы они не прислоняли головы, как они до сих пор

¹ См. «Общество ревнителей военных знаний», № 1, С.-Петербург, 1912 г., стр. 41.

² Там же.

это делают, к прикладу и не целились, а прижав приклад к плечу и подняв голову прямо, стреляли, таким образом, горизонтально; его величество на смотрах в текущем году об этом напоминал и повелеть соизволил».

Примечательно, что этот приказ вышел не только после Колина и Куннерсдорфа, но и после Треббии и Вальми.

Во всем образе жизни прусской армии царил «регламент». Все предусматривалось, до мелочей расписывалось. Поэтому подчиненные действовали всегда по шаблону, считая, что все уже продумано и расписано начальством. Проявление инициативы рассматривалось как недисциплинированность и вольнодумство. Прусский офицер сам не решал, не распоряжался, только исполнял. И это происходило в то время, когда суворовская «Наука побеждать» уже была переведена на немецкий язык.

В области стратегии продолжалось господство порочных, а в сложившейся исторической обстановке крайне вредных взглядов Фридриха II. Попрежнему считалось, что войны должны вести только армии без участия народных масс. В малейшем намеке на привлечение населения к борьбе видели опаснейшую крамолу. Теория стратегии была оторвана от реальной действительности, от новых условий, в которых разыгрывались войны и кампании, и строилась на отвлеченных «правилах».

«Теоретики»-схоласты Массенбах, Пфуль сочиняли стратегические планы, губившие армии. Высший генералитет твердо верил, что он располагает «секретом победы» — правилами, выполняя которые можно при любых условиях разбить неприятеля. Главным в планировании считалось составление основанной на «правилах» диспозиции, где были бы предусмотрены абсолютно все детали действий войск. Однако ни подлинной боевой подготовки войск, ни умелого руководства ими в бою не получалось у прусских генералов.

Прусская военщина, чуждая, ненавистная народу, была проникнута духом высокомерного презрения к противнику и безудержного хвастовства. Все это определило и военную слабость Пруссии.

Военные события начала XIX века еще раз вскрыли порочность прусской военной системы. Поражения прусских войск следовали одно за другим. 26 сентября 1805 г. Фридрих-Вильгельм III послал свой заносчивый ультиматум Наполеону, а уже через восемь дней прусская армия была разбита одновременно под Йеной (где прусские войска «по всем правилам» применили фридриховскую «косую атаку») и Ауэрштедтом.

В октябре французы без малейшего сопротивления заняли Берлин, еще через несколько дней капитулировали прусские крепости. Они сдавались мелким французским отрядам. Штеттин, располагая гарнизоном в семь батальонов при 100 орудиях, открыл ворота небольшому наполеоновскому кавалерийскому отряду.

В 1887 г. Энгельс писал:

«И теперь еще необходимо постоянно напомирать об этой эпохе высокомерия и поражений, королевской бездарности, тупой хитро-

сти прусских дипломатов, запутавшихся в своем собственном двоедушии, хвастовства офицеров-дворян, проявлявших самое малодушное предательство, напоминать об эпохе полного крушения государственного строя, совершенно чуждого народу, основанного на лжи и обмане»¹.

Позорное поражение Пруссии и превращение ее в вассальное государство привели к тому, что необходимость изменений, которые облегчили бы преодоление военной слабости, была осознана и господствующим классом. Проведение реформ ускорило начавшимся волнением крестьян (в Силезии, Саксонии, Пфальце и т. д.).

В 1807 г. была объявлена крестьянская реформа, отменявшая личную крепостную зависимость. Но указ об этом оговаривал сохранение земель в собственности помещиков, которые «приглашались» наделять землей крестьян за выкуп. Крепостные повинности сохранялись до оформления выкупа. Последовавшие в 1813 г. и затем в 1816 г. законы, «разъяснявшие» реформу, окончательно определяли ее смысл. Крепостники направляли развитие сельского хозяйства и страны в целом по буржуазному пути, но таким образом, чтобы сохранить за собой решающее положение в хозяйственной и в политической жизни.

О прусском пути развития капитализма в сельском хозяйстве Ленин писал: «...крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. «Обшитый парламентскими формами военный деспотизм» вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении»².

«Прусский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве наложил свой отпечаток на все стороны общественно-политической жизни и военной организации тогдашней Пруссии. Государственное устройство основывалось на сочетании буржуазных и феодальных форм при господстве последних. Достижения военного дела буржуазной эпохи были подчинены старопрусскому милитаризму.

Для проведения военной реформы еще в 1803 г. была создана комиссия, но сопротивление крайних реакционеров парализовало ее деятельность. Понадобилась Иена, чтобы дело двинулось с места. Проведение военной реформы начинается с 1806 г.

Правильную оценку этой реформы дал Меринг в своей статье «От Тильзита до Таурбгена»³. Он вскрыл политический смысл военной реформы, разобрал ее главные черты. Реформаторы ненавидели французскую революцию, они стремились пересадить военные достижения Франции в прусскую армию, сохраняя при этом господство прусских помещиков в государстве и офицеров-дворян — в армии.

«Этим,— писал Меринг,— и были определены границы их деятельности, которые были расширены либеральной легендой в том

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 303.

² В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 317.

³ Франц Меринг, Очерки по истории войн и военного искусства, стр. 166.

смысле, что Шарнгорст и его сторонники исповедывали будто бы демократические убеждения в современном значении этого слова»¹.

Реформа отменила вербовку иностранцев. Кстати, этот вопрос разрешался очень просто: после Иены они все разбежались. Был введен набор в армию, контингенты для которой отбирались местными властями. Армия теперь состояла из постоянных войск и так называемого ландвера — провинциальных территориальных войск. Прусские власти не решились ввести всеобщую воинскую повинность, считая ее опасным и «чрезмерно революционным» мероприятием.

Было приказано обучать солдат действиям в ротной колонне и рассыпному строю, а также стрельбе в цель. Телесные наказания официально распространялись только на штрафников. Но зато были введены меры дисциплинарных взысканий, не отличавшиеся от пыток. Упор делался на повседневное моральное и физическое воздействие на солдата с таким расчетом, чтобы он попрежнему оставался автоматическим исполнителем воли начальства. Особое внимание отныне обращалось на изоляцию армии от населения. «Военные реформаторы, — писал Меринг, — таким образом, крепко придерживались системы муштрующей дисциплины, и их борьба с телесными наказаниями в войсках, как горячо и убежденно она ни проводилась, привела лишь к тому, что с публичных рынков и улиц палка перешла в тайники казармы»².

Новый закон формально допускал и назначение недворян на офицерские должности. Но поскольку армия сверху донизу находилась в руках дворян, то это фактически оставалось только на бумаге. И для унтер-офицеров реформа создавала только иллюзию попасть в офицерский корпус. В этой реформе содержалась непреодолимая преграда — недоступный выходцу из «низших классов» образовательный ценз.

Такова была военная реформа. Она учла лишь некоторые достижения военного дела, вызванные к жизни капиталистическим производством, при сохранении существенных черт, присущих прусскому феодальному милитаризму.

Сразу же после Венского конгресса (1815 г.) прусские милитаристы решительно становятся на путь восстановления фридриховских порядков в армии.

Наступившая в Европе в 20-х годах XIX в. феодально-абсолютистская реакция душила все передовое и прогрессивное. Правители германских государств ликвидировали или урезали и без того весьма ограниченные конституции, разгоняли или лишали реального значения ландтаги.

Однако реакционные классы не в силах отменять законы экономического развития. Прорываясь через многочисленные ограничения, развивались промышленность и торговля. Но Германия к середине XIX в. в экономическом отношении продолжала еще

¹ Франц Меринг, Очерк по истории войн и военного искусства, стр. 176.

² Там же, стр. 178.

сильно отставать от Англии и Франции. Крупная машинная промышленность стала развиваться в Германии только после 1848 г.

Политическая раздробленность Германии препятствовала образованию внутреннего рынка, тормозила и задерживала развитие индустрии.

Задача национального объединения Германии выдвигалась на первый план. Оно могло быть проведено двумя путями: «снизу» — в ходе буржуазной революции, в этом случае возникла бы всегерманская республика, и «сверху» — под руководством юнкерства, что означало бы новую победу реакционных сил.

Борьба между прогрессивными и реакционными силами Германии за главную роль в проведении национального объединения, а также соперничество Австрии и Пруссии в том, чтобы возглавить это объединение, составляли основное содержание политической жизни страны на протяжении десятилетий.

Ликвидация феодальных отношений, экономическое и политическое объединение Германии в единое национальное государство были основными задачами революции 1848 г., которая, однако, была предана буржуазией и подавлена феодальной реакцией. Юнкерское правительство Пруссии провело объединение Германии по своему, антидемократически, при сохранении феодальных пережитков в экономике и политическом строе.

Буржуазная революция, происходившая в стране с относительно уже высоким развитием капиталистических отношений, при сравнительно многочисленном и уже предъявлявшем свои требования пролетариате не имела вождя ни в лице буржуазии, проникнутой духом контрреволюционного либерализма, ни в лице пролетариата, который еще не созрел настолько, чтобы стать политическим вождем всего народа.

Для расправы с восставшими немецкими рабочими были привлечены войска. Прусская армия, исполняя гнусную роль палача по отношению к лучшей части своего народа — революционным рабочим, — в полной мере показала свою реакционную сущность.

Германская буржуазия не шла дальше ограниченной оппозиции. И каждый раз, когда пролетариат серьезно угрожал господствующим классам, буржуазия немедленно заключала сделки с юнкерством и брала на себя миссию, как выразился один из ее вожаков, «щита монархии».

Характеризуя предательское по отношению к буржуазной революции поведение немецкой буржуазии, Ленин писал: «Контрреволюционность крупной буржуазии не мешала ей «леветь», например, в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но, поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого «левения» не получалась революция, а получалась только робкая оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т. е. реакционными помещиками»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 366—367.

Немецкий рабочий класс пытался занять определенные позиции в революции, но его силы и политическая зрелость оказались недостаточными для этого. Используя политическую отсталость рабочих, предатели дела социализма — оппортунисты — стремились совлечь массы с революционного пути. Они помогали реакционным силам, которые по-своему направляли развитие Германии.

Борьба между Пруссией и Австрией за гегемонию в объединении Германии шла с переменным успехом, пока в 50-х годах XIX в. Пруссия не начала брать верх. В австро-прусской войне 1866 г. эта борьба окончательно была решена в пользу Пруссии.

Спекулируя лозунгом национального единства, играя на международных противоречиях и опираясь на большую армию, Пруссия повела политику методического подчинения себе мелких германских государств. Дипломатические интриги, экономический нажим, военные угрозы и династические войны — все было пущено в ход для достижения поставленной цели. При этом не последнюю роль играл и так называемый прусский либерализм — ловко и широко используемая псевдолиберальная фраза. Результатом этой политики было сначала объединение группы немецких государств в таможенный союз, а затем, после поражения Австрии, образование Северогерманского союза, где полномочным хозяином стала Пруссия. Агрессивная политика Пруссии теперь все более остро противопоставлялась агрессивной политике бонапартистской Франции. Во франко-прусской войне реакционные силы, безраздельно господствовавшие в Германии, использовали исторически прогрессивное дело воссоединения страны в своих интересах.

В 1870 г. германский народ вел прогрессивную войну против Наполеона III — врага единства Германии, но когда с разгромом бонапартистской армии цель была достигнута, юнкеры и буржуазия Германии стали на путь грабежа и агрессии и таким образом превратили эту войну в грабительскую, захватническую войну.

«Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Бонапарта, капитуляцией при Седане и провозглашением республики в Париже. Но еще гораздо раньше этих событий, уже в тот самый момент, когда полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья решила превратить войну в завоевательную»¹.

В результате победы во франко-прусской войне 1870 г. Пруссия стала господствовать в провозглашенной в 1871 г. германской империи.

Внутриполитическое развитие Пруссии, а затем и подчиненной ей Германии характеризуется усилением реакции. Еще с 30—40-х годов, а особенно после прихода Бисмарка на пост канцлера (1862 г.), устанавливается полицейский политический режим, ярко охарактеризованный Марксом: «Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступать в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торгового дела, ни учить, ни учиться, ни со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 93.

звать собрания, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни делать что бы то ни было без... [разрешения начальства]»¹.

Господство в политической жизни страны реакционных элементов сказывалось и на идеологическом развитии. Немецкая идеалистическая философия — феодально-аристократическая реакция на французскую буржуазную революцию — теперь все более откровенно брала на себя задачу теоретического оправдания реакционной политики правящих классов. В этой философии, а также в истории, в социологии царила разнузданная человеконенавистническая проповедь шовинизма и захватнических войн.

В 40-х годах XIX в. в обстановке резкого обострения классовой борьбы Маркс и Энгельс создали теорию научного коммунизма. Марксизм явился мировоззрением пролетариата, его сильнейшим оружием — методом познания мира и орудием революционного преобразования общества.

Возникновение марксизма было гигантским революционным шагом вперед, переворотом в общественной науке. Впервые была создана подлинная наука об обществе. Говоря о марксистской философии, А. А. Жданов указывал: «Возникновение марксизма было настоящим открытием, революцией в философии»².

Маркс и Энгельс совершили также переворот и в вопросах учения о войне и армии.

Недостаточная политическая зрелость германского рабочего класса, слабость демократических сил дали возможность реакционным силам сохранить за собой политическую власть, сделать идеологию милитаризма и агрессии господствующей идеологией в Германии.

Опорой реакции была армия, которая не только подавляла революционные выступления масс и осуществляла захватническую внешнюю политику господствующего класса, но и являлась своеобразным «воспитателем»: из десятилетия в десятилетие в XIX веке прусский милитаризм становился все более влиятельным фактором идеологического воздействия на массы.

После революции 1848 г. происходит новое «подтягивание» войск. Изуверская строгость дисциплины, издевательская регламентация каждого мгновения жизни солдата, взаимоотношения между офицером и рядовым, как между барином и крепостным, — все это делает прусскую армию средоточием политической реакции.

Немецкий поэт Генрих Гейне вызвал лютую ненависть всей германской военщины именно потому, что он убийственно метко разоблачал ее средневековую сущность. Гейне писал: «У нас, немцев, летопись средних веков не закончена: самые новейшие ее страницы еще залиты кровью наших близких и друзей, и эти блестящие панцыри еще прикрывают живые тела наших палачей»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 444.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», Госполитиздат, 1947 г., стр. 8.

³ Генрих Гейне о пруссачестве, Госполитиздат, 1944, стр. 85.

Характеризуя офицеров прусской армии, Энгельс писал: «...слово «прусский лейтенант» употребляется как поговорка по всей Германии... Нигде нет так много старых, упрямых, придиричливых педантов среди офицеров и генералов, как в Пруссии...»¹.

Впоследствии, после объединения Германии под властью Пруссии, порядки последней распространились по всей стране.

Характеристикой позиции немецкой буржуазии в вопросе национального объединения Германии могут служить следующие слова, которыми Маркс оценивал политику кумира этой буржуазии — господина Фогта: «...он умоляет принца-регента Пруссии силою оружия и династической гражданской войной подчинить Германию дому Гогенцоллернов»².

«Монархическая централизация силой оружия...»³ — таков был идеал продажной немецкой буржуазии и ее идеолога Фогта в деле национального объединения Германии.

В 1862 г., выступая в рейхстаге, Бисмарк произнес слова, которыми определялась вся политика Пруссии того времени: «Великие вопросы эпохи, — говорил Бисмарк, — разрешаются не речами и не голосованием большинства, но железом и кровью. Германия смотрит не на либерализм Пруссии, а на её вооружения».

Пускались в ход все средства, чтобы «...подготовить, — как писал Бисмарк, — германское национальное единство под главенством короля прусского». Среди этих средств главным была армия, которая все время увеличивалась.

Немецкая буржуазия, играя иногда в оппозицию, была в тесном союзе с юнкерством и совместно с ним готовилась к военным захватам.

В деле осуществления политики реакционного блока юнкеров и буржуазии, политики «железа и крови» крупнейшая роль отводилась военной идеологии. Перед ней ставилась задача оправдать захватнические войны и милитаризацию страны. Исходя из политических интересов господствующих классов на данном этапе, немецкие военные идеологи продолжили разработку реакционного идеологического наследства, полученного от феодально-абсолютистской Пруссии.

Военная идеология господствующих классов навязывалась народу, внедрялась в его сознание, ее положения осуществлялись на практике.

ПОПЫТКА ПРИСПОСОБИТЬ «ФРИДРИХОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО» К УСЛОВИЯМ НОВОГО ВРЕМЕНИ (БЮЛОВ)

Бюлов — один из прусских военных писателей конца XVIII и начала XIX века. Его взгляды представляют собой связующее звено между феодально-абсолютистским (Фридрих II) и юнкерско-бур-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 640.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 410.

³ Там же.

жуазным (Клаузевиц и др.) этапами в развитии военной идеологии Пруссии. Работы Бюлова были написаны под непосредственным влиянием исторических событий конца XVIII и начала XIX столетий. Его «теоретическая» деятельность проходила в знаменательный период между Вальми (1792) и Иеной (1806).

Он был одним из первых идеологов Пруссии, увидевшим в армии французской буржуазной революции грозную силу и вместе с тем понявшим отсталость своей армии. Основная идея его работ заключалась в том, чтобы создать военную теорию, заимствующую у передовой Франции ее достижения в военном деле, но при условии приспособления этих достижений к прусским порядкам и к принципам фридриховского военного искусства. Этим и определялся характер доктрины Бюлова, а также ее реакционная сущность. Говоря, что в войнах XIX века решающим оказывается количество людей и материальных предметов, Бюлов в то же время остается на позициях фридриховской стратегии и тактики. Как и Фридрих II, Бюлов считал, что целей войны можно достигнуть путем угрозы коммуникациям противника, не прибегая к сражениям. Он пытался установить определенные правила на все случаи боевой действительности, т. е. те же фридриховские шаблоны. Причем фридриховский «ключ победы» — охват — стал главным среди догматов этого кабинетного «систематика». Бюлов стоял за сохранение линейных боевых порядков, давно отброшенных историческим развитием.

Устарелость фридриховского военного искусства была доказана практикой, но прусские военные идеологи того времени, делая вид, что критикуют пороки боевой подготовки, пытались изобразить их как плод забвения заветов Фридриха.

Бюлов положил начало псевдонаучным взглядам немецких милитаристов на взаимоотношение войны и политики, политики и стратегии, на стратегию и тактику и их взаимозависимость.

Изображая войну как основу общественной жизни, Бюлов утверждал, что военная теория включает в себя и всю политику (внешнюю и внутреннюю). Определяя содержание военной теории, он писал, что «военная наука» «руководит» внешней политикой государства и «даже включает в себя вопросы внутреннего управления». Основываясь на этом, Бюлов объявил, что сосредоточение всей политической власти в руках военного руководства является естественным явлением общественной жизни. Применительно к прусской действительности это означало военную диктатуру наиболее реакционных кругов господствующего класса.

Все эти «выводы» Бюлова являются вопиющим извращением подлинных взаимосвязей политики и войны, фальсификацией истории общества; эти «выводы» вытекают из неправильного определения предмета военной теории, определения, сделанного в угоду наиболее реакционным социальным силам своего времени — прусской военной камарилье, юнкерам и монархии.

Кое-кто считал, что Бюлов первый «научно» определил взаимоотношение политики и войны, но не кто иной, как сам Бюлов, утвер-

ждал, что политика подчинена войне. Нет надобности доказывать, что подобная «научность» ничего общего с наукой не имеет.

Бюлов извращенно трактовал взаимоотношение политики и стратегии.

Содержание военной стратегии Бюлов свел к «вождению войск», под которым понимались лишь марши вне поля боя и лагерные стоянки.

На «политическую стратегию» Бюлов возлагал вспомогательную задачу: по его утверждению, в том случае, если военных сил мало, следует прибегнуть к обману с таким расчетом, чтобы усыпить бдительность намеченной жертвы и ускорить ее порабощение до того, как кто-либо сможет притти ей на помощь.

«Принцип» политической стратегии, — как писал Бюлов, — и состоит в том, чтобы «...набросить и затянуть удавку на горле» одного из противников «...прежде чем другие успеют притти ему на помощь; это и есть политическая стратегия».

Итак, Бюлов превратил политику в слугу военной стратегии.

Известно, что военная стратегия определяется внутренней и внешней политикой, а не наоборот. Бюлов мог легко убедиться в этом на военной стратегии как буржуазно-революционной Франции, так и коалиций монархических государств, в частности одного из активных участников этих коалиций — Пруссии. Прогрессивная для своего времени политика, направленная против феодализма, поднимала народные массы на борьбу, что создавало для военной стратегии ранее немислимые возможности. Реакционная же политика, направленная на закрепление отживших социально-экономических отношений, лишала армию народной поддержки, суживала возможности военной стратегии.

Содержание тактики Бюлов сводил к передвижениям войск «в пределах досягаемости пушечного выстрела», т. е. в зоне, обстреливаемой противником. Вопросы о боевых порядках, об использовании огня он отрывал от вопроса о передвижениях войск. Его разработка проблем тактики поражает своей бесплодностью, тягой к отжившим формам, к установлению шаблонов, к уже отброшенной жизнью линейной тактике.

Бюлов утверждал, что существует необходимость в растянутости фронта, так как это якобы дает возможность выиграть неприятельский фланг, а следовательно, иметь успех даже в том случае, если противник располагает большими силами. «Когда вы, — писал Бюлов, — находитесь на фланге противника, то вы охватываете его, хотя бы он был гораздо более многочисленнее»¹.

В этом догмате Бюлова повторяется фридриховская идея о том, что любой величины армию можно победить, если «взять ее во фланг».

Для обоснования своего утверждения Бюлов привлек геометрию. Он выдвинул понятие о так называемом «объективном угле». Непри-

¹ Bülov, Geist der neuern Kriegsystems... 1799, S. 207

знанный стратег поведал миру, что-де существует «геометрический» критерий, позволяющий полководцу наперед предугадывать исход сражения, ход и исход событий всей войны.

Но что такое этот таинственный «объективный угол»? Простая вещь — угол, образуемый двумя линиями, исходящими от своих флангов и пересекающимися у объекта наступления. Оказывается, по Бюлову, что при «объективном угле» в 90° победа обеспечена, а если свои фланги вышли на одну линию с противником и он «охвачен» таким образом, что «объективный угол» достиг 180° , то сопротивление его совершенно лишено смысла. В этом случае, писал Бюлов: «...все операции, предпринимаемые обороняющимся в пределах дуги, не могут ему удасться, и окруженную (по существу только полукругленных — Л. Л.) территорию он должен рассматривать как уже завоеванную противником»¹.

«Теория» об «объективном угле» является не чем иным, как знахарством в военном деле, и похожа на предсказания исхода боя в древние времена по кишкам животных.

Этот догмат — утверждение, что победу можно одержать лишь при охвате фланга противника, — был заимствован Бюловым из фридриховского наследства, а затем в измененной редакции сохранен Клаузевицем в виде так называемой фланговой позиции, поднят на щит «школой» Мольтке в виде «тактики охватов», положен в основу шлиффеновских «Канн», применен Людендорфом. В виде «клещей» и «котлов», планировавшихся гитлеровским генеральным штабом, этот догмат был вновь возрожден.

Немецкая военная идеология выдвигала идею «чисто военного» решения вопроса о победе, вопреки неблагоприятному соотношению сил. Противник изображался статичным, бездеятельным, его якобы можно легко «сковывать», охватывать, окружать даже в том случае, если он сильнее.

За первым догматом об охвате фланга противника в любом случае, независимо от обстановки, у Бюлова следовал второй догмат — требование отступить только по расходящимся, а наступать — по сходящимся направлениям. «...Эксцентрические отступления... представляют одно из важнейших правил войны»², — утверждал Бюлов.

Свое «доказательство» этого догмата он основывал на том, что если отступить по расходящимся направлениям, то-де, мол, скоро противник не сможет продолжать дальнейшего наступления, ибо он сам окажется под угрозой охвата. «В этом, — утверждал Бюлов, — лежит тайна, как из кажущегося поражения извлечь результаты блестящей победы»³.

Это мертворожденное «правило» жизнь опровергла через семь лет после того, как оно было выдуманно. Летом 1812 г. в Белоруссии, вопреки теории Бюлова, русские отступали по сходящимся на-

¹ Bülow, Geist der neuern Kriegsystems... S. 85.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 99.

правлениям. Соединение главных русских армий под Смоленском в данных условиях было большим плюсом для них и минусом для Наполеона.

Очевидно, что и это положение Бюлова в корне ложно. История учит, что готовые, раз навсегда данные формы для действий войск не могут изобретаться наперед, а определяются конкретными условиями. Между тем данный догмат стал одним из излюбленных «рецептов победы» немецких идеологов. Почти все немецкие военные теоретики, разрабатывавшие вопросы стратегии и тактики, уделили его модернизации весьма большое внимание.

Трактовка Бюловым вопроса о соотношении стратегии и тактики также является лженаучной. Он различает стратегию и тактику пространственно и по времени: «... началом тактики является развертывание походных колонн перед сражением. До этого момента все стратегия, с этого момента все тактика ...где обмениваются ударами, там тактика, где не дерутся... там стратегия»¹.

Между тем несомненно, что такое суждение о соотношении стратегии и тактики неправомерно. Организация походного движения вне поля боя, его обеспечение, маневр и т. п. — дело тактики, а сам бой может решать стратегические задачи.

Бюлов свел стратегию к тактике, внося и свою лепту в немецкую военную теорию. Так он утверждал: «Тактика является ультиматумом стратегии; последняя ею заканчивается и с нею сливается»².

Чтобы правильно понять эту витиеватую тираду, следует иметь в виду, что Бюлов в конкретной разработке вопросов стратегии исходил из категорий тактики. Сочинив свои геометрические теоремы, он сам подчеркивал, что, по его мнению, на практике нет различия между стратегией и тактикой: «Все стратегические правила могут быть применены и к тактике...»

В своих поучениях Бюлов, впадая в схоластику и игнорируя роль морального фактора, утверждал, что необходимо всегда избегать боя, что победа достижима только путем маневра и захвата баз снабжения противника. Главной жизненной силой он считал базы снабжения: «Магазин — это сердце, — писал он, — при повреждении которого разрушается коллективный человек, т. е. армия»³.

Бюлов даже в 1805 г. не был способен понять, что армия состоит не только из потребляющих, но и мыслящих, имеющих политические воззрения людей, что победа достигается в боях и сражениях, что наряду с материальными решающее значение приобретает моральный фактор.

Его «теории» по существу повторяли военные взгляды идеологов феодально-абсолютистских государств Западной Европы XVII и первой половины XVIII в. Он выступал апологетом порочных принципов военного искусства Фридриха II.

¹ Bülov, Geist der neuern Krigsystems... S. 109.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 100.

Некоторые немецкие военные писатели «критиковали» Бюлова, но эта критика носила формальный, чисто словесный характер. На практике же бюловская доктрина, а главным образом ряд его реакционных и догматических положений и шаблонов были положены в основу немецкого военного искусства. Немецкие фашисты высоко чтили Бюлова, а в настоящее время англо-американская военщина считает его «классиком» стратегии. Как говорит русская пословица: «Рыбак рыбака видит издалека».

ВЗГЛЯДЫ КЛАУЗЕВИЦА — ОСНОВНОГО НОСИТЕЛЯ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРУССКОГО ЮНКЕРСТВА В МАНУФАКТУРНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Реакционность социально-политических взглядов Клаузевица. К группе военных реформаторов в 1808 г. присоединился и Клаузевиц. В 1793 г., будучи в чине ефрейтора-капрала, он, горя ненавистью к «мятежникам», принимает участие в походе войск коалиции контрреволюционных монархий против французской революции, а в 1830 г., в связи с июльской революцией во Франции, находясь уже на посту начальника штаба армии, составляет план коалиционной интервенции «Священного союза».

Таким образом, если начало деятельности Клаузевица совпало с освободительными войнами Франции и затем с завоевательными походами Наполеона, то вторая ее половина протекала в годы реакции, наступившей в Европе после Венского конгресса.

Клаузевиц враждебно относился к буржуазно-революционной Франции, но он видел значительность ее достижений в области военного искусства. Вот почему Клаузевиц оказался одним из сторонников таких военных реформ, которые целиком отвечали бы интересам прусского юнкерства. Поэтому, несмотря на то, что Клаузевиц, как и ряд других прусских военных идеологов, выступал якобы против поучений Бюлова и даже называл его шарлатаном в военном деле, сам он выдвигал те же идеи. Оба они были яркими сторонниками закорюченных феодальных порядков и фридриховских принципов в военном искусстве и в то же время пытались пересадить на почву прусской действительности некоторые элементы военного искусства буржуазной Франции начала XIX в.

Идеи, проводимые Клаузевицем на практике, в военной теории и в специальных работах по вопросам политики, были крайне реакционными. Он требовал сохранить в Пруссии «кабинетное правительство, руководимое энергичным, самостоятельным государем...»¹. Идеалом политического режима для него была монархическая диктатура в «самом широком смысле»²; он восхищался деспотизмом Фридриха II, который-де, мол, «редко нуждался в советах»³. Все

¹ Клаузевиц, 1806 год, Воениздат, 1938 г., стр. 11

² Там же.

³ Там же.

это говорит о том, что Клаузевиц был идеологом феодальной реакции.

Клаузевиц добивался военно-полицейского режима в Пруссии, считая, что только при этом условии может быть сохранена политическая власть помещиков, предотвращена буржуазная революция и подавлены сторонники демократических реформ.

В области внешней политики Клаузевиц проповедывал захватнические, грабительские войны, призывал подавить восстание поработенного народа Польши. Перед внешней политикой он ставил задачи расширения территории Пруссии, чтобы путем военных захватов добиться для нее положения «великой» державы в Европе. Для этого, по его мнению, надо было проводить еще более агрессивную политику, чем это было при Фридрихе II. Клаузевиц считал, что Пруссия его времени обладает реальной возможностью активнее проводить политику территориальных захватов:

«При населении в 10 миллионов жителей Пруссия была уже слишком велика, чтобы при такой внутренней и внешней политике естественным путем не выбиться из ряда второклассных государств»¹.

Но Клаузевиц преувеличивал экономические, политические и военные возможности Пруссии. Франция, Австрия и Россия каждая в отдельности превосходили ее своими ресурсами и военными возможностями. Поэтому его призывы к захватам чужих земель были явной авантюрой. Оправдывая и объясняя свою критику отсталости военного дела в Пруссии, этот идеолог прусской реакции писал о «...большом предпочтении, которое он отдавал своему отечеству и своему сословию»², а также о «превосходстве» пруссаков над остальными народами. Непосредственно после иенского разгрома прусской армии Клаузевиц пишет статью «Немцы и французы»³, пытаясь «доказать» в ней, что немцы по своим «биологическим» качествам превосходят победителей. А в 20-х годах в труде «О войне» он уже совершенно определенно проводил мысль о том, что благодаря этому прусские солдаты являются якобы самыми боеспособными солдатами.

Клаузевиц был решительным противником демократического движения за национальное объединение Германии, называя такое объединение «ложной идеей»⁴. Он терял самообладание, вступая в полемику со сторонниками этой идеи, и, вместо аргументирования своих взглядов, разражался площадной бранью.

О перспективе немецкого национального единства у Клаузевица имелось свое определенное мнение. Борясь против объединения Германии на демократической основе, восхваляя всячески Пруссию, третируя Австрию, ни в грош не ставя остальные немецкие государства, он считал необходимым подготавливать объединение Германии в виде подчинения всех остальных ее государств Пруссии. При этом имелось в виду, что достигнуть этой цели возможно только путем

¹ Клаузевиц, 1806 год, стр. 58.

² Там же, стр. 21.

³ К. Clausewitz, Politische Schriften und Briefe, München, 1920.

⁴ Клаузевиц, О войне, т. II, Воениздат, 1937 г., стр. 428.

насильственного подчинения Пруссией остальных немецких государств. «Германия, — писал Клаузевиц, — только мечом может достигнуть политического единства... однако время для этого еще не пришло»¹.

Для решения задач внешней и внутренней политики Клаузевиц настаивал на подчинении делу усиления армии всей жизни прусского народа. Он требовал «большой бережливости», «напряжения в отношениях к вооруженным силам»², базирования армии и войны «на всей национальной мощи» и т. д.

Являясь поборником монархического режима, господства кучки прусского юнкерства, Клаузевиц решительно протестовал против какого-либо влияния масс на дело ведения войны. Его требование опираться на «всю национальную мощь» было направлено на разжигание прусского шовинизма и означало нещадную эксплуатацию трудовых масс в интересах осуществления военных захватов, а в случае проявления народом недовольства — вооруженное подавление всякой попытки населения сопротивляться политике правительства.

Клаузевиц считал, что государство, стремящееся сохранить реакционный режим и успешно осуществлять захваты, должно систематически воевать, проводить агрессивную внешнюю политику. Этим, по его мнению, оно будет «...внушать страх и почтение», способствовать «...росту воинственности в армии, а через нее и в народе...»³.

Реакционные социально-политические взгляды Клаузевица совпали с аналогичными взглядами Гегеля.

Человеческое общество и весь объективный мир идеалист Гегель изображал воплощением некоей «абсолютной идеи». Прусскую монархию он объявил высшей и последней ступенью в развитии «абсолютного духа», «вершиной» развития человеческого общества, а свое идеалистическое учение — последним словом философской мысли. Он, как и Клаузевиц, освящал навеки прусскую монархию, проповедывал идеи превосходства «немецкой расы» над другими нациями. Гегель третировал славянские народы, что не являлось случайным, так как агрессия Пруссии была направлена прежде всего на порабощение именно этих народов. «Учение» Гегеля об обществе было обращено к прошлому и представляло собой защиту господства прусского юнкерства. Это была реакционная идеалистическая и вместе с тем метафизическая теория — аристократическая реакция на французский материализм и французскую буржуазную революцию.

Классики марксизма-ленинизма разоблачили идеалистическую фальсификацию истории Гегеля. Они доказали, что гегелевская схема исторического развития, как и все другие идеалистические схемы, в корне ложна и антинаучна, ибо подлинным творцом истории являются народы, а не сочиненный Гегелем «абсолютный дух» и прусские короли.

¹ Клаузевиц, 1812 год, Воениздат, 1937 г., стр. 19.

² Клаузевиц, 1806 год, стр. 58.

³ Там же, стр. 23.

Война как явление общественной жизни. Клаузевиц, как и его предшественники из числа прусской военщины, разрабатывал военную доктрину, проникнутую идеями авантюризма и захватничества.

Оставляя на вооружении своего класса — прусских реакционных помещиков-юнкеров — идеи Фридриха II, он вместе с тем добивался пересадки на прусскую почву военных достижений французской буржуазной революции. Естественно, что на деле заимствовались прежде всего авантюристические положения стратегии Наполеона I — продукт политики контрреволюционного бонапартизма.

С этой точки зрения, чтобы получить дополнительные аргументы в пользу политики захватов прусского государства, в пользу авантюристической стратегии и шаблонной тактики, Клаузевиц брался за разработку, точнее за фальсификацию различных вопросов, так или иначе связанных с подготовкой и ведением войн. В частности, он высказал свои взгляды и по вопросу о сущности войны. Как же решает Клаузевиц эту проблему? Он развивает два взгляда на сущность войны. С одной стороны, он рассматривает войну как «акт насилия»¹, как явление биологическое, неизбежно вытекающее из якобы естественно присущих людям чувств вражды и взаимной ненависти; с другой стороны — как «политический акт»². «Политический акт» также выводится из биологических особенностей человека. Люди, мол, непоследовательны в своих чувствах «взаимной ненависти» и вражды, ибо они «по природе» боязливы.

На основе своего определения сущности войны как биологического явления («акт насилия») Клаузевиц изложил свою концепцию «абсолютной войны», а из определения войны как «политического акта» он вывел концепцию «действительной войны».

В первом случае война («абсолютная») рассматривается как разгул биологических, животных чувств вражды, ненависти, как массовое физическое насилие, не ограниченное никакими обычаями и законами ведения войны.

«Итак, — пишет Клаузевиц, — война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю... тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь (подчеркнуто мною — Л. Л.) и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает»³. Во втором случае война («действительная») исходит из того, что «человеческие слабости» (т. е. опять же биологический фактор) — страх, условности общезития в цивилизованном обществе — часто «мешают» проявиться войне в ее подлинном, по мнению Клаузевица, естестве — как разгулу животных страстей. Клаузевиц считал, что политические отношения государств не дают возможности для проявления войны как чисто биологического явления. Поэтому на практике войны, дескать, носят, как правило, по-

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, Воениздат, 1936 г., стр. 34.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 34.

ловинчатый характер и становятся продолжением политики насильственными средствами.

Нетрудно заметить, что и второе определение Клаузевицем сущности войны («политический акт») ограничено, так как при определении сущности политики Клаузевиц исходил из ложной, идеалистической гегелевской теории «надклассового» государства. Отрывая политику от классовой борьбы, он определяет ее как проявление «гармонии» интересов различных классов, осуществляемой «надклассовым» государством — королем. Поэтому Клаузевиц сводил политику к действиям короля, представляя ее лишь как внешние отношения государств. «Мы исходим из того, — говорил он, — что политика объединяет и согласовывает все интересы... сама по себе политика ничто, а только представитель всех этих интересов перед другими государствами»¹.

Пытаясь согласовать свои взаимно исключаящие друг друга определения сущности войны, Клаузевиц писал: «...если на политику смотреть как на *разум олицетворенного государства* (подчеркнуто мною — Л. Л.), то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида»² (т. е. «абсолютную войну» — Л. Л.).

Итак, Клаузевиц, стремясь свести концы с концами, заявлял, что его концепция «абсолютной войны», трактующая войну как разгул необузданного биологического насилия, не противоречит определению войны как «политического акта», так как, дескать, всякой войной руководит монарх, являющийся, по его мнению, «олицетворенным разумом государства». Все эти реакционные ухищрения были направлены на то, чтобы скрыть классовую сущность войны.

Клаузевиц утверждал, что его биологизм в понимании сущности войны есть вывод из анализа войн начала XIX столетия: «...можно было бы усомниться в том, — писал он, — что наше представление об абсолютном ее (войны — Л. Л.) существе имеет какую-либо реальность, если бы мы не наблюдали как раз в наши дни действительную войну в ее абсолютном совершенстве»³. Этим «совершенством» Клаузевиц считал стратегию Наполеона I на том этапе его полководческой деятельности, когда в ней возобладали черты авантюризма.

Он писал: «... ни перед чем не останавливающийся Бонапарт быстро поднял войну на эту ступень»⁴.

В основу своей доктрины Клаузевиц положил концепцию «абсолютной войны». Теория, — требовал он, — имеет «обязанность все же поставить во главу угла абсолютный облик войны и использовать его как общий ориентир...»⁵.

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, Воениздат, 1937, стр. 377.

² Там же, т. I, стр. 56.

³ Там же, т. II, стр. 334—335.

⁴ Там же, стр. 335.

⁵ Там же, стр. 336.

Если сил достаточно, то, согласно теории «абсолютной войны», можно не считаться с политическим смыслом войны, с политической обстановкой, ибо, мол, по «существу своему» война как «биологическое насилие» не зависит от политики, политика только внешний, «примешивающийся» момент, она определяет лишь масштабы захвата. Этого принципа Клаузевиц рекомендовал придерживаться даже в том случае, если сил для ведения войны недостаточно и приходится считаться с политической обстановкой.

Эта реакционнейшая концепция была порождена стремлением господствующих классов Пруссии к захватам, переоценкой своих сил и недооценкой сил противника, а также ложным представлением о том, что Пруссия уже настолько сильна, что может выбиться из «...ряда второстепенных государств» (Клаузевиц) и занять ведущее положение среди остальных стран Европы.

Концепция же «действительной войны» отражала боязнь слабого еще, но алчного агрессора, его вынужденную осторожность, расчетливость.

Начиная с Мольтке теория «абсолютной войны» Клаузевица целиком воспринимается всеми последующими немецкими идеологами милитаризма и агрессии, развившими идеи «абсолютной войны» в фашистскую теорию «тотальной войны».

Вместе с тем вполне логично с точки зрения правящих классов Германии, что, начиная с того же Мольтке, то определение Клаузевицем сущности войны, которое характеризует ее как продолжение политики насильственными средствами, «изгоняется» из немецкой военной теории. Выполняя социальный заказ своих хозяев, немецкие военные идеологи задаются целью выработать такую теорию, такой «рецепт победы», пользуясь которым Германия могла бы одерживать победы даже над более сильным противником. В условиях развитой классовой борьбы даже малейшие косвенные указания на социальную природу войны стали невыгодны агрессорам. Этим и объясняется тот факт, что Людендорф, целиком воспринявший теорию «абсолютной войны», в своей «Тотальной войне» буквально вопит об устарелости Клаузевица и требует «сдать все его теории в архив».

В своем понимании сущности войны Клаузевиц в значительной степени повторял Гегеля. В «Философии права» Гегель высказал взгляд на войну, аналогичный взгляду Клаузевица.

Считая государство воплощением интересов «всех» членов общества, Гегель требует от всех граждан «пожертвования»¹ жизнью, имуществом в интересах этого «надклассового» государства, т. е. по существу в интересах господства прусского юнкерства.

Гегель утверждает, что безразлично, какими причинами (т. е. какой политикой) вызвана война. Привели ли к ней «...страсти властелинов или народов, несправедливости и т. д.»². Гегель пытался оправдать агрессивные войны невразумительными рассуждениями о «голой случайности» непосредственных причин возникновения

¹ Гегель, Соч., т. VII, Соцэкгиз, 1934 г., стр. 344.

² Там же.

войн, чтобы оправдать военные авантюры, к которым он призывал.

Изображая интересы всех граждан государства общими, Гегель делал вывод, что «принесение себя в жертву... есть *всеобщая обязанность...*»¹, и уверял, что не нужно задумываться о характере войн, так как любая война якобы естественно «переходит в завоевательную»².

Изображая агрессивные войны как проявление гармонии классовых интересов в государстве, обходя вопрос о политике господствующих эксплуататорских классов, которая порождает эти войны, Гегель объявляет войну некоей естественной силой, свойственной народам от сотворения мира. Причем говорится, что любая разбойничья война ведется для защиты «отечества» — государства. И больше того, поскольку участие масс в вооруженной борьбе изображается как некая слепая, стихийная сила, то проделывается еще один трюк, с помощью которого любая захватническая война (начатая, конечно, прусским государством) объявляется оборонительной. Такова философия захватничества.

Гегелевские идеалистические взгляды на общество и государство Клаузевиц сочетал с биологизмом, с антропологическим взглядом на человека и в целом на общество, как на простую сумму биологических единиц.

Но человек не может рассматриваться лишь антропологически, а человеческое общество не есть механический агрегат из неизменных биологических существ. Критикуя антропологизм Фейербаха, Маркс писал. «Но человеческая сущность не есть нечто абстрактное, присущее отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений»³.

Попытка Клаузевица объяснить причины возникновения войн биологическими свойствами людей является антинаучной и представляет собой неуклюжее «обоснование» реакционной теории, которая в свою очередь должна обосновать взгляд на военное искусство, как на «чисто военную», военно-техническую область — монополию военной касты юнкеров, обосновать правильность авантюристической стратегии.

Буржуазные идеологи всегда пытались и особенно в наше время пытаются всячески запутать вопрос о сущности и причинах войн.

Единственно научное решение этого вопроса дают классики марксизма-ленинизма. Ленин писал:

«Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»⁴.

¹ Гегель, Соч., т. VII, Соцэкгиз, 1934 г., стр. 346.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 590.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 364.

Ленинское определение сущности войны с предельной ясностью разоблачает все уловки буржуазных военных идеологов, всегда стремящихся скрыть и затемнить классовую правду о войнах.

Одним из образчиков искажения истины о происхождении войн и является теория «абсолютной войны» Клаузевица, которая целиком построена на реакционных выводах гегелевской философии.

Только стоя на материалистических позициях, можно разоблачить все эти реакционные теории, при помощи которых милитаристы пытаются скрыть от народных масс тот факт, что в действительности войны являются не чем иным, как продолжением политики государств и классов, ведущих данную войну.

Материалистическое понимание политики, как концентрированного выражения экономики общества, как борьбы классов, последовательно проводимое марксизмом-ленинизмом при изучении явлений общественной жизни, позволило установить, что война и военное дело со всеми их институтами, политико-моральными и материальными силами, формами борьбы, теориями и идеологиями уходят своими корнями в экономическую структуру общества. Лишь основываясь на этом, можно познать как общие, так и частные законы войны.

Основываясь на опыте войн, в том числе и на опыте войн конца XVIII и начала XIX столетий, Ленин пришел к следующему выводу:

«С марксистской точки зрения необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание»¹.

Разоблачая ухищрения социал-шовинистов, отрывающих внешнюю политику от внутренней для оправдания захватнических войн, Ленин писал: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль»².

Понимание войны как политики, проводимой насильственными средствами, как продолжения политики государств, классов означает подлинно научный подход, необходимый для установления характера каждой конкретной войны и определения отношения к ней различных классов.

Ленин выделил верную мысль Клаузевица о связи войны и политики и использовал ссылку на Клаузевица в борьбе большевиков против социал-шовинистов и социал-империалистов.

В своем ответе Разину товарищ Сталин писал, что Ленин «...хвалил Клаузевица прежде всего за то, что немарксист Клаузевиц, пользовавшийся в своё время авторитетом знатока военного дела, подтверждал в своих трудах известное марксистское положение о том, что между войной и политикой существует прямая связь, что политика порождает войну, что война есть про-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 187.

² Там же, стр. 31.

должение политики насильственными средствами. Ссылка на Клаузевица нужна была здесь Ленину для того, чтобы лишний раз уличить Плеханова, Каутского и других в социал-шовинизме, в социал-империализме»¹.

Мысли о том, что война есть продолжение политики насильственными средствами, имеются у П. А. Румянцева (Румянцев, например, писал: «Легко ошибиться мне, не имея сведений о той части дел политических, которые дают правила военным»²), у Суворова, а из современников Клаузевица — у Кутузова, Ронья и Жомини, а также у русских военных писателей Окунева, Хатова, Горемыкина и Языкова; у декабристов Пестеля, Муравьева, Бурцова и др.

М. И. Кутузов неизменно исходил из глубокого понимания связи войны и политики. Будучи чрезвычайным и полномочным послом России в Турции и хорошо изучив политическую обстановку, сложившуюся в этой стране, Кутузов писал в 1794 г. из Константинополя в своем письме к Суворову: «Господин генеральный консул Северин доносит мне, что он уведомил ваше сиятельство, будто бы Порты намерена через три месяца объявить России войну. Я должною служения своего поставлю предупредить вас, милостивого государя, что по примечаниям моим, не полагая я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся ее крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот еще не силен, предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще всего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи, часть Аравии, Большая Румелия и окрестности Требизонда довольно занимают непокорностью своею Порту. Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее погубной крайности»³. Дальнейшие события полностью подтвердили прогноз Кутузова.

Все действия русских войск в войне с Турцией в 1811 г. Кутузов подчинял главной политической задаче — добиться мира. Мир с Турцией был жизненно необходим России, так как агрессивные планы Наполеона уже не вызывали сомнений.

Объясняя свои действия под Рушуком, Кутузов писал: «Ежели наши войска взяли Рушук и действовали до Балканов, то сие не приблизило бы нас к миру ни на один шаг»⁴.

Гениальность Кутузова проявилась с особой силой в период Отечественной войны 1812 г. На основании многих сохранившихся документов можно судить о том, как глубоко понимал Кутузов связь политики и стратегии.

Так, например, из донесения Кутузова Александру I о встрече с представителем Наполеона Лористоном видно, как глубоко пони-

¹ Журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 7.

² Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, бумага Н. И. Панина, VI, 13.

³ М. И. Кутузов, Воениздат, 1947 г., стр. 7.

⁴ ВУА, Отечественная война 1812 года, том 5, стр. 345.

мал гениальный полководец освободительный характер Отечественной войны 1812 г.

Лористон, — писал Кутузов, — «...более всего распространялся об образе варварской войны, которую мы с ними ведем, сие относится не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов поодиночке и в малом числе ходящих, поджигают сами дома свои и хлеб, с полей собранный; с предложением неслыханным — такие поступки унять. Я уверял его, что если бы и имел переменить сей образ мыслей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитать, равно как бы нашествие татар и я не в состоянии переменить их воспитание»¹.

Нашествие «двадцати языков» на Россию Кутузов сравнивал с нашествием татарских орд.

Исходя из правильного понимания характера этой войны, он стремился привлечь к борьбе против интервентов русский народ, укрепив его веру в победу.

В одном из донесений Кутузов сообщал о той помощи, которую армия оказывает партизанам из крепостных крестьян. «По мере возможности, — писал Кутузов, — просьбы сих почтенных крестьян удовлетворялись и им дают ружья и пистолеты»².

После Бородино Наполеон, сознавая, что время работает против него, стремился выиграть войну, дав сражение под Москвой. Но Кутузов, глубоко понимая военно-политическую обстановку, отказался от этого сражения.

«Я весил Москву, — писал он, — с ценою России и спасением Петербурга и свободою Европы»³.

Так плодотворно преломлялось в деятельности гениального Кутузова понимание связи войны и политики, политики и стратегии.

В основу своего объяснения сущности войны Клаузевиц положил реакционную концепцию биологизма. В своем учении Клаузевиц проводил человеконенавистнические идеи, восхваляя войну и утверждая, что войны вообще «полезны» для человеческого общества: «Лишь война, — писал Клаузевиц, — может противодействовать той изнеженности, той погоне за приятными ощущениями, которые понижают дух народа...»⁴. Его сочинения насквозь проникнуты духом шовинизма и полны призывов к войне, но в ряде случаев, видимо, не надеясь на свои аргументы, Клаузевиц отсылал читателя к философии. И он знал, что делал. Гегель и другие реакционные немецкие философы проводили разнузданную проповедь шовинизма и войны: «...высокое значение войны, — писал Гегель, — состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов... война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»⁵.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 653, л. 299.

² Там же, л. 306.

³ Там же, ф. ВУА, л. 3572, л. 51.

⁴ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 208.

⁵ Гегель, Соч., т. VII, стр. 344.

Приходя в восторг от столь «чудесных благ», которые, по его мнению, война принесит человечеству, Гегель даже забыл свой мистический жаргон и заговорил достаточно ясно, причем до того ясно, что проговорился об одном из важных мотивов, которые заставляют его — официального прусского философа — превозносить войну, нести ложь и вздор о ее «благах»: «...нации,— писал он,— внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам»¹.

Клаузевиц тоже укорял прусское правительство после иенского разгрома за то, что оно в свое время не вело многочисленных и напряженных войн, которые способны были бы отвлечь внимание народа от внутриполитических проблем.

Давая научное определение сущности войны, классики марксизма-ленинизма полностью разоблачили все эти и им подобные взгляды на войну как антинаучные, реакционные.

Войны присущи лишь классовым общественно-экономическим формациям. Они имеют свое начало в рабовладельческом обществе и исчезнут с окончательной победой коммунизма, с ликвидацией капитализма, когда не будет объективных условий, порождающих войны.

Каждую войну марксизм-ленинизм рассматривает конкретно:

«Ленин различал два рода войн, — учит товарищ Сталин, — войны захватнические и значит несправедливые и войны освободительные, справедливые»².

О материальных и моральном факторах, о роли полководцев в войне. Реакционные социально-политические взгляды, идеалистическая и метафизическая методология привели Клаузевица к ложным выводам также и в вопросах о моральном и материальных факторах и о роли полководцев в войне.

Характеризуя причины краха прусской армии в 1806 г., Клаузевиц писал, что «материальная часть армии... была недостаточна и пришла в негодность... ружья были худшими в Европе... жалованья (солдата — Л. Л.) нехватало на то, чтобы даже утолить голод, а одежда не покрывала наготы»³. Слабое развитие военной промышленности и недостаток ружей он считал одной из причин поражения Пруссии: «...государство,— писал Клаузевиц,— готовящееся вести борьбу не на жизнь, а на смерть, нуждается в больших запасах оружия для пополнения убыли, что для армии в 230 000 человек один завод, изготовляющий не более 10 000 ружей в год,— все равно, что ничего...»⁴.

Так писал сам Клаузевиц о конкретной войне (1806 г.), считая, что материально-техническая отсталость армии и военной промышленности явилась одной из причин поражения. Но не таков был подход Клаузевица, когда он приступал к обобщению фактов и созданию своей теории.

¹ Гегель, Соч., т. VII, стр. 345.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 34.

³ Клаузевиц, 1806 год, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 19—20.

Вооружение, по его мнению, оказывается лишь чем-то второстепенным, маловажным, а снабжение войск объявляется им интендантской «канителью»¹, не оказывающей никакого влияния на военное искусство.

Практика войн показала, что снабжение армии материальными средствами оказывает большое влияние на боевую деятельность войск. Передовые военные мыслители того времени высказывались по этому вопросу вполне определенно.

Так, готовя наступление в июне 1799 г., Суворов указывал: «разработать план... снабжения войск продовольствием, который обеспечил бы нам будущие операции. Я прошу откомандировать к генерал-квартирмейстеру, знакомому с моим оперативным планом, чиновника по вопросам продовольствия и государственного комиссара, чтоб совместно с начальником снабжения армии разработать план снабжения войск продовольствием и привести к исполнению эти чрезвычайно важные мероприятия».

Значение материального снабжения войск, его органическую связь со стратегией прекрасно понимал гениальный Кутузов.

Во время Отечественной войны 1812 г. он уделял большое внимание снабжению русских войск всем необходимым. В то же время, создавая предпосылки для полного разгрома врага, Кутузов добивался ослабления армии Наполеона не только путем изматывания ее в боях и на маршах, но и путем лишения вражеских войск источников снабжения, путем срыва снабжения их материальными средствами.

«Я принимаю теперь,— писал Кутузов,— в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тыла иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю операционную линию»².

Подготавливая переход в контрнаступление, Кутузов уделил большое внимание снабжению своей армии продовольствием и фуражом.

«Продовольствие,— писал он из Тарутино,— устроено таким образом, что армия не терпит ни малейшей нужды и большие к армии ведущие дороги покрыты транспортом, идущими из самых хлебобродных губерний, близ коих армия расположена»³.

Вопрос о том, удастся ли прорваться французской армии после ее отступления из Москвы в богатые хлебом районы, был крупнейшим вопросом стратегии в тот момент, и это хорошо понимал гениальный Кутузов. «Сей день,— писал Кутузов Александру после сражения при Малоярославце,— есть один из знаменитейших в сию

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 112.

² М. И. Кутузов, Воениздат, 1947 г., стр. 18.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3532, л. 78.

кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой погубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через плодороднейшие наши провинции»¹.

Делу обеспечения войск материальными средствами уделяли то или иное внимание и другие полководцы того времени.

Но Клаузевиц продолжал оставаться сторонником «чистого», то-есть доктринерского, военного искусства. Идеалистический подход Клаузевица к вопросу о значении снабжения войск для стратегии отразил военно-политический авантюризм прусских юнкеров, считавших, что армия должна снабжаться путем грабежа населения.

Идеализм взглядов Клаузевица на военное дело виден также в его утверждениях, что вооружение и организация войск не определяют характера боя, который, дескать, является не чем иным, как схваткой, не отличающейся от борьбы в животном мире или от простой кулачной драки: «что вооружение и устройство войск не является существенной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем»².

Когда в 70-х годах XIX века Дюринг выступил с подобной «теорией» против материализма, Энгельс полностью разоблачил его антинаучные взгляды на военное дело.

«Сила,— писал Энгельс,— в настоящее время, это — армия и военный флот»³. И далее: «...организация армии и способа борьбы, а вместе с ними победы и поражения оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий, от свойств людей и оружия, следовательно — от качества и количества населения и от развития техники»⁴.

Главным источником зла, результатом которого явилось поражение Пруссии в 1806 г., Клаузевиц считал то, что у полководцев отсутствовало «из ряда вон выходящее честолюбие»⁵, а также то, что прусская армия не вела достаточно часто агрессивные войны, которые должны были бы, по его мнению, способствовать воспитанию в народе необходимой «воинственности», т. е. он призывал в интересах прусских юнкеров отравлять сознание народных масс идеями милитаризма.

Войны конца XVIII и начала XIX столетий показали, что в вооруженной борьбе огромное значение приобретают не только храбрость, самоотверженность, но и материальные средства, которыми располагают государства и их армии.

«Ссылаются постоянно,— писал Ленин,— на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью по-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 222.

² Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 109.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 169.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ Клаузевиц, 1806 год, стр. 19.

истине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив, обновив* ее хозяйственную основу»¹.

В качестве моральных факторов на войне Клаузевиц называет «... таланты полководца, воинскую доблесть армии и дух комплектуемого ее народа»².

Перечислив эти элементы, составляющие, по его мнению, моральный фактор в войне, Клаузевиц задался вопросами: какова же их взаимозависимость, каковы роль и место их в деле достижения победы? Говоря, что на эти вопросы ответить невозможно, Клаузевиц все же решает их по-своему. На первое место он ставит «талант полководца», полководцу он отводит главную роль в решении судеб войн. По сравнению с «талантом полководца» неизмеримо меньшую роль играет «моральный дух армии», а что касается «духа народа», то ему отводится третьестепенная роль. Причем значение двух последних «элементов морального фактора» (которые искусственно отделяются один от другого) в такой же степени умаляется и выхолащивается, в какой первый раздувается и преувеличивается. Полководец, по Клаузевицу, черпает вдохновение для проявления своего «таланта», исходя из «жажды славы и чести» и, прежде всего, из «честолюбия». Такое утверждение вполне понятно, ибо Клаузевиц кичился тем, что он «...вырос в прусской армии», где дух карьеризма подавлял все остальные побуждения.

Говоря о подготовке полководца, Клаузевиц утверждал, что она должна быть самой общей. Нет никакой надобности полководцу глубоко знать историю, в вопросах политики ему достаточно быть осведомленным самым поверхностным образом, но он обязательно должен обладать некоей духовной силой, «внутренним оком» и способностью «ясновиденья». Эти утверждения Клаузевица являются неприкрытой мистикой и поповщиной.

На теорию он возлагал лишь узкую задачу поверхностного осведомления военного дела, в области же стратегии роль теории сводилась к нулю, так как в этом отношении полководец должен опираться исключительно на свой «гений», на «внутреннее око».

Клаузевиц писал: «...мы должны признать, что представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подмостками в виде положительной научной системы... талант и гений действуют вне закона, теория становится в противоречие с действительностью»³.

Между тем у него же имеется опровержение этого идеалистического положения: «...иногда ищут опоры в ссылке на гения... чем, собственно говоря, дается понять, что правила не только пишутся для глупцов, но и сами по себе должны быть глупыми»⁴. Таких противоречий у Клаузевица немало. Кое-кто склонен объяснять их

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 335.

² Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 198.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Там же, стр. 196.

незавершенностью его труда. Но это не так. В лучшем случае Клаузевиц был способен фотографировать лишь отдельные факты объективной действительности. В идеалистическое учение Клаузевица иногда живой струей врывается практика и спутывает все карты его ложной теории. В основном же он проводил законченную идеалистическую трактовку вопроса о полководце. Приписывая полководцу роль единоличного вершителя исторических событий, Клаузевиц писал: «Гений полководца в состоянии заменить дух армии тогда, когда возможно держать ее в сборе»¹. Поэтому полководец, утверждает Клаузевиц, не должен иметь близких отношений с солдатской массой и вообще с людьми, которыми он «повелевает». Ему нет необходимости знать солдат. Он не должен стремиться к тому, чтобы «познать солдатскую душу». Для него достаточны только самые общие сведения о составе войск.

Трудно придумать более высокомерный по отношению к массам и вместе с тем более ложный взгляд на роль полководца в войне, чем тот, который высказал Клаузевиц.

Полководец, по Клаузевицу, оказывает моральное воздействие на свои войска путем того, что он произносит речи перед ними. Для иллюстрации этого положения приводятся имена полководцев, которые были искусными ораторами, и среди них — Суворов.

Да, Суворов был великим мастером говорить с солдатами, но ведь именно Суворов, как никто в его время, знал солдат, их нужды, их заботы, их психологию. Не только речами исчерпывалось воздействие его на войска. Суворов понимал солдат, заботился о них, умело вел их в бой (что, между прочим, является наиболее ценной заботой о подчиненных). В то же время и солдаты знали Суворова. Он был для них непререкаемым авторитетом, поэтому они не щадили жизни для выполнения его боевых замыслов. А главным в этом обоюдном единении полководца и массы солдат было то, что Суворов возглавлял русскую армию, национальную по своему составу, и умело воспитывал в солдатах чувство национальной гордости. Клаузевиц знал историю суворовских походов, но связь Суворова с солдатами и его огромное влияние на них он объяснял по-своему, исходя из своих идеалистических взглядов и прусской действительности.

Кроме того, полководец, по Клаузевицу, должен обладать способностью идти на риск при принятии решения. Но о каком «риске» идет речь? «...Из разных случаев,— пишет он,— мы вовсе не обязаны предпочитать именно тот, в котором меньше всего подлежащего сомнению»².

Эту свою мысль Клаузевиц пытается подтвердить тем, что до 1812 г. Наполеон, дескать, принимал правильные решения, действуя по «принципу» «ва-банк», и поэтому одерживал победы. В 1812 г. он также принял «правильное» решение, но ошибся в методах ведения кампании. Его поражение, однако, не могло быть

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 15.

² Там же, стр. 171.

предвидено, было «случайностью» и не опровергает «принципа риска». Клаузевиц извратил историческую действительность.

Известно, что в войнах против феодальных монархий в 1807—1809 гг. Наполеон сумел использовать веру французских солдат-крестьян в то, что они ведут борьбу за свое отечество.

Иначе обстояло дело в 1812 г., когда революционный порыв французского народа был давно уже исчерпан, когда французские солдаты должны были воевать за чуждые им интересы. Русский народ, которому угрожало наполеоновское порабощение, грудью встал на защиту своей национальной и государственной независимости и полностью уничтожил армию интервентов.

Однако даже после таких назидательных уроков истории «ясно-видец» Клаузевиц рекомендует полководцам принимать решения, исходя исключительно из так называемых «внутренних побуждений». Пытаясь дать теоретическое объяснение причин поражения прусских армий в различное время и армии Наполеона в 1812 г., он «доказывает», что нельзя проникнуть в «тайны войны» и заранее определить возможности противника.

Социальный смысл этой теории достаточно ясен. В ней отражена одна из существенных черт мировоззрения прусских юнкеров, мечтавших о захватах, но не располагавших для этого необходимыми возможностями и пускавшихся на авантюры.

Свою «теорию» о роли полководцев в войне Клаузевиц также заимствовал у немецких философов-идеалистов Гегеля и Фихте. От них он воспринял идею о «героях и толпе», восхваление монархии и освящение господства «избранного сословия» — прусских юнкеров.

Гегель, рассматривая весь мир и человеческое общество, как формы бытия «абсолютного духа», делал вывод, что великие личности являются «...доверенными лицами всемирного духа»¹.

В качестве одного из наиболее выдающихся наместников гегелевского всемирного духа был назван Фридрих II. Гегелю были хорошо известны циничные призывы Фридриха II к тому, чтобы в интересах прусской агрессии была использована любая религия и даже атеизм, чтобы делу захватов чужих земель и порабощения других народов «заставить служить и ад и небо». Но, несмотря на это, Гегель наделял Фридриха всяческими добродетелями и не скупился на такие эпитеты, как «король-философ», «герой протестантизма» и т. п.

Гегель всячески восхвалял и оправдывал политический и военный авантюризм: «Всемирно-исторической личности несвойственна трезвенность... она не принимает многого в расчет»². Клаузевиц воспринял и это гегелевское положение полностью.

Итак, все свои взгляды, относящиеся к вопросам стратегии и деятельности полководцев, Клаузевиц выводит не из исторического

¹ Гегель, Соч., т. VIII, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 30.

² Там же, стр. 31.

опыта, а из схоластических умозаключений, руководствуясь при этом установками реакционной немецкой философии.

Великий русский полководец Кутузов, высмеивая авантюризм Наполеона, в одном из своих писем из-под Смоленска писал в 1812 г.:

«Еще десяток таких дней, как последние, и у Бонапарта ног нехватит, чтобы бежать... Все может случиться, когда руководишься гением»¹.

В области тактики Клаузевиц признает значение военной теории, так как, мол, масштабы действий здесь невелики, противник видим.

Но под этой «теорией» понимаются не отправные указания, являющиеся выводами из опыта, а предвзятые формы боевой деятельности войск, т. е. шаблоны, которые командир должен применять в любых случаях боя, независимо от особенностей конкретной обстановки.

Исходя из кантианских взглядов на теорию, отрицая познаваемость законов боя, Клаузевиц требовал от офицеров знать лишь «определенные способы действий», т. е. тактические шаблоны. Он требовал от офицеров неосмысленной исполнительности, т. е. исполнимости по фридриховскому принципу «не рассуждать». Клаузевиц оправдывал кастовость офицерства, его радовало, что враждебное народу прусское офицерство выделялось в привилегированную, замкнутую, узко сословную касту.

Так, о себе самом Клаузевиц писал, что у него «кастовое чувство укоренилось так прочно, как оно может укорениться только в результате воспитания, определяющего всю жизнь человека»².

И в данном вопросе взгляды Клаузевица совпадали с положениями немецкой идеалистической философии, которая изошрялась в восхвалении кастовой замкнутости прусской военщины. Поэтому не случайно, что Клаузевиц не только не разрешил вопроса о роли полководцев и командиров в войне, но даже не сумел правильно поставить этот вопрос.

Развитие человеческого общества подчиняется своим объективным законам, а не прихоти «гениев» и «талантов». Не «абсолютная идея» Гегеля, не «гении» и «таланты» Клаузевица создают историю человеческого общества; творцами ее являются народные массы. Великими людьми, великими полководцами становятся только те личности, которые глубоко понимают историческую обстановку, потребности времени, народа, передового класса, которые лучше других понимают исторический ход событий, которые дальше видят. Выдающиеся же личности, действующие вопреки поступательному историческому развитию, сходят со сцены. Так, например, Наполеон был выдающимся полководцем своего времени. Но поставив перед собой сумасбродную цель завоевать мировое господство, он вступил в противоречия с потребностями развития

¹ Журнал «Русская старина», т. III, 1874 г., стр. 363.

² Клаузевиц, 1806 год, стр. 21.

материальной жизни общества, с поступательным развитием истории, с коренными интересами могущественных народов. Поэтому его планы потерпели крах.

Только марксистско-ленинская теория подлинно научно разрешила вопрос о роли личности и народных масс в истории.

«Выдающиеся личности могут превратиться в ничто, если их идеи и пожелания идут вразрез с экономическим развитием общества, вразрез с потребностями передового класса, и — наоборот — выдающиеся люди могут стать действительно выдающимися личностями, если их идеи и пожелания правильно выражают потребности экономического развития общества, потребности передового класса»¹.

Задача великих полководцев и военных деятелей и состоит в том, чтобы, опираясь на передовую общественную силу, вскрывать прогрессивные тенденции в развитии военного дела, создавать передовые мощные вооруженные силы, новые формы и методы применения их на полях сражений.

Вся доктрина Клаузевица построена на идеалистической основе. Моральный дух армии он сводит к «воинской доблести». Что же такое, по его утверждению, воинская доблесть? Под «воинской доблестью» он понимает слепое повиновение солдат и офицеров, вырабатываемое муштрой. Это положение Клаузевиц «обосновывает» путем противопоставления воинской доблести и храбрости. Оказывается, что храбрость и доблесть совершенно разные вещи и между ними якобы нет никакой связи, ибо храбрость может быть свойственна и восставшим народам, тогда как «воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям»².

«Доказательства» этого довольно несложны. Они сводятся к тому, что моральные истоки храбрости и воинской доблести различны. «Воинская доблесть» исходит не из воодушевления целью борьбы, а из лозунга «о чести оружия» и специальной выучки, в результате которой солдат превращается в «...исполнителя той роли, которая нам в этом деле отведена»³. В общем Клаузевиц все дело и в этом вопросе сводил к муштре и к фридриховскому требованию «не рассуждать». Основы боевых качеств армии он видел именно в муштре и слепом повиновении солдат своему начальству. Такое воспитание войск вполне отвечало требованиям, которые предъявлялись к армии, одинаково пригодной и для подавления революционного движения внутри своей страны, и для ведения захватнических войн за ее пределами.

Гегель, стремясь служить прусской сословной монархии не за страх, а за совесть, также разрабатывал вопрос о моральном духе армии. Установку прусских помещиков на постоянную вымуштрованную армию, надежно изолированную от народа, он объявлял такой же необходимостью, как вступление в... брак. Гегель был сторонником обособления армии в замкнутую касту по примеру якобы

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 16.

² Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 201.

³ Там же, стр. 199—200.

являющихся в начале XIX в. «правомерными» промышленного, государственного, торгового и тому подобных «сословий». Реакционность этих положений становится еще более явной, если учесть, что Гегель высказывал их после французской буржуазной революции, когда сословные армии и прочие сословно-кастовые образования отходили в прошлое. Одним словом, его мораль была той же: «не рассуждать... исполнять, что приказано». И немецкие солдаты и офицеры привыкали «не рассуждать», входили «во вкус» исполнения любых преступлений, лишь бы они исходили от «начальства».

Героизм, проявленный народами в освободительных войнах, реакционер Клаузевиц объявил «фанатизмом», лишенным внутреннего смысла.

История безжалостно отбрасывает подобные теории о моральной силе армии. Известно, например, что в освободительных справедливых войнах французского, русского, испанского и других народов в конце XVIII и начале XIX веков их армии проявляли сознательную храбрость, самоотверженность, основанные не на тупом послушании и муштре, а на глубоком понимании целей борьбы. И, наоборот, оболваненная, воспитанная в духе милитаризма прусская армия оказалась никуда не годной и рухнула от первых же ударов.

О войне французского народа против реакционных сил товарищ Сталин писал:

«Война 1792 года была династической войной неограниченных королей-крепостников против республиканской Франции, испугавшихся революционного пожара в последней. Целью войны было потушить этот пожар, восстановить во Франции старые порядки и тем гарантировать перепугавшихся королей от революционной заразы в их собственных государствах. Именно поэтому сражались так самоотверженно революционеры Франции с войсками королей»¹.

Французам спланивала и вдохновляла прогрессивная цель борьбы, поэтому они сражались так храбро, так доблестно, самоотверженно. И наоборот, пруссаки, не сочувствовавшие цели борьбы, не вдохновляемые ею, в сражении под Вальми проявили трусость, обратившись в бегство после первых артиллерийских залпов.

Крайнюю свою реакционность показывает Клаузевиц, когда говорит о моральной силе войск, проистекающей из «...духа комплектающего ее (армию — Л. Л.) народа». Он был ярким противником того, чтобы народные массы вставали на борьбу даже против интервентов. Перед фактами восстаний народных масс, добровольного пополнения армий, самостоятельного создания народом войск Клаузевиц стоит в явном замешательстве и недоумении. Он не может скрыть своей боязни масс и в том случае, когда существует только два выбора: или капитуляция перед интервентами или призыв народа к оружию. По его мнению, народ может быть привлечен к вооруженной борьбе только при условии полного послушания существующему реакционному режиму государства. Если же призыв к оружию угрожает революцией, то лучше капитуляция. Па-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 5.

триотизм населения, по мнению Клаузевица, не может питать воинскую доблесть. Отсюда он делает вывод, что армия должна быть изолирована от «комплектующего ее народа».

Клаузевиц, как идеолог прусского милитаризма, выражал свою программу моральной подготовки войны в трех требованиях: 1) воспитание такого «характера народа», который обеспечил бы безропотное несение населением тягот войны, 2) культивирование духа захватничества — «воинственности» и 3) воспитание прусского шовинизма. Он требовал, чтобы пруссаки уверовали в свою силу, в возможность и «право» поработать другие народы: «Лишь тогда, когда народный характер и втянутость в войну постоянно взаимно поддерживают друг друга, народ может надеяться занять прочную позицию в политическом мире»¹.

В своих реакционных взглядах Клаузевиц не был одиноким. В этом деле он руководствовался философией Фихте, Гегеля и других немецких философов.

Считая немцев «избранным» народом, Фихте проповедывал шовинистические захватнические идеи. Гегель вторил Фихте и, всячески разжигая немецкий шовинизм, на все лады охаивал все другие народы, их национальный характер, политический строй, быт и звал немцев к реакционным завоевательным войнам.

Все эти взгляды на роль морального фактора в войне построены на идеалистической и метафизической основах. Реакционные идеологи рассматривали моральный дух армии не как явление социально-политическое, а как биологическое явление. Они оперировали такими понятиями, как «вражда», «ненависть», «алчность», «физический страх» и т. п. Клаузевиц объявил, что моральный фактор непознаваем: «К сожалению, — писал он, — моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под ряды; их можно лишь наблюдать и чувствовать»². Но последнее, как говорилось выше, доступно только «гениям» и «талантам».

Моральный фактор в войнах, по Клаузевицу, не претерпевает никаких изменений ни в зависимости от смены эпох, ни в зависимости от характера войн. Идеи Клаузевица о моральной силе армии — это догма, реакционного содержания абстракция, использовавшаяся прусскими реакционерами в своих интересах.

Военное искусство. В работе Клаузевица «О войне» имеется глава, названная им «Военное искусство или военная наука».

Излагая свои взгляды на военное искусство и военную науку, он сделал непосильную для него попытку проанализировать исторический процесс становления военной теории. Еще слабее оказалась его попытка вскрыть закономерность этого процесса.

Изложение истории военной науки Клаузевиц совершенно произвольно начал с эпохи европейского абсолютизма и связал ее зарождение с осадой крепостей.

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 209.

² Там же, стр. 196.

Необходимость создания военных теорий Клаузевиц объяснял идеалистически: в известное время начали «размышлять» о военном деле. Но вполне понятно, что подобный подход оставляет вопрос открытым, ибо не решено: почему же именно в определенный исторический период стали «размышлять» о военном деле, т. е. почему и когда потребности боевой практики настоятельно потребовали ее теоретического обобщения?

Не имея, таким образом, научно правильного исторического и логического подхода к вопросу, Клаузевиц взялся за установление самого содержания военной теории.

И Клаузевиц пришел к выводу, что создание подлинной военной науки, отражающей объективную истину, принципиально невозможно. Этот скептический вывод о бессилии человеческой мысли в области военного дела Клаузевиц сделал, исходя из того, что война якобы непознаваема, непостижима для человеческого разума. Война, по мнению Клаузевица, доступна лишь инстинкту «гениев» и «талантов», обладающих некоей мистической прозорливостью «внутреннего ока».

Во второй части своей работы «О войне» под названием «О теории войны» Клаузевиц явно отбросил свое определение войны как политики, проводимой насильственными средствами. Лишь в одном месте, попутно, говорится о том, что политика является «клоном, в котором развивается война», что война «ближе к политике, чем к торговле», т. е. по самому смыслу речь ведется о сходстве, о **близости** политики и войны, но не о соотношении содержания (политики) и формы (насилия). К тому же эти замечания, сделанные попутно, ни в какую связь с решением всей проблемы о содержании военной теории не ставятся.

Положение о том, что война представляет собой разгул «чувств вражды», «мести», «возмездия», потребовалось Клаузевицу для того, чтобы скрыть правду о войне и «доказать» ее непознаваемость.

Не только чувство страха, но и мужество объявляются явлениями, не имеющими ничего общего с разумом и волей человека, и объясняются лишь инстинктом самосохранения. Считая войну явлением стихийным, подчиненным не разуму, а животным инстинктам, Клаузевиц делает вывод о бессилии человеческого ума познать закономерности войны. «Невозможность» проникнуть в существо войны относится к солдатам, а также и к офицерам-исполнителям. Для них познание закономерностей войны объявляется абсолютно невозможным. Что же касается полководцев, то и для них явления войны непознаваемы. Но, в отличие от солдат и офицеров-исполнителей, Клаузевиц наделяет полководцев способностью «угадывать» ход событий с помощью «внутреннего ока».

О порочности доказательств Клаузевица говорилось выше. Остается лишний раз подчеркнуть, что «учитель войны» пытается выдать за науку свои реакционные взгляды, в которых в полной мере сказывается его пренебрежение к массам, «не способным» якобы осмысливать свою деятельность на войне и руководствующую

щихся в бою только «животными чувствами». Клаузевиц стремился, опираясь на философию Гегеля, Канта и других идеалистов, «доказать», что только прусские юнкера имеют данные для полководческой деятельности — особое «внутреннее око», и, больше того, что «непознаваемость» войны делает правомерными для них произвольные решения, т. е. «чисто военную» авантюристическую стратегию.

Все эти положения Клаузевиц выдвигал тогда, когда уже всему миру были известны суворовские взгляды на роль офицеров и солдат в бою: «каждый воин должен понимать свой маневр». Стратегия и тактика великого русского полководца Суворова строились на глубоком проникновении в обстановку войны и боя.

Невозможность познания закономерностей войны Клаузевиц пытается «доказать» также и тем, что на войне «господствует» случайность. «Ведение войны... расплывается в крайне неопределенных границах во все стороны, между тем как каждая система, каждое научное построение обладают ограничивающей природой синтеза; отсюда создается навсегда непримиримое противоречие между такой теорией и практикой»¹.

Таким образом, Клаузевиц категорически отрицает возможность существования военной теории, достоверно отражающей боевую практику, и вместо нее выдвигает догматические положения, построенные на схоластических умозаклчениях.

«Теория,— писал Клаузевиц,— не должна быть непременно положительным учением, т. е. руководством для действий»².

По его мнению, военная теория как подлинное знание невозможна, она представляет собой лишь некие «чисто логические» положения, произвольные умозаклчения, «воспитывающие» ум полководца, но не отражающие объективную истину.

Рассматривая теорию стратегии и теорию тактики, Клаузевиц считает, что в области тактики подлинная теория может заключаться лишь в выработке «определенных способов действий», т. е. тех же фридриховских и бюловских шаблонов; в стратегии же — все зависит от «гения» полководца. Но и здесь, оговаривается Клаузевиц, если у руководителей нет гениальности, на помощь могут приходиться «исторические примеры», т. е. шаблоны. Такая трактовка данных вопросов всецело отвечала интересам господствующего класса и прусской монархии.

Таким образом, Клаузевиц свел военное искусство к ремеслу для офицеров-исполнителей и к знахарству — для полководцев.

У Клаузевица нет никаких указаний о том, что можно предвидеть развитие военного дела. Это и понятно. Класс реакционных помещиков, к которому принадлежал Клаузевиц, видел свое благополучие в прошлом и со страхом смотрел на тенденции общественного развития.

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 121.

² Там же, стр. 131.

Итак, взгляды Клаузевица на теорию были идеалистическими. Они отражали интересы господствующего класса Пруссии — реакционного юнкерства.

Только марксизм-ленинизм дал единственно правильное истолкование вопроса о познаваемости мира.

«В противоположность идеализму,— писал товарищ Сталин,— который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой,— марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики..»

Дальше. Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества,— являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин»¹.

Война — явление общественной жизни. Следовательно, данные науки о войне и ее закономерностях имеют значение объективных истин.

Война, конечно, не обособленная, не «изолированная», как это изображает Клаузевиц, область общественной жизни. Война — продолжение политики государств, классов. Она связана и переплетена со всей остальной общественной жизнью, с борьбой классов.

Как известно, на ход и исход войны оказывают влияние экономические и моральный факторы. Поэтому военному руководителю приходится взвешивать (причем в условиях крайне динамичного развития, быстрых и часто коренных изменений обстановки) такие моменты, как характер войны, политическая обстановка, в которой она разворачивается, политические позиции классов, политические настроения своих войск и войск противника, соотношение ресурсов и т. д.

На войне угроза физической гибели непосредственна; поэтому такие качества воинов, как самообладание, стойкость, способность к самопожертвованию, играют исключительно большую роль.

Итак, война — сложное явление общественной жизни. Однако ей, как и любому другому явлению общественной жизни, свойственны определенные закономерности.

Марксистско-ленинская теория утверждает и научно доказывает принципиальную познаваемость этих закономерностей.

Клаузевиц объявил явления войны «непознаваемыми», открывая этим широкий простор для авантюризма.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 543—544.

Немецкая военная теория, основы которой создавал Клаузевиц, оказалась порочной и несостоятельной, о чем свидетельствуют многочисленные уроки истории.

Взгляды Клаузевица на стратегию и тактику, на формы борьбы представляют собой итог его доктрины — главный вывод для практики. Если проследить развитие этих его воззрений, мы увидим, что они претерпели некоторые изменения, прежде всего в связи с менявшейся обстановкой, в которой проводило свою политику прусское государство. Однако во всех своих работах он преследует одну цель — создать теорию захватнической войны.

Клаузевица не занимали проблемы справедливых войн, которые он объявлял «незаконными». История, по его мнению, знает лишь два «законных» типа войн: войну с целью полного сокрушения и порабощения противника и войну, имеющую целью осуществить захват части территории враждебной страны: «Целью войны может быть сокрушение врага... или же целью войны могут являться некоторые завоевания...»¹.

Итак, Клаузевиц даже не пытается скрыть свои явно агрессивные устремления. Вся его доктрина проникнута крайне агрессивными идеями. Не случайно, свой главный труд «О войне» он назвал теорией «большой войны».

Пытаясь определить принцип стратегии, Клаузевиц вновь обращается к вопросу о сущности войны и вновь исходит из своих, уже нам достаточно знакомых, эклектических взглядов.

Война опять объявляется «по ее природе» проявлением биологических чувств «вражды». Затем Клаузевиц вновь оговаривается, что поскольку ожесточенность борьбы может умеряться, благодаря природной ограниченности и слабости людей»², то война не выступает уже как неумержимый разгул насилия и «становится чем-то половинчатым»³. Здесь же Клаузевиц для обоснования своих взглядов вновь использует положение Гегеля о «надклассовом» государстве, внутренняя и внешняя политика которого якобы выражает интересы всех классов, всех граждан страны. На этом основании Клаузевиц объявляет войну «политикой, сменившей перо на меч...». Определив политику, как выражение гармонии интересов всех граждан государства, Клаузевиц подчиняет стратегию этой политике. Очевидно, что все это потребовалось ему для того, чтобы оправдать агрессивность, авантюризм прусских милитаристов.

Задачи стратегии Клаузевиц определяет в полном соответствии с агрессивными аппетитами правящих классов Пруссии.

Главная задача стратегии, по его мнению, состоит в том, чтобы сосредоточить все или почти все свои силы против основных сил противника, чтобы разбить их в одном сражении в самом начале войны и таким образом решить исход войны в свою пользу.

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 23.

² Там же, т. II, стр. 360.

³ Там же, т. II, стр. 371.

Для «обоснования» этого положения Клаузевиц выдвинул «закон» одновременного применения сил: «...в стратегии,— писал он,— закон одновременности применения сил почти всегда заставляет добиваться основного решения (которое не обязательно будет последним) в начале великого акта войны»¹.

Свой «закон» Клаузевиц объявляет универсальным, одинаково действующим как в войне против одного государства, так и в войне против коалиции государств.

По поводу войны с коалицией он писал: «...мы выдвигаем принцип, что, поскольку мы в состоянии победить всех остальных противников в лице одного из них, сокрушение этого одного должно являться конечной военной целью»². Победы Клаузевиц рекомендовал достигнуть путем «генерального сражения»: «...на генеральное сражение следует смотреть как на *концентрированную войну*»³.

Клаузевиц требовал всегда рассчитывать на «блицпобеду», осуществлять завоевания «одним духом, без промежуточных остановок»⁴. Именно эти положения Клаузевица и легли затем в основу теории «молниеносной войны».

Вся история войн свидетельствует, что стратегические принципы Клаузевица были умозаключениями авантюриста, ничего общего не имеющими с наукой.

Его «закон» одновременного применения сил — это только другое название его же «закона крайности»⁵, представляющего собой пустую, бессодержательную выдумку о том, что якобы война как биологическое явление, как борьба, равнозначная борьбе в животном мире, не знает пределов ожесточенности и доводит разгул насилия до предела.

Эта точка зрения Клаузевица имела определенное классовое предназначение. Она была направлена на то, чтобы обмануть народ, отравить его ядом милитаризма, проповедью войны и обогащения, подготовить солдат к проявлению низменных инстинктов, к исполнению преступных приказов.

Эта изуверская мораль в полной мере была воспринята немецкими фашистами. Причем на примере гитлеровской армии наиболее полно обнаружилось, что превращение армии в сборище садистов, грабителей, бандитов становится источником ее слабости и одной из причин полного поражения и разгрома. Эту же мораль в настоящее время проповедуют американо-английские поджигатели войны, которые в лихорадочных поисках путей и средств спасения умирающего капитализма, путей и средств завоевания мирового господства готовятся к применению атомного оружия и других средств массового уничтожения людей. Однако планы этих людоедов потерпят такой же крах, какой потерпели планы германских и других фашистов.

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 334.

² Там же, т. I, стр. 235.

³ Там же, т. I, стр. 297.

⁴ Там же, т. II, стр. 363.

⁵ Там же, т. I, стр. 36.

Много внимания Клаузевиц уделял вопросам генерального сражения, которое он рассматривал метафизически, вне исторических условий борьбы.

В XVII—XVIII столетиях в Западной Европе при абсолютистских монархиях с их ненадежными, изолированными от народов наемными армиями, при безразличии масс к чуждому им делу войны, при слабости ресурсов существовала возможность достижения решающей победы в одном сражении. Но уже Семилетняя война показала, что достижение таких результатов становится все более трудным. Произошло много сражений, которые могли быть приняты за «генеральные», однако, ни одно из них порознь не решало судьбу войны в целом.

В ходе борьбы революционной Франции против реакционных коалиций в конце XVIII столетия было опровергнуто немало устарелых догм, в том числе и догма о достижении победы в одном «генеральном сражении». Несостоятельность этой догмы убедительно была доказана в Отечественной войне 1812 г., когда русское военное искусство противопоставило наполеоновской идее «одноактной» победы в одном «генеральном сражении» систему искусных сражений, маневров, партизанскую войну и т. д. и доказало свое превосходство над военным искусством французской армии.

Клаузевиц же, несмотря на коренные изменения условий борьбы, на появление массовых армий, продолжал развивать идею об одноактной победе в одном генеральном сражении, ссылаясь на авторитет Наполеона I и, конечно, Фридриха II.

«Едва ли, — писал Клаузевиц, — Бонапарт когда-либо предпринимал какой-либо из своих походов без мысли, что он тотчас же, в первом же сражении, разгромит своего противника; то же думал и Фридрих Великий в более мелких условиях...»¹.

В отличие от Наполеона, гениальный Кутузов не связывал исхода войны с одним сражением, с достижением победы в начале войны.

Кутузов писал: «Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно оберегать армию, а скоро все наши армии, то-есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие, станут действовать к одной цели и Наполеон долго в Москве не пробудет»². В другом месте Кутузов высказался еще более определенно: «Наполеон, утомленный большими и маленькими сражениями и лишенный жизненных припасов, оставил Москву и бежит к Смоленску...»³.

Итак, победы Наполеона, одержанные им в 1805—1806 гг. в одном или двух сражениях в начале войны, были уже нехарактерны. Это были победы над отсталыми, слабыми армиями, изолированными от своих народов.

Выхватывая из всего исторического процесса отдельные факты, Клаузевиц обнаруживал полное непонимание новых исторических условий, цеплялся за устарелые положения и строил на них свою

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 301.

² М. И. Кутузов, Воениздат, 1947 г., стр. 17.

³ Журнал «Русская старина», 1847 г., т. III, стр. 363.

догматическую теорию. Решая проблему генерального сражения метафизически, Клаузевиц оказался беспомощным и в вопросах определения переломных кризисных моментов войны и в вопросе о выборе направления основного удара. Исторический опыт был недоступен для него.

Он не признавал, что эпоха массовых армий рождает новое военное искусство, что освободительная борьба против захватчиков может творить, создавать новое военное искусство. Несмотря на явное превосходство полководческого искусства Кутузова над искусством Наполеона, Клаузевиц продолжал раболепствовать перед последним.

Клаузевиц испытывает суеверный страх при мысли, что освободительную борьбу народов против агрессоров можно теоретически обобщать. Он писал: «...храни нас небо от этого свойственного большинству теорий заблуждения, на почве которого возникают взаимно уничтожающие *pro* и *contra*¹. Клаузевиц не поступается ничем, когда логика вещей встает против его ложных реакционных идей. Он требует сводить боевые действия «к одной крупной операции»². «Все сводится к важнейшему решению; им покрываются все потери»³, — утверждает Клаузевиц.

В отличие от Фридриха, который откровенно объяснял свое требование «короткой» войны слабостью прусского государства и неспособностью прусской армии вести войну в течение длительного времени, Клаузевиц стремился обосновать это требование ссылкой на сочиненные им «законы» войны, пытаясь придать своей теории «научный вид».

Военная практика наемных армий Западной Европы в XVIII в. имела оборонительные тенденции. Это отразила и теория.

К концу XVIII и началу XIX в. наступательные формы борьбы выдвигаются на первое место. Боевой опыт русской армии в 1812 г. наглядно показал эффективность одной из форм наступления — контрнаступления.

Клаузевиц и в этих вопросах фальсифицировал историю в интересах прусского юнкерства. Он не был склонен обобщать, анализировать исторические факты и, таким образом, получать выводы для теории. Наоборот, он приступал к изучению исторических событий с уже заранее готовыми, предвзятыми положениями, с «рецептами победы», которые одобрялись прусским генеральным штабом и ложились в основу его авантюристических военных планов. Иногда он пытался искать подтверждений своим ложным выводам в практике.

В общем Клаузевиц ставил перед собой задачу не доказать, а навязать то или иное положение, тот или иной вывод, которые могли бы быть «удобны» для милитаристов. Но так как в действительности не было такой практики, которая подтверждала бы «тео-

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 295.

² Там же, т. II, стр. 403.

³ Там же, стр. 404.

ретические» положения Клаузевица, то он приспособлял ее к своим выводам путем фальсификации истории войн и военного искусства.

Вследствие такого подхода к теоретическому исследованию его исторические труды не являются объективным изложением событий, анализом причинной обусловленности фактов. В них события, факты подогнаны к требованиям доктрины.

Примером этого могут служить его выводы по вопросам наступления и отступления, обороны и контрнаступления.

Клаузевиц рассматривал оборону и наступление в различных условиях и масштабах. Он признавал отступление законной формой борьбы при неблагоприятных условиях. Ленин использовал это положение Клаузевица в борьбе против социал-шовинистов, социал-империалистов: «Ленину, — указывает товарищ Сталин, — нужна была здесь ссылка на Клаузевица, чтобы лишний раз уличить «левых» коммунистов, не признающих отступлений, как законной формы борьбы»¹.

Товарищ Сталин подчеркивает, что «...Ленин подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик, и интересовался теми вопросами в трудах Клаузевица, которые демонстрируют связь войны с политикой»².

Ленин, как указывает нам товарищ Сталин, не разбирал военно-теоретических вопросов доктрины Клаузевица, решения Клаузевицем проблем военной теории: отступления и наступления, обороны и контрнаступления и их взаимоотношения.

Упорно и сознательно преследуя цель создания теории агрессивной войны для прусского государства, Клаузевиц выдвигает в корне неверное положение о том, что «...оборона представляет более сильную форму ведения войны»³. Отсюда он делает вывод, что если оборона «сильнее» наступления, а выиграть войну можно только наступая, то нужно, используя внезапность, ориентироваться на максимально стремительное наступление — блицнаступление и добиться разгрома противника в одном сражении в начале войны, не дав ему времени организовать оборону.

Такое толкование вопросов о формах борьбы является схоластическим, игнорирующим исторические факты.

Стремясь обосновать политику агрессии прусских реакционеров и их авантюристическую стратегию, Клаузевиц обставил свои догмы множеством «доказательств», на которых необходимо остановиться.

Ему было известно, что в сравнении с обороной или отступлением наступление имеет преимущества в использовании инициативы действий и внезапности, в большей свободе маневра, в подъеме духа войск. «Мы имеем в виду, — писал Клаузевиц, — ту храбрость и то чувство превосходства, которые вытекают из сознания принадлежности к числу наступающих»⁴.

¹ Журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 7.

² Там же, стр. 7.

³ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 18.

Но, перебирая эти несомненные доказательства того, что ведущей формой борьбы является наступление, Клаузевиц стремился (конечно, тщетно) опрокидывать их одно за другим.

В тактике дело у него обходится просто, он утверждает, что преимущества обороняющегося в использовании местности превосходят преимущества в возможной внезапности атаки и маневра наступающего. Придерживаясь ложных взглядов на соотношение стратегии и тактики, Клаузевиц подходил к стратегии так же, как и к тактике. Здесь, по его утверждению, тоже «местность» (театр) на стороне обороняющегося. Но зато по-другому изображается значение внезапности и маневра. Клаузевиц писал: «Как в стратегии, так и в тактике обороняющийся имеет на своей стороне местные выгоды, а наступающий — преимущество внезапности. Надо заметить, что внезапное нападение представляет для стратегии несравнимо более действительное и важное средство, чем для тактики. В последней внезапное нападение редко может быть развито до размеров крупной победы, между тем как захват противника врасплох в стратегии нередко одним ударом заканчивает войну»¹.

Все это говорилось в начале XIX столетия, когда из-за малоподвижности армий, плохих дорог и слабо развитой техники стратегическая внезапность была особенно трудно достижимой. Даже тактическая внезапность вследствие приверженности многих армий к линейному боевому порядку и вообще к заблаговременному построению для боя, малой эффективности огнестрельного оружия достигалась редко. Но при установке Клаузевица на достижение победы в войне одним ударом (в одном «генеральном» сражении) различие стратегической и тактической внезапности теряет свой смысл. Маневр в стратегическом масштабе, по Клаузевицу, осуществляется успешнее, чем в тактике. Это «доказывается» тем, что при стратегическом маневре войска не подвергаются воздействию перекрестного огня, ибо невозможно стрелять, «объясняет» Клаузевиц, «...с одного конца театра войны на другой»². И это говорилось в том же XIX столетии, когда низкая дальнобойность гладкоствольных ружей и орудий не давала возможности одним огнем сорвать даже тактический маневр. Кроме того, свои мысли он «подкреплял» тем, что «...пространство не может быть в стратегии так же преграждено, как в тактике»³.

Этими своими рассуждениями Клаузевиц лишним раз подтверждает, что он ни на шаг не ушел от стратегии и тактики феодальных наемных армий. Под маневром в стратегии Клаузевиц понимает сосредоточение армии к пункту «генерального сражения». Что касается маневра в тактическом масштабе, то он, являясь сто-

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 14. По вопросу о стратегической внезапности эклектическая путаница у него особенно велика. Он перебирает многие «за» и «против», то и дело сам себе противоречит. Однако его общий взгляд не двусмысленен. В своей работе «Важнейшие принципы ведения войны» он писал, что внезапность «составляет самый действительный залог победы» («Учение о войне Клаузевица», СПб, 1888, стр. 38).

² Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 15.

³ Там же.

ронником фридриховской тактики, не мог правильно решить и этот вопрос.

Но боевой опыт начала XIX столетия опровергал эти надуманные заключения. Так, например, разгром Кутузовым обходящего корпуса Мортье в 1805 г. на Дунае не послужил Клаузевицу уроком.

Известно, что разгром Наполеоном австрийской армии под Ульмом (1805 г.) создал для выходящей в район боевых действий русской армии Кутузова крайне опасную обстановку. Французы имели 160 тысяч человек против 50 тысяч русских. Это обстоятельство вынудило Кутузова начать свой знаменитый марш-маневр.

Надеясь одержать легкую победу над русской армией, Наполеон бросил в тыл русским, за Дунай, корпус Мортье.

В своих донесениях Кутузов писал: «Едва успел я перейти 29 октября реку Дунай, как узнал, что уже неприятельская колонна находится на левом берегу Дуная, и сия поспежала отрезать мне мост при Кремсе. Неприятель был от меня в 6 верстах.

1-й день прошел в неважной перестрелке с пехотою, но 3-го числа, узнав, что тот не весьма силен, решился атаковать его таким образом, что часть войск заведена ему в тыл»¹. И далее: «Неприятель разбит совершенно, целая дивизия истреблена, часть спаслась за Дунай на лодках»².

Таков был опыт, такова была живая практика, которые были хорошо известны и Клаузевицу. Но, несмотря на это, он подходил к вопросу об оценке противника с юнкерским высокомерием, считая его всегда инертным, бездействующим.

Клаузевиц не понимал природы маневра. Всю трудность маневра он видел в его замысле и выработке его плана, а не в практическом осуществлении. Стоит, по утверждению Клаузевица, иметь правильный замысел и хороший план, и успех в бою будет обеспечен.

Так Клаузевиц «доказывает» преимущества наступательной стратегии. Вместе с тем он наперекор своим же суждениям утверждает, что оборона «сильнее наступления». В общем его «доказательства» противоречат одно другому.

Таким образом, Клаузевиц, как и другие реакционеры того времени, извращенно решал вопрос о взаимоотношении наступления и обороны. Правильно для своего времени решили этот вопрос русские полководцы П. А. Румянцев, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, а также декабрист П. И. Пестель, который в одном из своих произведений («Наставление для боевых действий») писал:

«1) Раздвоение войны на наступательную и оборонительную; 2) Преимущества войны наступательной; 3) Необходимость иногда вести войну оборонительную»³.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3108, л. 70.

² Там же, л. 73.

³ ЦГИА, ф. 1123, д. 473, л. 204 (цитируется по диссертации Е. А. Прокофьева «Военные взгляды декабристов»).

Все рассуждения Клаузевица проникнуты духом юнкерского пренебрежения к народным массам, к солдатам и имеют целью доказать необходимость господства прусских юнкеров.

Он не случайно «не замечал» убедительных исторических фактов, когда народы из «безразличных», «боязливых» превращались в энергичных и бесстрашных, когда революционная энергия масс ломала старые и утверждала новые общественно-экономические отношения, новые военные системы.

Буржуазная наука прошлого и настоящего времени расценивает Клаузевица как тонкого психолога. Но его психологизм является не чем иным, как выражением идеалистического мировоззрения.

Паузы в военных действиях Клаузевиц пытается объяснить боязливостью и нерешительностью «человеческой природы». Вопреки историческому опыту, он утверждает, что после вынужденных остановок, как правило, наступление не возобновляется. С легкой руки Клаузевица в буржуазной военной теории укоренился взгляд, выдаваемый за «универсальный вечный закон», что наступление с течением времени неизбежно затухает. Отсюда делается все тот же вывод о необходимости огульного, безостановочного наступления, чтобы оно не затухло.

Одним из видов обороны Клаузевиц считал «народную войну»¹ (партизанскую). В этом сказалось влияние событий, свидетелем которых он был. Но, назвав партизанскую борьбу населения «...крупным средством стратегической обороны»² и схематично осветив некоторые стороны тактики этой борьбы, он извращенно трактует затронутый вопрос. И в данном случае Клаузевиц оставался идеологом агрессивных, захватнических войн. Привлекать народ для обороны страны он считает допустимым только в том случае, если все возможности обойтись постоянной армией исчерпаны, если нет опасности революции и существует гарантия, что удастся обуздать и своевременно подавить народное движение, отобрать оружие у партизан после того, как они будут использованы в интересах юнкерского государства. Но если вооружение народа против интервентов угрожает существованию реакционного режима, Клаузевиц высказывается за капитуляцию перед внешним врагом³.

«Народную войну» Клаузевиц понимал только как партизанские действия, а не как борьбу всей нации с захватчиками. Он рекомендует всемерно изолировать действия регулярной армии от партизанской борьбы⁴.

Лишь слегка маскируя свое собственное мнение, Клаузевиц достаточно откровенно подчеркнул опасности для правящего эксплуататорского класса, связанные с партизанской борьбой. Он усматри-

¹ В его работе «О войне» имеется специальная глава под названием «Народная война».

² Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 198.

³ См. Клаузевиц, 1806 год.

⁴ Концепция «народной войны» Клаузевица была широко использована дворянско-буржуазной военной историографией в целях фальсификации истории Отечественной войны 1812 г., умаления самостоятельного участия в ней населения (см. работы Михайловского-Данилевского, Богдановича и др.).

вал в партизанской борьбе «...средство революционное... столь же опасное для общественного порядка внутри государства, как и для неприятеля...»¹. Эти строки Клаузевиц писал, что называется, с натуры (прусское правительство, боясь революционных выступлений народа, поспешно разоружило ландштурм в 1815 г.).

Американо-английские империалисты и силы реакции во Франции, Греции и других странах Западной Европы, а также фашистская клика Тито в Югославии в период второй мировой войны пытались использовать народное движение в своих целях, а после разгрома гитлеровской Германии сразу же начали зверские расправы с партизанами, героически боровшимися против фашистского порабощения. Эту разбойничью практику американские и другие агрессоры все более нагло проводят в жизнь и в настоящее время. В поисках аргументов для оправдания своей реакционной политики империалистические агрессоры используют идеи Клаузевица, что лишний раз свидетельствует об их исторической обреченности.

Клаузевиц оказался неспособным правильно оценить такую сильную форму борьбы, как контрнаступление, мастерски использованную великим русским полководцем М. И. Кутузовым в 1812 г. Клаузевиц рассматривал контрнаступление не как самостоятельную форму борьбы, не как один из видов наступления, а как часть обороны. Вместе с тем его взгляд на контрнаступление преломлялся сквозь призму его ложной концепции «генерального сражения».

Во всех случаях, считал он, в центре внимания стоит вопрос о «генеральном сражении». Поэтому, когда совершается отход в глубь страны, то речь идет, по его мнению, лишь о том, что поскольку нельзя дать «генеральное сражение на границе», то следует отойти, чтобы дать это сражение где-то в глубине страны.

В связи с таким пониманием природы контрнаступления он и не мог правильно ставить вопрос о его подготовке путем частных ударов по противнику, сосредоточения новых сил внутри страны и накопления материальных ресурсов.

Клаузевиц требовал всегда сохранять армию для «единого генерального сражения». Говоря о своем понимании задач прусской армии в 1806 г., он писал: «Ведь вопрос заключался... в том, где и как можно выдержать и выиграть сражение: здесь ли или, соединившись с принцем Вюртембергским, за Эльбой, или, соединившись с русскими, за Одером»². Итак, исходя из концепции иллюзорной «одноактной» победы, он готов был отдать противнику без борьбы всю страну и ее ресурсы. Но, как учит опыт истории, это приводит к неминуемому поражению.

Понимание Клаузевицем задач отхода в глубину страны лишь как отсрочки момента «генерального сражения» привело его к порочному выводу о том, что при отходе слабейшей армии в глубину своей страны противник гибнет в основном сам — автоматически, остается лишь добить его в последующем «генеральном сражении».

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 192—193.

² Клаузевиц, 1806 год, стр. 122.

Непонимание Клаузевицем подлинного взаимоотношения наступления и отступления, обороны и контр наступления приводило его к тому, что отход в глубь страны вне соприкосновения с противником считался равнозначным отступлению, сопряженному с борьбой, с изматыванием и обескровливанием вражеской армии. Он писал, что «оборона пожинает плоды, растущие для нее как бы сами собой»¹.

Каковы же доказательства этих выводов, ложность которых в свете исторических фактов не вызывает никакого сомнения?

Часть «аргументов» уже нам известна — это «боязливость человеческого духа», неосведомленность и т. п. Новые его аргументы связаны с вопросом о пространстве, территории.

О территории сказано, что наличие ее «...заменяет собою решение...»². «Счастливы владеющие», — восклицает (со вздохом оглядываясь на свое отечество) Клаузевиц и думает, что он может сделать окончательное заключение, которое гласит: «Это положение (отступление — Л. Л.) оказывается чрезвычайно плодотворным, — но не деятельностью, им вызванной, а мотивами для бездеятельности и для всей той деятельности, которая ведется в интересах бездеятельности»³.

Это пустое и путаное рассуждение можно было бы игнорировать, если бы оно не являлось одним из принципов «теории» Клаузевица и одновременно своего рода «логическим» подходом для фальсификации событий войны 1812 г. в России.

Теория проверяется практикой. Как же Клаузевиц анализировал исторический опыт в данном случае?

Он писал: «Наполеон попал в скверную историю, и обстановка начала сама собою складываться в пользу русских...»⁴. «Русское государство так велико, что позволяет играть в «кошки и мышки» с неприятельской армией; на этом и должна базироваться в основном идея его обороны против превосходных сил неприятеля. Отступление в глубь страны завлекает туда же неприятельскую армию, оставляя в ее тылу обширные пространства, которые она занять не в состоянии. А затем уже не встретится никаких препятствий к тому, чтобы отступление, которое прежде шло от границы внутрь страны, начать в обратном направлении, из внутренних областей к границе, и, таким образом, вновь дойти до нее совместно с ослабленной неприятельской армией»⁵.

Клаузевиц игнорировал всю борьбу русских армий в Белоруссии, бои под Смоленском, Бородино, Тарутино, весь тарутинский период, знаменитую «малую войну», организованную Кутузовым, согласованные активные действия нескольких армий на огромном фронте. Широкое привлечение населения к вооруженной борьбе, подготовку

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 230.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Клаузевиц, 1812 год, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 84.

и организацию контрнаступления, переход в контрнаступление, начавшееся рядом больших боев (у Малоярославца, Медыни), преследование, сопровождавшееся многими большими и малыми боями, — все это фальсификатор истории Клаузевиц подменил болтовней об «игре в кошки и мышки» на обширном пространстве.

Это было извращением истины, ибо Клаузевиц знал, что колоссальное пространство не помешало Наполеону одерживать победы не только на огромной территории Египта, но и пройти всю Европу.

Пространство, конечно, имеет важное значение, но победа решается борьбой. Великие просторы нашей Родины сыграли свою роль в разгроме интервентов, но Наполеон был разбит потому, что русский народ поднялся против захватчиков, потому, что русская армия была лучшей армией своего времени и во главе ее стоял, как указывает товарищ Сталин, «наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»¹.

В весьма большом затруднении оказывается Клаузевиц со всеми положениями своей концепции «большой войны» каждый раз, как только касается проблемы соотношения сил.

Он понимал, что по своей военной и экономической мощи Пруссия уступала ряду государств. Но как представитель агрессивных сил Пруссии Клаузевиц пытался теоретически доказать, что все же Пруссия может одерживать победы. Поэтому все его исследования направлены на то, чтобы доказать правомерность победы вопреки неблагоприятному соотношению сил.

Говоря о предпосылках полной победы, Клаузевиц писал, что они «...заключаются в большом превосходстве физических или моральных сил или же в большой предприимчивости и склонности к крупным дерзаниям»². Здесь идея о всесильном полководце, «гении», «дерзающем», идущем на «риск», т. е. не боящемся авантюры, ставится во главу угла теории стратегии.

Такой взгляд на стратегию Клаузевиц стремился вновь и вновь подкреплять ссылками на историю. В стратегии Наполеона I его привлекал лишь авантюризм, продиктованный интересами французского крупного капитала.

В качестве примера положительной стратегии Клаузевиц считал поход Наполеона в... Россию в 1812 г. «Наполеон, — писал Клаузевиц, — хотел вести и закончить войну с Россией так, как он всюду вел и заканчивал свои войны: начать с решительных ударов и использовать полученные от них преимущества для нанесения новых решительных ударов, иначе говоря, все время ставить весь выигрыш на карту до тех пор, пока не будет сорван банк»³.

Авантюристическая концепция Клаузевица отвергала стратегические резервы. Мысль о выделении стратегических резервов Клаузе-

¹ Журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 8.

² Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 366—367..

³ Клаузевиц, 1812 год, стр. 153.

виц называл «путаной идеей». Однако исторические факты говорят о другом. Так, известно, что, не имея резервов после Иены и Ауэрштедта, прусское правительство было вынуждено капитулировать. Также общеизвестно, что в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г. крупную роль сыграли резервы.

Накануне Бородинского сражения Кутузов указывал: «...резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»¹.

Берясь писать историю войны 1812 г., Клаузевиц не хотел считаться с реальными фактами: с превосходством ресурсов у противников Наполеона, с неблагоприятной для него политической обстановкой. В стратегии Наполеона Клаузевиц оправдывал все и особенно восхищался в ней авантюризмом, азартной игрой «ва-банк».

В общем Клаузевиц считал, что стратегия может и должна исходить не из трезвого учета соотношения сил, а из установки на победу при заведомо меньших силах.

История учит, что стратегия может быть правильной, научной только в том случае, если она будет исходить из объективных условий, из трезвого учета возможностей, создаваемых обстановкой.

Клаузевиц создал основы дефективной, авантюристической немецкой стратегии.

Игнорируя объективные условия, определяющие стратегию, Клаузевиц извратил, опошил ее. Выдающуюся роль полководца, являющегося субъективным фактором победы, он сводил к знахарству и авантюризму.

В условиях XIX столетия, когда нереальность стратегических расчетов, исходящих из сравнения численности одних только армий, стала очевидной для гениального русского полководца Кутузова и для других передовых военных мыслителей, Клаузевиц явно стремится найти такое решение, такие рецепты победы, пользуясь которыми можно было не принимать «в расчеты» население, народы и их отношение к захватчикам, а также экономику государств.

Не считаясь с тем, что наступила эпоха массовых армий, он в разных местах неоднократно подчеркивает, что война должна начинаться внезапно, что вторжение необходимо вести по наикратчайшему направлению с максимальной стремительностью с целью захвата столицы вражеского государства, которая является главным объектом армии агрессора. Чем меньше населения встретится на пути наступления, по его мнению, тем лучше. Обосновывая свой план войны с Францией, Клаузевиц решительно выступал против обхода Парижа с юга: «Завоевывать Францию, — писал он, — со стороны Роны — это значит поднимать ружье, взявшись за конец его штыка... Всякий раз, как мы нападаем на отдаленную провинцию, мы затрагиваем интересы и возбуждаем деятельность, которые иначе дремали бы»².

¹ Хрестоматия по русской военной истории, Воениздат, 1948 г., стр. 347.

² Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 423.

Против национально-освободительной борьбы сопротивляющихся агрессии народов Клаузевиц призывал принимать военно-полицейские меры, не стесняться в выборе средств для подавления порабоощаемого народа, откровенно заявляя, что оккупационный режим должен опираться на «авторитет оружия».

Итак, Клаузевиц в своем главном варианте стратегии «большой войны» требовал идти по пути крайнего авантюризма. Однако, уделяя основное внимание стратегии в агрессивной войне, преследующей далеко идущие цели разгрома и порабощения государств, он учитывал слабость Пруссии и пытался разработать вариант стратегии и для осуществления войны, целью которой является захват части чужой территории. Когда сил заведомо мало, то следует, по рекомендации Клаузевица, уклоняться от встречи с главными силами противника, внезапно захватить часть территории, а затем удерживать захваченное, добиваясь заключения скорейшего мира путем дипломатических комбинаций, шантажа и провокаций. Определение Клаузевица, что война есть продолжение политики насильственными средствами, относится именно к войнам такого характера. В войне, проводимой явно недостаточными силами, политика, по Клаузевицу, восполняет военную слабость путем вероломства, обмана, провокации и т. д.

Что касается тактики, то Клаузевиц не понимал происхождения и развития тактических форм, их зависимости от изменения состава войск и техники. Больше того, Клаузевиц отвергал то, что подсказывала жизнь и что уже было осознано передовыми военными мыслителями (Суворовым, Кутузовым и др.). Отказывая низовому военному руководителю в способности и в праве самостоятельно решать даже непосредственно входящие в круг его обязанностей вопросы тактики, Клаузевиц подходил к последней схоластически. Он считал возможным осуществлять руководство в бою по заранее разработанным и заученным нормам-шаблонам. Клаузевиц требовал «...установить нормальный боевой порядок... Этот боевой порядок введет в образ действий армии... некоторый методизм, заменяющий искусство там, где его нет»¹.

Свои взгляды на тактику Клаузевиц воплотил в прусском уставе 1811 г., одним из составителей которого он был. В этом уставе предусматривался «нормальный боевой порядок» бригады для атаки.

Приверженность прусской тактики к шаблонизации боевых порядков, форм маневра, догматичность, доктринерский характер ее «рецептов победы» подверг острой критике прославленный русский полководец А. В. Суворов.

«Никакой баталии в кабинете выиграть невозможно»², — говорил Суворов, зло высмеивая «бедных академиков» — немецких военных схоластов. Великий новатор военного дела воспитывал

¹ Учение о войне Клаузевица, СПб, 1888 г., стр. 22—23.

² Суворов в сообщениях профессоров академии Генерального штаба, СПб, 1900 г., стр. 15.

своих офицеров в духе творчества, непримиримости к предвзятым, шаблонным решениям. Он требовал: «Я вправо, должно влево — меня не слушать». «Я велел вперед, но ты видишь — не иди — вперед»¹. Суворов давал и теоретическое обоснование необходимости инициативы в бою. Он рассматривал бой в его развитии и справедливо утверждал, что именно в отказе от всякой предвзятости, от шаблонов, в непрерывном учете изменений обстановки состоит подлинное военное искусство.

Весьма поучительны в данной связи взгляды Суворова, высказанные им в мае 1799 г.

Суворов разработал план наступления, которое имело целью ударом на Тортону отрезать французские войска от Генуи. В связи с этим он отменил свой прежний приказ о наступлении на Валенцу. Командир одного из его корпусов генерал Розенберг не выполнил своевременно задачи, поставленной новым приказом. Анализируя в приказе от 3(14) мая 1799 г. действия Розенберга, Суворов высказал свои соображения относительно инициативы и централизации руководства. «Местной, — указывал Суворов, — в его близости, по обстоятельствам лутче судит, нежели отдаленной, он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по правилам воинским»². Розенберг же наступал, указывает далее Суворов, «без малейшего рассмотрения, оставя все благоразумие».

Подтвердив свое требование итти к Тортоне, Суворов писал Розенбергу: «не теряя ни минуты, сие исполнять или под военный суд»³.

Розенберг обнаружил узость своего военного кругозора, не понимая необходимости «соединиться к армии для больших операций»⁴.

Итак, добываясь от начальников всех степеней, а также и от солдат проявления инициативы в бою, Суворов вместе с тем требовал разумных, оправданных обстановкой действий, подчинения частного общему и дисциплинированности.

Суворовский подход к вопросу об инициативе и централизации руководства был совершенно противоположен фридриховскому подходу. Фридрих требовал «не рассуждать» и действовать только по шаблону.

Развивая дальше методы управления войсками в бою, Кутузов вносит в них много нового.

Так, основой управления русскими войсками в Бородинском сражении являлся приказ, определявший задачи войск и их боевой порядок, предусматривавший создание крупных резервов и маневрирование войсками в ходе боя. Определив задачу и главные методы ее решения, указав: «буду ожидать беспрестанных рапортов о дей-

¹ Суворов в сообщениях профессоров академии Генерального штаба, СПб, 1900 г., стр. 13.

² Генералиссимус Суворов, стр. 232.

³ ЦГВИА, ф. 43, оп. 2, д. 1665, л. 1.

⁴ Генералиссимус Суворов, стр. 232.

ствиях, находясь за 6-м корпусом»¹, Кутузов предоставлял инициативу командующим армиями.

«В сем боевом порядке, — указывал Кутузов в диспозиции на 24 августа 1812 г., — намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность господ главнокомандующих армиями, и потому предоставляю им делать соображение действий на поражение неприятеля»².

Кутузовские методы управления войсками соответствовали новым требованиям эпохи массовых армий в то время, как в методах управления наполеоновской армии сохранилось много старого, соответствовавшего эпохе наемных армий. Наполеон, например, часто повторял: «Там, где меня нет, делаются только глупости». Именно старое, отжившее во взглядах Наполеона Клаузевиц и выдавал за «новшества» военного дела.

Не лишним будет напомнить, что Клаузевиц оформлял свой труд «О войне» в период с 1818 по 1830 гг. Это был период политической реакции, которая в прусской армии выразилась в возврате ко многим фридриховским порядкам. В частности, в тактической подготовке стал господствовать шаблон. «Методизм», рекомендованный и Клаузевицем, применялся таким образом, что на маневрах для построения «нормальных боевых порядков» местность размеривалась шнуром. Полевая подготовка войск заменялась плац-парадной муштрой.

С конца XVIII и с начала XIX столетия применение массовых армий и небывалого количества средств борьбы рождает новое явление в военном искусстве. Боевые столкновения теперь вспыхивают (одновременно или последовательно) в ряде мест, чтобы затем взаимно воздействовать одно на другое, образовать комплекс боев. Немногие полководцы поняли это. Наполеон также не понял этого нового требования жизни. Гениальный Кутузов был одним из немногих, кто почувствовал это новое явление в боевой действительности войск. Его новые формы группировок войск, новые формы руководства ими на основе донесений и через своих представителей, наделенных большими полномочиями, явились ценным вкладом в перодовое военное искусство.

Консервативность прусских милитаристов выразилась в том, что они отрицали новые формы борьбы. Клаузевиц писал: «Если бы постоянная согласованность всех частей была необходимым условием успеха, то от раздельного стратегического наступления пришлось бы, безусловно, отказаться»³. Здесь сказались консерватизм мышления прусского юнкера и ограниченность военного писателя мануфактурного периода войн.

Свои ложные взгляды в области стратегии со всеми их атрибутами скоротечной войны, достижения конечной победы путем раз-

¹ Хрестоматия по русской военной истории, стр. 347.

² Там же.

³ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 416.

грома главных сил противника в одном «генеральном» сражении Клаузевиц стремился обосновать теоретически, извращенно толкуя взаимоотношение стратегии и тактики.

Вопреки исторической истине и достижениям передового военного искусства своего времени, Клаузевиц поставил тактику над стратегией, объявив последнюю слугой первой. «Тактические успехи на войне, — безапелляционно заявлял он, — имеют первенствующее значение»¹. Этот взгляд на взаимоотношение стратегии и тактики является не чем иным, как пересказом фридриховских идей. Аргументируя это положение, Клаузевиц ссылаясь на Фридриха II, а также на Наполеона. Причем в полководческом искусстве последнего, как уже было замечено, его привлекали только моменты авантюризма.

Клаузевиц имел перед собой и другой образец — стратегию М. И. Кутузова. Великий русский полководец показал глубокое для своего времени понимание соотношения стратегии и тактики. Так, например, как уже было замечено, в 1811 г. под Рущуком он поступился тактическими выгодами в целях общих стратегических выгод, искусно применил оборонительные и наступательные формы борьбы, в результате чего русские войска одержали блестящую победу над турецкой армией. Значение этой победы было исключительно велико, если учесть, что Наполеон, готовясь к войне против России, отводил Турции важную роль в своих захватнических планах.

Одна из характерных черт стратегии Кутузова состояла в том, что он, не упуская из поля зрения всей картины борьбы, жертвовал частным ради общего, добивался победы одновременным использованием всех доступных ему средств и выбором различных форм борьбы в соответствии с обстановкой.

Кутузов категорически отвергал порочную идею о том, что решающее значение имеют те или иные тактические успехи. Глубоко понимая, что разгром противника достигается в сражениях, он требовал подчинять каждое сражение общей стратегической цели. «...Дело идет, — писал Кутузов осенью 1812 г., — не о славе выигранных только батальев, но вся цель устремлена на истребление французской армии»².

Мудрая стратегия Кутузова была недоступна Клаузевицу, который все дело сводил к «хитрости» и т. п.

Он не мог постигнуть полководческого искусства великого Кутузова, ибо погряз в области тактики. «Генеральное сражение» — вот рецепт военного искусства Клаузевица.

Свои в корне порочные взгляды на взаимоотношение стратегии и тактики Клаузевиц пытался обосновать утверждением, что они якобы вытекают из естественного соотношения боя и войны. В специальной главе, посвященной этому вопросу, Клаузевиц дает одно из своих определений сущности войны: «Война по существу своему — бой... бой во многом изменяется; но в какую форму, ни

¹ Клаузевиц, О войне, т. II, стр. 416.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3572, л. 51.

вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны»¹.

Здесь заключены следующие мысли: 1) в основе боя лежит некая вечная и неизменная «идея»; 2) эта «идея» и определяет сущность войны. Нетрудно понять, что в этой «вечной» и «неизменной» «идее боя», к тому же «определяющей сущность войны», лежит основная идея Клаузевица — война является простым физическим насилием. Не случайно он неоднократно называет боем... обычную драку.

Итак, Клаузевиц ставил бой на первое, а войну в целом на второе место и определяющим моментом в войне считал бой. Такое понимание соотношения войны и боя он использует в качестве методологической предпосылки для размежевания стратегии и тактики, для «доказательства» того, что судьба всей войны решается в одном «генеральном сражении».

Если Клаузевиц понимает войну как бой и «генеральное сражение» объявляет «концентрированной войной», то его определение, что война есть продолжение политики, теряет всякий смысл. Не случайно Клаузевиц в главе «Подразделения военного искусства» уже не упоминает об этом своем определении.

Как уже говорилось выше, Клаузевиц дал ложную, устаревшую для эпохи массовых армий трактовку вопроса о стратегии и тактике, отражавшую реакционное мировоззрение прусских юнкеров, их мечту о возврате к временам наемных армий. Тактика у него главенствует над стратегией. Подобная «теория» основана не на знании законов войны, а на оторванных от действительности умозаключениях, отвечающих интересам прусского юнкерства.

Какое же содержание Клаузевиц вкладывал в понятие стратегии? «Подразделение на стратегию и тактику, — писал он, — имеет в виду и полностью охватывает лишь с п о л ь з о в а н и е в о о р у ж е н н ы х с и л ь»². Из области стратегии Клаузевиц исключает вопросы снабжения, комплектования войск, их пополнения и боевого обеспечения. Все это, по Клаузевицу, не касается полководца; это не «подлинная военная деятельность». Стратегия, по Клаузевицу, — это вождение войск: «...в стратегии, — писал он, — имеют место искусный распорядок боев и постановка их в тесную связь между собой; да стратегия в этом искусстве и заключается...»³.

Легко заметить, что при подобном низведении стратегии к маршам, маневрам, «комбинациям» открылся простор для разработки авантюристических военных планов.

* * *

Клаузевиц был выразителем идеологии прусского юнкерства (в мануфактурный период войны).

В конце XVIII и в начале XIX вв. наступил новый этап мануфактурного периода войны, связанный прежде всего с переходом к массовым армиям.

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 109.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 256.

Мануфактурный период войны, как и машинный, имеет ряд этапов.

Эпоха капитализма вызывает к жизни массовые армии, но в мануфактурной стадии развития капитализма их особенности еще не могут проявиться в полной мере, ибо низкая производительность общественного труда ограничивает мобилизационный контингент, вооружение, снабжение, подвижность армий и т. д.

Физическая сила человека и лошади пока является решающим источником энергии на войне. В этот период возрастает значение огнестрельного оружия. Однако в конце XVIII и в начале XIX вв. огнестрельное оружие было еще несовершенно. Оно не могло заменить штык, который попрежнему оставался главным средством атаки. Исход боев еще решали сомкнутые массы. Боевые порядки имели своим остовом колонну, успеху штыкового удара содействовали группы стрелков. (Все это прекрасно и одним из первых понял Суворов.)

Итак, деятельность Клаузевица протекала в мануфактурный период войны. Последователи Клаузевица толковали, а иные толкуют даже в наше время о том, что взгляды его не устарели. В предисловии к пятому немецкому изданию сочинений Клаузевица Шлиффен, например, писал, что «его учение о войне» имеет «неубывающую ценность». Современные поджигатели новой войны — американские и английские военные идеологи — проявляют величайшую готовность брать уроки у Клаузевица.

Многие положения его «теорий» были устаревшими уже при их появлении в литературе. В целом это была ненаучная, порочная военная доктрина. Во-первых, вся она строилась на идеалистической, антинаучной основе, исходила из реакционных социально-политических предпосылок; во-вторых, большинство из положений Клаузевица не отвечало потребностям военного искусства своего времени.

Положения доктрины Клаузевица, как общие, так и частные, для нашего времени — машинного периода войны — настолько устарели, что использование их ни к чему иному, кроме вреда для военной науки и практики, привести не может.

Клаузевиц был поклонником так называемого «чисто военного», т. е. авантюристического решения вопроса о победе, для чего он тщательно устранял все аргументы, указывающие на объективные условия, из которых должен исходить полководец. Например, он требовал: «...Сохранить связь армии со всей страной не всегда можно, *да и не нужно*»¹ (подчеркнуто мною — Л. Л.). Это положение даже для начала XIX в. было не совсем верным. Однако именно это положение Клаузевица почти через 100 лет Шлиффен положил в основу своего плана, плачевные результаты которого хорошо известны.

Клаузевиц объявил не связанным с военным искусством вопрос снабжения армий боеприпасами, продовольствием и т. д., называя все это «интендантской канителью». Уже для начала XIX сто-

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 419.

летия это был ложный взгляд опровергнутый опытом войн, полководческой практикой Суворова и Кутузова.

Правда, в условиях начала XIX в. ложность подобных взглядов не всегда вскрывалась и, во всяком случае, не проявлялась столь наглядно.

При низкой скорострельности оружия носимых и возимых запасов боеприпасов хватало надолго. Армии в несколько десятков тысяч человек могли в течение известного времени добывать продовольствие и фураж путем реквизиций.

Но чего достиг бы современный полководец, если бы он стал руководствоваться следующим положением Клаузевица: «Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и, таким образом, только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов»¹.

Возьмем еще пример.

Всячески оправдывая авантюризм в стратегии, требуя исходить при принятии решений из «внутренних побуждений» полководца, Клаузевиц в качестве одного из аргументов в пользу этой своей идеи выдвигал абсолютную, по его мнению, недостоверность разведывательных данных. «Большинство известий ложно»², — писал он, и требовал «доверяться таланту»³.

Недооценка противника — одна из характернейших черт военного искусства прусско-германской военщины.

Передовые военные мыслители и полководцы и во времена Клаузевица считали изучение противника важнейшей задачей.

«...Не презирай никогда неприятеля своего, — учил Суворов, — каков бы он ни был; старайся узнать его оружие и способ, как оным действует и сражается; исследуй силы и слабость его»⁴.

Румянцев, Суворов, Кутузов всегда настойчиво занимались организацией разведки, проверяли и уточняли ее данные. Вот, например, черновая запись Суворова, отражающая его анализ сложных и противоречивых разведывательных данных, полученных накануне сражения на реке Треббии. Суворов заключал: «все сие внять, выразуметь, вытвердить»⁵.

Теперь, когда авиация, радиотехника, оптика и т. д. доставили разведке могучие средства, разве могут быть терпимы идеи Клаузевица о военном искусстве, как о действиях вслепую?

Полностью и давно устарели, стали абсолютно нетерпимы взгляды Клаузевица на вопросы тактики. Нетрудно, например, себе представить, какие «лавры» добыл бы современный последователь Клаузевица, если бы он стал проводить его идею о пассивности

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 117.

² Там же, стр. 130.

³ Там же.

⁴ Генералиссимус Суворов, стр. 76.

⁵ ЦГВИА, ф. 43, оп. 2, л. 1490, лл. 21—22 об.

передовых частей, об авангарде, «назначение» которого — «наблюдение за противником и замедление его наступления»¹.

На что годны подобные воззрения в наши дни, в век войны моторов, когда современные мощные и высокоподвижные средства создают возможности для высокой активности передовых частей, которая является непременным условием успеха в современном бою?

Клаузевиц, анализируя бой, игнорировал один из важнейших его факторов — вооружение. Этим лишний раз вскрывается порочность его теорий.

Нет необходимости в пространном аргументировании того, что Клаузевиц как военный идеолог устарел, каждая страница его трудов, как общие положения, так и конкретный материал, которыми он оперирует, — лучшее свидетельство этому.

Как уже говорилось, в целом доктрина Клаузевица была консервативна даже для своего времени. Оценивая военное искусство конца XVIII и начала XIX вв., вызванное к жизни новыми условиями, Клаузевиц писал: «...эти новейшие военные явления, имевшие место в критический момент процесса брожения, не могут приниматься за норму. Поэтому нет никакого сомнения, что значительная часть прежних военных отношений снова появится на свет»².

Доктрина Клаузевица была обобщением опыта военного искусства начала XIX в., проведенным на прусско-юнкерский лад.

Клаузевиц, как писал товарищ Сталин, «...конечно, устарел, как военный авторитет. Клаузевиц был, собственно, представителем **мануфактурного** периода войны. Но теперь у нас **машинный** период войны. Несомненно, что машинный период требует новых военных идеологов. Смешно брать теперь уроки у Клаузевица»³.

УСИЛЕНИЕ АВАНТЮРИЗМА И ШАБЛОНИЗАЦИИ В ПРУССКОМ ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ (ВИЛЛИЗЕН, РЮСТОВ)

В период 40—50-х годов XIX в. ведущими военными идеологами Пруссии был сначала Виллизен, а затем Рюстов⁴. Эти очередные «властители дум» немецких милитаристов оказали значительное влияние не только на военную теорию и военное дело Пруссии в свое время, но и на последующее их развитие. Однако Виллизен и Рюстов не относятся к числу основных столпов немецкой военной идеологии. Им не принадлежит пальма первенства в разработке ведущих положений. Но в период, когда завершался переход Германии к капиталистическому способу производства, они дали дальнейший толчок движению немецкой военной идеологии к еще большей реакционности и консерватизму.

¹ Клаузевиц, О войне, т. I, стр. 368.

² Там же, т. II, стр. 254.

³ Журнал «Большевик», № 3, 1947 г., стр. 7.

⁴ Рюстов как военный идеолог оказал значительное влияние на прусских милитаристов, хотя почти в течение 20 лет он находился вне Пруссии.

Виллизен и Рюстов развили наиболее реакционные и ложные положения, выдвинутые Клаузевицем. Именно такое направление военной идеологии отвечало интересам реакционных господствующих классов Пруссии.

Виллизен. Доктрина Виллизена не отличается широтой охвата вопросов или рассмотрением проблем военной теории в различных аспектах, наоборот, автор свел ее к нескольким положениям. Он сконструировал некий чудесный инструмент, универсальную отмычку ко всем замкам, которыми столь основательно были заперты тайны прошлых побед и поражений. Стоит лишь, по мнению Виллизена, запастись этой отмычкой — и можно легко превзойти всех известных в истории полководцев, ибо они были ведь в неизмеримо худшем положении, так как, несмотря на все свои таланты, не располагали подобной схемой.

Главное в этой схеме заключается в следующих четырех фразах: 1) стратегическая оборона и тактическая оборона, 2) стратегическая оборона и тактическое наступление, 3) стратегическое наступление и тактическая оборона, 4) стратегическое наступление и тактическое наступление.

Кроме того, схема снабжена еще одним примечанием, которое гласит: самое выгодное стратегически и тактически наступать, самое невыгодное стратегически и тактически обороняться, остальные два варианта имеют переходное значение.

В этом весь смысл схемы Виллизена. Только наступать, никогда не обороняться — такой вывод делает из нее сам автор.

Виллизен пишет: «...мы под обороной будем понимать только отпор, т. е. чистую пассивность, которая является единственно присущей ей»¹.

Впервые с такой категоричностью прусский идеолог отверг и осудил оборонительную форму борьбы, отказался от отступления во всех случаях. Неистовое стремление прусских помещиков и буржуазии к захватам требовало создания теории, оправдывающей авантюристическую политику и стратегию.

Кому не известно, что когда есть возможность наступать, не следует отступать. Схема Виллизена могла бы рассматриваться как ребячья забава профессора, как детский картонный меч, который досужая фантазия превращает в «неотразимое» оружие, если бы она не «подкрепляла» захватнические идеи.

Наступление является ведущей формой борьбы, но и отступление при известных условиях также вполне закономерная форма борьбы. Даже Клаузевиц признавал это, а немецкий идеолог середины XIX столетия Виллизен отрицает. Дело в том, что для господствующего класса Пруссии теперь уже представляло интерес в военной теории только то, что можно было использовать для пропаганды агрессивной войны, для обоснования милитаризации страны, для составления авантюристических стратегических планов войны.

Такова основная идея военной доктрины Виллизена. Но если

¹ Wilisen, Theorie des grossen Krieges, Leipzig, 1868, S. 41.

столь скучным было ее содержание, то тем большие потуги делал Виллизен, чтобы придать достоверный вид своим ложным положениям. Его ухищрения, попытки обосновать ложную основную концепцию разрослись в целый трактат.

Причем Виллизен высказал ряд псевдонаучных взглядов, сохраненных в том или ином виде в доктринах германских милитаристов, что обязывает нас дать более развернутую критику его взглядов, не ограничиваясь разбором лишь главного вывода.

Профессор Берлинской военной академии Виллизен изложил свои военно-теоретические взгляды в работе «Теория большой войны». Уже первое знакомство с этой книгой поражает удивительным по своему уродству сочетанием субъективного идеализма с вульгарным материализмом, оторванных от жизни абстракций с грубым эмпиризмом.

Первый раздел своей работы Виллизен посвящает, как он сам выражается, вопросам общей методологии. Первая цель исследования, которой задается автор, состоит в формулировании исходных положений военной теории.

Известно, что теория является обобщением практики. Следовательно, задача исследователя, особенно исследователя, поставившего себе цель писать «теорию большой войны», очевидно, состоит в изучении исторического опыта, чтобы путем обобщения этого опыта прийти к общетеоретическим положениям, как к естественным выводам.

Однако не так сочинялась немецкая агрессивная военная теория. Сначала придумывалось то или иное «теоретическое» положение, а затем его пытались подкрепить рядом исторических примеров. Поскольку в качестве «научной истины» выдвигались положения, выгодные господствующим классам, а примеров из области истории, особенно при условии фальсификации истории, можно было набрать сколько угодно, то нетрудно было прослыть «философом войны».

Верный этому идеалистическому подходу к военной теории, Виллизен утверждал: «...чтобы выяснить основы учения, необходимо сначала обратиться к чистой теории»¹. Военное искусство, по его мнению, имеет «умозрительную основу».

Итак, Виллизен утверждал, что военное искусство имеет «умозрительную основу» и что, следовательно, нет необходимости исходить из исторического опыта при установлении законов и правил, наоборот, необходимо «сначала обращаться» к «чистой теории». Одновременно Виллизен утверждал, что законы и правила, которые «руководят творчеством», являются выводом из исследования средств (т. е. каких-то объективных факторов) борьбы. Как выходит автор из подобного лабиринта бессмысленной эклектики, остается тайной.

Однако ретивый профессор, пользуясь явно антинаучным методом исследования, берется за разработку любых вопросов военной науки. Причем во всех случаях формулировки отчеканиваются с категоричностью, не допускающей возражений.

¹ Wilis en, Theorie des grossen Krieges, S. 19.

В чем же, по мнению Виллизена, состоит предмет военной науки? Этот сложный вопрос «разрешается» им довольно просто.

Как известно, война охватывает весьма широкую область социально-политических и других явлений, но Виллизен сознательно не принимает их в расчет в своих исследованиях. Виллизен считает, что исследователь вправе определять предмет исследования «по собственному желанию»¹, исходя из «произвола и удобств автора». Однако, сознавая, что его подход к исследованию может быть отвергнут, он ищет и чего-то наукообразного: «Теснее всего война находится в соприкосновении с политикой и финансами, а так называемое воспитание и подготовка к войне, естественно, охватывают всю жизнь народа. Всякий с ужасом отступил бы перед таким расширением задач своего исследования... тем с большей уверенностью мы будем обращаться к нашему праву ограничивать свой труд рамками по нашему усмотрению»².

После такого словесного выверта Виллизен самодовольно считает свой метод «обоснованным». На первом месте у него остаются «наше право», «наше усмотрение». По его мнению, из военной теории могут быть просто выброшены вопросы политики и экономики, с которыми война, дескать, только «соприкасается», а также вопрос о роли морального фактора. Кроме того, он утверждает свое «право» отодвинуть на задний план вопросы военной организации, вопрос о составе войск, проблему вооружения.

Все эти факторы, согласно «открытию» Виллизена, не оказывают никакого влияния «на развитие главных операций»³.

Критикуя идеалистическую теорию насилия Дюринга, подобную взглядам Виллизена, Энгельс писал, что такие «открытия» мог бы опровергнуть любой старательный прусский унтер.

В конце концов предмет военной науки, по Виллизену, составляет «...искусство группировки и передвижения масс».

Это был формалистический подход к военной теории.

В 1843 г. в своих замечательных очерках «Дилетантизм в науке», помещенных в журнале «Отечественные записки», Герцен гневно бичевал «...берлинских и иных корифеев формализма...»⁴.

Он указывал, что они, не считаясь с практикой, произвольно сочиняя свои теории, которым «...факты... не покоряются»⁵, выхолащивая содержание и интересуясь только формой, наносят большой вред науке, занимаются «аналитическим трупоразъятием». Герцен делал следующий вывод: «Эти теории — наросты, бельма на науке; их должно в свое время срезать, чтобы раскрыть зрение...»⁶.

«Теория» Виллизена и является одним из тех наростов, от которых наука должна решительно очищаться.

При выработке своих «теоретических» положений Виллизен, так

¹ Wilisen, Theorie des grossen Krieges, S. 27.

² Там же.

³ Там же, стр. 28.

⁴ А. И. Герцен, Избранные философские сочинения, Огиз, 1940 г., стр. 57.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 42.

же как и его предшественник Бюлов, сбрасывая со счетов экономические и моральные факторы, сводил стратегию к «учению о сообщениях».

Отсюда единственной «законной» формой борьбы Виллизен считал наступление, так как якобы только при нем прикрываются свои коммуникации и создается угроза для сообщений противника. Оборона же и отступление ни при каких условиях не допускались.

Интересно отметить, что при первом же испытании «теории» Виллизена показали свою полную несостоятельность и авантюристичность.

В 1848 г. не имевший строевого стажа генерал и считавшийся непогрешимым в своих военных рецептах автор этих теорий был назначен главнокомандующим прусских войск в войне с Данией.

Что же получилось у него на практике?

Карл Маркс, высмеивая бездарную стратегию и тактику прусского командования в этой войне, писал, что прусская армия лишь усвоила систему бесполезных маршей и контрмаршей.

Говоря о кампании, которую планировал и на первом этапе проводил Виллизен, Маркс следующим образом оценивал ее результаты: «Не нужно также забывать, что единственным результатом бесполезных и бессмысленных переходов в этом походе, весьма напоминающих процедуру старых имперских судов... была стратегическая ошибка»¹.

Незадачливый «полководец» Виллизен, «теоретик», не признававший обороны и отступлений, только и делал, что отступал, пассивно оборонялся, причем в борьбе со слабым противником. Карьера Виллизена, пытавшегося претворить в жизнь свои «рецепты победы» на поле боя, окончилась для него и для прусской армии бесславно. Но и этот исторический урок не заставил прусских милитаристов отбросить авантюристическую идею Виллизена.

* * *

Рюстов. Взгляды Рюстова, как и Виллизена, также усугубляли пороки немецкой военной идеологии прошлого.

В своей книжке «Всеобщая тактика» и в других работах Рюстов «развил» ряд порочных положений военной теории, которые прочно вошли в обиход немецких милитаристов.

Авантюризм немецкой стратегии — недооценка противника и переоценка своих сил и возможностей — был возведен Рюстовым в «принцип» теории. Его совершенно не занимал вопрос о соотношении сил. Он настойчиво подчеркивал, что следует учитывать только собственные силы. Причем он принимал в расчет лишь постоянную армию; все прочие войсковые контингенты, по его мнению, существенного значения не имеют, так как-де они обладают «весьма слабой боевой силой». Таким образом, воззрения Рюстова в условиях уже сложившегося капитализма оставались на уровне немецкой военной теории конца XVIII и начала XIX столетий.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 136.

Рюстов растворил стратегию в тактике до такой степени, что у него вообще почти исчезла необходимость даже в самом термине «стратегия», который он заменил термином «всеобщая тактика».

Исходя из все той же предпосылки спасительного «генерального сражения», приносящего скорую победу «одним духом», Рюстов сочинил схему его подготовки и проведения.

Авантюризм, пренебрежение к противнику и вместе с тем полное непонимание живой действительности боя и войны доводят Рюстова до того, что он рекомендует исходить из предположения стабильного расположения неприятеля, его бездеятельности. Противник, по Рюстову, не существует, важно лишь определить поведение своих войск, и успех будет обеспечен.

«Нужно только, — поучал он, — определить способы и приемы наступления и указать, согласно этому, задачи корпусам и дивизиям... Полководец должен предположить своего противника в определенном месте...»¹.

Здесь ярко выражены, с одной стороны, безмерный авантюризм, требующий атаковать, ориентируясь только на свои силы, свои планы, с другой стороны, крайнее доктринерство, оторванность от действительности, сочинительство нереальных планов.

Консерватизм взглядов Рюстова наиболее ярко выявился в его высказываниях по вопросам тактики.

Рюстов писал в те годы, когда уже на полях сражений нарезная магазинная винтовка предъявила свои настоятельные требования к тактике. Сомкнутые строи были безусловно осуждены. Однако он оставался верным традиционным прусским взглядам, проникнутым недоверием к самостоятельно действующему солдату, предпочитающим всегда обезличенную, лишь исполняющую команды массу. По его мнению, не следовало обучать солдат меткой стрельбе и действиям в рассыпном строю, делить батальоны на роты. Идеалом Рюстова остается батальон, который «...действует сомкнутою массой и выдвигает вперед умеренно сильную застрельщицкую цепь...»². Рюстов требовал возврата вспять, к сомкнутым строям батальонов, которые теперь могли быть лишь весьма удобной мишенью.

Причины консерватизма Рюстова заключались в боязни пробуждения сознания солдата. Он выступал не только противником обучения солдат одиночной стрельбе, но и грамоте «таблице умножения»³.

Рассматривая тактику как действия войск по заранее установленным шаблонам, Рюстов категорически отрицал встречный бой, требовал вступать в столкновения только после того, как войска будут построены в «нормальный боевой порядок»⁴. Любопытно обоснование этого его положения, которое состоит в том, что, во-первых, перед сражением «...нет времени собирать сведения...» о противнике и, во-вторых, в том, что, применяя установленные

¹ Rüstov, Allgemeine Taktik..., Zürich, 1868, S. 83.

² Там же, стр. X.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 49.

инструкцией шаблоны, начальник не несет ответственности и не должен проявлять воинского мастерства. «Установленный правилами порядок построения войск, — писал Рюстов, — слагает, в этих случаях, с начальников корпусов или дивизий некоторым образом ответственность за принятое положение, поддерживает их в первые минуты нерешительности, дает им средства действовать с большей энергией и смелостью»¹.

Рюстов писал это после войны 1866 г. Уже в этой войне с противником, страдавшим теми же пороками, обнаружилась полная несостоятельность шаблонной прусской тактики.

27 июня 1866 г. под Траутенау, вопреки «академической науке» прусской военщины, бой начался на марше, и строить «нормальный» боевой порядок было некогда. Неспособные к проявлению инициативы прусские военачальники спасовали и отступили, понеся при этом потери, хотя их противник отнюдь не проявлял наступательного порыва.

Тяга к устарелым тактическим формам видна у Рюстова в его стремлении во что бы то ни стало сохранить линейный боевой порядок. Он рекомендует располагать артиллерию, пехоту, конницу «...на одной линии, а не один позади другого»².

Возросшая численность войск и дальнобойность оружия требовали создания глубокого боевого порядка, и это, конечно, опрокидывало старые шаблоны, которые отстаивал Рюстов.

Своей книге, представлявшей по существу защиту устарелых шаблонов тактики, Рюстов предпосылал «историко-философское» обоснование.

Не отрицая происшедших изменений в вооружении, он возражает против того, что они с железной необходимостью влекут за собой изменения всей тактики. По Рюстову, формы и способы борьбы «вечны», их существует определенное количество. Изменение вооружения, по его мнению, может приводить лишь к чередованию этих форм.

Метафизическая теория «вечных» принципов военного искусства привлекалась Рюстовым для обоснования прусской шаблонной тактики. «Огромные изменения в вооружениях войск, — утверждал он, — ...не в состоянии низвергнуть великих основных законов тактики, не в состоянии даже повести к изобретению новых форм, потому что запас последних исчерпали уже тысячелетия; но они могут... вызвать некоторые из них к свету и другие оставить в тени»³.

Подобное утверждение было чудовищной фальсификацией истории. И в пределах одного и того же общественного строя происходили крупнейшие изменения тактики, связанные с изменениями условий борьбы и прежде всего с развитием производства.

Немецкие милитаристы были весьма склонны к историческим аналогиям, но поскольку ими игнорировалось принципиальное различие эпох, то их аналогии оказывались пустыми и бессодержательными. Рюстов много раз брал примеры из глубокой древности.

¹ Rüstov, Allgemeine Taktik., Zürich, 1868, S. 49.

² Там же, стр. 168.

³ Там же, стр. XIII.

Но ведь уже древняя история показывает, какие крупнейшие изменения происходили в тактике. Боевой порядок Эпаминонда, например, коренным образом отличался от дорической фаланги, а римские легионы, расчленявшие боевые порядки по фронту и в глубину, также существенно изменяли тактику. В основе этой эволюции лежало изменение всей совокупности общественно-исторических условий и прежде всего изменения в рабовладельческом производстве.

Свою «Историю пехоты» Рюстов посвятил главным образом периоду применения огнестрельного оружия.

В течение этого периода военное искусство продолжало стремительно развиваться. Возьмем, например, развитие форм боевых порядков. С XIV в. до середины XIX в. на полях сражений последовательно применялись квадратные боевые порядки, линейные боевые порядки, колонны в сочетании с рассыпным строем. В Крымской войне (1853—1856 гг.) русские войска впервые применили цепь. В инструкции, написанной адмиралом Корниловым, дано обоснование этой передовой для своего времени формы боевого порядка.

Однако Рюстов, безапелляционно заявляя о «вечности и неизменности» военного искусства, делал свои выводы вне связи с условиями развития, вне связи с производством. Вся эта идеалистическая фальсификация действительности нужна была Рюстову для оправдания и обоснования шаблонности тактики.

У Рюстова с еще большей силой, чем у его предшественников, проявились пороки немецкого военного искусства, в частности, авантюристический, прожектерский характер стратегии, шаблонность тактики.

Отождествление стратегии с тактикой Рюстов провел в полной мере и весьма откровенно. «Нормальные боевые порядки» — шаблоны, рекомендуемые для полка, дивизии, — он потребовал распространить на корпус и армии. Если Рюстов и говорил иногда о стратегии, то он впадал в мистику. Говоря о значении полководца, Рюстов писал: «...участь всех его действий находится в руках судьбы и высшей воли; он похож на пловца в обширном море, пределов которого человеческий взор обозреть не в силах»¹.

Итак, согласно Рюстову нечего считаться с противником — он всегда пассивен, безволен. Действия своих войск также несложны, они совершаются по шаблонам; следовательно, дескать, успех всегда обеспечен, если «по правилам» распорядиться своими войсками. В то же время на войне и в бою ничего нельзя предвидеть, полководец бессилён влиять каким-либо образом на «стихию событий», ему остается лишь ждать фатального приговора «высшей воли».

Такова «методология» Рюстова, которая была призвана служить реакционным политическим интересам прусских помещиков и буржуазии. Таковы его военные взгляды, отразившие теоретическое бессилие прусской (и всей буржуазной) военщины.

¹ Rüstov, Allgemeine Taktik., S. 4.

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПЕРИОД 1870—1918 гг.

ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ГЕРМАНСКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

В 70 годах XIX в. наступает новый период истории общества, о котором товарищи Сталин, Жданов и Киров писали: «Это будет период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества»¹.

Переход к последней стадии капитализма, к империализму происходит в 70—90-х годах XIX столетия и завершается в Европе в начале XX века: «Для Европы, — писал Ленин, — можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века»².

Характеризуя развитие экономики капитализма при перерастании его в империализм, Ленин писал:

«Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860-ые и 1870-ые годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»³.

В соответствии с изменением экономического базиса меняются политические и идеологические надстройки. В общественной жизни происходит небывалый «...поворот от демократии к политической реакции»⁴ по всей линии. «Империализм, — учит Ленин, — несет рабочему классу неслыханное обострение классово-вой борьбы, нужды, безработицы, дороговизны, гнета трестов, милитаризма, по-

¹ К изучению истории, Госполитиздат, 1938 г., стр. 26.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 188.

³ Там же, стр. 190.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 31.

литическую реакцию, которая поднимает голову во всех, даже самых свободных странах»¹.

Империализм несет рабочему классу и всем трудящимся неисчислимы бедствия и страдания, кровопролитнейшие империалистические войны.

Ленин определял империализм как монополистический, загнивающий, умирающий капитализм. Империализм — канун социалистической революции, последняя стадия капитализма.

«Ленин, — писал товарищ Сталин, — называл империализм «умирающим капитализмом». Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция»².

Не ограничиваясь общетеоретическим анализом империализма, Ленин вскрыл особенности империализма всех важнейших «великих» держав, уделив большое внимание германскому империализму.

Характеризуя германский империализм, Ленин писал, что в 1871 г. «...появился новый хищник...»³. Ограбив Францию, буржуазия и юнкеры Германии вместе с милитаристской кастой начинают подготовку новой войны, которая не могла не стать мировой войной.

В своих империалистических вождениях Германия сталкивалась со старыми капиталистическими хищниками, которые уже почти завершили территориальный раздел мира.

✕ Германский империализм отличался исключительным хищничеством и авантюризмом. Быстро развиваясь в последние десятилетия XIX века, германский капитализм к концу XIX и к началу XX века достиг высокой ступени концентрации капитала и монополизации, появились элементы государственно-монополистического капитализма.

✕ Одновременно в экономике Германии сохранялись пережитки крепостничества. Юнкерство, опираясь на монархию и высшую бюрократию, цепко удерживало свои господствующие позиции в государстве, монопольно хозяйничало в армии.

Немецкая буржуазия, которая в раннюю пору капитализма была неспособной к борьбе за политическое господство, теперь, в условиях империализма, в условиях обострения классово-борьбы, совсем примирилась с реакционной монархией, видя в немецком монархическом милитаризме необходимую защиту от угрозы социалистической революции.

Ленин, вскрывая исторические корни этой политики, писал: «Немецкая буржуазия... в истории человечества... явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии (немецкой от французской и английской в пору их молодости — Л. Л.) объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 314.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 72.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 368.

«меньшого брата», — заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих»¹.

Результатом этих особенностей экономической структуры и отношений классов был юнкерски-буржуазный характер германского империализма. «Здесь мы имеем, — писал Ленин, — «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму*»².

Финансовая олигархия и юнкерство поставили своей целью передел мира и в соответствии с нею вели свою внутреннюю и внешнюю политику. Все это определило специфические черты агрессивности, хищничества германского империализма.

Вместе с тем Ленин подчеркивал еще одну характерную особенность германского империализма — авантюризм его политики.

Главным противником Германии в борьбе за мировое господство оказалась Англия, имеющая много колоний, но империалистические вождедения вели Германию и к столкновению с империалистическими интересами Франции, России, Соединенных Штатов Америки, Японии и других государств. Соотношение сил сложившихся империалистических коалиций было невыгодным для Германии, однако, она вела политику развязывания войны.

Политический и военный авантюризм, который был присущ немецкому дворянству, офицерству, бюрократии и монархии, теперь усилиями финансовой плутократии, мечтавшей нажиться на войне, достиг небывалой остроты и нашел свое выражение в бешеной военной подготовке, в несбыточных военных планах, превосходивших по своей авантюристичности все до сего времени известные.

Подчеркивая, что виновниками первой мировой войны являются империалисты всех стран, Ленин вместе с тем отмечал реакционную разбойничью роль в этом преступлении против человечества империалистической Германии: «...немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»³.

Подготовка захватнической войны становится главным содержанием политической жизни империалистической Германии. В правя-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 183.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 306.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 12.

щих германских кругах в 70—80-х годах явственно обозначились два взгляда на задачи внешней политики в подготовке войны. Бисмарк намеревался развязать войну против одной части соперников, обеспечив, по крайней мере, неучастие в ней других потенциальных противников, прежде всего России. Борьбу с Россией (и неизбежную в этом случае войну на два фронта) он считал непосильной и опасной для Германии.

Руководящие военные круги во главе с Мольтке и Вальдерзее толкали Германию к войне на два фронта, рассчитывая в короткий срок разгромить главных противников.

«Мольтке и его помощник генерал-квартирмейстер Вальдерзее, ссылаясь на военные приготовления России, требовали превентивной войны против неё. Они указывали на перевес Германии в отношении боевой готовности и напоминали, что в скором времени соотношение сил может измениться»¹.

Партия наиболее авантюристически настроенных империалистов одержала верх. Подготовка войны, в которой должны были быть брошены на чашу весов все без остатка силы и средства Германии, война с коалицией, экономическое и военное превосходство которой было очевидным, стала на очередь дня. Крайний авантюризм военных планов Германии вытекал из особенностей германского империализма, в котором видное место занимал прусский милитаризм.

В подготовке войны центральное место заняло развертывание армии и флота. В 1893 г. издается закон о переходе с трехлетнего на двухлетний срок службы. Расширяется обучение армейских кадров. Германия к концу первого десятилетия XX века располагает постоянной армией в 1,2 млн. человек при 4,5 млн. обученных резервов. Быстро растущая промышленность снабжает армию новейшим вооружением. Немецкая армия становится одной из самых многочисленных и хорошо вооруженных армий в Европе.

Чтобы обеспечить успешное осуществление своих захватнических планов, немецкий империализм большое внимание уделял политическому упрочению тыла, для чего предпринималась широчайшая обработка политического сознания масс в духе шовинизма — пангерманизма. На этом поприще подвизались представители всех отраслей буржуазной науки — философы, историки, социологи, правоведы, а также многие вожаки социал-демократии, которые быстро катились в болото социал-шовинизма. Вся пресса была мобилизована для того, чтобы доказать «право» Германии на мировое господство. Немецкие историки, философы, публицисты, беллетристы проповедывали самую разнузданную империалистическую идеологию и вели агрессивную пангерманскую пропаганду.

Так, например, Бюлов в своей книге «Державная Германия», выдавая Германию за «миролюбивое» государство, доказывал необходимость ведения войны за обладание тем, чем владеют другие, т. е. колониями. Там же он пытался обосновать историческую не-

¹ История дипломатии, т. II, Госполитиздат, 1945 г., стр. 97.

правомерность рабочего движения и социал-демократии в Германии, необходимость изоляции и удушения всякой политической оппозиции; историческую правомерность «консервативного элемента в прусско-германской истории»; необходимость всесторонней экономической подготовки войны; «цивилизаторскую миссию» немцев на востоке и пр. Бюлов не упустил случая подкрепить свой призыв к захватам ссылкой на авторитет Фридриха II, который также «...охарактеризовал будущую задачу цивилизации, как германизацию»¹. В значительной степени отражая действительность и рисуя свой идеал, Бюлов писал: «Пруссия приобрела свое величие, как страна солдат и чиновников, и, как таковая, она была в состоянии совершить дело германского объединения; до сего дня она все еще во всех отношениях страна солдат и чиновников»².

Немецкая буржуазная философия окончательно выродилась. Многочисленные «школки» неокантианцев, эмпириокритиков, ницшеанцев проповедывали реакционнейшие идеи.

Немецкая буржуазная историография занялась самой разнузданной фальсификацией прошлого Германии, прошлого человечества, сочинением аргументов в пользу разбойничьей политики германского империализма.

Одну из книжек Дельбрюка «Правительство и воля народа» Ленин оценил следующими словами:

«Вообще говоря, поганейшая реакционная вещь, с игрой понятий *против* демократии. Все и вся *против* демократии. Ряд софизмов, исторических примеров etc.»³.

Самое активное участие в морально-политическом разложении немецкого народа принимала военщина. Шлиффен, Бернгарди и десятки других военных писателей «доказывали» немцам, что воевать не только выгодно, но и необходимо, так как в противном случае Германию опередят ее противники. При этом они обещали, что в вооруженном столкновении с любым противником победа Германии обеспечена.

В 60—70-х годах немецкий генеральный штаб становится главным носителем милитаристско-шовинистических идей, широко распространявшихся в литературе, рассчитанной на самые разнообразные круги читателей. Но основная работа немецкого генерального штаба проводилась втайне. Помимо шпионажа, важнейшим центром которого также был генеральный штаб, его деятельность заключалась в планировании захватнических войн. Генеральный штаб разработал планы войн с Данией, Австрией и Францией. В 1870 г., когда еще велась война с Францией, он уже приступил к разработке плана войны с Россией, который через короткое время (очевидно, через несколько месяцев) был развит в план войны на два фронта — с Францией и Россией одновременно. Вскоре после франко-прусской

¹ Бюлов, Державная Германия, 1915 г., стр. 215.

² Там же, стр. 157.

³ В. И. Ленин, Тетради по империализму, Госполитиздат, 1939 г., стр. 521.

войны 1870 г. Мольтке говорил: «...политическая обстановка заставляет предвидеть, что в ближайшем будущем... мы будем вести ее (войну — Л. Л.) на два фронта»¹.

В 1879 г. Германия заключила военный союз с Австрией, а в 1882 г., после того как в этот блок вошла Италия, образовался тройственный союз. Германский генеральный штаб в это время стал центром координации намерений и будущих действий всей германской коалиции, а также органом планирования войны всего блока.

В немецкой литературе и в литературе других буржуазных стран культивировалось мнение об «осторожности» Мольтке и даже о «скромности» его захватнических планов. Так ли это было в действительности?

По плану 1870 г. предусматривалась оборона на главном театре — русском — и наступление против Франции. Но в последней четверти XIX в., когда германские монополии получили значительное развитие, агрессивность планов немецких милитаристов возросла.

План 1879 г. во многих отношениях интересен, и на нем следует остановиться. Основная установка этого плана — наступление против России и оборона против Франции. Наступление против России предусматривалось осуществлять тремя группировками войск: немцы — одной группой из районов Гумбинен и другой из Ортельсбурга, Иноврацлава, австрийцы — из Галиции. Все операционные направления сходились в Брест-Литовске, что означало бы обход и окружение главной варшавской группировки русских.

Так планировался колоссальный «котел». Общий смысл всех расчетов сводился к тому, чтобы опрокинуть и уничтожить главные силы России у границы в первые дни войны и затем принудить царское правительство к миру. Основным козырем в этой азартной игре было то, что, по расчетам германского генерального штаба, Австрия и Германия превосходили Россию в сроках мобилизации на... 6 дней.

Справедливо предположить, что русские войска остановили бы австрийцев и германцев на одном из флангов или что варшавская группировка не дала бы обойти свою подготовленную к обороне линию на реке Висла, либо даже подалась бы назад, подкрепляя какую-нибудь атакуемую фланговую группировку. Короче говоря, план маневра, имевший целью окружение русских армий на фронте в 600—700 км, в тех условиях являлся несостоятельным и авантюристическим. На самом деле, каково бы было в этом случае положение вторгшихся в Россию немецких войск? Если исходить из соотношения сил и политической обстановки 70—80-х годов, то несомненно, что немецкие войска были бы разгромлены.

Вместе с тем в подобной войне действия на одном театре не могли рассматриваться безотносительно к положению дел на другом

¹ Мольтке, Военные поучения, т. I, стр. 229.

театре войны. На западе Мольтке планировал оборону возможно меньшими силами, с тем чтобы, покончив с Россией, обрушиться затем всей мощью своей армии на Францию. Этим фактически ставились под угрозу важнейшие промышленные центры Германии на западе.

План борьбы на западе весьма любопытен. Он составлялся с учетом того, что французы будут наступать непременно своим левым флангом, форсируют реку Рейн, и тогда группа немецких дивизий нанесет им «решающий» фланговый удар (на север из-за реки Майн). Бросается в глаза, что немецкий генеральный штаб во главе с Мольтке предписывал противнику те действия, которые менее выгодны последнему, или же предполагал его полную бездеятельность и отсутствие стойкости в его рядах. В плане Мольтке нет реального расчета сил — своих и противников. Задуманные «одноактные победы» (особенно на востоке) — явно неосуществимы. Несмотря на это, план Мольтке 1879 г. в основном оставался неизменным вплоть до 1894 г., когда он был заменен еще более авантюристическим планом.

Германский генеральный штаб был одним из наиболее оголтелых поджигателей первой мировой войны. В разработке военной идеологии и воплощении ее в стратегических планах, инструкциях, уставах, наставлениях, во внедрении ее в войсках и в государстве в целом генеральный штаб занимал, безусловно, важное место.

Он являлся одним из главных центров политической реакции в стране. «...Старинный прусский дух, — вспоминает ветеран этого учреждения Куль, — был жив еще в наших вождях и в нашем генеральном штабе, когда мы начинали в 1914 году кампанию...»¹.

Комплектование генерального штаба производилось таким образом, чтобы преградить туда доступ нежелательным немецкому юнкерству элементам. Предпочтение отдавалось офицерам привилегированных войск — гвардии и кавалерии, т. е. выходцам из юнкеров и крупной буржуазии. В среде немецкой военщины господствовал дух феодального аристократизма и сословной замкнутости, дух гнусного прусского милитаризма со всеми его атрибутами. Идеи крайнего шовинизма, культа войны, бесчеловечности, отупляющей муштры, преклонения перед авторитарным государством царили в генеральном штабе и из него широко отравляющим потоком изливались в армию и народ.

Это происходило потому, что немецкий милитаризм имел глубокие корни в социально-политическом строе Германии. Как уже говорилось, генеральный штаб составлялся из представителей родовитого юнкерства, которое упорно сохраняло свои позиции в аппарате государства и экономические привилегии. В эпоху империализма немецкие юнкеры оказались вынужденными делить политическую власть с банкирами и промышленниками. Но это не уменьшало роли генштаба, у которого установились самые тесные отношения с «деловым миром». Германский генеральный штаб оказывал сильнейшее

¹ Куль, Германский генеральный штаб, Госиздат, 1922 г., стр. 127.

влияние на политику Германии, он активно толкал ее к развязыванию войны.

Офицеры генерального штаба стояли во главе реакционных шовинистических организаций, идейно вдохновляли «Колониальный союз», «Пангерманский союз», «Союз для борьбы с социал-демократией», «Союз для распространения германского влияния на востоке». Об империалистическом характере деятельности этих организаций красноречиво свидетельствует следующий отрывок из памфлета пангерманского союза под названием «Великая Германия и средняя Европа в 1950 году»: «...германцы... одни будут управлять, у них одни будут все политические права, они одни будут служить во флоте и в армии; они одни будут иметь право приобретать земельную собственность. Таким образом, они, как и в средние века, будут чувствовать себя господствующей расой... они допустят иностранцев делать менее важную работу под их господством».

Генеральный штаб был главным поставщиком литературы, пропагандировавшей самый разнузданный шовинизм и империалистические войны. Для этого содержалась большая орава — сотни военных писателей. Помимо авторских изданий (направляемых и контролируемых генеральным штабом), выходило множество официальной литературы, в том числе многотомные истории войн (Семилетней, 1866 г., 1870 г. и др.). Причем милитаристские писаки, усердствуя перед своими хозяевами, извращали исторические факты самым бессовестным образом.

В начале XX в. в Германии были переизданы сочинения «столпов» прусского милитаризма — Фридриха II, Клаузевица, Мольтке. Эта публикация была предпринята с целью дальнейшего разжигания захватнических вожделий. Отдельным книгам предпосылались специальные предисловия, в которых идеи «почивших предков» дополнялись сокровенными мыслями идеологов германского империализма. Так, в предисловии к пятому немецкому изданию сочинений Клаузевица «О войне» Шлиффен писал: «Это учение привело нас к Кениггрецу и Седану»¹. По заданию генерального штаба сочинения Мольтке «современили» тем, что из его работ сделали подборку отдельных отрывков с таким расчетом, чтобы «откровения» этого вдохновителя захватчиков могли сослужить наибольшую службу в обстановке кануна первой мировой войны.

Лейтмотивом в этой деятельности было стремление разжечь захватнические вожделия и создать уверенность, что Германия «наверняка победит» в войне с самой широкой коалицией противников, в неравную борьбу с которой вовлекал ее генеральный штаб.

Выкормыш генерального штаба Бернгарди за несколько месяцев до начала войны писал: «...обосновать власть нашу в Европе и на этой основе построить наше действительное мировое могущество, с приобретением соответствующих колониальных владений»². «Нам нечего бояться числа наших врагов...»³. «Наша армия должна

¹ В. Гренер, Завещание Шлиффена, 1937 г., стр. 16.

² Бернгарди, Наша будущность, Петроград, 1914 г., стр. 126.

³ Там же.

быть настолько сильна, чтобы можно было быть вполне уверенным, что она разобьет одного из противников раньше, чем другой успеет вполне подготовиться к войне»¹.

Для осуществления этих целей он считал необходимым «...прибегнуть к чрезвычайным мерам»². Это требование «чрезвычайных мер» не сходило с уст представителей германского генерального штаба. Оно охватывало широкую военно-политическую программу подготовки агрессивной войны.

Генеральный штаб неустанно добивался уничтожения политических организаций рабочего класса, принятия полицейских мер против революционного движения.

Начиная с 80-х годов XIX столетия и вплоть до 1914 г. германский генеральный штаб неоднократно настаивал на чрезвычайных военных ассигнованиях. Свой приход на пост начальника генерального штаба Шлиффен ознаменовал требованием кредитов на вооружение полевой армии тяжелой артиллерией. В данной связи следует отметить деятельность Людендорфа. Уже за несколько лет до первой мировой войны Людендорф становится одной из ведущих фигур генерального штаба — начальником оперативного отдела. В 1912 г. он составил секретный доклад рейхстагу, в котором поставил вопрос о чрезвычайных кредитах на развертывание трех армейских корпусов. Свои требования Людендорф мотивировал тем, что генеральный штаб намеревается «не ждать» и собирается «попробовать» разбить «по крайней мере одного» из противников до того, пока остальные подготовятся и отомобилизуются.

Когда во Франции в 1920 г. опубликовали этот доклад, то среди разоблаченных немецких милитаристов Германии возник большой переполох. Людендорф вынужден был выступить с «опровержением». С таким же «опровержением» выступил и Куль, писавший о «подлоге», но одновременно с этим проболтавший, что доклад Людендорфа проводил общую для генерального штаба идею «...попробовать посредством наступления нанести поражение по крайней мере одному из противников»³.

Еще весной 1914 г. германский генеральный штаб требовал в своем докладе правительству провести предмобилизационные мероприятия и полную милитаризацию всей страны: «...наступил крайний срок обучить военному делу каждого немца...»⁴.

Немецкий генеральный штаб состоял из двух частей — войскового генерального штаба, который руководил войсками, и большого генерального штаба. «Большой штаб» ведал разработкой планов войны, ежегодных планов мобилизации, организовывал шпионаж и разрабатывал агрессивные теории.

Германская военщина широко рекламировала свой генеральный штаб. Среди империалистов у него нашлось немало поклонников за

¹ Бернгарди, Наша будущность, Петроград, 1914 г., стр. 109.

² Там же, стр. 98.

³ Куль, Германский генеральный штаб, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 116.

пределами Германии, а милитаристы из англо-саксонского лагеря славословят его даже после разгрома гитлеровской армии.

Но военная деятельность оценивается по ее результатам. Одним из итогов деятельности германского генерального штаба был провал в 1914 г. плана Шлиффена, который не выдержал исторической проверки и оказался несостоятельным.

То же самое можно сказать о методах работы внутри штаба и его руководстве войсками. В этом отношении интересны свидетельства самих немцев. Один из офицеров германского генерального штаба Риттер писал в своих воспоминаниях: «Мелочность требований, предъявляемых отдельным исполнителям, что, например, в отделе военных сообщений превращалось положительно в однообразную трепку нервов... прелятиствовала уму углубляться и останавливала работу мозга... не было упражнений, из которых можно было бы уяснить все фактически возникающие на войне трения»¹.

В своей оценке германского генерального штаба Риттер не преследовал целей вскрыть его пороки. Он всячески восхвалял деятельность этого верховного органа германского милитаризма, но, пытаясь лишь «подправить» дело прохождения службы в генеральном штабе, Риттер невольно нарисовал отвратительную картину муштры и окостенения, царивших в этом центре военщины.

Ганс Куль был гораздо осторожнее Риттера, но именно он показал весьма характерные черты системы руководства своего кумира Шлиффена, бывшего начальником генерального штаба почти в течение пятнадцати лет (1891—1905). Этот «учитель и воспитатель» немецкой военщины, по определению Куля, с истинно юнкерской надменностью третировал народ и солдат. И не только солдат, но даже и рядовое офицерство. «...Он был склонен относиться к массе отрицательно»², — писал Куль о Шлиффене.

Но этот же заносчивый милитарист проявлял крайнее угодничество перед кайзером. Чтобы «заслужить высочайшую милость» последнего, ежегодно устраивались большие маневры, на которых кайзер всегда «побеждал». Ведь «нельзя было сообщать о поражении императора...»³, — оправдывает Шлиффена его обожатель Куль.

Шлиффен добивался того, чтобы превратить работников генерального штаба в таких проводников своих планов, которые могли бы только исполнять его расписанные до мелочей указания.

«Нельзя отрицать того, — писал Куль, — что граф Шлиффен при прочих поездках г. ш. (генерального штаба — Л. Л.) и военных играх оказывал давление на их ход. Ему было важнее провести определенную оперативную идею, чем дать свободно разыграться столкновению обеих сторон... Это были упражнения главным образом для него самого»⁴.

Об одном из подобных немецких милитаристов-доктринеров Пфуле великий русский писатель Л. Н. Толстой писал: «У него

¹ Риттер, Критика мировой войны, стр. 7.

² Куль, Германский генеральный штаб, стр. 129.

³ Там же, стр. 131.

⁴ Там же, стр. 132.

была наука — теория облического движения, выведенная им из истории войн Фридриха Великого, и все, что встречалось ему в новейшей военной истории, казалось ему бессмыслицей, варварством, безобразным столкновением, в котором с обеих сторон было сделано столько ошибок, что войны эти не могли быть названы войнами, они не подходили под теорию и не могли служить предметом науки» («Война и мир»).

В общем в германском генеральном штабе культивировалась лишь способность подражать, действовать согласно заученному предписанию, ждать приказа начальства.

Делая для себя выводы на будущее, ревностные сторонники Шлиффена одну из причин неудач немецкой армии в 1914 г. усматривали в недостатке «способности подражания». Воспитанник генерального штаба Гренер так и писал: «Ввиду того, что в памятной записке Шлиффена все было отчетливо изложено, нечего было в 1914 г. раздумывать,— нужна была только способность подражания»¹.

Дух шаблона и рутины, которым был проникнут генеральный штаб, распространился и в войсках. В 1906 г. в Германии вышла не совсем обычная книга. Автор ее командир батальона майор Хюльзен, начав с того, что раскланялся перед всеми авторитетами немецкого милитаризма, высказал ряд горьких истин о насаждении шаблонов в войсках.

Приведем одно из его свидетельств: «...влияние ...стеснительных предписаний, к сожалению, возрастает с каждым годом... большинство руководителей старается подгонять задания для занятий к уровню господствующего шаблона... Готовый уже шаблон освобождает от риска собственной ответственности и потому к нему, как к якорю спасения, будет простирается большинство рук. Рутинная при таких условиях будет расти, а управление войсками становится все хуже...»².

Генеральный штаб, лелея надежду осуществить план Шлиффена — выиграть войну, одержав победу в одном «генеральном сражении», рассматривал армию как механический агрегат, заботился лишь о том, чтобы действия всех войск были автоматически направлены на выполнение шлиффеновского маневра. Поэтому руководство генерального штаба не допускало даже мысли о проявлении в войсках инициативы, о принятии самостоятельных решений. Инструкция начальника немецкого генерального штаба, обобщавшая «опыт» маневров 1909—1911 гг., обрушивалась на какую бы то ни было попытку частного почина, принятия самостоятельного решения офицерами всех ступеней.

В германском генеральном штабе господствовал дух начетничества и догматический подход к военной теории. Корпорация наиболее изощренных фальсификаторов военной истории, политических демагогов-шовинистов, наиболее рьяных поджигателей войны, крайних реакционеров, организаторов дела превращения страны в воен-

¹ Гренер, Завещание Шлиффена, стр. 194.

² Хюльзен, Шаблон или самостоятельность? СПб, 1907 г., стр. 65—66.

ную казарму, начетчиков и любителей шаблонов — таково отвратительное лицо сего детища прусских помещиков и империалистической буржуазии.

Неспроста современные американско-английские реакционеры, поджигатели войны так восхваляют германский генеральный штаб и на процессе в Нюрнберге даже взяли под свою защиту эту организацию гнусных изуверов, заговорщиков против мира, демократии и национальной независимости народов.

К началу первой мировой войны сознание немецкого народа было уже в достаточной степени отравлено ядом шовинизма и милитаризма. Измена руководства социал-демократии делу пролетариата обеспечила проникновение шовинистической и милитаристической идеологии и в среду рабочего класса.

В условиях наступления империалистической реакции большинство руководителей социал-демократической партии Германии встало на путь прямой измены делу рабочего класса, идее пролетарского интернационализма, перешло в лагерь буржуазии и на сторону германского генерального штаба. Оппортунизм нашел свое логическое завершение в социал-шовинизме, в социал-империализме, в открытой проповеди милитаризма.

Так, еще накануне первой мировой войны социал-империалисты Носке и другие открыто защищали немецкий милитаризм.

Чем ближе была война, тем нагляднее становилось предательство социал-демократических вожаков. В первые же дни первой мировой войны они перешли в лагерь империализма, превратились в социал-шовинистов и социал-империалистов.

ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦИЯ В ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРИОД НАЧАВШЕГОСЯ УПАДКА КАПИТАЛИЗМА (МОЛЬТКЕ)

Говоря о борьбе империалистических держав за раздел мира, Ленин указывал, «...что период предельного развития капитализма монополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860-ые и 1870-ые годы. Мы видим теперь, что *именно после этого периода* начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира»¹.

Последняя четверть XIX в. была периодом складывания империализма. Вместе с тем это был последний этап мануфактурного периода войны, в условиях которого появляются зародыши новых способов и форм ведения войны, свойственных машинному периоду.

В этот период в Германии ведущим теоретиком агрессии становится Мольтке, который с 1857 г. до 1888 г. являлся начальником прусского, а затем имперского генерального штаба. Однако свою военную доктрину Мольтке сформулировал в 70—80-е годы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 242—243,

Гельмут Мольтке был не только вожаком немецкой военщины в подготовке армии к осуществлению захватнических вождедений Пруссии — Германии, но и непререкаемым авторитетом господствующего направления военно-теоретической мысли. Его воззрения на крупнейшие проблемы военной идеологии и теории сохранились в Германии вплоть до последнего десятилетия XIX в., когда доктрина Шлиффена пришла на смену доктрине Мольтке. Но эта смена доктрин не означала отказа от взглядов Мольтке. Взгляды Мольтке и его сподвижников остались важнейшим слагаемым в сумме воззрений, составивших империалистическую военную идеологию Германии.

В 1911 г. немецкий генеральный штаб издал первый том сочинений Мольтке, а затем еще два тома, подчеркнув, что этим преследуется цель сделать взгляды Мольтке достоянием всей немецкой армии. Это трехтомное издание представляет собой сборник статей, речей, примечаний, директив Мольтке, написанных в разное время. Если порознь эти отрывки могут рассматриваться как мысли самого Мольтке, то в целом содержание всего трехтомника следует рассматривать как выражение взглядов немецкого генерального штаба накануне первой мировой войны. Немецкий генеральный штаб, ведя идеологическую подготовку войны, систематизировал и соответствующим образом приспособил к политическим задачам высказывания Мольтке, чтобы «обосновать» свои авантюристические планы.

Мольтке не только воспринял теоретические положения Клаузевица, но и дополнил, развил их в соответствии с интересами вступающих на путь империализма юнкеров и буржуазии Германии. Он целиком солидаризировался с теорией Клаузевица об «абсолютной войне», стремясь только «улучшить» ее. Мольтке, как и Клаузевиц, утверждал, что война является не чем иным, как «биологическим насилием».

Когда у Клаузевица заходила речь о так называемых «нерешительных» войнах, в которых слабый хищник задается ограниченной целью, например захватить и удержать кусок чужой земли, то допускалось, что политика влияет на ход военных действий, на военную стратегию. Иначе говоря, если сил для полного вооруженного разгрома противника мало, то следует широко использовать политические формы давления — шантаж, подкуп, политическую изоляцию и т. д., т. е. весь арсенал средств политического разбоя. Итак, в случае чрезмерной нехватки военных сил Клаузевиц считал необходимым сообразовать военные действия с международной политической обстановкой, чтобы, с одной стороны, обезопасить себя, а с другой — облегчить достижение захватнической цели. Такая «осторожность» Клаузевица при его склонности к авантюрным решениям, к игре «ва-банк» вполне объяснима: уж очень слаба была Пруссия в 20—30-х годах XIX в. и слишком свежи в памяти были назидательные уроки, данные Наполеоном.

Мольтке же считал Пруссию 60-х и тем более Германию 70—80-х годов настолько сильной в военном отношении, что, по

его мнению, не было необходимости считаться с требованиями политической обстановки.

Что же такое война по определению Мольтке? «Война,— говорит он,— есть насилие народов»¹. Это по существу является повторением формулы «абсолютной войны» Клаузевица.

Выступая в 1891 г. в рейхстаге, Мольтке «обосновывал» требования об увеличении ассигнований на армию демагогией о «миролюбивом» немецком правительстве и о «драчливых» народах, «рвущихся» к войне.

Положив в основу своей доктрины концепцию Клаузевица об «абсолютной войне», Мольтке занялся дальнейшим «усовершенствованием» его «учения».

«Вечный мир, — писал Мольтке, — это мечта и даже далеко не прекрасная; война же составляет необходимый элемент в жизни человечества»². Дальше у него следуют рассуждения о том, какие именно «блага» несет война человечеству.

Эти реакционные измышления Мольтке были насквозь проникнуты идеями социального дарвинизма, который всегда широко используется империалистами для увековечения своего господства и оправдания войн.

Во второй половине XIX в. гнусная философия Ницше пользовалась у немецких реакционеров большим успехом, а его книги «Человеческое слишком человеческое», «Воля к власти» и другие, содержавшие изуверские, человеконенавистнические идеи, были широко распространены в Германии. Ницше сфабриковал учение о «сверхчеловеке» — ничем не ограниченном в своих действиях господине, эксплуататоре по «праву», в силу якобы естественного закона борьбы за существование. Это была звериная мораль обреченных историей на гибель эксплуататорских классов.

Мораль, которую проповедывал Ницше, — это мораль человеконенавистничества: «падающего подтолкни», «результат оправдывает намерение»³, в «грубости... сила»⁴, «наслаждение в господстве и подчинении»⁵, «война... целебное средство»⁶ и т. п. Это была мораль помещичье-буржуазной реакции периода складывающегося империализма, это была мораль врагов марксизма, революционного пролетариата, демократии и социализма.

Такая мораль нашла благоприятную почву для своего распространения в немецкой действительности того времени.

Философия Ницше была полностью использована для нужд немецкой военной идеологии, для ее установки на полководца-диктатора, на применение любых разбойничьих средств в захватнических войнах. Немецкая реакционная философия послушно вы-

¹ Мольтке, Военные поучения, т. I, СПб, 1913 г., стр. 14.

² Там же, стр. 1.

³ Ф. Ницше, Соч., т. V, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 281.

полняла требования немецкого генерального штаба о том, чтобы наука была «вассалом военного управления»¹.

Вопросы о моральном духе войск интересовали Мольтке главным образом с точки зрения изыскания способов такой обработки солдат, в результате которой армия всегда оставалась бы послушным орудием эксплуататорских правящих классов.

Он считал, что одной только муштрой — «дрессировкой солдат военному делу...»² — необходимого результата достигнуть уже невозможно. Понятно, почему Мольтке пришел к заключению, что одной муштры уже недостаточно. Обострилась классовая борьба, население приходилось делить на «неблагонадежных» и «надежных» (терминология Мольтке). Поэтому нужна была, кроме муштры, политическая обработка солдат, не «образование», а «воспитание», по выражению Мольтке.

Кто же должен осуществлять это политическое «воспитание», в результате которого человек «...готов пожертвовать жизнью ради идеи» захватничества и грабежа? По мнению Мольтке, этим «воспитателем» является «военное сословие»³.

Вот, оказывается, кто они, «наставники» Германии: прусская военная каста, всегда состоявшая из людей, которым были присущи напыщенность и тупость, чванство и чиновничество, жестокость и коварство, цинизм и алчность; каста, изолированная и замкнутая, члены которой всегда готовы выполнять любое кровавое преступление; каста, высмеянная и проклятая Гейне. Ей, прусской заскорузлой военщине, оказывается, принадлежит благородная роль «воспитателя». Установки, выработанные Мольтке для оболванивания армии, оставались составным элементом мировоззрения немецкой военщины. Они усвоены и претворяются на практике американскими, английскими и другими милитаристами в наше время.

В каких же условиях, по мнению Мольтке, может быть достигнуто такое «воспитание» — сочетание муштры и политической обработки? Этот коренной вопрос прусской военной системы 70—80-х годов он решает путем фальсификации истории войн XIX в., особенно франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Вслед за Клаузевицем Мольтке требовал создания постоянной армии с длительным сроком службы. Он не скрывал, что только при длительной «дрессировке военному делу» и надлежащем «воспитании» — политическом оболванивании солдат — можно достичь цели, т. е. сделать армию послушным орудием реакционной политики немецкой буржуазии и помещиков. И в данном случае для «доказательства» своих положений Мольтке привлекает «исторические примеры». Все они, несмотря на их многочисленность, не заслуживают серьезного рассмотрения, так как Мольтке и в данном случае подменяет анализ софистикой: военное обучение солдат искус-

¹ Мольтке, Военные поучения, т. I, стр. 234.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

ственно противопоставляется их пониманию целей войны, уровню сознательности; одно якобы исключает другое.

Наиболее убедительно опровергают эти измышления опыт истории гражданской войны в СССР, история Великой Отечественной войны Советского Союза.

Изучая историю, можно легко убедиться, что политическая сознательность и обученность армии не только не исключают друг друга и даже не только дополняют друг друга, но и способны создавать настолько дисциплинированные, боеспособные и высоко-сознательные войска, что при встрече с ними вымуштрованные солдаты армий, ведущих агрессивные войны, окажутся бессильными. Энгельс в «Заметках о войне» убедительно доказал это. Он отметил поразительный с точки зрения сторонников антинародных армий факт, что подлинное сопротивление французов в 1871 г. началось тогда, когда прогнившая официальная армия третьей империи потерпела поражение и на защиту родины поднялся народ.

Когда войска Наполеона III были частью разбиты, частью заперты в крепостях, а 800-тысячная немецкая армия ринулась в беззащитную, как казалось, Францию, Маркс и Энгельс призывали французский народ к борьбе. Эту борьбу они не считали безнадежной; наоборот, Энгельс писал: «...если бы у французов был жив подлинный национальный энтузиазм, то все могло бы еще быть выиграно»¹, т. е. победа могла бы быть достигнута армией французского народа.

Такое утверждение отнюдь не означало, что Энгельс недооценивал воинскую выучку, боевое мастерство кадровой армии. В тех же «Заметках» он не только подчеркивал, но и обосновал необходимость и значение обучения военному делу.

Такова подлинная взаимозависимость политической сознательности и военной квалификации войск. Противопоставление одного другому со стороны Мольтке — не что иное, как уловка софиста, политический смысл которой очевиден.

Энгельс тогда же, в 1870 г., вскрывая классовый смысл «идеи» Мольтке и всей немецкой военной школы о постоянной армии, писал, что она нужна господствующим классам для осуществления их внутренней и внешней политики, что им нужна такая армия, которая была бы «послушным орудием этой политики»².

Мольтке считал «наиболее надежной» кадровую армию с длительным сроком службы. Но реакционные идеалы Мольтке находились в явном противоречии с действительностью, так как его деятельность протекала в эпоху, когда соперничество между капиталистическими хищниками становилось все более острым и никакие масштабы вооруженных сил не могли удовлетворять надолго империалистические круги, тем более Германию, поставившую перед собой задачу завоевать «место под солнцем», т. е. поделить мир в своих интересах.

¹ Ф. Энгельс, Заметки о войне, Госполитиздат, 1941 г., стр. 110.

² Там же, стр. 106.

Неизбежность всеобщей воинской повинности была для Мольтке ясна. Но в условиях усиливающегося обострения классовой борьбы, все более очевидного раскола нации на «благонадежных» и «неблагонадежных» она могла привести к образованию армии, не сочувствующей политике господствующих классов. Энгельс вскрыл это безысходное противоречие буржуазной военной системы вообще и прусской в особенности. В поисках выхода Мольтке приходит к известному уже нам «воспитателю» — военному сословию, опираясь на которое можно якобы сделать армию надежным орудием германского империализма. Однако, чувствуя недостаточную надежность и этого средства, Мольтке сбивался на беспомощную агитацию за «благотворное влияние на народ армии», за ее «доблесть». «Итак, доблесть, — утверждал Мольтке, — которой проникнута наша армия, не должна быть поколеблена»¹. Под «доблестью» он понимал не что иное, как верность армии господствующему классу.

Во всех этих его высказываниях сквозит боязнь народных масс, чего Мольтке даже не пытался скрывать. Он указывал, что опасность состоит в революционном восстании: «Легко раздать ружья, но не так легко получить их обратно»².

Главную заботу Мольтке, естественно, составляла разработка теории захватнической войны. Его, как агрессора, интересовали многие вопросы, в том числе: следует ли объявлять войну, каково должно быть отношение к нейтральным государствам, чего можно ждать от коалиций и как к ним относиться, каково должно быть отношение армии захватчиков к вооруженной борьбе населения за независимость и т. д.?

На эти вопросы он давал недвусмысленные ответы:

«Для успеха *стратегического нападения* необходимо сохранять соответственное решение в строжайшей тайне до момента исполнения. В день предъявления ультиматума должна быть объявлена мобилизация, а также следует отдавать приказ о выступлении войск...»³.

Так рекомендовал Мольтке начинать разбой.

Рассуждая о соблюдении нейтралитета в отношении невоюющих государств, Мольтке ханжески заявлял, что нейтральной стране незачем содержать армию, так как ее «ограждает» нейтралитет, но кончил он замечанием, делающим ненужным все предыдущие излияния: «...всякий нейтралитет может быть нарушен, если подобный шаг повлечет за собою для нарушающего нейтралитет вполне определенные выгоды»⁴.

В духе той же морали Мольтке разбирает взаимоотношения участников военных коалиций. Военную коалицию он рассматривает как неизбежное зло. Указывая, что каждый союзник будет преследовать только свои эгоистические цели, Мольтке делает за-

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 12.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 15.

ключение о малой эффективности коалиций и призывает стремиться извлекать из них возможно большие для себя выгоды, не забываясь особенно об общем успехе.

Много труда затратил Мольтке, чтобы опорочить идеи вооруженного участия народных масс в освободительной борьбе против агрессоров. Он привлек много всяких «аргументов», чтобы «доказать» «незаконность» участия в военных действиях людей, официально не принадлежащих к армии. Среди этих аргументов и «неэффективность» борьбы вооруженного населения, и «неоправданные жертвы», и «разорение собственной страны», и «падение нравов» и т. п. Ядом ненависти и клеветы проникнуто каждое слово Мольтке о бойцах освободительных армий Франции, о франтирерах и особенно о парижских коммунарах.

Осторожно высказанным мыслям Клаузевица, который исподволь выступал против участия масс в освободительных войнах, Мольтке придал законченность и определенность, притом в такой степени, что его следует считать первым среди немецких милитаристов нового времени вдохновителем расправ с борющимися за свою независимость свободолюбивыми народами.

Мольтке впервые после Тридцатилетней войны возродил зверскую практику истребления не только попадавших в плен вооруженных патриотов, но и населения, поддерживающего их или даже только сочувствующего им. Так, в 1870 г. Мольтке давал указания о расстрелах «без суда и на месте» франтиреров и экзекуциях мирных граждан. Немецкие воинские части расстреливали всех взрослых мужчин, заподозренных в сочувствии партизанам, сжигали их дома и отбирали имущество. Мольтке ввел преступную практику заложников из мирного населения. «На неприятельской территории,— поучал идеолог разбоя,— ответственность за безопасность линий дорог должна быть возложена на население близлежащих населенных пунктов, из которых следует брать заложников»¹.

Мольтке (а с ним и вся германская реакционная пресса в 1870 г.) на все лады доказывал «незаконность» участия в военных действиях лиц, не состоящих в армии.

Маркс, разоблачая реакционный смысл идеи «незаконности» борьбы народа за свою честь и независимость, подчеркивал, что такая идея — характерный продукт махрово реакционной идеологии прусского юнкерства. 13 декабря 1870 г. Маркс писал: «Это чисто гогенцоллернская идея, будто народ совершает преступление, продолжая защищаться сам, когда все его постоянное войско уничтожено»².

Энгельс разоблачил гнусную мораль захватчиков. Глубоким анализом исторических событий, фактами он неопровержимо доказал, что именно тогда, когда захватнические цели Германии стали ясны и война французского народа стала справедливой, освободительной войной, сопротивление оккупантам не только возросло, но

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 239.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 80.

общее соотношение сил стало изменяться в пользу французов. И если немцы все же вышли победителями, то уж Мольтке следовало бы знать, что не сила оружия и «доблесть» немецкой армии были причиной этому, а вначале дряблая, по существу изменническая политика французской буржуазии, а затем откровенный переход на сторону врага предателей своего народа — версальцев.

Как бы заключением ко всем «теоретическим» изысканиям Мольтке по международному праву является его разбойничий тезис: «Величайшим благом войны безусловно является быстрый ее конец; чтобы этого достигнуть, необходимо пользоваться всеми хотя сколько-нибудь терпимыми средствами»¹. Смысл этого утверждения ясен. Слова о сколько-нибудь терпимых средствах предназначены для широкой публики. Утверждение, что стремление к скорому миру оправдывает применение любых средств на войне, — неуклюжий софизм. Главное же в каннибальской морали Мольтке — не стесняться в выборе средств для достижения целей империалистического разбоя.

Это знаменовало начало кризиса юнкерско-буржуазной военной мысли Германии, а также буржуазной военной мысли вообще.

Развитие капиталистического производства в XIX в. внесло значительные изменения в условия ведения войны и боя. В середине XIX в. появляется винтовка, заряжающаяся с казны, а затем нарезная артиллерия с дальнобойностью, в три-четыре раза превышающей дальнобойность гладкоствольных пушек.

40—60-е годы ознаменовались расширенным строительством железных дорог; был изобретен и практически применен телеграф. Рост производительности общественного труда стремительно расширял мобилизационные контингенты. Возникли условия для того, чтобы армия располагала большими обученными резервами.

Пруссия как страна агрессивная во второй половине XIX в. стремилась опередить другие государства в военном отношении, создать наиболее многочисленную армию, превосходящую противника своим вооружением.

В 1841 г. прусские войска получают ружье Дрейзе. С 60-х годов заводы Круппа поставляют им стальные нарезные пушки. В 40—60-х годах строится несколько железнодорожных магистралей широтного и меридионального направления.

Однако Мольтке был не способен учитывать изменявшиеся условия ведения войн.

Мольтке в еще более категорической форме, чем Клаузевиц, проводил взгляд на войну как на биологическое явление — разгул животных страстей. Отбросив предостережения Клаузевица о том, что иногда необходимо считаться с политической обстановкой войны, Мольтке отрицал необходимость трезво взвешивать поли-

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 3.

тическую обстановку и учитывать ее изменения для руководства вооруженными силами в самом ходе войны. Отсюда следует утверждение, что, во-первых, стратегия не зависит от политики и, во-вторых, что можно и следует идти на риск в военных авантюрах, не считаясь с политической обстановкой.

Являясь одним из выразителей наиболее реакционной захватнической политики юнкерства и буржуазии, Мольтке хотел «теоретически» обосновать возможность вести захватнические войны, невзирая на неблагоприятную для Германии международную обстановку и не считаясь с силами и возможностями противника.

Мольтке писал: «...в ведении своих действий стратегия остается вполне независимой от политики»¹.

Итак, Мольтке, утверждая, что война не зависит от политики, делал установку на военный авантюризм, на стратегию, не считающуюся с реальной политической обстановкой.

«Доказательства» этих положений у Мольтке очень просты. Он, пользуясь излюбленными шарлатанскими приемами софистики, подгонял под свои положения добрую дюжину специально подобранных «исторических примеров», в которых неправильная политика государств приводила к поражению. При этом Мольтке заведомо извращал историческую действительность.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно разоблачали софистику идеологов буржуазии. Ленин указывал: «...«доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»².

Если подвергнуть факты военной истории подлинно научному исследованию, не склоняя на все лады, как это делал Мольтке, что война — насилие, и на этом ставить точку; не скрывать подлинную социально-политическую сущность войны, а, наоборот, проникать в ее содержание, чего так боялся Мольтке; не выхватывать «примеры», а всесторонне исследовать факты, процессы военной истории, — тогда окажется, что война — социально-политическое явление. Следовательно, в ведении войны, в руководстве вооруженными силами, в стратегии необходимо исходить из трезвого учета политических условий каждой данной войны и отдельных ее этапов. Но тогда ускользает почва из-под ног Мольтке и его современных последователей.

Мольтке, чувствуя слабость своих теоретических позиций, хотел доказать свою правоту примерами. Последние, как известно, не могут служить доказательствами; они пригодны (при условии правильного их подбора) лишь для иллюстраций уже вскрытых, дока-

¹ Moltke, Militärische Werke, B. II, Berlin, 1900, S. 291.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 193—194.

занных закономерностей. С этой стороны упражнения Мольтке могли бы нас и не интересовать. Но Мольтке не только использовал явно негодный прием софизма, а еще и фальсифицировал историю. Восстановить истину, разоблачить фальсификаторов — весьма важное дело.

Мольтке, ссылаясь на опыт войны 1866 г., считал «доказанным» положение, что «политика не должна вмешиваться в операции»¹. Но факты показывают, что сам Мольтке в решающий период этой войны руководствовался... политическими соображениями.

Об этом «грехопадении» Мольтке свидетельствует его поклонник Шлиффен: «Главная неприятельская армия является той целью, на которую следует наступать. Но фельдмаршал наступал на Вену, а не на Ольмюц. Вследствие этого удалось скорее заключить мир»².

В действительности дело обстояло так. 20 июля 1866 г. пруссаки подошли к Вене. Предстояло сражение при невыгодном для них соотношении сил: австрийцы имели превосходство в артиллерии и 276 тысяч человек против 218 тысяч у Мольтке. Но пруссаков выручила именно политика: морально-политическая слабость австрийских войск, двусмысленная политика Наполеона III и Италии заставили австрийское правительство согласиться на условия невыгодного для Австрии мира.

Говоря о войне 1870 г., Мольтке и все его приверженцы (в том числе и англо-американские фальсификаторы истории) пытались и пытаются изображать дело так, что единственным фактором победы немцев явилась их армия. Это — искажение истины. Французы потерпели поражение главным образом потому, что монархическая монархия вела самую реакционную политику по отношению к собственному народу. Дряблая, трусливая, она не способна была организовать сопротивление. Дезорганизуя и деморализуя страну и армию, Наполеон III, его министры и военачальники сами открывали ворота в свою страну армиям интервентов.

Кому-кому, а Мольтке было хорошо известно, что сражение, приведшее к капитуляции Меца, обе стороны вели, руководствуясь прежде всего политическими мотивами. Причем морально-политические факторы сыграли огромную роль в ходе и исходе этого сражения. 173-тысячная французская армия в крепости Мец капитулировала именно в силу своей морально-политической слабости, вызванной 20-летним господством режима Наполеона III. По политическим же соображениям предатель монархист Базен после провозглашения республики не попытался даже организовать прорыв из крепости и вывести оттуда войска. В результате предательства и разложения руководства гарнизон Меца сдался вдвое меньшему по численности противнику.

Для командующих французскими войсками было характерным проявление одновременно авантюризма, трусости и предательства.

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 14.

² Шлиффен, Канны, Воениздат, 1938 г., стр. 376.

Мец и Седан — прежде всего плоды порочной политики гнилого бонапартистского режима. За три дня до капитуляции под Седаном Энгельс писал о действиях Мак-Магона, что у него был «...план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет»¹.

Такова была роль в войне морально-политического фактора до разгрома армии Наполеона III, но еще большей стала она после этого разгрома. Мольтке всячески пытался затушевать, вычеркнуть из истории тот факт, что именно после капитуляции у Седана борьба началась при других условиях. Когда вместо разложившейся официальной армии защищать свою независимость взялся сам французский народ, то немцы вынуждены были перейти к обороне и занялись политическими комбинациями, добиваясь сделки с реакционной крупной буржуазией Франции. Только измена французской буржуазии — ее переход на сторону врага для совместной борьбы с Парижской Коммуной — выручила немецких захватчиков, принесла им победу и столь для них необходимое окончание войны. Эти выводы подтверждаются и высказываниями одного из единомышленников Мольтке — фон-дер Гольца, который в 1896 г. писал о войне 1870 г.: «Началась она энергичным вторжением атакующего и его смелым шествием от одной победы к другой до полного порабощения неприятеля, а окончилась обороной завоеванной страны против усилий побежденных вернуть отнятое обратно. Мир зависел не от дальнейших побед, а от занятия блокированной тем временем столицы Франции»².

Механический отрыв стратегии от политики ярко сказался у Мольтке и в том, что он рассматривал государство противника и его армию как различные объекты. «Необходимо делать различие между предметом войны и предметом *операции*. Предмет войны составляет не армия, а страна противника, его столица, источники средств и политическое значение государства... предметом же операции является неприятельская армия, поскольку она охраняет предмет войны»³.

Мольтке вел речь только о разгроме армии противника. Он игнорировал моральный и экономический факторы. Этот хваленый «теоретик»... военного авантюризма не учитывал полностью и соотношение вооруженных сил, устремляя стратегию исключительно в сторону так называемого «чисто военного» решения вопроса о победе.

Впоследствии, в 90-х годах XIX в. и в начале XX в. эти мысли Мольтке были развиты его ближайшим соратником Вердию-Вернуа. Верди, механически отрывая ведение войны от политической обстановки, устранял даже самый термин стратегия. Он, как и Мольтке, отводил место политике (дипломатии) только в на-

¹ Ф. Энгельс, Заметки о войне, стр. 58.

² Фон-дер Гольц. Краткий очерк искусства ведения войны в наше время, Варшава, 1897 г., стр. 15.

³ Мольтке, Военные поучения, стр. 79.

чале и в конце войны. В начале войны дипломатия призвана, по мнению Верди, замаскировать необъявленное, вероломное нападение, а в конце войны — добиться выгодной реализации результатов военных действий.

Стратегия, по Верди, сводится («вращается в пределах») к тактике и определяется полководцем, который обладает для этого лишь присущей ему одному «интуицией».

Еще категоричнее Верди выражает свои мысли о «независимости» военного искусства от политики, когда он пытается установить различие между полководцем — главой государства (монархом) и полководцем «по поручению». Если первый занимается и внешней политикой, то второго, дескать, «политика не касается».

Это было весьма ярким выражением военного авантюризма — так называемого «чистого», «аполитичного» военного искусства.

Известно, что прусское юнкерство и германская буржуазия были в числе наиболее реакционных сил Европы XIX века. Это и обусловило крайнюю порочность немецкой военной теории и определило ее бесплодность, что видно из «обобщения» опыта войны 1870 г. Мольтке. Об этих «обобщениях» уже говорилось выше. Здесь же интересно отметить, что Мольтке, напуганный событиями Парижской Коммуны, высказался против укрепления и обороны больших городов (в том числе и столицы государства). Для «обоснования» своих выводов он привлекает «исторический» материал. Перечисляя столицы государств, падавшие под ударами вражеских войск, говоря когда и по сколько раз они захватывались врагом, Мольтке делает заключение, что государства от этого не погибали. Причем он даже не пытается анализировать обстановку, в которой завоевывалась столица того или иного государства, и условий борьбы за ее освобождение. К его доводам относится также то, что оборона больших городов дорого стоит, поэтому, дескать, их не надо оборонять.

Главным же аргументом Мольтке было то, что при обороне столицы государства, помимо воли и желания правительства, вовлекается в борьбу население. Поэтому лучше, мол, сдать столицу врагу. Не подлежит сомнению, что грозный призрак Парижской Коммуны неотступно преследовал этого идеолога германских милитаристов.

«Вместо того, чтобы окружить Берлин укреплениями,— писал Мольтке,— будет целесообразнее встретить противника вне его, на временно укрепленной позиции... Если Берлин не укреплен, то обороняющая его армия должна отступить, а столица — сдаться... И крепость Берлин... можно было бы взять, если бы внутренние неурядицы 1848 года соединились с военными неудачами 1806 года»¹.

Так реакционные социальные интересы юнкерства и буржуазии, боязнь народа собственной страны становились непреодолимой преградой на пути прогрессивного развития военной теории.

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 222.

Что же действительно говорил опыт войны 1870 г. об обороне столицы государства и об обороне больших городов? К осаде Парижа, Страсбурга, Меца и других городов Франции были привлечены почти все полевые войска Пруссии, что позволило французским патриотам сформировать новые армии. И если бы не предательство правящих классов Франции, ее полевые армии, используя прикованность основных прусских сил к упорно обороняющимся городам, смогли бы оправиться после поражений и более успешно (чем они это делали) перейти к активным действиям. Оборона городов давала возможность широко использовать необученное население, патриотизм которого удесят�ерял силы обороняющихся.

Мольтке был бессилен верно решить крупные вопросы военной теории об обороне столицы государства и больших городов вообще. Он также не мог правильно оценить значение железных дорог и их влияния на развитие военного искусства. Напуганный действиями французских партизан, он делал вывод, что немецкая армия может пользоваться железными дорогами только на своей территории. Это лишний раз показывает, как реакционная идеология может обрекать на полное бесплодие военную теорию.

Одним из наиболее наглядных проявлений порочности немецкой военной науки и авантюризма стратегии является теория так называемого мобилизационного развертывания. Резкое увеличение мобилизационных контингентов уже во второй половине XIX в. сделало проблему мобилизации весьма важной и трудной. Возникла возможность наращивать усилия в больших масштабах пополнять действующие армии, создавать новые соединения и строить новые стратегические эшелоны войск; создавалась стратегическая глубина расположения войск.

Однако буржуазная военная мысль придерживалась устарелых представлений. Немецкая же военная теория оказалась в этом отношении наиболее консервативной. Мольтке и руководимый им генеральный штаб в своих планах мобилизации исходили из того, что всю армию следует отмобилизовать в первые дни войны и сосредоточить у границы компактно, чтобы сразу же бросить ее в «единое генеральное сражение». Лишь в этом случае Мольтке гарантировал успех. Поэтому он писал, что действия «...при предпосылке своевременной мобилизации и организованности перевозок должны безошибочно приводить к намеченным результатам... Ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании»¹.

Шлихтинг придавал этой догме Мольтке предельно формалистическое выражение. Он писал: «...стратегическое развертывание армии будет отделено от первого решительного сражения лишь немногими короткими переходами, а отсюда следует, что оно должно быть соединено с непосредственной готовностью принять сражение»². Называя стратегические положения Мольтке «математическими ак-

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 44.

² Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, книга I, стр. 21.

сиомами», исключаяющими ошибки, Шлихтинг сам не сознавал, что таким образом он разоблачает весь набор этих догм до конца.

Война — одно из наиболее сложных явлений общественной жизни, и, естественно, подобными «математическими аксиомами» здесь многого не достигнешь. «Математические аксиомы» Мольтке — Шлихтинга были догматами и шаблонами, не имеющими ничего общего с практикой, а следовательно, и с наукой. Эти догмы Мольтке — Шлихтинга, как правило, представляли собой либо устарелые положения, либо универсализацию частного случая, либо искусственную конструкцию — «рецепт победы».

Порочность этой теории Мольтке вскрылась уже во время франко-прусской войны.

Мольтке «планировал» уничтожение французской армии «одним ударом», в «едином генеральном сражении». После этого предполагалось беспрепятственное или почти беспрепятственное движение на Париж. В своем так называемом «мемуаре» (директиве) Мольтке писал: «Операция против Франции будет состоять просто в том, чтобы по возможности сосредоточенными силами продвигнуться на несколько переходов по французской территории до встречи с силами противника, а затем дать им сражение. Общее направление этого движения на Париж...»¹.

Ничего определенного, никаких четких задач армиям и т. п. директива Мольтке не содержала.

Что же получилось на практике? Командующие армиями знали только, что им следует продвигать свои войска вперед. А далее все естественно пошло таким образом, что из плана Мольтке подвести 300 тысяч войск к полю «единого генерального сражения» ничего не получилось. Вопреки плану Мольтке бои завязывались неожиданно, часто при невыгодном для германской армии соотношении сил.

У Вейсенбурга завязался бой между одной французской дивизией и 3-й германской армией, командующий которой считал, что началось «генеральное сражение». Но 4 августа, потеряв соприкосновение с противником, 3-я армия вынуждена была продолжать движение вперед без определенной цели. 6 августа эта же армия вновь случайно столкнулась с противником у Верта и отбросила его, потеряв при этом 10 тысяч человек; потери французов составляли 4000 человек.

6 августа германская армия вступила в бой с крупной французской группировкой у Шпихерна. Немцы потеснили французов; при этом они понесли большие потери и вынуждены были приводить себя в порядок в течение 5 суток. Интересно отметить, что в своей директиве Мольтке указывал: «Чтобы провести сосредоточение для сражения, нам нужен один день».

В итоге французы были отброшены от границы, а немцы продолжали свое движение вперед, но никакого «единого генерального сражения» не получилось.

¹ Мольтке, Военные поучения, стр. 80.

Наступление без резервов таило для германской армии грозную опасность. Под Шпихерном французский командующий Базен имел 130 тысяч человек против 60 тысяч немцев. Если бы германская армия имела дело не с армией прогнившей второй империи, то поражение немцев было бы неминуемо.

Характеризуя армию Наполеона III, Энгельс писал: «...в 1870 г. французская армия была уже не та, что в 1859 г. Хищения, спекуляция, ставшие обычными; злоупотребления общественным положением ради личных интересов — все то, что составляло основу системы Второй империи, охватило и армию»¹.

Командование этой армии со своей стороны делало все, чтобы облегчить противнику успех. Наполеон спешил начать войну, не смотря на то, что дивизии были недоукомплектованы и что некоторые из них не имели штабов.

Материальное обеспечение войск было поставлено из рук вон плохо. Чрезмерное поспешное сосредоточение войск к границе привело к неразберихе.

Командующие армиями Базен, Мак-Магон и другие представители военной камарилы Наполеона III были лишены элементарных качеств, необходимых крупным военачальникам.

Итак, события показали, что теория мобилизационного развертывания Мольтке не обеспечила немецкой армии победы в «едином генеральном сражении» даже со столь слабым противником, каким оказалась французская армия Наполеона III.

Немецкая военная теория, питаемая реакционными идеями юнкеров, а также буржуазии, которая, по выражению Маркса, не успев стать революционной, уже стала контрреволюционной, была консервативна, цеплялась за отжившие, устарелые представления. Вместе с тем, задаваясь завоевательными целями, превосходящими возможности и силы Пруссии — Германии, немецкие агрессоры на основе этой «науки» создавали мертворожденные проекты.

Сочетанием подобных «теоретических» усилий и была теория мобилизационного развертывания, в которой «мертвый хватает живого». В этой «новой» теории все было надуманным. Она была исторически не оправдана уже в начале XIX в. (когда ее в общих чертах сформулировал Бюлов), противоречила требованиям жизни в период франко-прусской войны.

Отождествление мобилизационного развертывания и стратегического сосредоточения было крупнейшим пороком, который объясняется той же стратегической концепцией «короткой войны». Так, реакционность германских помещиков и буржуазии толкала их военного идеолога Мольтке на порочные, авантюристические решения важнейших вопросов военного искусства.

Тактика немецких войск всегда отставала от технического прогресса. Так, о тактике немецких войск во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Энгельс писал: «...всякие попытки выставить под неприятельский ружейный огонь какие бы то ни было сомкну-

¹ Ф. Энгельс, Избранные военные произведения, т. II, стр. 443.

тые массы войск были оставлены, и со стороны немцев сражения велись исключительно густыми стрелковыми цепями, на которые, несмотря на сопротивление высших чинов, вначале боровшихся с подобным «беспорядком», сами собою обыкновенно распались колонны, как только попадали под убийственный град пуль»¹.

Особенности немецкой военной теории, касающиеся вопросов тактики, определялись влиянием политической жизни Германии, которая была проникнута духом реакции, милитаризма. Выработанная столетиями система «воспитания» (оболванивания), основанная на палочной дисциплине, подавляла всякую инициативу, здоровое творчество и насаждала рутину и шаблон.

Немецкая тактика развивалась в соответствии с руководящей идеей Клаузевица о методизме, «заменяющем искусство». Мольтке считал, что для руководства боем можно «использовать чужие примеры»². Из истории выхватывалось на удачу какое-то приглянувшееся положение, возводилось в абсолютную «вечную» истину и предписывалось в инструкциях и уставах.

Порочность подобного подхода ясна. Все строится не на обобщении исторического опыта, а на отыскивании примеров для подражания, т. е. шаблонов; внимание обращается не на новые тенденции, а на прошлое. В этом не было ничего неожиданного для немецкой буржуазной методологии; ведь высшее достижение ее — гегелевская диалектика также признавала развитие только в прошлом, объявляя реакционные прусские порядки шедевром общественного развития.

В прусской армии попрежнему стремились к шаблонам, к однообразию, считавшимся высшим достижением в военном деле. Особенно изобилует ими прусский устав 1847 г., который рекомендовал пользоваться этими шаблонами при любой обстановке.

Прусский устав 1847 г. сохранял сомкнутые строи, столь характерные для армии с системой «муштрующей дисциплины». Он не решал ведущей тактической проблемы в условиях применения ружья, заряжающегося с казны, — сочетания огня и движения. Несостоятельность этого устава была доказана на поле боя. В войне 1866 г. густые колонны пруссаков несли большие потери, хотя австрийская армия и была вооружена устарелой, заряжающейся с дула винтовкой. А в войне с Францией в 1870 г. пруссаки оказались неспособными к маневру под огнем французских войск из ружей Шаспо. Устарелые боевые порядки пруссаков не обеспечивали сочетания огня и движения.

Характерной чертой германской армии во второй половине XIX в. было сохранение линейной тактики, становившейся все более архаичной и вредной. Стремление к шаблону приводило к тому, что для выравнивания войск в линию последовательно приспособляли и ротные колонны и стрелковые цепи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 172—173.

² Мольтке, Военные поучения, предисловие.

Стремление к шаблону, к рутине в тактике определялось чиновничье-бюрократическим общественным строем Пруссии и Германии в целом.

После 1866 г. в прусской литературе становятся модными рассуждения об устарелости применяемой армией тактики. Дорогая цена, которую заплатила Пруссия за победу над австрийцами — неустойчивым и плохо вооруженным противником, пользовавшимся в принципе той же рутинной, облаченной лишь в новые внешние формы фридриховской «тактикой», — заставляла призадумываться даже прусскую военщину.

О вреде «старого методизма» говорили и писали многие — от начальника генерального штаба Мольтке до капитана Богуславского. Но когда прусские военные писатели брались делать практические выводы, касающиеся вопросов тактики, они приходили к тем же идеям «определенных способов действий», т. е. к шаблонам, облакая их лишь в новые формы.

Характерны в этом отношении суждения немецкого капитана Богуславского (в будущем влиятельный прусский милитарист — начальник военно-исторического управления), выступавшего в 70—80-е годы в качестве сторонника «нового» военного искусства. Этот «критик» старого военного искусства, оказывается, принципиально не был против шаблонного характера действий прусских войск, а «новые» шаблоны и «тактику охватов» он даже одобрял и рекомендовал их для наступления как единственно эффективные способы достижения победы.

Свои домыслы Богуславский выдавал за выводы из опыта войны 1870—1871 гг.

Новые условия, сложившиеся еще в конце XVIII в., вызвали к жизни новую форму боя — встречный бой как разновидность наступления.

Когда встречный бой еще только зарождался, новаторы военного искусства поняли необходимость создания глубокого построения войск. Суворов в одном из первых в истории встречных сражений на реке Треббия обеспечил победу тем, что в сложной, чреватой неожиданностями обстановке создал глубокое построение войск, что поставило русскую армию в выгодное положение. Передовые русские части, не ожидая подхода своих главных сил, нанесли поражение французам на реке Тидоне, причем Суворов вводил свои войска в бой непосредственно с марша. Он не растрачивал драгоценного времени на ожидание подхода всех войск или большей их части, на построение «нормального боевого порядка» по шаблонам.

Боевой порядок строился в соответствии с сложившейся обстановкой. Быстрота, решительность, внезапность, инициатива и организованность действий, помноженные на высокие качества войск, принесли победу авангардам Суворова над лучшими тогда в Европе французскими войсками и в существенной степени подготовили победу в сражении на реке Треббия.

Во второй половине XIX в., когда паузы между подходом к полю боя и самим боем исчезли, стороны приходили в столкновение, вступив в сферу артиллерийского и ружейного огня. Но немецкие практики и теоретики не хотели считаться с требованиями жизни. Еще Клаузевиц, закрывая глаза на боевую практику, отрицал встречный бой. Под руководством Мольтке, Шлихтинга пишутся инструкции, предусматривающие заблаговременный подход к полю боя, построение войск в соответствии с одним из шаблонов, и затем рекомендуют вести бой «по правилам».

Больше того, Мольтке, Шлихтинг, Верди учили войска и военачальников подгонять боевую действительность под установленные шаблоны. Яркой иллюстрацией этого являются их взгляды на роль авангардов. Известно, что в условиях встречных столкновений потребность в авангардах на походе усилилась. Между тем германские военные теоретики, а также и все военачальники возлагали на авангарды лишь разведывательные функции, а также задачи прикрытия главных сил при их подходе к полю боя и построении в боевой порядок. Такое решение давал устав полевой службы 1887 г., автором которого был Шлихтинг. «Все действия авангарда должны быть направлены к тому, чтобы без нужды не нарушалось непрерывное и равномерное движение главных сил» (ст. 81). Больше перед авангардами никаких других задач не ставилось. Эту же давно устаревшую мысль повторял Шлихтинг и в 1896 г.

Столь отсталые воззрения, начисто отрицавшие встречный бой, господствовали среди немецкой военщины через несколько десятилетий после франко-прусской войны. Но затем, когда под натиском неумолимой действительности им пришлось признать встречный бой, то они и этот вид боевой деятельности пытались уложить все в то же прокрустово ложе своих шаблонов.

Шлихтинг, Балк, Верди и другие направляют свои усилия на составление шаблонов, которыми должна «регламентироваться инициатива».

Придумываются «новые правила», поражающие своим доктринским уродством.

Шлихтинг изобретает шаблоны на все случаи: если наступает одно соединение, то, вступив в соприкосновение с противником, оно развертывается в обе стороны; если два — то в разные стороны; если вблизи резервов нет, то Шлихтинг требовал всегда клоняться от встречного боя и т. д.

Вся эта галиматья носила название «законов» встречного боя и прикрывалась софизмом о вреде «неразумной» инициативы. При этом умалчивалось о том, что возможна инициатива и разумная.

Применение нарезной артиллерии и винтовки, заряжающейся с казны, а затем и магазинной винтовки изменили условия боевой деятельности и организации взаимодействия родов войск на поле боя. Столь высоко ценимое в Пруссии применение конницы для атаки пехоты сомкнутыми массами (по-фридриховски — «колено в колено») явно изжило себя. Применение излюбленного артиллерийского приема — выезда на картечь — стало почти невозможным,

так как орудийные расчеты быстро выводились из строя винтовочным огнем. Но это не означало, что артиллерия и кавалерия как роды войск устарели. Наоборот, они приобретали другие возможности и значение.

Новые условия борьбы определялись тем, что одновременно с ростом массовости армий усиливалась их техническая оснащенность. Все это требовало перехода к новым формам борьбы. Но германская теория не учитывала ни новых требований, ни новых возможностей родов войск и неверно трактовала их роль в бою. Порочность немецких взглядов можно проследить на примерах использования немцами в бою кавалерии и артиллерии в войнах 1866 и 1870—1871 гг.

Со времени войны 1866 г., когда обнаружилась невозможность прежнего использования кавалерии для массовых атак в сомкнутом строю, немецкая военная мысль все больше склонялась к недооценке этого рода войск. Такой взгляд вытекал из общей порочной концепции, требовавшей подводить свои войска к одному пункту — полю «генерального сражения». Отсюда делали вывод о вспомогательной роли кавалерии — прикрытии сосредоточения главных сил.

Шлихтинг, предлагая схему наступательного боя, вслед за Мольтке ставил кавалерии узкую задачу разведки. Возлагать на кавалерию задачи развития успеха, охвата, преследования не предполагалось. В итоге немецкая армия осталась без сильной кавалерии.

Артиллерия также не находила правильного применения, особенно в условиях встречного боя. Она оказывалась в хвосте походных колонн, тогда как массовое и своевременное выдвижение ее вперед приобрело большое значение. Шлихтинг писал, что пушки должны как можно меньше двигаться, так как передвижение якобы снижает эффективность огня. Эти рутинные и вредные взгляды Шлихтинг упорно отстаивал даже в начале XX в.

Таким образом, мы видим, что реакционная немецкая теория, чуждая творческому восприятию нового и не учитывающая объективных закономерностей развития тактических форм борьбы, не смогла понять характера общевойскового боя на заре его возникновения. Этот важнейший этап развития тактики прошел не замеченным для немецких военных теоретиков. Над ними довлели традиции шаблонной тактики, а реакционные интересы господствующих классов, стремившихся иметь послушную им армию, определяли порочное направление в развитии немецкой военной мысли.

Во второй половине XIX в. армии резко увеличиваются. Происходят крупные технические сдвиги. Железные дороги многократно повышают маневренность войск. Телеграф дает возможность управлять войсками на обширном пространстве.

Сражение, которое ранее возникало периодически, теперь становится более частым явлением. Бои происходят одновременно в ряде пунктов. Сражения развертываются одно за другим на обширных территориях.

Новые явления в военном искусстве были непонятны германским милитаристам.

Мольтке, например, выдвинул положение: «врозь итти — вместе драться». Так как он продолжал придерживаться стратегической концепции Клаузевица, который считал, что войну можно выиграть, одержать победу в одном «генеральном сражении» в начале войны, то все усилия попрежнему направлялись на то, чтобы привести основную массу войск (а если возможно, то и все войска) к одному пункту. Мольтке считал, что всегда следует вести войска разными дорогами по двум сходящимся направлениям и бросать их в дело в одном пункте. Он писал: «...сущность стратегии и заключается в организации походного движения врозь, имея в виду своевременное сосредоточение». Мольтке считал необходимым подводить войска к этому единому пункту с разных направлений, «зажимая» противника в «клещи». Эту форму маневра он выдвигал не наряду с другими, а рассматривал ее как единственную форму, как «рецепт победы».

Многие буржуазные историки распространяли и продолжают распространять версию о том, что Мольтке был одним из первых, кто разработал новые формы вождения войск. Однако приоритет в этой области принадлежит русским полководцам Румянцеву, Суворову, Кутузову. В их полководческой деятельности можно найти немало примеров, когда они водили свои войска несколькими маршевыми колоннами по нескольким маршрутам. Так, например, в кампании 1770 г. Румянцев подводил войска к полю боя двумя, тремя, четырьмя (у Кагула) маршевыми колоннами; Суворов четырьмя колоннами (к Адде), тремя (к Треббии), двумя (для атаки Сен-Готарда).

Эту форму вождения войск применил затем и Наполеон.

Высокого совершенства в деле вождения войск достиг Кутузов, особенно у Рущука, Малоярославца, при преследовании наполеоновских армий и при окончательном их уничтожении на Березине.

Добиваясь окружения армии Наполеона на Березине, Кутузов провел концентрическое наступление с трех направлений: главными силами, армиями Витгенштейна и Чичагова.

1 ноября 1812 г. Кутузов писал Витгенштейну: «Я полагаю, что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днестром, Березиной и Двиною и для того содействие ваше в сем случае необходимо»¹.

Чичагову был отдан приказ «разбить бегущего и теснимого от меня неприятеля».

В результате осуществления гениального плана Кутузова «великая армия» Наполеона перестала существовать. Таким образом, вождение войск несколькими маршевыми колоннами по нескольким маршрутам широко практиковалось русскими полководцами задолго до Мольтке. Поэтому «историки», приписывающие

¹ ВУА, Отечественная война, т. XIX, стр. 166.

Мольтке честь открытия новых форм вождения войск, заведомо фальсифицируют исторические факты.

Кроме того, необходимо отметить, что Румянцев, Суворов и Кутузов подходили к проблеме вождения войск новаторски, творчески, Мольтке же превратил свое положение «врозь итти — вместе драться» в шаблон. У него всегда действуют две группы войск, которые во всех случаях атакуют противника с двух сторон.

Боевая действительность опрокидывала шаблон Мольтке. Вместо единого «генерального сражения» развертывалась цепь сражений. Происходили не только охваты, но и фронтальные столкновения и т. д.

Например, во время австро-прусской войны 1866 г. прусские войска, вторгшиеся в Богемию с двух направлений, не смогли захватить австрийские войска в «клещи», так как наступающие войска были разделены горами. Наоборот, создалась реальная угроза разгрома прусской армии по частям. И только благодаря низким боевым качествам австрийской армии и бездарности ее руководства ошибка Мольтке не привела к поражению прусской армии. И даже победа пруссаков при Садовой, которой так хвастались прусские милитаристы как примером «совершенства» догмата Мольтке и его шаблонного маневра, в действительности объясняется военной и моральной слабостью противника и бездарностью австрийского командования.

О стратегии прусского командования того времени Энгельс писал: «...поразительно плохая стратегия пруссаков победила при Садовой еще более плохую, к удивлению, стратегию австрийцев...»¹.

В начале войны с Францией в 1870 г. Мольтке задался целью применить свой шаблонный маневр в большом масштабе: он решил подвести 250 тысяч войск к одному пункту для «генерального сражения». Но, естественно, из этого ничего не получилось. 3-я немецкая армия вообще не сумела подойти в район сбора войск. Борьба развернулась в трех очагах на фронте в 25 км. Никакого охвата также не получилось.

Сражение в районе Седана еще более ясно показало искусственность, доктринерство теории Мольтке. Как известно, буржуазные писатели — военные и невоенные — превозносили эти, так называемые «немецкие Канны». Выше уже говорилось о политических причинах происходивших здесь событий; теперь коснемся другой их стороны.

Узнав о движении французов к Мецу, Мольтке прекратил наступление на Париж и повернул свою армию с целью взять французскую армию в «клещи». Но когда противники сблизались, оказалось, что фронт окружающих уже фронта окружаемых французов. Решения можно было искать в прорыве, но прорыв как форма маневра исключался Мольтке, поэтому он совершил на виду у противника захождение флангами и особенно глубокий обход левым

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1948 г., стр. 597.

крылом. Немецкие войска в данном случае действовали в соответствии с разработанной Мольтке в 1869 г. «Инструкцией высшим войсковым начальникам» и слепо следовали ей, не считаясь с обстановкой.

Бесспорно, что при подобном «маневрировании» германских войск французы могли легко прорвать их фронт. Впрочем, немцы и сами не скрывали этого. Даже в пылу хвастовства своей победой у Седана их идеологи то и дело проговаривались о ее подлинной причине. Так, Богуславский писал в 1872 г.:

«Решение Наполеона принять оборонительный бой... можно считать самым неудачным; его стратегическое положение указывало ему... чтобы предпринять сосредоточенное наступление в какую-либо сторону»¹.

Действительно, если бы французы нанесли достаточно решительный удар «в какую-либо сторону», шаблонный маневр Мольтке обернулся бы против него самого.

Но Наполеон III и Мак-Магон продолжали бездействовать даже тогда, когда, имея двойное превосходство над противником, они могли перейти в наступление (28 августа у Нуара и 30 августа у Бомона). Своими действиями французское командование создало исключительно благоприятные условия для завершения шаблонного маневра Мольтке. Несмотря на угрозу окружения французской армии, оно обрекало ее на пассивность. Боясь, что отступление в глубь Франции может послужить сигналом для революционного выступления пролетариата Парижа, Наполеон III держал свои войска, скученные на небольшой территории, на «отдыхе». А в это время немецкие войска совершали беспрепятственный обход французской армии.

Таким образом, успех Мольтке при Седане стал возможен лишь благодаря предательским действиям французского командования.

Догму Мольтке подхватил Шлихтинг. В своей работе «Основы современной тактики и стратегии» он не ограничился повторением шаблона Мольтке, а придавал ему еще более формальный характер. Во-первых, Шлихтинг решил установить, что для того, чтобы «вместе драться», группы войск должны двигаться на удалении одного перехода одна от другой. Это было фактически возрождением бюловской «геометрии» в военном искусстве. Во-вторых, Шлихтинг не только рекомендовал охват как единственную форму маневра, но и расхваливал этот способ действий и, наоборот, охаивал маневр на прорыв, уверяя, что невозможно прорвать фронт противника, даже прикрытый тонкой цепочкой войск, тогда как охват, дескать, удаётся всегда: «Раз тактическая связь неприятельских сил налицо, — писал он, — прорвать их нельзя, как бы они ни были тонки в центре»², а «...охват в современном бою — верх несчастья»³.

¹ А. Богуславский, Выводы по тактике, СПб, 1872 г., стр. 40.

² Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, кн. 1, стр. 17.

³ Там же, стр. 22.

Итак, Шлихтинг добивался, чтобы немцы уверовали в Мольтке и его «рецепт победы», объявляя всех «неверующих» обреченными на неудачи.

Уже в войнах с Австрией и Францией сказалась порочность этих догматических взглядов, но поскольку германским армиям противостояли слабые противники, истина не выступала на поверхность с достаточной ясностью. Германские же идеологи, фальсифицируя историю, поддерживали веру в свои теории. Первая мировая война неизмеримо нагляднее показала настоящую цену догм Мольтке, о чем будет сказано ниже.

Остановим внимание еще на одном моменте, характеризующем военную доктрину Мольтке, — на автоматическом осуществлении маневра.

Мольтке, преподав в своей «Инструкции высшим войсковым начальникам» шаблонные формы маневра, предоставлял управление войсками самотеку.

Однако порок управления войсками, присущий Мольтке, не был вскрыт критикой. Между тем в этом порочном методе управления войсками (или, точнее, в отказе от управления) ярко проявилась порочность немецкого военного мышления. В самом деле, почему же Мольтке, ограничиваясь общей директивой, не считал нужным организовать борьбу за ее осуществление?

Во-первых, в германской армии всегда считалось, что вымуштрованные войска могут осуществлять любой замысловатый маневр без руководства со стороны старшего начальника.

Во-вторых, германское командование всегда считало, что армия представляет собой механизм, действия которого можно нацелить в определенном направлении, но что воздействовать на ход событий в процессе боя невозможно.

В-третьих, германская военно-теоретическая мысль всегда недооценивала противника, преувеличивая свои силы и возможности.

Со времени Мольтке, когда политическая и идеологическая реакция в Германии все более усиливается, военная мысль становится все более доктринерской.

В частности, это выразилось в ложном взгляде на маневр, как на автоматические действия войск «по планам». Все внимание уделялось предварительному планированию действий войск с педантичной точностью. Своим планам германский генеральный штаб придавал магическое значение. Войскам оставалось только действовать в строгом соответствии с ними, и победа, по мнению Мольтке, будет достигнута автоматически. Поэтому в прусской армии ни управлению войсками в ходе сражения, ни учету новых данных обстановки не уделялось должного внимания.

Уже в войне 1870 г. сказалась порочность и этих взглядов Мольтке. Командующие в изменяющихся условиях обстановки не понимали его директив (например, 4 августа командующий 1-й армией докладывал, что он «не понимает стратегических соображений штаб-квартиры») и, несмотря на их рвение действовать только по планам-шаблонам, не могли выполнять своих задач. Части выходили

туда, где не было противника, бездействовали, запаздывали с выполнением своих задач, в результате чего планы Мольтке оставались на бумаге.

Ясно, что ни один, даже самый лучший план не может быть осуществлен автоматически, без борьбы за его выполнение.

Буржуазной военно-теоретической мысли чуждо понимание научных методов планирования и управления. Буржуазная теория признает право на руководящую роль только за избранниками господствующего класса, а от масс требует слепого повиновения.

РЕАКЦИОННАЯ ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ШЛИФФЕН, ФОН-ДЕР ГОЛЬЦ, БЕРНГАРДИ)

Для военных идеологов Германии конца XIX и начала XX вв. (Гольц, Шлихтинг, Шлиффен, Бернгарди, Дельбрюк и др.) было характерно то, что они пытались «развить» и «конкретизировать» взгляды Клаузевица и Мольтке. Всех их объединял один и тот же реакционный политический и методологический подход к военной теории и военной истории. Считалось, что существует некое особое военное искусство, источниками которого объявляются «расовые особенности» немцев. Много внимания уделялось доказательствам «врожденной воинственности» немцев, их «исторической миссии», которую предстоит осуществить посредством войны, и т. д. Германская буржуазная литература была отравлена ядом шовинизма и проникнута захватническими идеями.

Среди руководителей германской военщины того времени особое место принадлежит Шлиффену, который был начальником генерального штаба с 1891 по 1905 г. Его военно-теоретические взгляды и практическая деятельность были всецело направлены на подготовку армии и всей Германии к захватническим войнам.

2 января 1909 г., после новогоднего обеда, кайзер Вильгельм зачитал командирам корпусов статью Шлиффена «Современная война»¹, подчеркнув свою солидарность со взглядами автора. Политическая оценка момента, формулировка военных задач Германии, ее стратегии были даны Шлиффеном так, что его единомышленники увидели в этой статье собственные взгляды. В этой статье излагались основные военно-теоретические установки германской военщины того периода.

Шлиффен, как и другие военные писатели, пытался замаскировать империалистическую сущность германской политики ханжескими речами о «миролюбии». Он изображал Германию как страну, осажденную многочисленными врагами, которые все одержимы «расовой ненавистью» по отношению к немцам. Опасность военного вторжения их в Германию, кричал Шлиффен, близка.

Вынашивая планы захватнических войн, Шлиффен ставил перед милитаристической пропагандой и германским генеральным штабом

¹ См. Шлиффен, Канны, стр. 355.

определенные задачи. Первая и основная задача заключалась в одурманивании сознания трудящихся ядом шовинистической пропаганды.

Вторая задача, по Шлиффену, состояла в том, чтобы иметь не столько многочисленную, сколько преданную империалистам армию. По его мнению, подготовка и ведение войны должны быть в «крепкой руке» (под этим надо понимать неограниченную военную диктатуру). Наконец, Шлиффен требовал укрепления в армии и народе веры в «непобедимость» немецкой армии, в успешность любой авантюры. Нужна армия, писал Шлиффен, «...исполненная неограниченной веры в свои возможности»¹.

Так создавался миф о «непобедимости» немецкой армии.

Особое внимание необходимо уделить критике взглядов Шлиффена на стратегию, поскольку в указанной статье (за 5 лет до первой мировой войны) он пытался обосновать стратегический план, который пока что хранился в тайниках генерального штаба.

Прежде всего нужно остановиться на некоторых общетеоретических воззрениях Шлиффена. В решении стратегических вопросов он исходил не из оценки политической обстановки Германии, а из «чисто военных» соображений. Выдвигается тезис, что политическая обстановка определяется военной обстановкой: «Военной обстановке соответствует политическая»². В своей статье Шлиффен сначала детально изложил «военную обстановку» в Европе, затем рассмотрел развитие вооруженных сил европейских стран и уже отсюда сделал свои выводы об их международно-политических отношениях. Это был в корне ложный, идеалистический подход к важнейшему вопросу военной теории.

Оценка соотношения вооруженных сил Германии и ее противников приводит Шлиффена к заключению о том, что Германия далеко им уступает. И все же он делает вывод (вполне естественный для военного идеолога германского империализма), что и при неблагоприятной политической обстановке и соотношении вооруженных сил и материальных ресурсов Германия может одержать победу. Для этого, по его мнению, необходимо лишь сосредоточить все силы для достижения решающего успеха одним ударом. Полагая, что Германия может выставить полевую армию численностью немногим более 1 миллиона, а противники Германии—от 3 до 5 миллионов, Шлиффен писал, что такая армия «...окажется достаточной лишь в том случае, если возможно будет эти массы держать в одном кулаке и заставить их действовать совместно в направлении одной цели»³.

Признавая, что соотношение сил (даже по численности армий) сложилось в пользу враждебной Германии коалиции, Шлиффен все же предлагал развязать войну с заведомо меньшими вооруженными силами в расчете на перспективу победы в одном «решающем» пункте.

Несмотря на то, что Германия располагала большим количеством обученных контингентов (до 5 миллионов человек), Шлиффен пред-

¹ Шлиффен, Канны, стр. 355.

² Там же, стр. 368—369.

³ Там же, стр. 361.

лагал иметь армию для «решающего» удара численностью в 1 миллион человек. Это объяснялось тем, что он стремился располагать «надежной армией» и не доверял «фабричному рабочему». Ссылаясь на низкую военную квалификацию запасных, Шлиффен в действительности опасался «...красного призрака, который встает в... тылу»¹. Являясь сторонником «чисто военного» решения судьбы войны, глашатай авантюризма, Шлиффен утверждал, что учитывать политическую обстановку и соотношение сил на войне нет необходимости, так как можно выиграть войну и при значительно меньших силах. Для этого достаточно найти «пункт смертельного удара» и здесь одновременно ввести в дело все «лучшие», т. е. наиболее надежные, войска.

Главное, по мнению Шлиффена, заключается в том, чтобы во что бы то ни стало сделать войну короткой, так как при длительной войне в Германии, уступающей противникам в силах и средствах, неизбежно истощение ресурсов и возможен революционный взрыв. «Стратегия измора немыслима, — писал Шлиффен, — когда содержание миллионов требует миллиардных расходов»².

В своих работах Шлиффен уделил большое внимание вопросам маневра на окружение. Этот маневр — пресловутые шлиффеновские «Канны». Достижение решительной победы Шлиффен проектировал в одном сражении, проводимом в короткое время. Шлиффен считал, что продолжительность Мукденского сражения (21 сутки) чрезмерно велика.

Доктрина Шлиффена явилась ярким проявлением кризиса буржуазной военной мысли, показателем неспособности ее правильно отразить объективную действительность.

Добиться «блицпобеды», выиграть войну в одном сражении — таково требование шлиффеновской авантюристической стратегии. В этом сражении «на решающем пункте», по Шлиффену, должна была быть окружена «главная» неприятельская армия и тем самым нанесен «смертельный» удар всей коалиции противников Германии. Свое прожектерство, свои авантюристические домыслы Шлиффен, как и другие германские военные идеологи, пытался «подкреплять» ссылками на историю. Шлиффен так обрабатывает историю войны, что получается, будто все удачные сражения были проведены методом фланговых охватов. Сражения, в которых фланговые охваты не удавались или приводили к катастрофам (например Куннерсдорф, Аустерлиц и др.), и сражения, в которых победа достигалась прорывом (Брейтенфельд, Адда, Нови и многие другие), Шлиффен обходит молчанием. Он ни словом не обмолвился и о том, что в ряде сражений имели место простые фронтальные столкновения, что история знает множество сражений, в которых сочетались разные формы маневра.

Чтобы «обосновать» выдвигаемую им форму маневра — охват, как наиболее эффективную, единственно приемлемую форму, Шлифф-

¹ Шлиффен, Канны, стр. 370.

² Там же, стр. 364.

фен прибегал к фальсификации фактов из военной истории. Особые старания прилагал он, чтобы получить в качестве аргументов два «исторических» доказательства своей правоты: пример «совершенных Канн», как изображал он окружение французской армии под Седаном, и опыт полководческой деятельности Наполеона I.

Захлебываясь от восторга и теряя всякую меру в шовинистических излияниях, Шлиффен писал по поводу сражения под Седаном: «Наконец-то разыграно сражение при Каннах, достигнуто полное окружение противника»¹. Вот оно, «совершенное воплощение сражения при Каннах»². Изучайте, дескать, подражайте, восхищайтесь и... трепещите.

Однако напрасны потуги Шлиффена выдать желаемое за действительное. Факты неопровержимо свидетельствуют, что под Седаном в 1870 г. если и произошло что-либо поучительное, то во всяком случае ничего лестного для немецких милитаристов там не было.

Самим немецким военным писателям (Богуславский, Гольц, Бернгарди и др.) пришлось признаться, что при большом численном превосходстве германской армии (особенно в артиллерии) и при моральной подавленности французских войск, бездарности военачальников Наполеона III окружение произошло лишь в силу случайных обстоятельств.

Что касается шаблонного маневра Мольтке-старшего, то мы видели, что в нем еще труднее найти хоть что-нибудь достойное подражания.

Общеизвестно, что командующий французской армией Мак-Магон сам подставил свои изнуренные бесполезными маршами войска под охват двух немецких армий. Катастрофу под Седаном, происшедшую 1 сентября 1870 г., Энгельс предвидел еще за пять дней до этого. Причем Энгельс не только предсказал неизбежность этой катастрофы, но и место, где произошла капитуляция французской армии.

26 августа 1870 г. Энгельс писал: «...движение Мак-Магона на помощь Базэну было бы крупной ошибкой, пока он окончательно не избавился от кронпринца (т. е. 3-й прусской армии — Л. Л.)...

Весь план кажется настолько безумным, что его можно объяснить только политической необходимостью... Это план не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет»³.

Сражение под Седаном, в котором прусские войска одержали победу только благодаря моральной подавленности французских войск, трусости, бездарности и предательству французского командования во главе с Наполеоном III, Шлиффен изображает как самое выдающееся сражение в истории войн.

¹ Шлиффен, Канн, стр. 340.

² Там же, стр. 350.

³ Ф. Энгельс, Заметки о войне, стр. 57—58.

Не менее беспочвенные суждения высказывает Шлиффен и в том случае, когда он ссылается на авторитет Наполеона I. По мнению Шлиффена, в сражениях Наполеона «...с перевернутым фронтом характер дерзаний (был — Л. Л.) в духе сражений Фридриха II»¹.

Здесь Шлиффен, отождествляя военное искусство Фридриха II с военным искусством Наполеона I, превзошел самого себя в фальсификации исторических фактов.

Шлиффен пытался выдать Наполеона I за ученика Фридриха, за подражателя фридриховскому военному искусству, а наполеоновские сражения, в которых применялись охваты флангов противника, — за фридриховскую «косую атаку».

Выше уже говорилось, что прусское военное искусство не выдержало испытаний уже в первых сражениях с армиями революционной Франции, а затем и в войнах с Наполеоном I.

Шлиффен не только умалчивает об этих неопровержимых исторических фактах, но пытается выдать качественно новое военное искусство, зародившееся во время первой французской буржуазной революции, за простое повторение «образцов» прусского военного искусства эпохи феодализма.

Абсурдность и реакционность этих утверждений Шлиффена очевидны. Даже некоторым его современникам из буржуазных военных писателей было ясно, что по сравнению с фридриховским военным искусством военное искусство Наполеона I является крупным шагом вперед.

Фальсификация истории военного искусства понадобилась Шлиффену для того, чтобы обосновать свой «рецепт» и одновременно создать миф о «непобедимости немецкого оружия».

Его идея «Канн» проникнута духом юнкерского высокомерия и пренебрежения к противнику. По Шлиффену, для осуществления окружения необходимы определенные условия, главными из которых являются: плохо подготовленный к войне противник, пассивность его войск и бездарность его командования. В своей теории «Канн» он дошел до нелепых утверждений, что противник должен из рук вон плохо готовиться к войне, проявлять в сражениях полное неумение использовать свои силы, вводить их в бой по частям, чрезмерно нагромождать резервы и ослаблять войска, оказывающие сопротивление, не препятствовать обходам и охватам наступающего и даже способствовать им своими пассивными действиями.

Шлиффен писал: «Теренций Варрон² располагает большой армией, но он не принимает самых настоятельных мер, чтобы ее увеличить и целесообразно обучить. Он не сосредоточивает своих сил против главного врага. Он не ищет победы...»³.

Так Шлиффен сам расписался в полном непонимании того, что произошло в древнем Риме в 216 г. до н. э. при Каннах, и, главное, в непонимании того, от чего зависели судьбы войн в начале XX в.

¹ Шлиффен, Канн, стр. 23.

² Римский полководец, командовавший в день сражения при Каннах.

³ Шлиффен, Канн, стр. 350.

«Теория» шлиффеновских «Канн» представляет собой не что иное, как плод досуговой фантазии доктринера, результат самой беззастенчивой фальсификации истории. Причем империалистическое и вместе с тем прусско-юнкерское происхождение этой его «теории» видно во всех ее деталях.

Шлиффеновская теория блицкрига (как и любая другая теория блицкрига) является одним из наиболее показательных свидетельств неспособности военных идеологов буржуазии эпохи империализма научно подойти к проблемам современной войны.

* * *

В последней четверти XIX и в начале XX вв. в Германии предпринимаются активные попытки историко-философского «обоснования» военной идеологии, чтобы вселить в массы, которые предстояло бросить в кровавую бойню, веру в непогрешимость «рецептов победы» своего генерального штаба, чтобы отравить народ ядом шовинизма и захватничества.

Над решением этой задачи вместе с идеологами в мундирах «трудились» идеологи в строгих профессорских сюртуках, откликнувшиеся с большой готовностью на циничный призыв Гельмута Мольтке сделать науку «вассалом военного ведомства».

Геологические экспедиции на острова Эгейского моря и Ближний Восток (кстати, совпадающие по времени с постройкой Багдадской железной дороги) занимались не только раскопками древних городов, но и вопросами разведки будущего театра военных действий. Реакционер и шовинист, профессиональный историк Дельбрюк, как и другие немецкие «историки», лакействуя и угодничая перед милитаристами, специализировался на фальсификации истории войн и военного искусства.

Немецкие военные идеологи уделяли большое внимание дальнейшей «разработке» и приспособлению к новым условиям метафизической теории «вечных» принципов военного искусства: «...следует иметь в виду вечные истины, заключающиеся в «учении о войне» Клаузевица»¹, — писал Шлихтинг. «Основные принципы ведения войны всегда останутся неизменными»², — вторил Шлихтингу Бернгарди. Шлиффен прямо утверждал, что «за 2000 лет... в общих чертах боевые условия остались без изменения...»³.

В стремлении обосновать свои догматы в военном искусстве германские военные идеологи искажали даже такие факты, которые были общеизвестны. Например, не вызывает никакого сомнения, что легкая победа Наполеона под Аустерлицем объясняется главным образом шаблонным фланговым маневром, предпринятым союзниками в полном соответствии с требованиями немецкого военного искусства, чем были созданы благоприятные условия для удара сосредоточенных сил армии Наполеона.

¹ Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, кн. 1, стр. 9.

² Бернгарди, Современная война, т. 1, стр. 10.

³ Шлиффен, Канн, стр. 14.

Германские же военные писатели или предпочитали умалчивать об Аустерлице, или объявляли это сражение «исключением», не заслуживающим внимания историка. Но иногда некоторые из них пытались «обосновывать» свои догмы, используя опыт и Аустерлица, при этом они фальсифицировали истину самым неприкрытым образом. Так, Шлихтинг, проповедуя свою идею охвата, настолько увлекся перспективой обосновать этот авантюристический рецепт победы, что, вопреки исторической достоверности, решил изобразить действия Наполеона под Аустерлицем, как маневр охвата. Так как подобных фактов и не существовало, то Шлихтингу пришлось создавать их искусственно. «...Корпус Даву, — твердил он, — **должен был** (подчеркнуто мною. — *Л. Л.*) скрытно выдвинуться... для атаки левого фланга противника»¹. А далее все оказалось весьма простым. Для реакционного идеолога достаточно предположить что-либо, как это предположение уже становится причиной «...одной из самых блестящих побед»². Однако «фантазии» Шлихтинга не могут изменить подлинных боевых событий под Аустерлицем и того, что они (как и вся военная история) вскрывают порочность шаблонной немецкой тактики.

Сплошной фальсификацией истории военного искусства явилась книга Кеммерера, изданная в 1904 г. Притязания ее автора были далеко не скромны. Он претендовал на признание его книги «первым общим обзором» развития стратегии в XIX в. и заодно на то, что он, Кеммерер, обосновал «стратегическую точку зрения, приемлемую также для современности и для ближайшего будущего...»³.

На деле же Кеммерер подменил историю стратегии компиляцией из писаний немецких авторов (преимущественно Клаузевица и Мольтке-старшего), а что касается обещания разработать стратегическую концепцию «для современности и для ближайшего будущего», то он сумел лишь с прилежанием усердного школяра повторить наиболее консервативные положения немецкой теории. Он ставил перед собой задачу доказать, что Мольтке изобрел «ключ к победе», пользуясь которым можно всегда иметь успех. Поэтому не случайно, что работа Кеммерера «Развитие стратегической науки» проникнута духом безудержного пангерманского шовинизма. Он изображает историю военного искусства, и в частности историю стратегии, таким образом, будто бы всеми своими достижениями человечество обязано исключительно немецкой военно-теоретической мысли. Он, например, показывает Жомини и Наполеона как последователей какого-то фон Броглие — дюжинного прусского вояки времен Семилетней войны. По одному мановению пера Кеммерера этот открытый им Броглие предвосхищает не только Наполеона, но и всю эпоху коренного перелома в военном искусстве конца XVIII и начала XIX вв. Разве не смешно читать следующие откровения

¹ Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, кн. 2, стр. 3.

² Там же.

³ Кеммерер, Развитие стратегической науки в XIX столетии, Воениздат, 1938 г., стр. 5.

распоясавшегося прусского шовиниста: «...Броглие, несомненно, один из первых ясно понял всю пользу стрелкового боя»¹.

О великих русских новаторах в военном искусстве — Румянцеве, Суворове, Кутузове и других, побеждавших не только «выдающегося» Броглие, но и Фридриха, и турок, и победителя самих пруссаков Наполеона, — Кеммерер умышленно умалчивает. Во всей своей книге он уделил только один абзац Лееру, которым был недоволен за то, что он не следовал слепо за Клаузевицем.

И это называлось писать историю стратегии! История стратегии XIX в. с большими экскурсами в XVIII в. вплоть до Семилетней войны, замалчивающая великие дела армии России, ее передовое военное искусство, ее гениальных полководцев и военных мыслителей — Суворова, Кутузова и других, извлекающая из небытия Броглие! Разве это не показатель самой беззастенчивой фальсификации истории военного искусства?

Все это соответствовало требованиям германского генерального штаба, видевшего в науке «вассала военного ведомства».

Занимаясь главным образом довольно-таки нудной возней с увлечениями из Клаузевица и Мольтке, Кеммерер задается целью сгладить различия доктрин этих двух кумиров германской военной науки.

Отказ Мольтке от положения Клаузевица, что война — продолжение политики, Кеммерер объявляет «случайностью», плодом увлечения в пылу полемики. Выше уже говорилось о том, что «изгнание политики» из области военных доктрин, предпринятое Мольтке, было отражением в немецкой военной идеологии реакционной авантюристической политики помещиков и капиталистов второй половины XIX в.

В данном случае интересно подчеркнуть другое. Кеммерер делает вид, что не замечает крайней реакционности Мольтке и ему подобных. Так, например, Кеммерер умалчивает о мнении Шлихтинга, что нет необходимости считаться с моральным фактором на войне. Не жалея места для выписок из Шлихтинга, Кеммерер ни слова не сказал о лейтмотиве всей его доктрины. «В будущих войнах, не принимая в расчет качеств войск, которые не могут быть учтены теоретически (подчеркнуто мною — Л. Л.), победителем будет тот, кто располагает большими и лучшими силами в отношении ума и умения управлять войсками»². Далее делался вывод о «непознаваемости» морального фактора и предлагалось не считаться с ним. Ход и исход войн, сражений и боев объявлялись зависимыми от «гения», «умения» полководца. Так теоретизирует Шлихтинг — ученик Мольтке, а «историк стратегии» Кеммерер объявляет законченный авантюризм стратегии Мольтке «случайностью».

¹ Кеммерер, Развитие стратегической науки в XIX столетии, стр. 17.

² Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, кн. 2, стр. 36.

Да и сам Кеммерер с достаточной ясностью высказал свой взгляд на соотношение стратегии и политики. На все лады он повторяет, что победа достигается в тактических столкновениях, что маневр на «охват» является первоосновой победы. Свою книгу Кеммерер, собственно, и написал для того, чтобы, всячески фальсифицируя историю, подкрепить догматы Мольтке и возвести их в «вечный» принцип военного искусства.

В этом, собственно, и состоит «стратегическая» точка зрения Кеммерера. Выполняя задание начальства, он подводил «историческую» базу под уже вынашивавшийся Шлиффеном авантюристический стратегический план войны, положенный затем в основу плана войны германского империализма в 1914—1918 гг.

Провал плана Шлиффена в первой мировой войне явился историческим приговором догматизму и авантюризму всей германской военщины.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подвергали бичующей критике всякие теории «вечных» истин, и в частности «вечных» принципов военного искусства. Подчеркивая идеалистичность и метафизичность буржуазной идеологии, Маркс и Энгельс обращали внимание на то, что эта идеология вращается в порочном круге «чистых мыслей», тяготеет к объявлению своих реакционных псевдонаучных идей «вечной истиной».

Ленин и Сталин всегда вели непримиримую борьбу со всеми проявлениями догматизма буржуазной идеологии. Используя богатейший материал естественных и общественных наук, они показывают, что развитие природы и общества, а также науки никогда не останавливается, что всякие догматы и «вечные» истины присущи буржуазной науке, которая призвана объявлять «вечным» то, что обречено на гибель.

«История науки, — писал товарищ Сталин, — показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией — везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что всё изменяется, всё развивается. Следовательно, всё в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку»¹.

Марксизм-ленинизм разоблачает ненаучность идеалистического, метафизического подхода военных идеологов буржуазии и помещиков к военному искусству и на основе подлинно научной методологии — диалектического материализма вскрывает закономерности развития способов ведения войны, форм борьбы.

В сентябре 1906 г. В. И. Ленин в своей статье «Партизанская война» указал на два основных требования, которые предъявляет марксизм при рассмотрении вопроса о формах борьбы.

«Во-1-х, марксизм... — писал Ленин, — не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумыва-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 301.

вает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая *неизбежность* новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учится*, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы...

Во-2-х, марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покинуть совершенно почву марксизма.

Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться»¹.

Обобщая весь исторический опыт войн и военного искусства, классики марксизма-ленинизма доказали, что не существует «вечных и неизменных» «ключей победы», изобретенных кабинетными «систематиками».

«Способы ведения войны, формы войны, — писал товарищ Сталин, — не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего в зависимости от развития производства. При Чингис-хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX веке ведётся иначе, чем в XIX веке»².

Так подлинно научно решается вопрос о развитии способов ведения войны, форм борьбы. В своей разнузданной фальсификации истории, в искусственной подгонке фактов для «обоснования» своих реакционных военных доктрин немецкие милитаристы использовали доводы идеалистической философии. Гегель писал, что «...история,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 186, 187.

² И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 168.

которая задается целью дать обзор продолжительных периодов или всей всемирной истории, должна в самом деле отказаться от индивидуального изображения действительности и прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций, — это сокращение производится не только в том смысле, что пропускаются события и действия, но и в том смысле, что мысль резюмирует богатое содержание. Сражение, великая победа, осада, перестают быть самими собой, но резюмируются в простых определениях»¹.

Видимо, Шлиффен строго придерживался этих указаний Гегеля. В его «Каннах» сражения перестали быть «самими собою». Из событий, непохожих одно на другое, происходивших в различные исторические эпохи, бралась одна голая форма — действия на флангах. Шлиффен широко пользовался методом «сокращенного изложения действительности», преднамеренно опуская все исторические факты, которые не подтверждали, а, наоборот, опровергали его «рецепт победы».

Строго следовал советам Гегеля и Мольтке, когда он прямо рекомендовал немецким военным историкам «писать... не всю правду». Причем он сам показал, как это делается, оценивая события франко-прусской войны. Всю эту войну Мольтке свел к «чисто» военной борьбе, замалчивая политическую борьбу, изображая немецких военачальников столь непогрешимыми, что ход войны и ее исход решался якобы «чисто военными» успехами прусской армии. Он упоминал только о том, что считал выгодным для немецкой военщины. «Война... — писал Мольтке, — была окончена (?!) в короткий семимесячный срок. Как раз в первые четыре недели произошло восемь сражений, от которых рухнула императорская власть во Франции. Однако появились новые массовые формирования и пришлось дать еще двенадцать новых сражений, чтобы обеспечить осаду неприятельской столицы»².

Словечком «однако» Мольтке решил заменить весьма многое и прежде всего то, что вставший на защиту родины французский народ сделал положение интервентов стратегически бесперспективным. Свидетельство Гольца на этот счет уже приводилось, теперь же сошлемся на свидетельство канцлера Пруссии Бисмарка, который писал в своих мемуарах: «...Наша позиция между численно превосходившей нас окруженной армией и французскими вооруженными силами в провинциях была стратегически угрожаемой»³. Вот о чем умолчал, между прочим, Мольтке, вот что означало у него писать «не всю правду».

О таких «историках», какими были реакционные германские гражданские и военные историки, Энгельс писал в 1885 г.: «...вся историческая наука... пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно»⁴. «Что же касается исторических наук, до философии

¹ Гегель, Соч., т. VIII, стр. 7.

² Мольтке, История германо-французской войны 1870—1871 гг., Воениздат, 1937, стр. 357.

³ Бисмарк, Мысли и воспоминания, т. II, стр. 104.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 499.

включительно, то здесь... бессмысленный эклетизм, заботы о доходных местечках, об успехах по службе и даже самое низкое лакейство»¹.

Утверждая «вечность» принципов военного искусства, буржуазные военные идеологи Германии обычно ссылались на Клаузевица, который (вслед за Гегелем) признавал развитие военного искусства только в прошлом. Вся эволюция военного искусства служила ему как бы «подтверждением» превосходства его «теории» над всеми предшествующими. Итак, развитие признавалось только в прошлом, чтобы оправдать историческую правомерность реакционного настоящего.

При единственно научном диалектико-материалистическом подходе к военному делу для идеалистической и метафизической концепции «вечных» принципов военного искусства буржуазных теоретиков, как и для прочих измышлений, совершенно не остается места. Поэтому реакционеры так настойчиво, но тщетно пытаются «опровергнуть» теорию диалектического материализма. В борьбе против жизнеутверждающего учения марксизма-ленинизма они каждый раз терпят поражение.

Так, например, Дельбрюк, приписывая диалектическому материализму отрицание роли личности в истории, преднамеренно смешивал диалектический материализм с вулгарным материализмом, т. е. он применил такие приемы в борьбе против революционной теории рабочего класса, которые можно назвать только шарлатанством злобствующего контрреволюционного профессора.

Как раз в те годы, когда реакционные немецкие военные идеологи пытались вновь опереться на старую, порочную теорию «вечных» принципов, происходило стремительное развитие всего военного дела, начался машинный период войны. Но германские милитаристы, будучи чуждыми объективному научному пониманию характера исторического развития, которое с необходимостью выдвигало новые требования в военном искусстве, продолжали создавать свои ложные доктрины. Они сочиняли свои «теории» «коротких» войн, которые велись бы армиями, изолированными от народа. Они больше всего боялись народа, боялись его вмешательства в дело вооруженной борьбы, боялись того, как бы народ не повернул оружия против буржуазии и помещиков. Их формалистические и метафизические теории были обращены в прошлое и не могли объяснить ни настоящего, ни будущего. Немецкие военные идеологи и в условиях машинного периода войны, который хронологически совпадал с эпохой империализма, повторяли давно устаревшие догмы Фридриха и Клаузевица.

Правильно понять как прошлое, так и настоящее и будущее возможно, лишь стоя на марксистско-ленинских позициях, ибо марксизм-ленинизм не только правильно объясняет историю и современную общественную жизнь, но и дает возможность предвидеть будущее. Сталинская военная наука опирается на марксистско-ле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 677.

нинское учение об обществе, что и обуславливает ее передовой, творческий, подлинно научный характер.

В конце XIX и особенно в начале XX в. немецкая военная мысль, как и военная мысль других буржуазных стран, претерпевает кризис, который проявился во время первой мировой войны. В условиях империализма, реакционность социально-политической базы буржуазной военной теории, ее формализм и догматизм выражаются в разработке военных доктрин, проникнутых духом небывалой агрессивности и авантюризма. Эти доктрины генеральные штабы империалистических стран клали в основу строительства вооруженных сил, разработки планов войны и вопросов военного искусства.

Буржуазная военная мысль оказывается совершенно неспособной научно анализировать новые условия ведения войн, правильно оценивать исторический опыт, предвидеть. Отражая политику финансовой олигархии, она идет по пути фальсификации действительности, сочинительства «рецептов победы».

Такова была реакционная империалистическая природа доктрин всех буржуазных военных идеологов того времени — американца Мэхэна, англичанина Коломба, немца Шлиффена и многих других.

Совершенно не понимая эволюции военного искусства и не видя того, что новые общественно-экономические условия и технический прогресс рождали новые явления, Шлиффен целиком погряз в прошлом. Он писал: «Инстинктивно возвращаются к старому боевому приему, который Фридрих II выразил словами «...выигрывают их фланг»¹. Отстаивая методы управления войсками времен франко-прусской войны, Шлиффен утверждал, что «представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто»².

Шлиффен игнорировал требования исторического развития и, в частности опыт русско-японской войны. Для осуществления флангового маневра он предлагал линейное построение войск (корпусов). Глубокое оперативное, а тем более стратегическое построение отвергалось. Выделение стратегических резервов отрицалось категорически.

«Все войсковые части, — уверял Шлиффен, — которые раньше оставались позади и использовались для достижения решающего успеха, теперь должны быть сразу двинуты вперед для флангового наступления»³.

Шлиффен намечал шаблонную схему флангового маневра. Колонны, подходящие к полю сражения, сразу же развертываются на предназначенном им фронте. Некоторые части двигаются быстрее, другие — медленнее, в результате чего получается охват

¹ Шлиффен, Канны, стр. 292.

² Там же, стр. 356.

³ Там же, стр. 365.

фланга. Каждое соединение вступает в бой самостоятельно. Поддержки никто не получает, удар нигде не наращивается, да и сделать этого нельзя, так как согласно шаблону Шлиффена резервы не выделяются. Одним словом, если маневр начат, он осуществляется сам собой, автоматически.

Командующий, по Шлиффену, может, пользуясь телеграфом, отдавать распоряжения, но они почти бесполезны, ибо реально влиять на ход сражения невозможно, так как все части и соединения прикованы к своему месту в линейном построении, а свободных сил нет.

Шлиффен, как и Мольтке, сводил управление войсками к тому, чтобы, пользуясь современными средствами связи, передавать «зажигательные речи» (Шлиффен) и распоряжения о снабжении войск боеприпасами. Полководец-«ясновидец», «гений», задумав «гениальный» план (по шаблонной схеме), затем вверяется «судьбе», провидению. Такова была эта военная доктрина — сочетание заскоружлых шаблонов и откровенного мракобесия. «Гений», осуществляющий всегда один и тот же шаблон, — вот до каких глупостей договорился Шлиффен.

Вслед за Мольтке Шлиффен исходил из традиционной для немецкой стратегической мысли искусственной концепции внутренних операционных линий. Он считал, что Германия и ее союзники могут бить своих противников поочередно. При этом предполагалось, что Россия сможет отмобилизоваться не ранее чем через 40 дней после начала военных действий. За эти шесть недель Шлиффен планировал «покончить» с Францией, чем и предпретить успех борьбы с Россией. Что касается выступления Англии, то он считалось, во-первых, маловероятным и, во-вторых, неспособным оказать серьезное влияние на ход войны. Возможность вмешательства империалистов США в дела Европы возмущалась.

Выражая сущность плана войны, разработанного немецким генеральным штабом под руководством Шлиффена, хорошо осведомленный Бернгарди писал, что этот план «...сводился к тому, чтобы, рассчитывая на медленность русской мобилизации, сначала разгромить Францию»¹.

Уже после первой мировой войны тот же Бернгарди вынужден был признать, что «этот план рухнул... Восточная Пруссия была наводнена врагом раньше, чем мы это считали возможным; с запада были взяты войска, чтобы защитить прусские нивы (так Бернгарди именовал родовые феодальные осинные гнезда юнкеров, созданные на захваченных прусскими агрессорами землях — Л. Л.), а во Франции в силу этого войска оказались недостаточными для того, чтобы достигнутые тактические успехи использовать стратегически... пришли к необходимости всю народную силу использовать для армии»². В своих прожекторских идеях и планах Шлиффен игнорировал внешнеполитическую подготовку войны, не при-

¹ Бернгарди, О войне будущего, стр. 17.

² Там же, стр. 18.

давал никакого значения вопросу межсоюзной стратегии, утверждая, что «судьба Австрии будет решена на Сене».

Авантюризм Шлиффена, метафизичность его подхода к делу планирования войны выразились также в стремлении выиграть войну без участия морских сил Германии, для которых в его плане не оказалось места.

Таковы были главные принципы стратегии Шлиффена и его плана войны, с которым Германия фактически и вступила в первую мировую войну. Мольтке-младший лишь уменьшил состав войск заходящего правого фланга на два корпуса и одну дивизию, сохранив в основном построение армий, предусмотренное Шлиффеном. Немецкие корпуса в июле и августе, хлынув через Бельгию в Северную Францию, шли по общему направлению и маршрутам, намеченным Шлиффеном. Роль командующего — Мольтке — по существу свелась, как и намечал Шлиффен, к пассивному ожиданию «автоматической» победы.

Авантюристическая стратегия Германии потерпела крах, ибо она исходила из заведомо ложных данных. Империалистическая Германия переоценивала свои силы и возможности и недооценивала противника.

Наступление русских войск против Австрии началось в первые дни войны, в Восточной же Пруссии не через шесть недель, как предполагалось по плану немцев, а через две недели. Этим самым немецкие планы были сорваны в самом начале войны. Главный порок плана Шлиффена состоял в том, что в нем совсем не учитывались потенциальные возможности вероятных противников Германии. Просчеты германского генерального штаба начали сказываться уже в первые месяцы войны.

В начале войны в 1914 г. немцы развернули на Западном фронте тридцать четыре корпуса, десять кавалерийских дивизий, более шести резервных дивизий, более тринадцати ландверных бригад, а всего 1,6 миллиона человек против 1,2 миллиона человек, предусматривавшихся планом Шлиффена. Три четверти этих сил были сосредоточены на направлении, избранном ими в качестве решающего — против Бельгии и Люксембурга, и одна четверть сил — на остальных направлениях. Этим создавалось полуторное превосходство немцев над французами на северном фланге в войсках и двойное — в технике, а на крайнем обходящем фланге, где находились части 1-й немецкой армии, они имели двойное превосходство в войсках и тройное в артиллерии. Немецкое командование считало, что оно имело благоприятные условия для успеха. А каков был результат? Он известен. Правители Германии не ожидали длительной борьбы, но жизнь опрокинула их предположения. Прежде всего произошло так называемое пограничное сражение. Французы частично перешли в наступление и завязали встречные бои. Время было потеряно, войска потрепаны, заранее разработанный порядок нарушен. Затем произошла вторая неожиданность: французы отступили, побудив немцев вне соприкосновения с противником совершить марш в 20—25 переходов, измотавший их войска. Резер-

вов же у немецкого командования не было. Фронт растянулся, образовались разрывы. Но даже и после этого германское командование стремилось осуществить план Шлиффена. А поскольку немецкий генеральный штаб просчитался также и в определении военных возможностей России, вторжение русских войск в Восточную Пруссию окончательно сорвало авантюристический план, который разрабатывался немецким генеральным штабом в течение десятилетий.

Германские войска и их начальники, привыкшие действовать по шаблону, слепо осуществляли план, заранее обреченный на провал. В результате огульное наступление немецких армий провалилось. Немцы вынуждены были отступить, и их временный тактический выигрыш обратился в стратегическую неудачу, которая предрешила судьбу кампании. Политическая обстановка резко изменилась. Италия присоединилась к Антанте, английские империалисты, до этого уклонявшиеся от серьезной борьбы, поняли, что в их же интересах необходимо решительнее поддерживать Францию. Общее соотношение сил все более складывалось не в пользу Германии, что обрекало ее на неминуемое поражение.

Доктрина Шлиффена отразила неспособность немецкой военной мысли дать ответ на злободневные вопросы военного дела. Например, в бурном росте вооружений Шлиффен видел только новый аргумент в пользу своего шаблонного маневра — флангового охвата.

Он утверждал, что более мощное оружие облегчает задачу «охватывающего». И в этом вопросе наглядно видна фальшь доктрины Шлиффена: игнорируется противник, который также может использовать более мощное оружие; военное искусство рассматривается с точки зрения давно устарелой линейной тактики; вооружение берется в отрыве от состава войск, который численно и качественно изменялся.

Статья Шлиффена «О миллионных армиях» как нельзя лучше показывает, что автор ее, несмотря на свои цветистые речи о «современной» войне, не хотел считаться с новыми условиями войны, игнорировал их. В этой статье Шлиффен пытался «доказать», что в миллионных армиях ничего нового нет, что речь идет лишь о степени напряжения, причем напряжение фридриховской Пруссии было якобы, по его мнению, большим по сравнению с современным. Вопрос о численности армий выводится Шлиффеном не из экономических условий, а определяется «энергичными мерами» начальства. Это идеалистическое положение, целиком заимствованное у Клаузевица, в условиях империализма было еще более порочным, чем в начале XIX в.

Шлиффен часто делал ссылки на историю. Но это были либо пустые исторические параллели, либо фальсификация фактов. Он тщательно избегал освещения всех тех исторических событий, в свете которых становилась ясной ложность его теории. О русско-японской войне он сделал несколько мелких замечаний и категорически заключил, что опыт ее неприменим, так как это война «азиатская». Шлиффен был близорук в своем формальном геогра-

физме — именно в русско-японской войне с наибольшей силой обнаружились новые особенности условий ведения войн.

В связи с этой войной В. И. Ленин писал: «Безвозвратно ка- нули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами...»¹ и дальше:

«Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время»².

Таким образом, принципы стратегии Шлиффена представляют собой не что иное, как дальнейшее усугубление порочных взглядов немецкой военной теории, искусственное приспособление ее к новым требованиям германского империализма.

Шлиффен, претендуя на звание «теоретика современной войны», в поте лица трудился над сочинением доказательств, что в новых условиях в деле ведения войн ничего нового нет. Он совершенно игнорировал новые условия борьбы, возникшие в эпоху империализма — в машинный период войны. Затяжная война, вопреки всем условиям объективной исторической действительности, «не входила в расчеты» и заранее отвергалась Шлиффеном. Затяжные войны, по его мнению, «...невозможны в эпоху, когда все существование нации зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и остановленный механизм должен быть снова приведен в действие с помощью быстрого решения»³, т. е. с помощью бы- стротечной войны. Из мощного развития экономики, позволявшего создавать миллионные армии, производить в больших масштабах вооружение, обусловившего втягивание в дело ведения войны всего народа, Шлиффен делал не естественно вытекающий из этих новых условий вывод, что теперь стратегические планы должны строиться в расчете на трудную, затяжную борьбу, а приходил к произвольному, ложному выводу о «быстром решении» вопроса о победе. Таким образом, вопрос о подлинном характере войн и способе их ведения подменяется рассуждением о том, что длительная война «нежелательна», «опасна» для существования «нации». Причем слово «нация» в устах этого милитариста представляет собой лишь эпитет господствующего класса Германии. Вместо серьезного разбора проблем военного дела Шлиффен желаемое выдавал за действительное.

Стратегия Шлиффена была беспочвенной, ложной, авантюристической, так как он не принимал в расчет объективные условия ведения войн своего времени.

Победа в длительной войне была недостижимой для Германии. Поэтому Шлиффен, как и его предшественники и последователи, строил свои оторванные от жизни планы войны в расчете на победу «с помощью быстрого решения» и учитывал при составлении

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 34.

² Там же, стр. 36.

³ Шлиффен, Канны, стр. 364.

Этих планов только «чисто военные» факторы. Один из самых рьяных поклонников Шлиффена в Германии, Гренер писал после первой мировой войны:

«План Шлиффена преследовал только... победное окончание войны кратчайшим путем. После этого предоставлялось уже государственному деятелю заключить мир с врагами, как он хотел»¹.

Шлиффен также объявил стратегию «независимой» от политики, но в действительности его «аполитичный» план являлся не чем иным, как проявлением крайнего политического и военного авантюризма империалистических кругов Германии. «Аполитичность» служила милитаристам ширмой для того, чтобы скрыть от народных масс свою действительную разбойничью политику.

Вслед за Мольтке Шлиффен продолжал разрабатывать изуверскую теорию тотальной войны, выдвинув реакционнейшие требования неограниченной военной диктатуры. Вопросу руководства ведением войны Шлиффен посвятил особую работу — «Полководец». Следуя за Клаузевицем, он приписывал полководцу сверхъестественные качества: «...В полководце, — писал Шлиффен, — должно быть что-то сверхчеловеческое, что-то неземное. Полководец должен верить в покровительство какой-то высшей силы»². Таким образом, Шлиффен пользовался мистической идеей Клаузевица, который наделял крупных военных руководителей «внутренним оком».

Эти соображения Шлиффена только подход к главному вопросу о месте полководца, особенно в военное время, в системе государственного аппарата. Полководец, рассуждает Шлиффен, принимает стратегические решения. Лучший полководец — монарх. Но так как не все монархи бывают способными полководцами, то возникает конкуренция между монархом и полководцем-генералом, которая может вредно отразиться на ведении войны. Выход, считает Шлиффен, однажды был найден в триумvirате: король (Вильгельм I), канцлер (Бисмарк), начальник генерального штаба (Мольтке). Тогда военное руководство было в руках представителя военной касты, политическое — в руках главы правительства, а монарх являлся «координирующей инстанцией». Однако и в данном случае, по мнению Шлиффена, успеху дела (т. е. полной бесконтрольности генерального штаба) мешало разделение политического и военного руководства.

Полноценным полководцем, делает вывод Шлиффен, может быть только лицо, способное осуществлять неограниченную военно-полицейскую диктатуру. «Все же условием настоящих и прошлых успехов является истинный полководец. В 1866 и 1870 гг. полководец был представлен в виде триумvirата, и этот опыт удался, но это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удасться»³. Означает

¹ В. Гренер, Завещание Шлиффена, Воениздат, 1937 г., стр. 203.

² Schliffen, Gesammelte Schriften, B I, Berlin, 1913, S. 3.

³ Там же, стр. 10.

ли это заключение, что Шлиффен не решил вопроса, а только его поставил? Нет, Шлиффен пытался исподволь подвести самого читателя к решению этого вопроса. Гражданскую администрацию, полицию и жандармерию, дипломатию и военное руководство он предложил сосредоточить в руках военного диктатора. Монарх же, верно-подданно не договаривает Шлиффен, сохраняет номинальную власть.

Таким образом, Шлиффен — глава немецкой военщины накануне первой мировой войны, — выдвинув идею неограниченной военной диктатуры во время войны, отразил настроения наиболее реакционных кругов юнкерства и буржуазии, которые видели в этом «надежное средство» для того, чтобы подчинить достижению своих империалистических целей всю жизнь страны.

Ленин указывал, что «...империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по экономическим его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»¹.

Ленин и Сталин учат, что при империализме неравномерность, скачкообразность, конфликтность экономического и политического развития приводят к кровопролитнейшим империалистическим войнам, втягивающим в свою орбиту сотни миллионов людей.

Чтобы скрыть от народа истинные причины империалистических, грабительских войн, идеологи буржуазии прибегают к различного рода «теоретическим» уловкам и измышлениям, пытаются отравить сознание масс ядом гнусных милитаристических идей. Еще накануне первой мировой войны немецкие милитаристы (а также милитаристы и в других странах, например, американский адмирал Мэхэн и др.) выдвинули немало разбойничьих идей, всячески изощряясь в изобретении самых изуверских методов борьбы.

Среди этих проповедников грабежа и разбоя особенно отличился фон-дер Гольц.

Фон-дер Гольц еще в 80-х годах XIX столетия, с одной стороны, высказывался за более широкое (по сравнению с ведущими, официальными взглядами) понимание трактовки Клаузевица о том, что следует базировать ведение войны «на всей национальной мощи», а с другой стороны, признавал, что привлекать народные массы к участию в войне нежелательно и даже опасно. Размечтавшись, он выразил уверенность, что наступят «лучшие времена», когда станет возможным проводить политику внешних захватов, грабительских набегов руками немногочисленных профессиональных армий, не прибегая к помощи своего народа и, следовательно, не опасаясь его гнева. В своей ненависти к народу Гольц договаривался до такого, например, абсурда: «...предчувствуется то время, когда... явится новый Александр, который с маленькой горстью превосходно вооруженных и обученных людей прогонит эти бессильные массы...»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 219.

² Фон-дер Гольц, Вооруженный народ, СПб, 1886 г., стр. 4.

Опыт войн XIX столетия и особенно опыт войн периода перерастания домонополистического капитализма в империализм свидетельствовал о том, что непосредственное участие масс в войнах стало совершившимся фактом, а поэтому «теории» «малых» кастовых армий не выдерживают никакой критики.

Вынужденный считаться с тем, что армии стали массовыми, Гольц высказывался за возможно большее накопление обученных резервов и, главное, за возможно более интенсивную шовинистическую идеологическую подготовку войны. Немцев следует убеждать, требовал Гольц, что войны (в интересах господствующих классов Германии) являются кровным делом немецкого народа, что немецкая армия — это орудие внешней агрессии и внутрисполитической реакции — представляет собой «вооруженный народ».

Идеи тотальной войны проводил Гольц и в вопросе о методах ведения войны. Он требовал обрушивать бедствия войны на народные массы страны, облюбованной в качестве очередной жертвы: «...заставить неприятельскую страну почувствовать бремя войны настолько сильно, чтобы желание мира восторжествовало там над стремлением к продолжению войны»¹.

Для этого Гольц рекомендовал захватывать гавани, пути сообщения, лишать мирное население «...важнейших и для существования народа и армии необходимейших объектов»². Гольц считает, что достижение цели войны значительно облегчается, если воля к сопротивлению подвергшегося нападению народа оказывается сломленной угрозой голодной смерти. «В тех случаях, когда довольствование населения неприятеля сопряжено с затруднениями, цель будет достигнута, если отрезать страну от всего внешнего мира»³.

Такие выводы делал Гольц из опыта войны XIX столетия. Их разбойничий смысл очевиден, однако не менее очевидна и несостоятельность этих выводов. Уже опыт войн XIX в. показал, что зверства оккупантов над народными массами при известных условиях могут вызывать мощное сопротивление, которое способно остановить захватчика.

Широкое привлечение народа к делу ведения войны таило в себе грозную опасность для буржуазии. Напуганный Парижской Коммуной Мольтке писал, что «легко раздать ружья...», но трудно предвидеть, как они могут быть использованы. Но массовые армии вызывались к жизни естественным ходом исторического развития, помимо воли господствующих классов.

Общетеоретические взгляды Гольца принципиально не отличались от взглядов его современников — Мольтке, Шлиффена и им подобных. В соответствии с созданной ими стратегической схемой Гольц требовал: «Выставление всех сил с самого начала войны... Ведение

¹ Фон-дер Гольц, Краткий очерк ведения войны в наше время, Варшава, 1897 г., стр. 14.

² Там же, стр. 15.

³ Там же.

военных действий без перерыва и без остановок до тех пор, пока сопротивление противника не будет сломлено...»¹.

В общем он рассчитывал на то, что немецкая армия сможет одержать решительную победу силами только первого и единственного стратегического эшелона, путем проведения «генерального сражения» по принципу Клаузевица — «одним духом». Термин «вооруженный народ» в устах Гольца означал возможность отмобилизовать в первые дни войны еще несколько десятков дивизий. Гольц, как и Шлиффен, делал ставку на быстротечную войну. Поэтому он не видел необходимости в наращивании сил в ходе самой войны. Он лишь очень робко высказывался о возможности использования дополнительных формирований из запасных войск в случае неуспеха первого стратегического эшелона, чтобы таким образом вынудить противника на скорейшее заключение возможно более выгодного для Германии мира.

Немецкие фашисты питали к Гольцу большие симпатии. Это объясняется тем, что он был одним из первых фашиствующих идеологов и уже в то время высказал заветные мысли фашистов о превращении всей страны в военный лагерь, о неограниченном терроре по отношению к поражаемому народу, о «тотальной молниеносной войне» и т. д.

Немецкие фашисты превозносили Гольца, утверждая, что он якобы предсказал характер первой мировой войны.

Гольц был консерватором в военном искусстве. Так, например, весь опыт войны XIX и начала XX вв. показывал, что бой требует воспитания инициативного солдата, в частности стрелка. Но немецкие «теоретики» делали из исторического опыта противоположный вывод. Они видели в проявлении инициативы и самостоятельности со стороны солдатской массы большую опасность для господствующих эксплуататорских классов.

Вот одно из положений Гольца: «...подлежит исследованию и последнее новое явление. Явление это заключается в том, что в пехоте устанавливается правило — не предоставлять более в бою отдельных стрелков их личному усмотрению, а подчинять действия более или менее значительного числа их непосредственному руководству ближайших начальников, чтобы употреблять их ружья как машину, прислуживаемую многими людьми»².

Затхлой стариной отдают эти измышления Гольца. Он восхищался «стреляющей машиной», в которую Фридрих II превратил прусскую армию. Фридриховская «машина» была никуда негодной, слабой, свидетельством чего являются провалы прусского военного искусства на полях битв еще в середине и во второй половине XVIII в. Превосходство русских метких инициативных стрелков Румянцева, Суворова убедительно доказало никчемность фридриховской тактики.

¹ Фон-дер Гольц, Краткий очерк ведения войны в наше время, Варшава, 1897 г., стр. 16.

² Фон-дер Гольц, Вооруженный народ, стр. 3.

Использование стрелков в сомкнутых строях для ведения залпового огня было характерно для условий XVI и XVII вв. Вот к этим-то временам абсолютизма и восходят идеи Гольца.

Итак, немецкий милитарист Гольц мыслил представлениями раннего этапа мануфактурного периода войны в то время, когда складывался машинный период войны. Консервативность, закономерная для буржуазной военной мысли вообще, с особенной силой проявилась в немецкой военной теории, отражавшей крайнюю реакционность германского империализма.

В эпоху империализма Шлиффен и Гольц превзошли своих предшественников в авантюризме и изуверстве — Фридриха, Бюлова, Клаузевица, Мольтке и др.

Идейной базой Гольца (как и других военных идеологов империализма) являлось реакционное мировоззрение расизма. Чтобы оправдать империалистическую политику подготовки войн, Гольц грубо искажал, фальсифицировал действительность. Так, в те годы, когда в Германии обострялась классовая борьба, Гольц писал, что в жизни народов ныне господствует «общность интересов». Именно прусский юнкер мог утверждать, что «...невозможно отделить национальный эгоизм от народного величия»¹. Ему было чуждо понимание того, что народное величие органически включает в себя чувство уважения к другим народам, что оно несовместимо с шовинизмом, расизмом.

Гольц преднамеренно отождествлял международные отношения государств с взаимоотношениями «отдельных личностей»: он «объяснял», что войны возникают так же, как «ссора соседей». Вся эта реакционная пошлость выдавалась за последнее слово «науки».

Впрочем, Гольц признавал возможность временного состояния мира, но только при условии... завоевания Германией мирового господства: «Только во всемирном государстве, — писал он, — мыслимо нечто подобное, но ведь всемирные государства образуются и поддерживаются войной»². Эти заветные мысли Гольца имеют большое сходство с космополитизмом современных американо-английских империалистов. Различие между ними состоит лишь в том, что Гольц не скрывал империалистические, разбойничьи планы своего класса, тогда как современные космополиты, стремясь обмануть намечаемые ими жертвы, болтают о «добровольном» отказе народов от национального суверенитета в пользу так называемого «мирового правительства» под эгидой империалистов США.

Ленин беспощадно разоблачал буржуазный космополитизм: «ультраимпериализм» Каутского, лозунг «Соединенных Штатов Европы» иуды Троцкого и иные империалистические бредни. Ленин и Сталин показали, что все эти потуги защитников и прислужников империализма целиком направлены на освящение господства буржуазии и помещиков и на оправдание империалистических войн.

¹ Фон-дер Гольц, Вооруженный народ, стр. 9.

² Там же.

«Мировое господство», — писал Ленин, — есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»¹.

* * *

Итак, Шлиффен с одобрения Вильгельма II достаточно откровенно высказал взгляды немецких империалистов на стратегию Германии. Империалистические идеи завоевания мирового господства нашли соответствующее выражение в военной теории.

Воззрения начальника генерального штаба на стратегию немецкой армии в принципе разделяли все руководящие политики и военные деятели Германии, только ряд деталей во взглядах Шлиффена встречал возражения. Со Шлиффеном были согласны в том, что война должна быть короткой, так как рассчитывать на успех в затяжной войне Германия не могла. Не встречала возражений также и идея «окончательной победы», достигаемой в одном сражении. Немецкие военные писатели разделяли и традиционную для германской военной мысли идею, что хорошая подготовка обеспечит стратегическую внезапность и противник не сможет оказать сопротивление. Эти главные принципы шлиффеновской и немецкой государственной авантюристической стратегии объединили всех, кто близко стоял к генеральному штабу и правительству.

Беря курс на авантюристические военные предприятия, военные идеологи империалистической Германии изо всех сил стремились доказать, что, имея даже меньшие силы, можно победить более сильного противника и что соотношение сил не имеет существенного значения.

Ссылаясь на Клаузевица, они утверждали, что победа достижима, если располагаешь большими силами, но можно победить и при недостатке сил, если есть налицо «способный дерзать» полководец.

Как уже говорилось, Шлиффен, например, планировал, что немецкая армия, насчитывающая 1 миллион 200 тысяч кадровых солдат, сможет «победить» 5-миллионную армию вероятных противников Германии. Такой последователь Клаузевица, как Бернгарди, «обосновывал» успех этой стратегии тем, что якобы многочисленные армии являются неустойчивыми и, наоборот, меньшая по численности немецкая армия представляет собой образец стойкости.

Сей жрец «беспристрастной науки» предназначал свои «рецепты победы» лишь для германской армии. Так, если речь шла о немецкой армии, то Бернгарди считал, что она может побеждать даже более мощного противника, и, наоборот, армии других государств не смеют и думать о победе, если они не обладают огромным численным превосходством.

Убеждая немцев, что они должны идти в бой по первому требованию германских империалистов, он писал: «...решающее зна-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 24.

чение имеет не число, а сила»¹. Под «силой» Бернгарди понимал авантюристическую стратегию и действия войск по заранее установленным шаблонам.

Боясь, что его высказывания могут быть малоубедительными, этот ретивый милитарист пытался показать практические пути претворения в жизнь его теории о «силе», «заменяющей число». Он рекомендовал не останавливаться перед развязыванием войны, если сил даже заведомо мало, но для достижения победы следует «...разбить часть сил противника и сделаться таким образом численно сильнее»². О том, что, как учит история, зарвавшийся, но слабый агрессор может быть разбит, Бернгарди умалчивал.

Как и прочие германские военные идеологи, Бернгарди изображал противника статичным, бездеятельным; он утверждал, что противник будет «делать» для себя все самое невыгодное. По мнению Бернгарди, противника можно «развлекать», «приковывать» и по излюбленному милитаристическими доктринерами методу сразу «уничтожать» его главные силы.

Самое же главное, по Бернгарди,— это «в политике не бояться риска», т. е. не задумываясь, очертя голову, бросаться в омут авантюризма, а там... что будет.

Бернгарди выдавал агрессивную идею о «риске» за свою особую заслугу, за «открытие», а разбойничью политику агрессоров объявлял «немецким» качеством полководца-«гения». Империалистическую политику «риска» разоблачил Ленин, указав, что «увеличение рискованности» — экспансии, авантюризма, — присущее империализму, вытекает из его экономики.

«Увеличение рискованности,— писал Ленин,— связано в конце концов с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет за границу и т. д.»³.

Алчность империалиста и надменность прусского милитариста подкашивали Бернгарди бесшабашные, авантюристические выводы. Как указывалось выше, уже в кампании 1914 г. немецкая дефективная стратегия полностью обанкротилась, тактический выигрыш германской армии привел к стратегическому поражению.

Военные идеологи империалистической Германии всегда ставили на первое место тактику, подчиняя первоначальному тактическому успеху в «решительном сражении» задачи стратегии, что вытекало из установки немецкой стратегии на короткую войну; эта установка красной нитью проходит через всю историю германской военной мысли. Мольте-старший пошел еще дальше Клаузевица, назвав стратегию «системой подпорок», вспомогательной областью, обслуживающей тактику. Повторяя своих учителей, еще более ясно выразился Бернгарди, который утверждал, что «стратегия отнюдь не должна быть чем-либо другим, как послушною слугою тактического столкновения»⁴.

¹ Бернгарди, Современная война, т. I, стр. 58.

² Там же, стр. 60.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 197.

⁴ Бернгарди, Современная война, т. II, стр. 249.

Итак, германские милитаристы, делая ставку на победу путем проведения непродолжительных, «молниеносных» войн, низводили стратегию к тактике и строили планы, рассчитанные на достижение победы в одном генеральном сражении, т. е. проводили авантюристические идеи, попытки осуществления которых всегда приводили Германию к поражению. Извращая истину в вопросе о взаимоотношении стратегии и тактики, германские военные идеологи начала XX в. переиждолюли своих предшественников. Теперь у них без обиняков речь велась о тождестве стратегии и тактики и даже о «главенстве» последней над первой.

Так, немецкий генштабист Фалькенгуазен писал: «Условия ведения войны, как в большом, так и в малом масштабе ведь одни и те же»¹.

Военные идеологи империалистической Германии, стремясь «теоретически» подкрепить авантюристические планы своего генерального штаба, толкали немецкую военную мысль вспять, к догмам мануфактурного периода войны (вроде, например, определения войны как «расширенного единоборства», данного Клаузевицем, и т. п.). Повторение и «осовременивание» этих заскорузлых догматов в условиях машинного периода войны означали забвение требований жизни.

* * *

Идея блицкрига отразилась и в тактике германской армии. Накануне войны 1914—1918 гг. эта тактика была наиболее полно выражена в немецком уставе 1906 г., дополненном в 1910 г., выходу в свет которого предшествовали англо-бурская и русско-японская войны. Однако опыт этих войн не нашел отражения в указанном уставе.

Самовлюбленная германская военщина, относящаяся к опыту других армий скептически, была неспособна учитывать опыт даже своей собственной армии. Балк и другие милитаристы, писавшие по вопросам тактики, выполняли задание генштаба — разработать такие тактические формы, которые обеспечили бы успех плана Шлиффена.

Новые явления военного искусства, выявившиеся в русско-японской войне, объяснялись немецкими «теоретиками» малокультурностью театров военных действий и расистскими «соображениями» о «неполноценности» воевавших армий.

Известно, что эта война показала возросшее значение огня пехоты и артиллерии и полевой фортификации, а также то, что на полях войны зарождались позиционные формы борьбы. Но немецкой военной мысли было чуждо чувство нового. Возникшую позиционную борьбу заскорузлые ретрограды расценивали как курьез.

В немецком уставе пехоты 1906 г. был сохранен реакционный дух устава 1887 г., в частности, его тяготение к действиям в сомкнутых строях.

¹ Фалькенгуазен, Большая современная война, Варшава, 1911, стр. 9.

Поскольку вредность шаблонов — исконный порок немецкой тактики — была очевидной даже для некоторой части немецких военных писателей, то в уставе 1906 г. имеются декларации, «осуждавшие» шаблоны в тактике. Однако же по уставу 1906 г. заученные действия по шаблонам продолжали составлять основу тактики немецкой армии.

Общие требования, предъявлявшиеся этим уставом к обучению войск, гласили: «Установленные формы должны быть усвоены в совершенстве. Величайшая точность при изучении и применении этих форм необходима для действительного укрепления дисциплины» (ст. 3). Стало быть, положения устава, по мнению его авторов, предусматривали все то, что может встретиться в боевой обстановке. Таково общее направление устава. Принцип шаблонных действий проведен при рассмотрении разных видов боя. Особенно ярко шаблон выступает в трактовке наступления: «*Всякое наступление начинается с развертывания стрелковых цепей, цепи перебегают, подравнивается фронт*» (ст. 326). Требование обязательного выравнивания фронта цепей устав «обосновывает» тем, что выдвигание вперед некоторых подразделений может вызвать преждевременные контратаки противника (см. ст. 338). Устав требовал выравнивать линию цепей и только затем по общему сигналу горнистов и барабанщиков атаковать.

В уставе нет ни слова об эффективности огня пехоты, о метком выстреле, предусматривается только массовый огонь. Больше того, прямо рекомендовалось перебегающим стрелкам самостоятельно огня не вести: «*Заняв позицию, эти цепи, в большинстве случаев, открывают огонь лишь после сгущения*» (ст. 334).

Иногда авторы устава оговаривались об инициативе офицеров, но при этом каждый раз обстоятельно предупреждали, что самостоятельные действия опасны. Подобные указания для немецких офицеров, воспитанных в том духе, что все разумное исходит только от начальства, звучали довольно определенно — ждать приказаний, не рисковать действовать самостоятельно.

Устав тяготел к устарелой линейной тактике. Маневрирование частей и подразделений на поле боя трактовалось ограниченно, как поочередное продвижение, за которым опять следует обязательное выравнивание. Вопросы собственно маневрирования боевых порядков выделены в небольшой раздел «Охваты», начинающийся утверждением: «Соединение фронтальной атаки с охватом более всего обеспечивает успех. Необходимым предварительным условием является *удержание противника на фронте*». Далее проводится мысль, что для достижения успеха даже достаточно только создать угрозу атаки. Очевидно, что при этом в расчет принимался пассивный противник.

В уставе проведен несостоятельный взгляд на соотношение обороны и наступления. Оборона недооценивалась и трактовалась как отказ от «свободы действий» (ст. 362), она рассматривалась лишь как эпизодическая случайная форма борьбы, а не как закономерный вид боя. Поэтому устав рекомендовал строить оборону неглу-

бокую, прерывчатую. О долговременной обороне в уставе вообще ничего не говорилось. Единственно «нормальным» видом боя считалось наступление. При этом ставка делалась на огульное движение вперед во что бы то ни стало.

Особенно рутинным в уставе является раздел о встречном бое. Действия авангардов сводились к ведению разведки.

Идеи воспитания войск, проведенные в уставе, отражают интересы немецкой буржуазии и помещиков. Устав недвусмысленно добивается кастовой замкнутости офицерского корпуса и «надежности» унтер-офицеров. От солдата требовались слепое повиновение, «самоотвержение» и «лихость». Итак, офицерам — выходцам из юнкерства и отчасти из буржуазии — отводилась роль главной опоры господствующих классов Германии в армии. Унтер-офицеры — выходцы из кулачества и городских зажиточных элементов — должны были играть роль надежной опоры офицерского корпуса в солдатской среде. От солдат требовалось «не рассуждать», «самоотверженно» и «лихо» жертвовать своей жизнью за чуждое им дело осуществления завоевательных планов немецких империалистов.

Боевая практика уже давно осудила линейную тактику. Жизнь выдвинула требование маневрирования частей боевого порядка, но сторонники рутинности построили весь устав как систему старых шаблонов, лишь внешне приспособленных к новым условиям.

Таковы были руководящие принципы устава 1906—1910 гг. С этим уставом немецкая армия вступила в первую мировую войну, в которой Германия рассчитывала сокрушить Францию в течение шести недель, а затем покончить с Россией.

Однако уже первые дни первой мировой войны показали, что немецкая тактика является отсталой, что при боевой подготовке германской армии совсем не был учтен опыт русско-японской войны 1904—1905 гг. В лучшем случае учитывался опыт франко-прусской войны.

Эта тактика не учитывала возросшей мощи огня пулеметов и скорострельной артиллерии.

Наступая в густых цепях и даже в колоннах (линии поддержки), немецкие войска несли большие, неоправданные потери. Так, например, 18 августа 1914 г. наступавшие под Шталлупененом 1-й и 17-й германские армейские корпуса, потеряв от огня русских войск 10 тысяч человек убитыми и ранеными, в беспорядке отступили.

Сами немецкие офицеры называли свою тактику «тактикой дикого кабана». Несостоятельность немецкой тактики состояла в ее шаблонности. Маневр, боевые порядки подгонялись к букве устава без учета обстановки, подгонялись к схемам, трафаретным формам, не учитывающим возросшей массовости армии, возросшей мощи огня, усовершенствования средств связи и т. д.

Немецкая буржуазная военная мысль (как и военная мысль всех буржуазных стран) не смогла постичь новых явлений, собственных машинному периоду войны. Слепо придерживаясь принципов своей стратегии одноактной войны, немецкие военные руково-

дители были неспособны решить насущную задачу военного искусства — разработать теорию оперативного искусства.

После разгрома Германии в 1918 г. в лагере победителей предпринимался ряд попыток критики немецких военно-теоретических взглядов. Однако эта критика не достигала своей цели, ибо велась с позиций политически и методологически родственных. Так, например, в 1921 г. вышла в свет работа видного французского генерала — сотрудника Жоффра — Дюпона, под названием «Высшее германское командование».

Дюпон вообразил, что он ниспроверг немецкую стратегию. По поводу провала немецкого наступления на Марне он писал: «...Это Мольтке 1870 г., это его стратегия была разбита в 1914 году»¹.

Дюпон не шел далее замечаний, что Мольтке-младший наследует теории своего дяди. Такая критика, особенно после первой мировой войны, не могла вскрыть пороков немецкого военного искусства, была неспособна показать то, что за старыми формами стратегии у немецких империалистов стоят еще более захватнические, разбойничьи цели. Эта критика сама исходила из метафизических «вечных» принципов военного искусства и фактически не затрагивала главного порока немецкой стратегии — органически свойственного ей авантюризма.

Научная критика немецкого военного искусства оказалась возможной лишь после того, как было создано марксистско-ленинское учение о войне и армии. Классики марксизма-ленинизма подвергли глубокой критике немецкую военную идеологию, вскрыли ее реакционность и агрессивность на каждом этапе исторического развития. Не замыкаясь в рамки военного искусства, они, как никто ранее, глубоко раскритиковали военное искусство германской военины именно потому, что по-настоящему вскрыли его классовые идеологические основы.

Полностью раскрыть все пороки немецкой военной идеологии, немецкого военного искусства стало возможным только теперь, когда оформилась сталинская советская военная наука, сложилась советская военная идеология, когда победоносная Советская Армия, разбив гитлеровскую Германию, заодно подвергла критике оружием идеологию немецкого империализма.

* * *

Практика первой мировой империалистической войны опрокинула беспочвенные расчеты германского генерального штаба. Вопреки «знатокам» «современной войны», за которых себя выдавали шлиффены, бернгарди (и точно также, обанкротившиеся военные идеологи других буржуазных государств), война приобрела гигантский размах и стала затяжной, потребовав от ее участников исключительного напряжения всех сил.

Общее количество мобилизованных достигло 60 миллионов человек.

¹ Д ю п о н, Высшее германское командование, Москва, 1923 г., стр. 31.

**КОЛИЧЕСТВО МОБИЛИЗОВАННЫХ В ГЛАВНЕЙШИХ
ГОСУДАРСТВАХ В 1914—1918 гг. ¹**

Государства	Количество мобилизова- нных (в тыс.)	Процент от количества населения
Россия	15 800	8,8
Германия	14 600	20,0
Австро-Венгрия	9 000	17,0
Франция	8 000	20,0
Италия	5 600	15,0
Англия	5 700	12,7

Людские потери во время первой мировой войны были очень велики. Только боевые потери составили: в Германии — 68%, в России — 61%, в Австро-Венгрии — 58%, во Франции — 56%, в Англии — 38% по отношению к количеству мобилизованных.

В войне было применено огромное количество разнообразной боевой техники. «...Первый раз в истории, — писал Ленин, — самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней» ².

Война потребовала расхода огромного количества боеприпасов. Запасы, которыми располагал германский генеральный штаб, очень скоро иссякли. При расчетах здесь исходили, как известно, из норм франко-прусской войны. Но если немцы израсходовали за время франко-прусской войны 817 тысяч снарядов, то почти столько же они израсходовали за четыре дня второстепенного сражения на Дунайце в 1916 г.

К концу войны истощенное хозяйство Германии уже было неспособно обеспечить растущее военное потребление. Например, наладить производство танков германская промышленность не смогла. Характерно, что германские милитаристы, будущие сторонники блицкрига, осуществляемого методом «вбивания танковых клиньев», тогда (в период первой мировой войны) выдвигали демагогические аргументы против танков, вроде того, что, мол, танки несовместимы с «немецкой доблестью».

Пренебрежительное отношение Клаузевица к снабжению войск, как к «интендантской канители», неинтересной для военного искусства, было присуще и военным идеологам империалистической Германии. Несмотря на условия машинного периода войны, они рассчитывали обойтись почти без помощи гражданских промышленных предприятий.

Так, германский генеральный штаб предполагал привлечь гражданские промышленные предприятия для изготовления 662 ты-

¹ А. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, Воениздат, 1938 г., стр. 270.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 386.

сяч снарядов и 2 тысяч винтовок в те «пару» месяцев, в течение которых они «планировали» осуществить блицкриг. На деле производство достигло 11 миллионов снарядов и 250 тысяч винтовок в среднем в месяц в течение почти четырехлетней войны.

В ходе самой войны перед империалистами возникла необходимость военно-экономической мобилизации всей страны. Вопреки расчетам генеральных штабов (в частности германского генерального штаба), ведение войны в целом и даже проведение отдельных операций независимо от работы промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Внутренние противоречия капиталистического хозяйства, обусловленные частной собственностью, эксплуатацией, анархией производства, погоней за прибылью, которая является единственным стимулом развития производства при капитализме, обострившиеся во время войны, создают огромные трудности для ведения войны в целом и для проведения отдельных кампаний и операций.

Капиталистическое хозяйство во время войны регулировалось таким образом, чтобы создать военную каторгу для трудящихся и рай для капиталистов. «И Америка и Германия,— писал Ленин,— «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*»¹.

Ленин беспощадно срывал маски с социал-шовинистов, восхваляющих ограбление трудящихся в тылу, в то время как их преступно заставляют заниматься взаимоистреблением на фронте.

«...То, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом»,— указывал Ленин,— на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»².

Преступная война еще более обострила классовую борьбу, что не соответствовало расчетам германского генерального штаба, как и всех других штабов империалистических государств. А «блицкриг», которым надеялись германские милитаристы предотвратить предвиденные и непредвиденные беды, не удался.

Авантюристическая стратегия и шаблонная тактика немецкой армии обанкротились в первые же месяцы войны 1914—1918 гг. Немецкие войска вели боевые действия в полном соответствии с доктринами Мольтке и Шлиффена, в полном соответствии с их установками на короткую войну, на выигрыш ее путем победы в «решающем пункте». Германский генеральный штаб, преувеличивая значение стратегической внезапности и полагаясь на расплывчатый до мелочей план, надеялся достигнуть победы «до осеннего листопада», но не входившее в его расчеты наступление русской армии сорвало этот авантюристический план.

Огульное наступление немецких войск на западе скоро привело их к поражению на Марне. В последующие годы войны несостоя-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 309.

² Там же, стр. 331—332.

тельность военной идеологии империалистической Германии вскрылась еще более полно, и германские милитаристы были вынуждены сложить оружие.

Провал плана Шлиффена немецкая военщина объясняла немелким руководством Мольтке-младшего, но ни в коем случае не порочностью самого плана и «рецептов победы», на которых он был основан.

Однако факты говорят о том, что это был провал доктрины Шлиффена и его плана. Шлиффен рассчитывал кончить войну в основном кадровой армией, с привлечением небольших контингентов из резерва. В общем он считал возможным достичь победы с армией в 1 миллион 200 тысяч человек.

Однако Германия уже к 1 января 1915 г. оказалась вынужденной от мобилизовать 4 миллиона 200 тысяч человек. Еще важнее указать на динамику численности армии. К 1 ноября 1918 г. Германия имела армию в 4 миллиона 500 тысяч человек, средняя численность ее армии составляла 4 миллиона 940 тысяч. Всего Германия мобилизовала 14 миллионов человек. То есть, мобилизовав в 10 раз больше войск, чем планировал Шлиффен (гарантируя победу), Германия все же оказалась слабее ее противников и была бита. Шлиффен планировал выигрыш войны в целом победой на Западе («на Сене»). Известно, что ход событий на Востоке перепутал все планы германского генерального штаба. Кризис на Восточном фронте, вызванный «непредвиденным» наступлением русской армии, сказался на ходе всей кампании.

Но посмотрим, как в свете цифр выглядели дела германской армии. С августа 1914 г. по январь 1915 г. Германия потеряла на Западном фронте 847 476 солдат и офицеров¹. Если иметь в виду, что армия Германии мирного времени составляла 801 тысячу человек, то станет понятным тот кризис (не только в снарядах, но и в людях), который переживала немецкая армия, расплачиваясь за авантюризм планов ее руководства. Вывод несомненен. Динамика численности армии одной только Германии в империалистической войне 1914—1918 гг. неопровержимо свидетельствует, что наличие многомиллионных армий, их систематическое пополнение в длительной, упорной борьбе стало законом войн эпохи империализма. Но военные идеологи империалистической Германии не хотели с этим считаться.

Германия начала войну с огромными, ранее неизвестных масштабов запасами военных материалов, но они были израсходованы в несколько месяцев.

Причем и в данном случае интересно подчеркнуть не столько новые масштабы военного потребления, сколько его динамику, ибо несомненно, что (вопреки немецким и другим буржуазным историкам) историей следует заниматься не для того, чтобы выхватывать из нее «примеры» и фабриковать из них догматы («рецепты

¹ Приведенные цифры взяты из сборника «Мировая война в цифрах». Число 847 476 получено путем суммирования данных о потерях по месяцам.

победы»), а для того, чтобы устанавливая направление, объективные тенденции развития явлений, научно предвидеть будущее. Чему же учит опыт Германии? Если в 1915 г. из общего числа фабрично-заводских рабочих в 5,5 миллиона человек для снабжения фронта работало 1,5 миллиона — 27,4%, то в 1917 г. из общего числа в 6 миллионов фабрично-заводских рабочих на снабжение фронта работало 3,5 миллиона — 58,3%.

Если в начале первой мировой войны стоимость вооружения и снаряжения на одного бойца немецкой армии исчислялась в 400 рублей, то к концу войны она уже составляла 2000 рублей, а общий расход на одного бойца боевых средств и имущества, составивший в начале войны 500 рублей, к концу войны возрос в 6 раз (до 3000 рублей).

Из месяца в месяц в ходе войны все отчетливее проявлялось, что наступил машинный период войны. Если в 1914 г. мощность механических двигателей на одного бойца немецкой армии составляла 0,4 л. с., то к концу войны она выросла больше чем в три раза, составив 1,3 л. с.

Современные войны вызывают колоссальное напряжение экономической жизни страны, что видно из следующего ряда цифр, взятого опять же из исторического опыта Германии.

СРЕДНИЕ РАСХОДЫ ГЕРМАНИИ НА ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

(в миллионах марок)

Август 1914 г. по март 1915 г.	36
Апрель 1915 г. по март 1916 г.	67
Апрель 1916 г. по март 1917 г.	100
Апрель 1917 г. по март 1918 г.	126
Апрель 1918 г. по декабрь 1918 г.	146

Общеизвестно, что можно привести еще любое количество фактов, показывающих беспочвенность всякого рода планов типа плана Шлиффена.

Банкротство немецкого военного искусства в кампании 1914 г. не послужило для германского генерального штаба уроком на будущее. Он не только не отказался от авантюризма в стратегии, но еще больше усугубил его.

После образования сплошных фронтов в 1914 г. стратегический охват флангов неприятельских армий стал невозможен. Поэтому германское командование начало прибегать к попыткам прорыва, к тому самому прорыву, который так третировался Шлихтингом и Шлиффеном.

Причем если раньше немцы связывали успех в войне с маневром на охваты флангов противника, то теперь все надежды возлагались только на прорыв. Но и при попытках осуществить прорыв в течение всей войны 1914—1918 гг. стратегия неизменно низводилась к тактике; от тактического успеха, подготавливаемого каждый раз с предельным напряжением сил, ждали результата, который должен был предпринять дальнейший ход боев и быстро завершить

войну. Попрежнему не было трезвого учета соотношения сил, попрежнему придерживались «чисто военного» решения вопроса о победе. Неудивительно, что германское командование не нашло выхода из «позиционного тупика».

В 1918 г. во главе германской армии фактически стоял Людендорф — ученик Шлиффена, один из авторов стратегических планов Германии еще до войны. С середины 1917 г. Людендорф возглавлял наиболее агрессивную правящую группировку, которая решительно выступала против компромиссного мира.

Оценка Людендорфом положения Германии, с которой он выступал в 1917 г. и к которой он возвращается в своих «Воспоминаниях», выдает его с головой как крайнего авантюриста. Он рисовал обстановку, складывавшуюся для Германии в радужных красках: влияние России на ход событий равно нулю, помощь США союзникам до осени будет ничтожной, а с англо-французскими войсками Германия справится. Но это были ложные расчеты. Советская Россия оказалась очень сильным противником. Революционное влияние ее на немецкую армию было велико. В немецкой армии и в тылу нарастал протест против антинародной, кровопролитнейшей войны, против голода. Помощь США ввиду возросшей заинтересованности американских империалистов в победе Антанты должна была быстро возрастать.

Однако Людендорфу до всего этого не было дела. Он не считался с реальной обстановкой и подсчитывал лишь количество своих дивизий, запасы боеприпасов (но не учитывал экономический и моральный потенциал) и, конечно, добивался самого свирепого полицейского режима в тылу.

Исходя из исконной установки германских милитаристов, что все «проклятые вопросы» может разрешить успех в «решительном сражении», Людендорф предпринимает печально закончившиеся наступления на трех участках Западного фронта. Для осуществления прорывов на узких участках стягивается все, что только удастся наскрести на других фронтах и «спокойных» участках, а также в тылу.

Была проведена очередная мобилизация. Но поскольку 19-летние уже были призваны, больших результатов эта мобилизация не дала. К началу немецкого наступления резерв в запасных частях составлял всего 100 тысяч человек.

Все три наступления Людендорфа (в апреле, июне и июле) вначале принесли некоторые тактические успехи, но затем привели к стратегическому проигрышу. Немцы совершали прорыв на узком участке фронта на глубину 40—60 км, беря при этом некоторое количество пленных. Но общее удлинение фронта и потери обесценивали эти «успехи». Главное же состояло в том, что при общем истощении Германии эти судорожные усилия означали лишь растрату последних ресурсов и ускорение неизбежного поражения. Это были пирровы победы.

Германские милитаристы готовились к первой мировой империалистической войне свыше четырех десятилетий. Вкупе с бер-

линскими банкирами, рурскими промышленниками, восточнопрусскими аграриями они мобилизовали для ведения войны огромные ресурсы.

Однако Германия оказалась битой. Это означало, что и военная идеология империалистической Германии не выдержала испытания. Вместе с военным поражением германских милитаристов потерпели банкротство и их военные теории, представлявшие собой системы догматов и шаблонов.

В первой мировой войне буржуазная (в том числе германская) военная мысль не дала ответов на неотложные вопросы практики. Буржуазная военная идеология и военная наука оказались в состоянии кризиса, который они не могут преодолеть.

В 1914 г. империалисты развязали кровопролитнейшую войну. В этой войне империалисты всех стран преследовали грабительские, реакционные цели. Путем войны они стремились укрепить капитализм. Однако историческая действительность не оправдала надежд империалистов. Война собрала в один узел все противоречия капитализма и бросила их на чашу весов, ускорив и облегчив исторические битвы пролетариата.

«Наступила эра крушения капитализма»¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и явилась началом этого крушения капитализма и революционной замены его коммунизмом.

В 1918—1920 гг. рабочие и крестьяне молодой Советской России, советские воины под руководством большевистской партии, под водительством Ленина и Сталина разгромили силы мирового империализма — белогвардейцев и интервентов. Таким образом, практикой гражданской войны в СССР было доказано превосходство советской военной идеологии над военной идеологией империалистических стран, превосходство созданной Лениным и Сталиным новой, советской военной науки над буржуазной военной наукой.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 248.

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКАЯ ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ОЧАГА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ЕВРОПЕ

С момента образования страны Советов мир раскололся на две системы — на систему социализма и систему капитализма. Началась новая эра не только в истории народов СССР, но и в истории всего человечества. В своей работе «Международный характер Октябрьской революции» товарищ Сталин писал: «...победа Октябрьской революции означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира»¹.

Исторический период, основным содержанием которого является борьба двух систем: умирающего капитализма и побеждающего социализма, характерен также и небывалым обострением всех противоречий, присущих монополистическому капитализму.

Усматривая в существовании развивающегося и крепнущего Советского Союза и в его растущем революционном международном влиянии прямую угрозу капиталистическому строю, империалисты сделали подготовку войны против страны социализма главной задачей своей политики.

В разных капиталистических странах антисоветская политика буржуазии и помещиков проходила свои этапы и имела свои особенности, но именно эта реакционная и контрреволюционная политика прежде всего определяла развитие военной идеологии буржуазных стран и военного искусства буржуазных армий.

Экономика капиталистических стран в период между двумя мировыми войнами характеризовалась небывалой длительностью и разрушительностью кризисов.

Буржуазно-помещичьей реакции противостояла растущая организованность трудящихся, образование и рост коммунистических партий. Прогрессивные силы всего мира возглавил великий Советский Союз.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 240.

В условиях общего кризиса капитализма буржуазная идеология дошла до крайнего идейного опустошения — господства идеализма и метафизики, мистики, теологии, человеконенавистнических расовых теорий.

Составным элементом этого кризиса буржуазной идеологии явился и кризис буржуазной военной идеологии, буржуазной военной науки.

Условия машинного периода войны поставили перед военным делом новые задачи. Теперь всесторонний учет решающей роли в войне народных масс — творцов победы на фронте и в тылу, — учет возросшей роли техники стал жизненной необходимостью. Но решение этой задачи недоступно военным идеологам империализма.

Скованные реакционным буржуазным мировоззрением, ослепленные ненавистью к стране социализма, связанные эгоистическими интересами той или иной империалистической группы, они создают ложные, порочные доктрины. Кризис буржуазной военной теории явился отражением общего кризиса капитализма.

Только советская, сталинская военная наука, основанная на марксистско-ленинском учении об обществе, явилась подлинной военной наукой, которая в новых исторических условиях правильно обобщила опыт войны и определила дальнейшие пути развития военного дела. Превосходство советской военной идеологии и советской военной науки над буржуазной военной идеологией и буржуазной военной наукой было доказано полной победой советских Вооруженных Сил в период гражданской войны в СССР и особенно во время второй мировой войны, когда полчища гитлеровских армий и сателлитов Германии были повержены в прах благодаря военной мощи Советского Союза.

После первой мировой войны Германия вновь стала наиболее активным империалистическим агрессором; ее фашистские правители навязали миру вторую кровопролитную войну.

Это произошло не случайно. Немецкий фашизм был логическим продолжением реакционного политического курса всего мирового империализма. Победе фашизма в Германии, возрождению ее военного потенциала и переходу вновь к политике империалистической агрессии всемерно содействовала международная империалистическая реакция. Магнаты монополистического капитала США, Англии и Франции с первых дней возникновения Советского государства ориентируются на Германию как на силу, наиболее пригодную для использования в антисоветской войне.

В своей книге «Мировой кризис» заклятый враг Советского Союза Черчилль поместил документы, относящиеся еще к 1918 г., которые подтверждают, что Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо уже тогда договорились о возрождении мощи немецкого империализма, чтобы использовать германскую армию против молодой Советской республики и революционного движения в странах Восточной Европы. В этих документах империалистической тайной дипломатии прямо говорилось: «Без Германии в Европе ничего нельзя сделать, а с ее помощью все окажется легким... Германию

нужно пригласить помочь нам в освобождении России и в восставлении Восточной Европы». Это была разбойничья программа империалистов, направленная против молодой Советской республики и революционного движения рабочего класса в других странах. Но, как известно, силы внутренней контрреволюции в России и внешней интервенции потерпели полное поражение в борьбе против советской власти.

Победили силы социализма, а «...разбойничья политика, проникнутая в отношении революционного русского народа звериной антисоветской враждебностью Черчилля, Клемансо и других реакционеров, с позором провалилась. Советский народ отстоял свою независимость, добился передышки и вышел на дорогу победоносного мирного строительства социализма»¹.

После второй мировой войны агент Уолл-стрита и Сити Черчилль, выступая с призывами к войне против Советского Союза и стран народной демократии, добивается использования Западной Германии в антисоветских, антидемократических целях. Этот поджигатель войны вновь нагло взывает: «Забудьте о некоторых вещах из прошлого. Наши усилия не увенчаются успехом... если нас не поддержит могущественная германская раса...». Однако провокации черчиллей проваливаются. Несмотря на активность поджигателей новой войны, на стремление американско-английских империалистов развязать третью мировую войну, их гнусные планы разбиваются о силы социализма, о волю трудящихся всех стран к сохранению мира, прогресса и демократии.

Американско-англо-французские империалисты вскармливали германский фашизм, взращивали новую, невиданной мощи немецкую военную машину начиная с 1918 г. Именно для этого им потребовалась «мюнхенская политика» — политика поощрения германского империализма, направлявшего свои агрессивные устремления против Советского Союза.

Центральным моментом, характеризующим развитие экономики Германии в период между двумя мировыми войнами, было сохранение, укрепление капиталистических монополий. После поражения в первой мировой войне, в условиях наступившей хозяйственной разрухи, голода и бедствий народных масс, крупнейшие немецкие монополистические объединения не только не ослабили, но с помощью американско-английского капитала укрепили свои позиции. Инфляция создала для них широкую возможность концентрации капитала. За бесценок скупались предприятия и материалы. Правительство оказывало монополистам широкую финансовую помощь. Только владельцы предприятий в Эльзасе и Лотарингии получили 720 миллионов марок. Правительственные субсидии были крупным фактором, способствовавшим дальнейшей концентрации капитала.

Процесс концентрации и централизации капитала шел бурными темпами. Количество предприятий с 1925 г. по 1933 г. сократилось

¹ В. М. Молотов, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, стр. 18.

на 60 тысяч, а число картелей к 1930—1932 гг. увеличилось до 2 500 против 500—600, существовавших до первой мировой войны¹.

В числе немецких монополий было около 300 крупнейших монополий, объединявших в своих руках основную массу производства и капиталов страны. Господствующее положение занимало небольшое число крупнейших монополистов: Крупп, Фриц Тиссен, Клекнер, Феглер, Флик, Бош, Вермбольд, Кирдорф. Эти зловещие имена достаточно известны.

Крупнейшая роль в политическом развитии Германии по пути реакции, по пути, приведшему к победе фашизма и к развязыванию немецкими империалистами второй мировой войны, принадлежит международной империалистической плутократии, прежде всего американским и английским монополистам.

Стремление использовать Германию в антисоветской войне, использовать немецкий фашизм для разгрома организаций рабочего класса побуждали американско-англо-французских реакционеров не мешать ликвидации явочным порядком версальского договора, оказывать помощь немецким концернам и партии Гитлера, потворствовать актам немецкой агрессии.

Американский журналист Джордж Сельдес в книге «1 000 американцев» приводит множество официальных документов, разоблачающих финансовую олигархию США, ее политику, направленную на военное усиление Германии в период подготовки второй мировой войны.

В главе, названной «Дюпон, Гувер и Гитлер», Сельдес документально доказывает, что бывший министр торговли США Гувер организовал после первой мировой войны широкую кампанию практической помощи германской политике вооружений, что один из «некоронованных королей» США Дюпон совместно с другими монополистическими объединениями выделил огромные средства на проведение этой политики. Сельдес пишет: «Комиссия по расследованию деятельности промышленности вооружений докладывала также, что до и после прихода Гитлера к власти Дюпоны были в числе фирм, участвовавших в вооружении Германии.

Немецкий крупный капитал начал финансировать Гитлера в 1923 г. (подробности приведены в книге Фрица Тиссена «Я платил Гитлеру»). «...Гитлер назвал свою партию «наци»... Тиссен знал, что это — мошенничество...

Дюпоны были в курсе событий... Феликс Дюпон подписал договор с агентом Гитлера, который назвал себя Гиера... Это произошло 1 февраля 1933 г. В то время снабжение Германии оружием еще считалось незаконным, но Дюпоны поручили Гиере организовать нелегальный ввоз оружия в Германию через Голландию»².

Американские монополии заключали с германскими монополиями картельные соглашения, предоставляя огромные средства

¹ См. Г. Козлов, Германский разбойничий империализм, Госполитиздат, 1944 г.

² Джордж Сельдес, 1000 американцев, Государственное издательство иностранной литературы, 1948 г., стр. 189—190.

в распоряжение Круппа и Гитлера; эти средства предназначались для подготовки новой войны. «Полная история,— пишет Сельдес,— картельного соглашения Дюпонов с гитлеровцами изложена в 1944 г. в монографии № 1 комиссии по военным делам под заглавием «Экономические и политические аспекты международных картелей». На стр. 6 отмечено, что между Дюпоном и «И. Г. Фарбениндустри» существовало «джентельменское соглашение», обязывающее их предоставлять друг другу первоочередные права на использование нововведений технологических процессов и новую продукцию»¹.

Даже несколько фактов из книги Сельдеса достаточно ярко характеризуют преступную политику американских монополий. Если обратиться к другим источникам, то можно сослаться еще на тысячи фактов.

Крупнейшее значение для укрепления германского империализма и возрождения его военной машины имели американские займы и инвестиции. «...Золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжёлую промышленность гитлеровской Германии и, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенных заокеанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии»².

Всемерно содействуя осуществлению гитлеровской программы вооружений и милитаризации страны, правящие круги Англии и Франции также поощряли германскую политику агрессии.

«Другим решающим обстоятельством, содействовавшим развязыванию гитлеровской агрессии, явилась политика правящих кругов Англии и Франции, которая известна как политика «умиротворения» гитлеровской Германии, политика отказа от коллективной безопасности... эта политика... которая выразилась в отказе от коллективной безопасности, в отказе от отпора немецкой агрессии, в потакании агрессивным требованиям гитлеровской Германии, — привела ко второй мировой войне»³. Широко используя обильную и всестороннюю помощь американского монополистического капитала, Германия сравнительно быстро достигла довоенного уровня выпуска промышленной продукции и в 1928 г. перешагнула за него. Теперь немецкие империалисты вновь остро поставили вопрос о рынках сбыта, о сферах приложения капитала, о сырье, одним словом, о «сферах влияния», о колониях.

Директор германского стального треста Эрнст Пенсен (тот самый Пенсен, который после второй мировой войны вновь используется американскими реакционерами в Западной Германии), формулируя империалистическую программу хозяев Германии, писал в 1932 г.: «Пруссия и Германия очутились на вершине против мира

¹ Джордж Сельдес, 1000 американцев, Государственное издательство иностранной литературы, 1948 г., стр. 193.

² Фальсификаторы истории (Историческая справка), Госполитиздат, 1948 г., стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

врагов лишь при помощи сабли». Пенген намечал и конкретные цели захватов: Восточная Европа, Южная Европа и вся территория между северными и южными морями, омывающими европейские берега.

Эта империалистическая программа, как известно, излагала задачи лишь первого этапа борьбы за мировое господство. Международные силы империалистической реакции поощряли захватническую политику Германии.

Но если поддержка англо-американской реакции давала возможность германским империалистам вновь прибегнуть к вооруженной силе, то политическая обстановка в Германии создавала для этого крупные препятствия.

После поражения в первой мировой войне под влиянием победы социалистической революции в Советском Союзе классовая борьба в Германии достигла небывалой остроты. В период с 1918 по 1923 г. рабочий класс неоднократно пытался захватить политическую власть. С огромным трудом буржуазии удалось предотвратить победу революции. В удушении революции большую роль сыграли реакционные элементы кайзеровской армии и прежде всего многочисленный контрреволюционный офицерский корпус. Основная заслуга перед буржуазией в гнусном деле обеспечения победы контрреволюционных сил принадлежала социал-демократическим вожакам, использовавшим свое влияние на рабочий класс, чтобы совлечь его с пути революции.

Буржуазия охотно вновь воспользовалась услугами правых социал-демократов. В 1928 г. к власти пришло социал-демократическое правительство Германа Мюллера, не изменившее по существу реваншистской политики прежнего правительства. Правые социал-демократы, оказавшись у власти, с особым усердием проводили военную политику немецкого империализма, которой они и до того оказывали неизменную поддержку.

Правительство Мюллера не за страх, а за совесть проводило в жизнь программу новых вооружений. В частности, оно подтвердило решение своих предшественников о постройке броненосца «А». Это символизировало политику империалистической агрессии.

Коммунистическая партия Германии в те годы была еще слаба. Она не имела решающего влияния на рабочий класс и не могла повести его за собой.

После поражения революции и особенно в годы экономического кризиса положение существенно изменилось. Предательство немецких социал-демократических вожаков все сильнее отталкивало рабочий класс, и, наоборот, политика коммунистов привлекала к коммунистической партии все более широкие слои пролетариата. Коммунистическая партия была близка к тому, чтобы стать самой влиятельной рабочей партией. Уже одно это поставило перед империалистами Германии ряд трудностей в их преступном деле развязывания новой войны. К тому же разорение мелкой буржуазии и крестьянства, недовольство и брожение в их среде создавали угрозу политического объединения их с пролетариатом, что угрожало

самому существованию капитализма. В поисках средств укрепления своего политического господства и создания условий для развязывания войны империалисты прибегли к террористическим методам политического господства — к фашизму.

Объясняя причины прихода к власти фашизма в Германии, товарищ Сталин говорил в своем докладе на XVII съезде ВКП(б): «...победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»¹.

Финансовая олигархия Германии, используя фашистские банды, подвергла неограниченному террору своих политических противников. С наибольшей силой фашистский террор обрушился на коммунистическую партию Германии. Сотни тысяч антифашистов были убиты или заключены в концентрационные лагеря и тюрьмы. Гитлеровцы всячески стремились оклеветать германских коммунистов, изолировать их от масс.

Оценивая опыт, обстановку и перспективы борьбы германских коммунистов, председатель ЦК коммунистической партии Германии Эрнст Тельман в январе 1944 г., находясь в фашистской тюрьме, писал: «Правда не поддается фальсификации на длительное время, так как нет ничего непреложнее фактов. ...Наша совесть чиста, она ничем не запятнана по отношению к трудящемуся немецкому народу. Она не отягощена военными преступлениями, империалистической разбойничьей политикой, тиранией, террором, диктатурой и насилием над совестью, ущемлением свободы и произволом, лжесоциализмом, фашистскими расовыми теориями, философствованиями розенберговского толка, заносчивостью, высокомерием, хвастовством и пр. Мы ничем не запятнаны. И мы не можем восхищаться этим миром и тем более приходить от него в восторг, а должны противопоставить этому миру мужественный и освежающий дух наших твердых и целеустремлённых воззрений и беспощадную, резкою критику.

Конечно, и мы не являемся чистыми, непорочными ангелами. Мы также совершали в прошлом большие и порой серьёзные ошибки в области политики. Мы, к сожалению, кое-что упустили и недоделали из того, что нужно было сделать в сложном переплетении минувших исторических событий, чтобы преградить фашизму путь к государственной власти. Мы признали наши ошибки и открыто говорили о них в порядке самокритики. Мы исправили их и избрали новые пути в области политики, пропаганды и массовой борьбы. Но поскольку мы, однако, никогда не были представлены в герман-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1945 г., стр. 430.

ском правительстве и уж тем более не стояли у кормила правления в качестве единственной правящей партии, то тем самым смягчается наша вина перед немецким народом.

Этот факт и многое другое, в особенности же непрестанно приносимые нами жертвы в борьбе против фашизма, были и остаются большим плюсом нашей политики и привлекли к нам доверие масс»¹.

Фашистская партия сложилась в первые послевоенные годы. Ее костяк составили офицеры кайзеровской армии, полицейские, деклассированные элементы. Еще в 1923 г. Кирддорф, Тиссен и Сект установили контакт с Гитлером, финансировали нацистов и начали широкую кампанию в «деловом мире» за поддержку фашизма.

Директор рейхсбанка Шахт (тот самый военный преступник Шахт, которого после второй мировой войны спасают от правосудия его американо-английские покровители), став с самого начала создания фашистской партии одним из ближайших сотрудников Гитлера, организовал мобилизацию средств для его партии и установил тесный контакт национал-социалистов с их хозяевами — финансовой олигархией.

Магнатов финансового капитала не смущала антикапиталистическая демагогия нацистов. Наоборот, они одобряли и поощряли ее как средство обмана масс. Им достаточно хорошо была известна настоящая, подлинно империалистическая программа гитлеровской партии.

«В будущем социальном строе, — говорил Гитлер, — будут класс господ и средние классы. Далее, в нем будет огромная масса вечных слуг. Еще ниже мы будем иметь класс побежденных чужестранцев, тех, кого мы хладнокровно называем современными рабами... Именно на Востоке мы найдем великое поле для наших опытов».

Так, с предельным цинизмом излагалась программа немецких империалистов Гитлером — главарем фашистской партии германских империалистов.

«Партия гитлеровцев, — говорил товарищ Сталин, — есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»².

В период между двумя мировыми войнами немецким милитаристам принадлежала крупная роль в политической жизни Германии. Вооруженное подавление революционного движения, террор против его руководителей, действенная поддержка фашизма и обеспечение захвата им государственной власти, участие в идеологической и в материально-технической подготовке и планировании войн — таковы практические задачи немецкой военщины в этот период, поставленные ей правящими империалистическими кругами.

Для выполнения этих задач оказались вполне пригодными кайзеровские военные кадры, способные на любые аморальные преступные деяния, авантюристы, презирующие труд тунеядцы. Империалистические военные идеологи Людендорф, Сект и другие возла-

¹ «Большевик», № 21, 1950 г., стр. 35.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 27.

гали особые надежды на этих разложившихся, на все готовых людей.

Организация фашистских штурмовых отрядов, а также прочих полуполигальных и нелегальных военных организаций, их вооружение и обучение проходили под покровительством и при поддержке рейхсвера.

«Всякому, кто сколько-нибудь следил за политическим развитием Европы после первой мировой войны, хорошо известно, что офицеры и генералы кайзера сразу же обнаружили готовность повторить проигранную игру. Обвиняя в военном разгроме Германии кого угодно, только не себя, они создавали нелегальные военные организации, лелеяли мечту о реванше и готовы были продать свою честь и шпагу любому политическому проходимцу, который не постесняется затеять новую мировую бойню. В духе этих «традиций» воспитывалось и новое поколение офицеров. И не случайно их будущий вождь Адольф Гитлер из небытия появился на политической арене при прямой моральной и финансовой поддержке рейхсвера.

Они, за малым исключением, с энтузиазмом пошли за этим авантюристом, когда он, захватив власть, немедленно приступил к вооружению Германии. Чванливые прусские генералы преклонились перед ефрейтором Гитлером, ибо они понимали: Гитлер — это война»¹.

Как известно, после прихода фашистов к власти германские империалисты, поощряемые монополистами США, Англии и Франции, открыто пошли по пути подготовки новой войны.

Бешено ненавидя Советское государство и боясь роста революционного рабочего движения в метрополиях и национально-освободительного движения в колониях, американско-английские империалисты помогли германским империалистам после их поражения в первой мировой войне встать на ноги, развернуть широкую подготовку к новой войне. Германия сохранила свои военные кадры, свой генеральный штаб, а ее военно-промышленный потенциал не только не был уничтожен, но и был значительно расширен благодаря огромным кредитам английских и, главным образом, американских монополий. Империалисты всех стран видели в фашизме свою ударную силу, свой штурмовой отряд в войне против Советского Союза, против социализма и демократии. Антисоветская политика мировой реакции способствовала агрессивным устремлениям господствующих классов Германии, Японии и Италии. Именно эта провокационная политика и привела к образованию очагов второй мировой войны: японскими империалистами на Дальнем Востоке и германскими фашистами в центре Европы.

Лишь Советское правительство, выражая волю советского народа и всего прогрессивного человечества, последовательно боролось за мир во всем мире, неоднократно вносило предложения о разоружении, об обуздании агрессоров и организации коллективной безопасности.

¹ Из заключительной речи главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко по вопросу о преступных организациях на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге, газета «Правда» от 14 сентября 1946 г.

УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ

Для немецкого империализма первая мировая война закончилась полным военным поражением, что явилось доказательством несостоятельности военной идеологии Германии, военных доктрин германских милитаристов. Вся система взглядов, составляющих эту идеологию, была опровергнута самой жизнью. Война оказалась грандиозным состязанием экономических и моральных сил народов, что делало беспочвенными как все авантюристические планы германского генерального штаба, так и все «рецепты победы» немецких военных идеологов. В результате четырехлетней кровопролитнейшей борьбы стала очевидной недостаточность сил и ресурсов Германии и возглавляемого ею блока. Превосходство в силах и ресурсах у противников Германии привело последнюю к неизбежному военному поражению, которое было ускорено возмущением масс против войны и ее зачинщиков.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшая огромное революционизирующее воздействие на армию и народ Германии, сыграла крупнейшую роль и в развитии военных событий.

Таковы действительные причины поражения Германии в первой мировой войне.

Но буржуазные военные историки, пытаясь скрыть от народа правду о войне, пытаясь скрыть от него чудовищные преступления империалистов перед человечеством, продолжали «разрабатывать» расистские, биологические и прочие лжетеории войны, не расставаясь с своей излюбленной отмычкой — «вечными» принципами военного искусства. Выполняя вполне определенный классовый заказ сочинить «новую» военную доктрину для новых военных авантур, для антисоветской войны, апологеты империализма в Англии, Франции, США, Японии и во всех других буржуазных странах наводнили книжный рынок огромной массой милитаристической литературы, фальсифицирующей опыт первой мировой войны.

Германские милитаристы, несмотря на уроки войны, продолжали отстаивать свои провалившиеся военные теории.

«Обобщением опыта» войны немецкие военные писатели занялись с исключительной поспешностью, буквально на второй день после ее окончания. В этом ярко сказалось стремление к реваншу, но еще яснее идея продолжения захватнической политики выступила в самом этом «обобщении опыта», в литературной продукции реакционных военных историков и военных теоретиков.

На попроще разработки военной идеологии в первые годы послевоенного периода в Германии подвизается многочисленная группа писателей, начиная от матерого милитариста Бернгарди до еще никому не известного в то время капитана Риттера. Среди них ведущее место занимал Людендорф, который под давлением народных масс в 1918 г. был смещен с поста начальника генерального штаба. Несмотря на формальное отрешение от дел, он продолжал оста-

ваться вожаком немецкой военщины, одним из главарей всего лагеря крайней реакции и контрреволюции.

Под влиянием огромных жертв, понесенных в войне, голода, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России массы немецкого народа начали освобождаться от яда шовинистической и милитаристической идеологии.

В этих условиях Людендорф стал одним из главарей контрреволюционной партии. Он развернул лихорадочную деятельность по подавлению революционного движения, к нему тянулись многочисленные нити контрреволюционных заговоров, путчей, бандитских расправ с революционерами; он был тесно связан с главарями контрреволюционных банд — правым социал-демократом Носке, Эрхардом, Каппом, покровительствовал Гитлеру; он являлся одним из закулисных вожаков путча Каппа и пивного путча Гитлера.

Когда немецкой буржуазии, опиравшейся на активную помощь правых социал-демократов, удалось предотвратить победу революции и сложились условия, более благоприятные для подготовки новой войны, Людендорф встал во главе фашистских военных идеологов. Немало произведений, отравленных ядом разбойничьей идеологии фашизма, вышло из-под его пера. Наиболее характерной для этого периода деятельности Людендорфа была его книга «Мои воспоминания» (1923 г.), в которой он претендовал на обобщение военного исторического опыта и делал прогнозы на будущее. «Обобщение» «исторического опыта» Людендорфом подчинено главной идее — доказать, что хотя Германия и оказалась побежденной, но немецкая армия не потерпела... военного поражения, что проигрыш войны Германией отнюдь не является естественным результатом ее слабости по сравнению с противником, не есть непосредственный закономерный результат применения дефективной, авантюристической стратегии генерального штаба, заведомо обреченной на провал при столкновении с сильным противником.

Излагая свой «образ мыслей и действий», он в области военной теории объявляет себя сторонником «учителя войны» Клаузевица и Шлиффена. Людендорф утверждает «жизненность» и «практическую ценность» военных доктрин Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и требует класть их в основу дальнейшей разработки немецкой военной теории.

Все реакционные военные идеологи Германии этого периода были вполне согласны с Людендорфом, утверждая, что они являются преемниками немецких милитаристов прошлого, и подчеркивая необходимость сбережения, «развития» и пропаганды старых немецких военных «учений». Так, Риттер писал: «Наследие Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, охранять которое составляет удел и долг генерального штаба, вынужденного к отступлению... ныне переходит к германскому народу, в частности, к германскому юношеству»¹.

¹ Риттер, Критика мировой войны, стр. XVIII.

Так немецкие милитаристы, вновь стремясь использовать народ, его юношество для выполнения своих преступных планов, обращались к наследию носителей идеологии агрессии в прошлом.

Как уже говорилось, немецкая буржуазная военная наука связывала достижение успеха всей войны с проведением одного «генерального сражения». Это означало, что стратегия отождествлялась с тактикой и сводилась к последней. Одержимый этой «идеей» Людендорф в своих авантюристических изысканиях шел еще дальше. Он утверждал, что «тактические требования надо ставить выше стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится»¹. Если оставить в стороне не заслуживающей внимания софизм о противопоставлении тактического успеха стратегическому успеху, то мысль Людендорфа будет достаточно ясна. Она сводится к тому, что при меньших, чем у противника, силах для достижения победы достаточно нанести один или несколько «смертельных» ударов. Но это и означало впасть в крайний авантюризм.

Требование молниеносной, «одноактной» войны разделяли и другие немецкие военные идеологи 20-х годов. Излагая свои «принципы стратегии» в будущей войне, Бернгарди указывал, что главным в ней будет первый «молниеносный» удар. «Движения взад или вперед будут неизбежны, пока в решительном пункте не будет нанесен победоносный удар...»², — поучал Бернгарди. Ему вторил Куль: «Если не обладать перевесом в силах, то системой Шлиффена нельзя пренебрегать»³. Военный министр Германии генерал Гренер писал о плане Шлиффена, что этот план включал в себя «быстрейшее и основательнейшее решение»⁴. Таким образом, практика ничему не научила германских милитаристов. Они превозносили план Шлиффена даже после того, когда его авантюристичность была доказана на полях сражений, когда он потерпел полное банкротство в первой мировой войне.

Немецкие реакционные идеологи этого периода целиком восприняли не только главный принцип стратегии Клаузевица, Мольтке, Шлиффена — «блицкриг», но и шаблонную форму его применения. Гренер и Куль без обиняков призывали подражать Шлиффену в сосредоточении всех сил в одном из пунктов и в усилении одного из флангов «окружающего» боевого построения за счет всего остального. Таким образом, отождествление стратегии и тактики приводило немецких «теоретиков» и после первой мировой войны к тому, что они сводили задачи стратегии к осуществлению одного тактического шаблона. Последователи Клаузевица и Шлиффена не только не шли вперед, но и возвращались к еще более убогому бюловскому доктринерству.

Первая мировая война наглядно показала дефектность, антинаучность немецкой стратегии. Что касается плана Шлиффена, то его

¹ Людендорф, Мои воспоминания, т. I, 1923 г., стр. 181.

² Бернгарди, О войне будущего, Госиздат, 1921 г., стр. 131.

³ Куль, Германский генеральный штаб, Госиздат, 1922 г., стр. 142.

⁴ Гренер, Завещание Шлиффена, 1937 г., стр. 188.

авантюризм был очевиден для всякого здравомыслящего наблюдателя. Между тем среди ведущих немецких военных «теоретиков» царило полное единодушие в одобрении и этой стратегии и шлиффеновского плана. Стремление немецких милитаристов сохранить прежние военные доктрины преследовало цель облегчить идейную подготовку к новой мировой войне.

В этот же исторический период, развивая передовую военную науку, товарищ Сталин показал подлинное взаимоотношение стратегии и тактики. Тактика — подчиненная часть стратегии, она обслуживает стратегию. Тактика призвана, сообразуясь с обстановкой, определять формы и способы борьбы. «Поэтому, — учит товарищ Сталин, — действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей стратегии»¹.

Еще в 1918 г. товарищ Сталин показал беспочвенность немецкой стратегии «коротких ударов», провалившейся в период интервенции на Украине. «Короткий удар», — писал товарищ Сталин, — которым немцы рассчитывали убить сразу двух зайцев (и хлеб получить, и Советскую Украину сломить), имеет все шансы превратиться в затяжную войну иноземных поработителей с двадцатимиллионным народом Украины, у которого хотят отнять хлеб и свободу»². Предвидение товарища Сталина полностью подтвердилось. У Советской власти нашлись силы, с помощью которых немецкие оккупанты вместе с контрреволюционной украинской Радой были изгнаны с территории Советского Союза.

Таков научный подход к вопросу о взаимоотношении стратегии и тактики. Задачи войны, вопросы руководства военными действиями и войной в целом не могут быть подчинены интересам мимутного непосредственного эффекта. Наоборот, какие бы блага ни сулило то или иное частное действие, каким бы эффективным оно ни казалось, оно должно быть оценено с точки зрения общего хода борьбы и подчинено ее интересам. Анализируя исторический опыт, товарищ Сталин указывал, что тактические успехи не всегда способствуют решению стратегических задач, что история знает моменты, когда тактические успехи, не соответствующие стратегическим возможностям, приводили к поражению. Никогда не следует упускать из виду общих задач и возможностей борьбы, общей обстановки и соотношения сил. При известных условиях может возникнуть необходимость временно отказаться от тактического успеха, сознательно пойти даже на тактические минусы, чтобы выиграть время, добиться благоприятного изменения обстановки и таким образом получить общий стратегический выигрыш в будущем. Таково подлинно научное обобщение исторического опыта в вопросе о взаимоотношении стратегии и тактики.

Объявляя обанкротившуюся немецкую стратегическую концепцию «шедевром» военно-теоретической мысли, реакционные военные идеологи Германии шли по все той же старой, проторенной до-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 166.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 47.

рожке, придерживаясь направления, господствовавшего в немецкой теоретической мысли со времени Мольтке-старшего, отрицавшего связь войны и политики, политики и стратегии, ориентировавшегося на принятие «чисто военных решений». Авантюризм предшественников не только не вскрывался, а еще больше усугублялся.

В своей первой послевоенной работе «Ведение войны и политики» Людендорф писал: «Фраза «война — продолжение политики иными средствами» должна гласить: «Война есть внешняя политика иными средствами и должна быть закончена фразой, которую еще следует доказать: вообще политика должна служить войне»¹.

Невежественность буржуазных идеологов, отрывающих внешнюю политику от внутренней политики, демагогический характер их попыток изобразить империалистическую политику господствующего класса соответствующей интересам нации очевидны. Делать это после такой войны, какой была первая мировая империалистическая война, означало лишний раз обнаруживать полный отрыв своих доктрин от исторической действительности.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что это было совершенно сознательное искажение истории. В качестве примера приведем одно из случайно оброненных признаний Бернгарди: «Хотя я, — писал он, — так же хорошо знаю, как и другие, что во всей французской политике дело шло прежде всего об интересах крупных денежных магнатов, но в этом случае — раз уж война началась — такие интересы совпадали и с интересами всей нации»².

Изощренный фальсификатор Бернгарди, угнетенный провалом дела, которому он посвятил свою жизнь, явно сдал. Его ухищрения были крайне примитивны. Вместо того чтобы говорить о немецких магнатах, Бернгарди толкует о французских, объявляет их интересы совпадающими с национальными интересами «раз уж война началась...». Этот «фокус» весьма стар, к нему как известно, прибегал еще Гегель.

Разоблачая как лакеев империализма Каутского и иже с ним, вскрывая подлинный характер первой мировой войны, подлинные цели ее организаторов, связь их внешней захватнической политики с внутренней антинародной, реакционной узурпаторской политикой, Ленин писал:

«...Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурочить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»³.

Утверждение буржуазных военных идеологов о подчиненности политики войне имело самый реакционный смысл: они пытались

¹ Ludendorff, Kriegsführung und Politik, 1922, S. 23.

² Бернгарди, О войне будущего, стр. 125.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 1.

оправдать неограниченную военную диктатуру, опираясь на которую можно было бы осуществлять авантюристическую стратегию, используя в наибольшей мере ресурсы Германии. В соответствии с этим империалистическим социальным заказом Людендорф объявлял главными причинами поражения Германии «слабость» правительства, которое «...не должно было останавливаться перед насильственными мерами»¹, а заодно и то, что он — Людендорф — «не был диктатором»².

Утверждая необходимость военной диктатуры в будущем, Бернгарди нагло говорил о ее антинародном, контрреволюционном характере. Он требовал от военной власти «прибегать к насильственным мерам... иметь мужество... беспощадно выступать против собственного народа... коноводов... во-время сделать безвредными»³. Как и Людендорф, Бернгарди также предъявлял обвинение «слабовольному» правительству. Однако общеизвестно, что немецкое кайзеровское правительство являлось вдохновителем и организатором расправ с солдатами посредством военно-полевых судов на фронте и с трудящимися при помощи жандармерии в тылу.

Требования «твердой» власти, военной диктатуры как залога успеха войны в устах военных идеологов империализма теперь уже означали программу такого военно-политического режима, который по зверству массового террора, направленного против собственного народа, сопротивлявшегося планам организаторов империалистических войн, должен был превзойти все известное до настоящего времени.

Призывая к установлению самого свирепого военно-полицейского режима, некоторые военные идеологи Германии вместе с тем добились изменения системы военной организации. Они утверждали, что неизбежна замена больших массовых армий небольшой, но надежной армией.

В 20-х годах во всех империалистических странах разрабатываются теории «малых», «профессиональных армий» и соответствующие варианты стратегии. Таковы, например, пресловутые «теории» Дуэ, Фуллера, Митчела. Такое направление военно-теоретической мысли явственно отразило панический страх империалистов, который вызвали в них грозные симптомы — революционные восстания солдат и матросов, свидетельствующие о ненадежности массовых армий.

В Германии «теорию» малой армии развивали Сект и Зольдан. Значительно сокращенная немецкая армия не располагала в то время танками и самолетами, но Сект утверждал, что если вымустровать эту армию, то она будет способна выиграть войну. В соответствии с этим была разработана и стратегическая концепция, так называемая стратегия «кинжального удара». Этой экстремистской стратегии придерживались многие немецкие реваншисты, в том числе глава пангерманистов Пауль Рорбах и Гитлер.

¹ Людендорф. Мои воспоминания, т. I, 1923 г., стр. 267.

² Там же, стр. 260.

³ Бернгарди, О войне будущего, стр. 125.

Теории «малой армии» и стратегии «кинжального удара» Сект посвятил свою фашистскую книжонку «Записки солдата». Много внимания этому вопросу уделил и Зольдан, более двадцати лет занимавшийся изощренной фальсификацией истории первой мировой войны. Мировоззрение этого крайнего реакционера-фашиста (поклонника в политике Муссолини, в философии — Шпенглера) нашло свое яркое выражение в его военной доктрине. В своей брошюре «Человек и битва будущего», изданной в Германии в 1925 г., Зольдан выдвигал ряд реакционных положений, в том числе о взаимоотношении человека и техники.

Свою трактовку проблемы о человеке и технике на войне он начал с положения Клаузевица о моральном факторе на войне и пришел к выводу, «...что в основе войны лежит человеческая психика»¹. На какую же «психику» пробовал опереться Зольдан?

Немецкий солдат, по Зольдану, не имеет каких-либо политических интересов, ему не свойственны моральные переживания. Его действия происходят «...не от воодушевления — напротив, без всяких идеальных побуждений...»². Им, уверял Зольдан, непосредственно управляют чисто биологические инстинкты — злоба и главным образом страх.

Отмечая печальную для правящих классов Германии истину, что в немецких войсках с начала первой мировой войны не было подлинного воодушевления, Зольдан считает, что отныне наиболее характерным явлением военной психологии становится... паника. Как признание банкротства своего класса, неспособного вдохновить массы на борьбу и даже долго обманывать их, звучат следующие слова: «Паника... становится главнейшим явлением массовой военной психологии»³.

Психологические переживания участников боев первой мировой войны подвергались наблюдениям и исследованиям представителей различных областей науки. Установив явление физиологической реакции на боевую обстановку, буржуазная наука ударилась в психологизм и стала объяснять этой реакцией все вопросы политико-морального состояния армий на войне.

Буржуазная наука извращает истину. Человеческая психика не может рассматриваться чисто биологически. Сущность человека является совокупностью общественных отношений. Моральный дух войск определяется прежде всего характером политических целей войны.

Психологические переживания человека преломляются сквозь призму его мировоззрения — его политического сознания, определяющегося его положением в обществе. Зольдан всячески пытался завуалировать классовое содержание военной психологии. Он толкует о настроениях паники, характерных для солдат, которых посылали умирать во имя прибылей господ из Дейтше банк. Но Зольдан умы-

¹ Зольдан, Человек и битва будущего, Госиздат, 1928 г., стр. 10.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 20.

шленно умалчивал о массовом героизме и величайшей самоотверженности, проявлявшихся войсками революционных армий. Морально-политический подъем народных масс явился одним из важнейших факторов победы Советской Армии в гражданской войне в СССР.

«...Красная армия победила потому, что: а) красноармейцы понимали цели и задачи войны и сознавали их правильность; б) сознание правильности целей и задач войны укрепляло в них дух дисциплины и боеспособность; в) ввиду этого красноармейские массы сплошь и рядом проявляли в борьбе с врагами беспримерную самоотверженность и невиданный массовый героизм»¹.

Реакционер-милитарист Зольдан не хочет знать ничего, кроме опыта кайзеровской армии, причем в такой войне, которая по своим целям была глубоко чужда и враждебна немецкому солдату. Все это отражает реакционность фашиста Зольдана, но отнюдь не дает опоры его выводам. Частный случай не есть закон. Но известно, что софистика, фальсификация и искусственный «подбор» фактов и подгонка их к реакционным, формалистическим положениям — излюбленный метод буржуазных «историков» и «теоретиков».

Утверждая, что в современном бою массы всегда безмерно поддаются панике, Зольдан писал, будто бы он пересматривал взгляд Клаузевица на моральный фактор. Но не кто иной, как Клаузевиц утверждал, что на войне господствует «природная боязливость человеческого духа, своего рода сила тяжести в моральном мире». Объяснив панику характернейшим явлением современной военной психологии, Зольдан лишь довел до абсурда эту клеветническую по отношению к человечеству мысль Клаузевица. Клаузевиц видел первоисточник «морального духа войск» в так называемой «человеческой природе», то есть он исходил из идей антропологизма. Зольдан также исходил из идеалистического «чисто психологического», «аполитичного» взгляда на человека.

Одновременно Зольдан прибегает и ко второму аргументу. Пытаясь объяснить поражение Германии, или, точнее, запутать вопрос о подлинных причинах ее поражения, он утверждает, что все дело в том, что «произошла победа материи над человеком»², что на войне «техника повелевает человеком»³. Впадая в техницизм, Зольдан вступал в очевидное противоречие со своей концепцией, о том, что «...в основе войны лежит человеческая психика», а также на этот раз и в противоречие с Клаузевицем. Однако Зольдан отнюдь не приблизился к истине. Техницизм, как и психологизм, означает игнорирование роли морального фактора на войне — одного из важнейших факторов, определяющих ход и исход войны.

Общим выводом Зольдана из всех этих реакционных домыслов было утверждение ненужности массовых армий в условиях высокого развития боевой техники: «В век материального сражения, — возвещал Зольдан, — массовая армия — это пережиток»⁴. Отсюда следо-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 234.

² Зольдан, Человек и битва будущего, стр. 61.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 28.

вало требование заменить «опасную» массовую армию «армией избранных» типа организации итальянских фашистов. Зольдан указывал на немецкие фашистские организации, как на зародыш подобной армии. Известно, что зольдановская «армия избранных» была создана в Германии в виде войск СС. Но это не спасло гитлеровскую Германию от поражения во второй мировой войне. В свете своих рассуждений о возможностях «армии избранных» Зольдан приходил к выводу о несущественности самой проблемы соотношения сил в современной войне. Решает, мол, не количество, а качество, «должна произойти замена... количества качеством»¹, — безапелляционно заявил он.

Немецкие военные идеологи издавна пытались отыскать аргументы, развенчивающие значение «больших батальонов», найти «рецепты победы» для Германии, затевающей грандиозные военные авантюры при недостаточных силах. Таковы были фридриховская «косая атака», «риск» Клаузевица, шаблонный оперативный маневр Мольтке, выраженный в догматическом положении: «врозь ити и вместе драться», «Канны» — Шлиффена. Зольдан же «изыскал» «новое» средство успеха в военных авантюрах. Этот рецепт победы — «особые» качества фашистских банд, которые, по аттестации самого Зольдана, состоят из людей, не обнаруживающих «ни следа этического величия», проявляющих «демоническую любовь к опасностям» и «честолюбие»², не останавливающихся перед совершением любых преступлений. Больше того, зверства, провокации, бандитизм объявляются Зольданом вполне естественными «совершенными» средствами ведения войны. Распоясавшийся фашистский военный идеолог требовал не признавать «правил морали»³ в ведении войны.

«Отстранив» столь опасные для империалистов народные массы от участия в войне, Зольдан вместе с тем объявил современную войну все же... народной в том смысле, что народ должен снабжать его профессиональные банды.

Он требовал дополнять боевые действия, которые будет вести малая армия, «атакой», направленной против тыла противника. Зольдан видел важнейший залог успеха в войне в провокациях, лжи и обмане. Однако история учит, что «война лжи и обмана»⁴ оборачивается против ее организаторов, тогда как правдивая политическая агитация имеет неотразимую силу. Но правду дано говорить лишь тому, кто является ее носителем.

Все попытки теоретического выяснения вопроса о соотношении человека и техники на войне, с которыми очень много возились немецкие милитаристы в 20-х годах, поражают своей беспомощностью, научной несостоятельностью. Причем эти «теоретики» придерживались различных, но одинаково порочных взглядов. Одни из них вы-

¹ Зольдан, Человек и битва будущего, стр. 69.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же.

ступали против внедрения техники в армию, боясь, что это может повысить удельный вес рабочих в войсках и понизить удельный вес солдат из отсталых слоев населения и унтеров из кулаков. Другие все свои надежды возлагали на технику, полагая, что при ее помощи им удастся свести до минимума роль человека в войне, особенно роль революционных пролетариев.

Вопросом соотношения человека и техники на войне занимался и Бернгарди. Незирая на то, что мировая война наглядно показала крупнейшее влияние, которое оказывает техника на тактику, оперативное искусство и стратегию, Бернгарди не признавал подлинной роли техники в военном деле. Механически отрывая моральные факторы от материальных, Бернгарди пытался доказать, что для успеха будущих военных авантюр Германии необходимо обеспечить «...преобладание моральных силовых факторов над чисто материальными средствами»¹.

Если перед первой мировой войной Бернгарди хотел возместить недостаток материальных ресурсов у Германии «моральной силой», которую он представлял как сочетание слепого повиновения — плод муштры и шовинистического угара, то теперь, после поражения Германии, эти собственные довоенные взгляды казались Бернгарди единственно верным, реальным выходом. Но одновременно он требовал (вопреки Версальскому договору) всемерного вооружения.

В немецкой военной идеологии в эти годы оформляется и направление, связывавшее эволюцию военного дела исключительно с техникой и рассматривавшее моральный фактор как пассивную величину. Кроме Зольдана, с этой реакционной теорией выступал Риттер. Он утверждал, что «...в будущих боях решительное значение будет принадлежать технике, машине», и требовал итти «...по пути широкой замены людей сталью и железом»².

Эта «теория» была вызвана к жизни теми же политическими мотивами, что и «теории» «малых армий», — страхом буржуазии перед революционно настроенными народными массами, которым стало опасно доверять оружие.

Доводы Риттера состоят из попыток развенчать значение морального фактора в современных войнах. Риттер делал вид, что ему весьма мало известно об острейшей классовой борьбе 20-х годов. Он говорил, что «растлевающие» действующие на армию «внешние события» (революции) не оказывают никакого влияния на военное искусство.

Представители двух точек зрения — недооценки техники (Бернгарди и др.) и переоценки ее (Риттер и др.) — не доводили и не могли довести своих взглядов до логического конца, делая отнюдь нелогичные, несовместимые с их концепциями отступления. Они безнадежно запутывались в своем реакционном сочинительстве.

¹ Бернгарди, О войне будущего, стр. 14.

² Риттер, Критика мировой войны, стр. 39.

У ведущего германского милитариста Людендорфа мы встречаемся с попыткой эклектического сочетания этих двух порочных, однобоких воззрений. Анализируя опыт войны, Людендорф явно не мог справиться с проблемой взаимоотношения человека и техники в военном деле. С одной стороны, он толкует о «немецком наступательном духе», который якобы способен заменить все и вся, с другой стороны, его утверждение о том, что движение пехоты за огневым валом должно быть механическим, вынужденным самим передвижением артиллерийских разрывов, являлось, конечно, явной фантазией, ибо морально неустойчивая пехота плохо наступала и за огневым валом.

Все эти порочные взгляды означали полное игнорирование роли морального фактора в войне, а также непонимание роли техники в машинный период войны. Они отражали несбыточные реакционные мечты империалистической буржуазии о послушных, преданных войсках. Все подобные «учения» являлись реакционной утопией. Массовые, миллионные армии, оснащенные большим количеством боевых машин, — результат экономического развития общества. Еще в начале XX в. Ленин указывал, что времена, когда войны вели полукоторванные от народа касты, безвозвратно канули в прошлое.

Буржуазная военная мысль не могла обобщить опыт войн машинного периода; это обобщение было сделано лишь советской военной наукой.

Ленин и Сталин учат, что в современных войнах единство фронта и тыла имеет огромное политическое, экономическое и военное значение. Вопросы о роли народов, о значении народного хозяйства в войне, о системе военной организации государства, о средствах и формах борьбы советская военная наука рассматривает в их диалектическом единстве.

В системе факторов, решающих судьбу войны, особо важная роль принадлежит тылу.

«Ни одна армия в мире, — писал товарищ Сталин еще в 1920 г., — не может победить (речь идёт, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями и идеями»¹.

Буржуазная военная наука умаляет или вовсе отрицает роль тыла в войне. В лучшем случае она рассматривает тыл лишь как базу питания фронта людьми и материальными средствами. Да это и не случайно, так как при осуществлении своей политики захватов и порабощения народов буржуазия не может рассчитывать на поддержку своих военных планов трудящимися. Поэтому буржуазные военные теоретики и прибегают к реакционным теориям «малых армий».

Мечта о «малой армии», широко используя эту теорию для нужд милитаристической пропаганды, реакционные правящие круги

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 323.

Германии на деле вновь вели практическую работу по организации массовой армии. Разрешение этого противоречия они видели, во-первых, в создании относительно небольшой кадровой армии, с классово подобранным офицерским составом, которая могла бы выполнять полицейские функции по отношению к многомиллионной армии, призываемой во время войны, и, во-вторых, в массовой подготовке фашистских кадров, в идеологической подготовке войны путем шовинистической и милитаристической пропаганды.

Над этими задачами немецкая военная теория билась все первое десятилетие после поражения Германии в первой мировой войне. Казалось бы, это были трудные времена для немецкого милитаризма. Версальским договором рейхсвер был ограничен до 100 тысяч человек, запрещалось иметь и производить танки, самолеты, подводные лодки, газы, орудия больших калибров. Но немецкие империалисты и не думали выполнять обязательства, а реального контроля над их действиями не было. Наоборот, империалисты США и Англии, используя Версальский договор для ограбления трудящихся Германии, щедро предоставляли германским империалистам огромные кредиты для восстановления и развития военно-промышленного потенциала Германии, тайно поощряли перевооружение немецкой армии и подготовку ее кадров. Германские милитаристы всегда имели широкую возможность гласно, в печати, обсуждать пути обхода Версальского договора для подготовки новых актов агрессии. «Несмотря на теперешние условия мира, — писал Бернгарди в 1921 г., — подводный флот все же, по возможности, должен развиваться»¹.

В приказе, вводящем немецкий устав 1922 г., командующий рейхсвером Сект требовал при боевой подготовке войск ориентироваться на многомиллионную армию, оснащенную современным вооружением. «В основу устава, — гласил этот приказ, — принять мощь, вооружение и снаряжение армии одной из современных великих держав, а не стотысячной лишь немецкой армии, установленной договором»².

В своих речах и статьях Сект неизменно проводил идею, что «малая армия» — рейхсвер — готовит руководителей для многомиллионной армии, и требовал ее быстрейшего практического создания.

Немецкие империалисты, используя соперничество великих империалистических держав, а также ненависть к Советскому государству со стороны реакционных кругов стран-победительниц, особенно политику империалистов США, Англии и Франции, поощрявших воссоздание военной машины Германии, развернули широкую подготовку к новой мировой войне. Они сохранили большую часть кадрового офицерского корпуса.

Германский генеральный штаб — этот основной очаг милитаризма — был также полулегально сохранен. Он продолжал существовать под названием «Всеобщее военное бюро при военном мини-

¹ Бернгарди, О войне будущего, стр. 127.

² Германский устав вождения и боя соединенных родов войск, 1922 г.

стерстве». В 1927 г. в штате генерального штаба числилось 922 офицера, тогда как накануне первой мировой войны их было только 619. К этим годам относится и установление тесного контакта между руководством армии и фашистскими главарями. Подготовка массовых фашистских кадров черного рейхсвера, штурмовиков, «Стального шлема» и т. д. велась общими усилиями генерального штаба и реакционных партий.

Вся военная литература Германии данного периода преследует цели милитаристической и шовинистической пропаганды. Так, заканчивая свои мемуары, Людендорф обратился к немцам с призывом готовиться к новой войне. Сей «человек дела» оказался изощренным пропагандистом шовинистических, пангерманских идей, мастером политического обмана. В соответствии с политикой подготовки новой войны прусский военный регламент из казарм распространяется на жизнь всей страны. Сознание миллионов немцев отравляется ядом шовинизма. Систематически вдалбливается в головы немецких обывателей изуверский предрассудок о «превосходстве» «германской расы» над другими расами и нациями, о ее «праве» грабить и поработать другие народы.

Немецкая военная литература всегда уделяла весьма большое место шовинистической пропаганде. Теперь же, когда необходимость участия миллионных масс в войнах стала непреложной, шовинистическая пропаганда в деле идеологической подготовки войны превращается в доминирующий момент и занимает весьма большое место даже в «чисто военной» немецкой литературе. При этом характерным в первые годы после поражения Германии является то, что застрельщиками шовинистической пропаганды становятся именно военные «теоретики» Людендорф, Бернгарди, Риттер, Гренер, Зольдан, Сект и др.

Клаузевиц не совсем охотно говорил о «немецком народе», он все надежды возлагал на вымуштрованную армию, изолированную от народа. Мольтке то и дело заговаривал на тему о народе и провозгласил немецкую военщину «воспитателем» народа. Шлиффен, озираясь на «красный призрак», неустанно апеллировал к немецкому народу, но, как мы видели, точно так же делал ставку прежде всего на кадровую армию.

Людендорф, зная по опыту первой мировой войны, что нельзя избежать миллионных армий и широкого участия населения в войне, любую свою речь адресовал «немецкому народу», для обмана которого он не жалел слов.

Ведя в годы первой мировой войны непримиримую борьбу с социал-шовинистами, социал-империалистами, которые перешли на сторону своих империалистических правительств, Ленин разоблачал басни буржуазии о защите «отечества» и о «едином народе» в условиях империалистической войны как наглый обман народных масс.

«...В теперешней империалистской войне, — писал Ленин в 1916 г., — которая порождена всеми условиями империалистской эпохи, т. е. явилась не случайно, не исключением, не от-

ступлением от общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо это война *не* национальная»¹.

Ленин говорил об империалистических войнах, что они втягивают в свою орбиту огромные массы людей и целые народы. Причины этого заложены в огромном развитии материального производства общества, в концентрации производства и капитала, в экономике и политике империализма.

Но если империалистические войны вовлекают в свою орбиту народные массы, то это отнюдь не значит, что они ведутся в интересах народа, что они становятся делом народа, что с началом таких войн прекращается классовая борьба внутри капиталистических стран.

Обобщение опыта войн военными идеологами Германии велось в давно установившемся направлении. Шли поиски новых шаблонов «определенных способов действий», «рецептов победы».

Как известно, в годы первой мировой войны произошло массовое внедрение в армию техники. Этим самым вызывалась необходимость в изменениях форм борьбы и организации войск.

Поскольку изменения военной техники действуют как внешний принудительный закон, вызывающий изменения тактики, немецким «теоретикам» в силу необходимости пришлось с этим считаться. Но они (и после войны 1914—1918 гг.) остались верными самим себе. Вместо явно устарелых догм и шаблонов выдвигаются подновленные догматические положения и шаблоны. В изменениях средств и условий борьбы они ищут подтверждения своих порочных взглядов.

Вновь на все лады повторяются одни и те же мотивы о «вечных» законах войны, заложенных в якобы неизменной «природе человека», о том, что могут меняться только «внешние формы» и т. п.

Претендовавший на создание «философии войны» Бернгарди писал в 1920 г.: «В моей книге «Современная война», появившейся в 1911 году, я указывал на то, что великие основные законы войны будут одними и теми же во все времена и при всех обстоятельствах, так как они *заложены в природе* человека и обусловлены существом применения силы...»².

Так, в условиях машинного периода войны Бернгарди почти дословно повторил метафизическое положение, высказанное Клаузевицем ровно за сто лет до него.

Между тем опыт первой мировой войны полностью опроверг метафизическую теорию «вечных» принципов военного искусства.

В этой войне, являвшейся первой большой войной машинного периода, возникли новые роды войск (танковые войска, авиация и др.), новые формы борьбы.

Однако буржуазная военная мысль была неспособна обобщить весь этот богатый опыт. Учитывая лишь отдельные, частные моменты новых явлений, буржуазные военные теоретики оставались в плену порочных военных доктрин прошлого.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 19.

² Бернгарди, О войне будущего, стр. 11.

Только на основе марксизма-ленинизма возможно научное обобщение опыта войн. Товарищ Сталин учит, что подлинной науке чужды закостенелые догматические положения, что подлинная наука исходит в своих выводах из опыта, из практической деятельности людей. Деятельность товарища Сталина исключительно богата замечательными образцами творческого, новаторского подхода к науке вообще и военной науке в частности.

В начале гражданской войны в СССР, когда еще не было сложившейся советской военной науки, а старая военная наука не отвечала задачам Советской Армии, товарищ Сталин отбрасывает одну за другой вредные догмы и шаг за шагом создает советскую военную науку.

Творческий подход товарища Сталина к военной науке как нельзя лучше показывает полную несостоятельность теорий, строящихся на «вечных» принципах. Так, например, в известной своей телеграмме на имя Ленина от 29 декабря 1918 г. товарищ Сталин писал:

«Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остаётся лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных.

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на всё моё благоговение перед наукой»¹.

Обобщая опыт войны, в том числе опыт первой мировой войны, товарищ Сталин указывал, что способы ведения войны, формы борьбы не являются одинаковыми, они изменяются в зависимости от условий развития, прежде всего от развития производства.

«Искусство ведения войны в современных условиях, — писал товарищ Сталин в 1923 г., — состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их или своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки»².

Это требование марксистско-ленинской диалектики, представляемое к военным кадрам, подчеркивал выдающийся советский полководец и военный теоретик М. В. Фрунзе.

«Красный командир, — писал М. В. Фрунзе, — должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением. Сущность этого метода сводится к тому, что для нас не может быть ничего абсолютного и закостенелого; все течет и изменяется, и всякое средство, всякий метод может найти свое применение в известной обстановке. Искусство командира проявится в умении из многообразия средств,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 261.

² И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 168—169.

находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время»¹.

Попрежнему рассчитывая одержать победу над сильнейшим противником путем проведения блицнаступления, германская военщина пренебрегала обороной, рассматривая эту форму борьбы как незаконную, никогда не обязательную. Бернгарди так и писал, что «...война может вестись только наступательно...»². В этом же духе был построен немецкий устав 1922 г.

Исторический опыт войн и в особенности опыт войны 1914—1918 гг. и гражданской войны в СССР вскрыл несостоятельность немецких взглядов на соотношение обороны и наступления, а также авантюризм их концепции огульного наступления.

Обращаясь к этому вопросу в связи с необходимостью критики политического авантюризма «левых» коммунистов, В. И. Ленин доказал, что оборона (и в политической и в военной области) при известных условиях столь же законная форма борьбы, как и наступление.

Товарищ Сталин научно разработал законы наступления, показав, при каких условиях оно является реальным, чуждым авантюризма, обеспечивающим успех: «...наступление **без закрепления** завоеванных позиций, — писал товарищ Сталин, — есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем **закрепить** захваченные позиции, **перегруппировать** свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, **подтянуть** тылы, **подвести** резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить, таким образом, полную ликвидацию врага»³.

Немецкие милитаристы, слепо придерживаясь принципов своей стратегии одноактной войны, не могли решить насущную задачу военного искусства, разработать вопрос о формах, порядке подготовки и проведения оперативного прорыва.

Новое явление в военном искусстве — оперативное искусство — так и осталось недоступным немецкой и вообще буржуазной военной мысли. Людендорф не хотел считаться с опытом мировой войны, показавшим, что операция стала системой боевых действий, развертывающихся не только по фронту, но и на большую глубину. Он не подымался выше попыток тактического обеспечения прорыва.

Не менее ярко кризис немецкой военной мысли вскрылся при попытках буржуазных военных теоретиков анализировать опыт позиционной войны. Так, в своих мемуарах Фалькенгайн, отставая свою стратегию, ее принципы, пытался доказать, что он в своем руководстве исходил из трезвого учета обстановки, что он выдвинул

¹ М. В. Фрунзе, Избранные произведения, 1940 г., стр. 49.

² Бернгарди, О войне будущего, стр. 130.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 313.

целесообразную форму борьбы, которая могла привести Германию к «благоприятному исходу войны». Этим «ключом» победы «должна была стать» «стратегическая оборона» без последующего перехода в наступление.

По Фалькенгайну, после кампании 1916 г. «...решительного исхода можно было бы добиться не физическим уничтожением наших врагов в буквальном смысле слова, но только тем, что им было бы вбито в голову, насколько они далеки от возможности одоления и какой ценой они могут купить победу над нами»¹. Практически Фалькенгайн предлагал (задним числом) продолжать усиливать напряжение: мобилизовывать в армию всех, кто еще не призван, и выкачивать материальные ресурсы страны. На фронтах, считал он, необходимо отбивать любые атаки врага и вместе с тем проводить операции типа Верденской.

Так возник у немецких милитаристов специфический вариант стратегической обороны, «теоретически» оформленный в 1919 г.

Фалькенгайн стоял целиком на позициях немецкой военной идеологии, немецкой стратегии блицкрига, как верный последователь Клаузевица, Мольтке, Шлиффена. Но он отличался от них (и от Людендорфа) тем, что предлагал сочетать блицкриг со «стратегической обороной». В случае неудачи Германия должна «выдержать» натиск любых сил противника. Это «убедит», уверяет Фалькенгайн, врага в том, что он не может победить. В общем итоге, по мнению Фалькенгайна, такая «система войны» должна была дать «решительный исход», т. е. победу Германии. Так подходит Фалькенгайн к толкованию еще одного вопроса военного искусства — стратегической обороны. Фалькенгайн не понимал, что стратегическая оборона — такая форма борьбы, к которой прибегают при недостатке или невыгодном соотношении сил, и смысл ее состоит именно в изменении соотношения сил в свою пользу для последующего перехода в наступление, которое единственно способно принести победу. Фалькенгайн требовал лишь «выдержать» и таким образом победить даже в том случае, если соотношение сил не изменится.

Итак, Фалькенгайн, как и его предшественники, не имел верного представления о взаимозависимости наступления и обороны. Он извращенно толковал взаимоотношение этих важнейших форм борьбы и выдвигал ложное положение о возможности победы путем использования только обороны.

Главный аргумент Фалькенгайна — призыв к немцам «выдержать», потрясти, истощить врагов, если невозможно физически, то психологически. Фалькенгайн меньше всего был занят вопросом об общем соотношении сил. Он игнорировал тот факт, что в ходе первой мировой войны соотношение сил продолжало изменяться не в пользу Германии. Его план борьбы оставался «чисто военным»

¹ Фалькенгайн, Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях, Москва, 1923 г., стр. 264.

планом, не учитывающим моральные и экономические возможности Германии. Поэтому он и выдвигал излюбленный реакционными немецкими идеологами тезис о «воле к победе». Поскольку недооценивалась роль материальных возможностей, их значение для исхода борьбы и не учитывались подлинные моральные возможности Германии, которые шли на убыль, постольку призыв Фалькенгайна «выдержать» был нереальным, идеалистическим, волюнтаристическим. Известно, что волюнтаризм реакционного немецкого философа Шопенгауэра и его последователей, как никогда ранее, широко распространился в Германии в годы войны и после нее.

Порочные взгляды Фалькенгайна на позиционную борьбу воспринял Зольдан, заявлявший, что «...в будущем типичной формой современного сражения сделается позиционная борьба»¹. Он оказался плохим пророком, а немецкая военная мысль лишней раз показала полную неспособность проникать в будущее.

Впоследствии, во второй мировой войне, когда в результате ударов Советской Армии гитлеровская армия была поставлена перед катастрофой, немецко-фашистские стратеги извлекли из арсенала немецкого военного искусства форму борьбы, в свое время предложенную Фалькенгайном. Разгром Советской Армией гитлеровских полчищ, невзирая на их мощную систему обороны, на тотальные и сверхтотальные мобилизации и на истерические призывы Геббельса «выдержать», показал авантюристичность и этого варианта стратегии.

С «обобщением опыта» войн выступил и Дельбрюк. Примыкая к школе реакционных немецких историков-шовинистов и будучи тесно связанным с военными кругами, он специализировался на фальсификации военной истории. Главная цель его «исследований» состояла в том, чтобы на базе шовинистической фальсификации истории «теоретически» «обосновать» и «исторически» подкрепить стратегическую концепцию германского генерального штаба. При этом Дельбрюк так же, как и вся «немецкая военная школа», исходил из метафизической теории «вечных» принципов военного искусства.

Свою теорию «вечных» принципов немецкие милитаристы основывали, в частности, на столь же ложном психологизме. Рассматривая психику человека чисто антропологически, отрицая ее зависимость от социальных условий, придерживаясь волюнтаристического взгляда на роль полководца, реакционные военные идеологи отрицали зависимость полководческого решения от каких бы то ни было объективных условий. Так, например, изображая Фридриха II «образцовым полководцем», они утверждали, что его стратегия не зависела от объективных факторов и являлась продуктом лишь «свободного творчества» прусского короля.

«Его решения, — писал Дельбрюк, — никогда не определялись естественной необходимостью, а исключительно свободной личной

¹ Зольдан, Человек и битва будущего, стр. 81.

волей... Стратегия Фридриха была субъективнее стратегии какого-либо другого полководца всемирной истории»¹.

Итак, Дельбрюк после первой мировой войны рекомендовал «принципы» авантюристического военного искусства Фридриха II в качестве образца для подражания.

Говоря о личных качествах Фридриха II как полководца, немецкие империалистические идеологи превозносили его способности итти на любой, даже ничем не оправданный «риск». «Что стратегия, — писал Дельбрюк, — есть движение в непроницаемой для взора стихии, а существеннейшее качество полководца — отвага, умение рисковать, это — открытие, сделанное впервые Клаузевицем и введенное им в военную науку»².

Последователи Клаузевица отказались от его положения о связи политики и стратегии. Ссылка на положение Клаузевица, что война — «продолжение политики иными средствами», стала у них лишь уловкой, при помощи которой они пытались придать наукообразность своей авантюристической стратегии. Дельбрюк, например, писал: «В наиболее напряженный решающий момент невозможно отделить политику от стратегии, а всемирно-историческое действие великого стратега, в целом, исходит из его личности»³.

Здесь Дельбрюк окончательно запутался в своих суждениях. С одной стороны, по его мнению, «невозможно отделить политику от стратегии», а с другой стороны, «действие великого стратега... исходит из... личности» полководца. Если политика «неотделима» от стратегии и если под политикой понимается то, что она есть на самом деле («политика есть концентрированное выражение экономики...»⁴), то в таком случае она имеет объективное значение и поэтому определяет стратегию. Но тогда вторая часть фразы Дельбрюка о стратегии бессмысленна.

Если же, наоборот, этот реакционный историк всерьез думал, что истоки стратегии заложены исключительно в «исторических деяниях» полководцев, в их «личности», то тогда пустой болтовней и заведомой путаницей являются все его разговоры о связи стратегии с политикой.

Из идеалистического и метафизического понимания истории военного искусства, из теории «вечных» принципов военного искусства проистекает также и пресловутая «теория» двух стратегий Дельбрюка — «стратегия измора» и «стратегия сокрушения».

Порочность этой теории видна во всем: в определениях, в подборе исторических фактов и даже в терминологии, которую Дельбрюк специально сочинил для данного случая.

Занимаясь вопросами стратегии, он оперировал категориями тактики и по существу сводил стратегию к тактике. Все содержание и

¹ Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, т. IV, стр. 335.

² Там же, стр. 381.

³ Там же, стр. 400.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 62.

задачи стратегии Дельбрюк связывал с возможностью победы в одном «генеральном сражении».

Чтобы его суждения не вызывали у читателя никакого сомнения, он, подобно Клаузевицу, ссылаясь на авторитет Наполеона. «Наполеон... сразу, — писал Дельбрюк, — ставит всю свою ставку на тактическое решение... все с самого начала направлено на сокрушающий акт...»¹.

Живя во времена массовых, миллионных армий, в машинный период войн, Дельбрюк сочиняет свою «стратегию измора», исходя ...из опыта наемных армий: «...нам приходится постоянно наблюдать, как полководец брал противника своей выдержкой, рассчитывая, что неприятельское войско само распадается, так как противник не в состоянии будет дольше ему платить... Для этого рода стратегии придумал некогда название «стратегия измора» или «двухполюсная стратегия», т. е. такой, при которой полководец выбирает от момента к моменту — добиваться ли ему намеченной цели путем сражения или же маневра, так что его решения непрерывно колеблются между обоими полюсами маневра и сражения, склоняясь то к одному, то к другому»². Итак, «две стратегии» Дельбрюка представляют собой разновидность метафизической теории «вечных» принципов военного искусства. Вместе с тем здесь стратегия отождествляется с тактикой.

Так немецкие милитаристы, фальсифицируя историю, «обобщали» опыт первой мировой войны по-своему, чтобы «обосновать» авантюристическую стратегию германского генерального штаба, чтобы «оправдать» подготовку к новым захватническим войнам.

ГЕРМАНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ И ФАШИЗМ

Гитлер и его заговорщицкая банда захватили власть в Германии при прямом содействии финансовой олигархии, при активной поддержке фашизма военной кастой, в условиях предательства социал-демократическими вожаками рабочего класса и всего народа и с благословения всей международной реакции, которая всецело поддерживала антисоветский курс германских фашистов.

Установление фашистской диктатуры означало, что отныне политика военной агрессии становилась главной задачей германских империалистов, что делу подготовки и развязывания войны подчинялась вся жизнь народа.

За один год фашистской диктатуры военные расходы Германии почти удваиваются, возрастая с 749,4 миллиона марок в 1933/34 г. до 1354,5 миллиона марок в 1934/35 г. Немецкие плутократы пожинали обильную жатву военных прибылей, которые ложились на плечи трудящихся тяжелым бременем. Усиливалась эксплуатация;

¹ Дельбрюк, История военного искусства, т. IV, стр. 102.

² Там же.

в огромных масштабах происходила милитаризация труда. Уже в марте 1934 г. в германских лагерях трудовой повинности и по другим видам принудительного труда было занято около 1 миллиона 27 тысяч человек.

Фашистский террор обрушился на всех противников гитлеровского режима и на национальные меньшинства, которые стали жертвой его расистской демагогии.

Немецкий фашизм показал свою реакционнейшую сущность с первых же дней прихода Гитлера к власти поджогом рейхстага и инсценировкой Лейпцигского процесса, на котором пламенный боец за дело пролетариата Георгий Димитров разоблачил фашистов как преступную банду.

В период фашистской диктатуры германские милитаристы совершают еще более тяжкие злодеяния против человечества, в том числе и против немецкого народа.

Германская военщина давно ждала подходящего момента и к нему готовилась. Она буквально ни на день не прекращала своей деятельности по подготовке Германии в новой войне.

С приходом гитлеровцев к власти в основу идеологической подготовки войны немецкие империалисты положили расовую теорию, в которой фашисты пошли еще дальше социальных дарвинистов.

Глава фашистских «расоведов» Розенберг проводил изуверскую теорию, основанную на крайнем мистицизме. «Германская раса» объявлялась им «мистическим синтезом», «деятельностью непознаваемой души». Законы, изданные фашистским правительством, угрожали репрессиями всем тем, кто не уверует в бредовые «теории» Розенберга.

Идеологи империализма, деля человечество на высшие и низшие расы, «расы господ» и «расы рабов», стремятся этим подвести «теоретическое» обоснование под политику империалистической агрессии. Фашисты пытались (и пытаются) создать «теоретические» предпосылки для своей разнузданной шовинистической агитации. Расовая теория — лживый человеконенавистнический бред.

Масса фактов, собранных наукой, весь опыт истории человечества опровергают расовую теорию. В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин дает научное определение нации.

«Нация, — писал товарищ Сталин, — это, прежде всего, общность, определённая общность людей».

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»¹.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 292—293.

Наукой неопровержимо доказана ложность каннибальских воззрений расистов. Огромный естественно-научный материал неопровержимо свидетельствует, что все человечество составляет единый биологический вид.

«Научные» потуги оправдания агрессии и эксплуатации проповедью расовой ненависти не были новостью. Рабовладельческая идеология расизма имеет тысячелетнюю историю. Но еще никогда из расистских теорий не делалось столь далеко идущих изверских «выводов», к которым пришли немецкие фашисты и к которым в настоящее время приходят американско-английские империалисты.

Раушнинг в книге «Гитлер мне говорил» писал о том, что Гитлер заявил ему: «Вы спросите меня, что означает термин «сокращение населения», если я намерен подчинить себе целые народы... Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низших рас...».

Ставя перед собой задачу завоевания мирового господства, немецко-фашистские агрессоры намечали физически истребить десятки миллионов мирных людей поработаемых стран. Особой злобой они были проникнуты к советским людям.

Эти гнусные идеи вдалбливались в сознание немцев и особенно солдат немецко-фашистской армии.

В «Памятке» солдату немецко-фашистской армии говорилось: «Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец; как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном — о фюрере, и ты победишь. Тебя не возьмет ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»¹.

Как известно, фашисты пытались выполнить этот изверский план, пока Советская Армия не положила конец подлым деяниям этих людоедов XX в.

Большое место в идеологической подготовке войны у гитлеровцев занимала теория «жизненного пространства», которая вкупе с расовой теорией была объявлена ими так называемой «геополитикой». Фашистские шарлатаны от науки утверждали, что обнищание трудящихся в Германии (это следствие капиталистической эксплуатации) якобы проистекает от недостатка территории. «Высшая» раса оказалась, мол, обделенной. Политические спекулянты, рядящиеся в тогу жрецов науки, сознательно выполняли требования финансовых магнатов — отвлечь внимание и отвести гнев масс от подлинных виновников обнищания трудящихся в империалистической Германии. Эта мерзкая идеологическая обработка населения имела целью разжечь в нем настроения захватничества,

¹ См. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, Госполитиздат, 1946 г., стр. 7—8.

которые обеспечили бы немецкому империализму создание мировой колониальной империи и вместе с тем дали бы ему новые средства для поддержания своего господства внутри страны.

Вскрывая существо фашистской политики, товарищ Сталин писал в мае 1942 г.: «Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов. Немецкая армия является в руках этих господ слепым орудием, призванным проливать свою и чужую кровь и калечить себя и других не ради интересов Германии, а ради обогащения немецких банкиров и плутократов»¹.

Известно, что лейтмотивом политики германского империализма были завоевания на востоке Европы — «Дранг нах остен». «Славяне,— говорилось в одном из разбойничьих документов гитлеровского правительства,— должны работать для Германии, поскольку мы в них нуждаемся, а если не нуждаемся, то они должны умирать. Медицинское обслуживание не должно иметь места. Образование опасно. Каждое образованное лицо является нашим будущим врагом».

Немецкие фашисты, учитывая все возрастающее сопротивление колониальных народов господству империалистов, пытались добиться рабской покорности завоеванных народов путем физического истребления миллионов людей. Причем в первую очередь предусматривалось полное истребление всех активных борцов за дело демократии и социализма, борцов за национальную независимость народов.

В результате осуществления требований расовой теории в течение второй мировой войны гитлеровцы истребили миллионы мирных людей.

В этих жертвах повинны не только немецкие фашисты, но и американско-английские империалисты, потворствовавшие подготовке гитлеровской Германии к новой войне, проводившие мюнхенскую политику натравливания немецких агрессоров на Советский Союз, благословлявшие фашистский разбой против народов Европы.

Неслыханные зверства, массовые убийства, которые совершали немецкие империалистические разбойники, не только не ослабили воли свободолюбивых народов к победе, но еще больше сплотили все прогрессивные силы для борьбы за полный разгром сеятелей смерти.

Опыт второй мировой войны показал, что идеология расовой ненависти оказалась источником слабости гитлеровской Германии. На неизбежность крушения идеологии расизма и ее носителей указывал товарищ Сталин, говоря о планах войны, которые вынашивались империалистами: «...думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 51.

расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»¹

Историческая действительность полностью подтвердила правильность этого прогноза, сделанного товарищем Сталиным еще в начале 1934 г.

Идеология расизма стала источником слабости гитлеровской Германии. Вокруг Советского Союза — главной и решающей силы в антифашистском лагере — сплотились все свободолюбивые народы, и фашистская Германия была разбита.

Классовый империалистический смысл идеологии расизма с особой силой вскрывается в политике, которая проводилась фашистами в отношении Советского Союза.

Еще до разбойничьего нападения на Советский Союз гитлеровцы вынашивали планы истребления десятков миллионов советских граждан и в первую очередь — коммунистов, комсомольцев, интеллигенции, передовиков социалистического труда и т. д. Они ставили своей целью превратить оставшуюся часть советских людей в своих рабов, разрушить экономику нашей страны, уничтожить тысячелетнюю культуру народов нашей Родины.

Факты об этих злодейских планах и о самих фашистских злодеяниях хорошо известны. Приведем лишь некоторые документы, показывающие чудовищность преступлений гитлеровцев.

Председатель военного трибунала 267-й немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус дал следующее показание: «17 июня 1941 года Гитлером был издан приказ, в котором говорилось, что немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его... По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Командиру было

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз...»¹

Этот изуверский приказ стал программой разбойничьих действий немецко-фашистской армии и послужил основой для издания в последующем командованием германской армии, министрами, разными гаулейтерами многих новых приказов об уничтожении советских людей.

Проводя в жизнь свои разбойничьи, грабительские планы, немецко-фашистские захватчики убили миллионы советских людей, расстреляли, замучили их в застенках гестапо, умертвили, предвзвременно заразив тифом, заморили голодом.

Программа создания «зон пустыни» предусматривала истребление десятков миллионов живущих на советской территории людей, без различия даже возраста. На одном из судебных процессов по делу о злодеяниях гитлеровских преступников в Белорусской ССР имел место следующий диалог:

Прокурор. Скажите, Кох, помимо 2 тысяч человек, расстрелянных в Орле, вы дополнительно расстреляли еще 40 человек, среди которых были дети? За что их вы расстреляли?

Кох. Эти люди имели коммунистические мировоззрения. Среди них было 8 женщин и 8 детей от 2 до 10 лет.

Прокурор. У детей тоже было коммунистическое мировоззрение?

Кох. У нас был принцип, чтобы уничтожить и детей.

Прокурор. У вас дети есть?

Кох. Да, имею 3-х.

Прокурор. Какого возраста?

Кох. 1 год, 3 года и 5 лет.

Прокурор. Их можно в чем-либо политическом обвинять?

Кох. Нет, конечно, нет.

Прокурор. По какому принципу расстреляли 8 советских детей? Они ни в чем не повинны.

Кох. Это было уничтожение населения другой расы»².

Такова мораль людоедов-расистов.

Материальный ущерб, нанесенный советскому народу гитлеровскими захватчиками, составил грандиозную сумму в 679 миллиардов рублей. Эта сумма, указывает акт Чрезвычайной государственной комиссии, охватывает «...только потери от прямого уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учрежде-

¹ См. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии, стр. 304—305.

² См. С. Утевский, Преступления гитлеровцев против мирного населения, Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946 г., стр. 15—16.

ний»¹. Она не включает потери от снижения народного дохода, как и затраты на ведение войны, навязанной советскому народу немецкими империалистами.

Особое значение гитлеровцы придавали уничтожению советской культуры, истреблению ее исторических памятников, памятников великого русского прошлого.

Факты и этих злодеяний неисчислимы. Гитлеровцы разрушили 427 музеев, уничтожили дома-музеи Пушкина, Толстого, Лермонтова, Никитина, Коста Хетагурова.

«Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря, построенном в начале XII века, фашисты разрушили своды и стены башни собора с фресками XII века.

Софийский собор, построенный в XI веке, являлся одним из древнейших памятников русского зодчества, выдающимся памятником мирового искусства... Здание собора немцы разрушили. Разрушение средней главы собора привело к полному уничтожению фресок...»².

Уничтожение и разграбление ценнейших памятников культуры были произведены гитлеровцами на всей временно оккупированной ими советской территории.

Характерно, что для этого в немецко-фашистской армии существовали специальные подразделения.

Цепные псы немецких банкиров — германские фашисты — в деле одурачивания немцев не полагались лишь на разжигание шовинизма. Свою расистскую демагогию они дополняли также демагогией о личной заинтересованности населения Германии в порабощении и ограблении других народов. В секретной инструкции командования германской армии от 17 июля 1941 г., найденной среди бумаг штаба 68-й немецкой дивизии, так и указывалось: «Воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне»³. Оправдывая войну против Советского Союза, Геббельс писал: «Это война не за трон и не за алтарь: это война за зерно и хлеб, за обильный обеденный стол, за обильные завтраки и ужины... война за сырье, за резину, за железную руду...».

Прельщая солдат и офицеров своей армии легкой наживой и суля германскому населению обогащение за счет ограбления чужих народов, гитлеровцы в то же время переключали всю тяжесть войны на плечи трудящихся Германии. С какой циничностью германские империалисты грабили население собственной страны, показывает следующая докладная записка министерства хозяйства Германии, поданная Гитлеру в январе 1945 г.

¹ См. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии, стр. 430—431.

² Там же, стр. 196—197.

³ Там же, стр. 452.

«Если около 25 млрд. марок,— говорилось в этой записке,— будут изъяты у широких слоев населения, то в кошельках отдельных ремесленников, рабочих и служащих исчезнут излишние денежные знаки, которые внушают им чувство, что деньги больше ничего не стоят... Дело идет не о том, чтобы изъять сверхприбыль и излишние деньги путем налогов из различных сфер экономики и у отдельных немногих категорий, получающих высокие доходы, а о том, чтобы *выловить у широких слоев населения забредшие туда деньги*»¹.

Существенным моментом в идеологической подготовке второй мировой войны Германией было культивирование мифа о «непобедимости» германской армии. Фашистские историки, искажая истину, «доказывали», что германская армия всегда была победоносной, во всех войнах, в том числе и в... первой мировой войне. Легкие победы в Западной Европе в 1939—1940 гг. содействовали успеху этой нелепой лжи.

Товарищ Сталин в начале Великой Отечественной войны разоблачил миф о непобедимости немецкой армии, показал его ложность и пошлость: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала ещё серьёзного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьёзное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма»².

Прошло лишь несколько месяцев после того, как были произнесены эти слова, и Советская Армия, разгромив фашистских оккупантов под Москвой, развеяла в прах миф о непобедимости немецкой армии, подтвердив правильность предвидения товарища Сталина и вместе с тем вскрыв порочность немецкой военной идеологии, сделавшей нелепую сказку о «непобедимости» германской армии одним из своих исходных положений.

Необходимо заметить, что разжигание шовинистических настроений, грабительских вожделений, военного фанфаронства и хвастовства — это все приемы подготовки войны исконно прусско-юнкерского происхождения, но несомненно масштаб, характер (в смысле реакционности, цинизма) стали иными.

¹ См. А. М. Алексеев, Военные финансы капиталистических государств, Госполитиздат, 1949 г., стр. 47.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 10.

Гитлеровцы широко использовали старопрусский метод «воспитания воинственности» — муштру. Мечта Мольтке о том, чтобы «военное сословие» (офицерский корпус) стало «воспитателем народа», полностью осуществилась при фашизме.

При гитлеровском режиме все население Германии подвергалось военной муштре. Особо тщательной фашистской обработке подвергались молодежь и дети, которые более легко поддавались отравлению ядом захватничества и разбоя. Детям с самого раннего возраста в школе и в специальных организациях внушались чело-веконенавистнические идеи фашизма.

Немецкий фашизм воспитывал немецкую молодежь, армию и все население Германии в духе безропотной готовности к выполнению любых «приказов» — преступлений. Организация «Гитлер-Югенд», в которую насильственно включали молодежь, направляла свою работу по линии воспитания инстинктов садизма. Для обучения членов «Гитлер-Югенд» стрельбе в цель в качестве живых мишеней использовались дети из еврейских гетто. Юношей муштровали и воспитывали фашистские офицеры-педагоги везде: в лагерях трудовой повинности, в учебных заведениях, в армии и СС.

Гитлер говорил: «Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир... я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя». «Гитлер-Югенд» и поставляла такие «кадры» для дивизий СС, охраны концентрационных лагерей и т. д.

Фашисты полностью сохранили принципы прусской муштры и дисциплинарной практики, основанной на требованиях «не рассуждать». Причем теперь предусматривалось безропотное исполнение заведомо преступных приказов, направленных на массовые убийства, грабежи, погромы, поджоги и т. п.

Фашистские военные идеологи, философы, юристы на все лады твердили своим солдатам и офицерам, что любое преступление перестает быть преступлением, если оно совершается по приказу. Стремясь, таким образом, юридически оправдать уголовные деяния, фашистские «правоведы» просто совершали шулерскую передержку. Требование совершить преступление не есть приказ, а подстрекательство к преступлению.

Старая иезуитская идея немецких милитаристов — допустимость на войне любых средств и демагогическое оправдание ее тем, что это единственный путь быстрее окончания войны, — не только сохранялась гитлеровцами, но и возводилась ими в правило.

Одной из характерных черт идеологии германского фашизма был так называемый «принцип фюрерства». Официально насаждалась идея о том, что простой немец или солдат не должен, не может, не имеет права мыслить, осознать смысл своей деятельности.

Везде — в промышленности, сельском хозяйстве, в учебных заведениях и т. д. — были назначены «фюреры». В армии таковыми были объявлены генералы и офицеры. «Фюреры» должны были думать и решать за простых немцев, а за всех «фюреров» — главный «фюрер» Гитлер, слуга финансовой олигархии.

Империалисты Германии стремились превратить миллионы немцев в безвольных исполнителей их воли, в послушное орудие для осуществления их захватнических планов.

«Принцип фюрерства» означал на деле распространение устава ордена иезуитов — этого гнуснейшего проявления феодальной реакции — на политическую жизнь всей Германии.

Вот выписка из поучения основателя иезуитства Игнатия Лойолы: «Подчиненный должен смотреть на старшего, как на самого Христа; он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях; как палка, которая повинуется всякому движению; как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях; как маленькое распятие, которое можно поднимать и которым можно двигать куда угодно».

«Памятка», изданная немецко-фашистским командованием перед нападением на СССР, поучала:

«Помни и выполняй:

Утром, днем, ночью, всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя, знай: он думает и делает за тебя. Ты должен только действовать...»

Дальше следовали призывы к разбою, к убийствам безоружных женщин, детей, стариков. Вся «памятка» заполнена злодейскими призывами: «Убивай», «Уничтожь в себе жалость и сострадание, на войне они не нужны — убивай всякого русского, советского, не отащивайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай... Мы поставим на колени весь мир. Германия — абсолютный хозяин мира».

Когда сопоставляешь эти два гнусных документа, то бросается в глаза их поразительное сходство, одинаковая средневековая сущность. Однако по цинизму, по масштабам и характеру преступлений фашисты превзошли своих предшественников — иезуитов. Массовые зверства, произвол и насилия не могли не усилить отпор гитлеровцам. В ответ на разбойничье вторжение и зверства гитлеровцев советский народ обрушил на гитлеровскую Германию и ее армию сокрушительные удары.

Необходимо остановиться еще и на другой стороне этого вопроса.

«Принцип фюрерства» требовал только исполнять, не думать о целях, о смысле своей деятельности, деятельности заведомо преступной, что неизбежно влекло за собой безинициативность, боязнь ответственности. В немецко-фашистской армии «принцип фюрерства» не мог не усиливать присущей ей тяги к действиям по шаблону.

«Принцип фюрерства» был проявлением крайней политической реакционности империалистов, которые в зверствах и в мракобесии превзошли средневековых изуверов. Вместе с тем насаждение этого гнусного принципа в армии означало, что фашистская военная мысль выдвигает требования, противоречащие природе войны и боя, особенно в условиях машинного периода войны.

История войн учит, что политика оболванивания, оглупления не может создавать ни подлинно прочного тыла, ни высокого морального духа армии.

Разоблачая преступления царизма, обрекавшего русскую армию на отставание, Ленин еще в 1905 г. в статье «Падение Порт-Артура» указывал, что современная война «...так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях»¹.

ВОЕННЫЕ «ТЕОРИИ» ЛЮДЕНДОРФА, КЕЙТЕЛЯ И ДРУГИХ НОСИТЕЛЕЙ ФАШИСТСКОЙ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Фашистская теория «тотальной войны» была подготовлена политикой прусского военно-полицейского государства, а затем опруссаченной германской империи. В немецкой военной идеологии прошлого, в призывах Фридриха к коварству и грабежу, в обосновании «авторитета оружия» на территории порабощенного народа Клаузевица, в указаниях Мольтке о расстрелах партизан «без суда и на месте» уже были элементы разбойничьей фашистской теории тотальной войны. С переходом к империализму глашатаи немецкой агрессии Бернгарди, фон-дер Гольц и другие еще настойчивее требовали прибегать на войне к провокациям и к злодеяниям над мирным населением. В период общего кризиса капитализма коварные, провокационные, террористические методы «тотальной войны» становятся сердцевиной военной теории и военного искусства армий империалистических государств. Особенно выявились эти разбойничьи устремления империалистов в войне против социалистического государства.

«Теория» тотальной войны стала официальной военной доктриной в период подготовки Германии ко второй мировой войне. Авторы этой «теории» и ее сторонники, давая общую характеристику своих воззрений, часто говорят о себе, как всего лишь о приверженцах идей участия народа своей страны в войнах. Однако кровавая практика тотальной войны, как и ее «теоретические основы», разоблачает ее сущность. Эта изуверская «теория» составляет одну из основ фашистской идеологии.

Политическим основанием «теории» тотальной войны является расовая теория, трактующая о «превосходстве» немцев (а в настоящее время англо-саксов) и их «естественном» праве завоевания мирового господства, она включает признание войн «вечным» и всегда «прогрессивным» явлением общественной жизни. Согласно этой фа-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 35.

шистской «теории» война ведется с целью физического уничтожения целых народов. По мнению фашистов, на войне применимы любые средства для достижения поставленных задач — провокаций, вероломство, террор, и другие человеконенавистнические приемы и методы. Причем фашисты не делают никакого различия между армией и мирным населением страны, подвергшейся нападению.

Еще в годы Великой Отечественной войны М. И. Калинин в своей статье «Война отечественная и война тотальная» следующим образом разоблачил сущность «теории» тотальной войны:

«По представлению немецкой военщины, тотальная война должна с самого начала вестись с максимальным использованием всех материальных ресурсов и людских резервов страны. Она включает в себя использование самых различных средств и методов для разгрома противника. Сюда входят: излюбленный метод германского фашизма — шантаж на международной арене, усыпление военной бдительности соседних народов заверениями в мирных намерениях и дружбе, а затем внезапное нападение на них; ложь, обман и клевета; оглушающая пропаганда якобы исключительной мощи германской армии и превосходства её оружия; намеки на обладание какими-то особыми, никем невиданными военными средствами; применение различных устрашающих средств; разрушение городов, сжигание деревень, массовое убийство гражданского населения, угон на каторжные работы в Германию многих мужчин, женщин, девушек, подростков; стремление внушить населению всей оккупированной территории ужас своим господством, который сковал бы волю народов к сопротивлению. Военное нападение осуществляется при наиболее выгодных для нападающего условиях с тем, чтобы не дать противнику возможности собрать и подтянуть свои резервы, внезапно сокрушить его военные силы, подавить его моральное состояние и волю к сопротивлению, разрушить и уничтожить его материальную базу — таковы отличительные черты немецкой тотальной войны»¹.

Разбойничьи и авантюристические идеи, составлявшие «теорию» тотальной войны, издавна разрабатывались реакционными военными идеологами в полном соответствии с политикой эксплуататорских классов. Но фашисты пошли еще дальше. В их «теориях» отразились небывалые захватнические устремления империалистов.

В той же статье М. И. Калинин писал: «Германские империалисты считают, что старые средства для осуществления их агрессивных замыслов недостаточны и что только кровавый путь тотальной войны может привести их к мировому господству»².

Германские милитаристы не были одиночками в выработке своих архиреакционных теорий. Немало фашистских идей высказали такие военные идеологи империализма, как Дуэ, Фуллер, Рейли, де Голль и др. Однако главным автором фашистской теории тоталь-

¹ М. И. Калинин, Война отечественная и война тотальная, газета «Известия» от 28 марта 1943 г.

² Там же.

ной войны не случайно становится Людендорф. После первой мировой войны Германия стала средоточием империалистической реакции, а «теоретическая» и практическая деятельность Людендорфа была органически связана с немецким разбойничьим империализмом начиная с первой мировой войны вплоть до второй мировой войны.

Основные принципы немецко-фашистской военной идеологии Людендорф сформулировал в своей книге «Тотальная война».

Если в своих «Воспоминаниях» (1923 г.) Людендорф путем разнузданной фальсификации истории войны 1914—1918 гг. пытался оправдать военную теорию и практику политического и военного авантюризма немецкого генерального штаба, чтобы таким образом создать морально-политические предпосылки для развязывания Германией новой империалистической войны, то в книге «Тотальная война»¹ он претендовал на создание нового «учения» о войне и военном искусстве, с помощью которого германские империалисты смогли бы завоевать мировое господство. При этом Людендорф широко использовал все самые реакционные и агрессивные идеи своих предшественников — идеологов империалистического разбоя.

Людендорф полностью воспринял реакционные идеи Клаузевица о войне как акте биологического насилия, т. е. его идеи «абсолютной войны». Это определение сущности войны пришлось немецким фашистам по душе, так как оно все проникнуто духом безудержной агрессии и авантюризма, а также маскирует истинные причины возникновения войн.

Об ограниченности определения Клаузевицем сущности войны говорилось выше. Людендорф требовал, чтобы замечания Клаузевица о войне, как о «продолжении политики», безоговорочно были сданы в архив, ибо «времена разновидных войн» (Людендорф), о которых писал Клаузевиц, давно прошли и война стала «тотальной». Иначе говоря, Людендорф, впадая в крайний авантюризм, требовал вести войны только с целью завоевания мирового господства.

Но ведь такие взгляды на войну и есть реакционнейшая разновидность «абсолютной войны» Клаузевица. И Людендорф сам не отрицал этого. Более того, он захлебывался от восторга, говоря о своем предке: «Что сказал Клаузевиц о ведении тотальной войны, то... будет иметь постоянно свое глубокое значение».

Итак, «теория» «абсолютной войны», придуманная в свое время Клаузевицем, реакционный смысл которой был усугублен затем Мольтке, Шлиффеном и другими немецкими милитаристами, была положена в основу фашистской «теории» «тотальной войны».

Фашизм — это ничем не прикрытая и не ограниченная свирепая террористическая военная диктатура наиболее реакционных империалистических сил, призванная обеспечить их господство, их стремление к порабощению других народов, к завоеванию мирового господства. Фашизм — это война империалистов против трудящихся

¹ Ludendorff, Der totale Krieg, München, 1934.

всего мира. Поэтому фашисты принимают все самые реакционные и человеконенавистнические идеи, отбрасывая в сторону все «осторожные» решения вопросов агрессии.

Каково же мнение самого Людендорфа о сущности войны о соотношении политики и войны?

«Война и политика, — писал Людендорф, — служит самосохранению народной воли к жизни. Поэтому политика должна служить ведению войны».

Людендорф не просто повторил бредни социальных дарвинистов. Он пошел дальше своих предшественников, объявлявших войну «вечной необходимостью», «благом». Людендорф провозгласил войну «высшим благом» общественной жизни. Социальный дарвинизм фашиста Людендорфа и его единомышленников, впитав в себя взгляды на войну Гегеля, Клаузевица, Ницше, Мольтке, английского попа Мальтуса, американского адмирала Мэхэна и других реакционеров, является еще более реакционным, что обуславливается обреченностью современных эксплуататоров, тем, что они предчувствуют близкую и неминуемую свою гибель.

Немецкая военная идеология, видоизменяясь в соответствии с изменениями всей социально-политической жизни Германии, всегда была на службе реакционных господствующих классов. Чтобы изобрести два типа агрессивных войн и чтобы в конечном счете сделать вывод, что его идеалом является зловещая «абсолютная война» и что освободительные войны являются «незаконными», Клаузевиц прибегнул к туманному, полумистическому философствованию.

Мольтке утверждал, что война «просто» насилие, и ограничивал роль политики объявлением войны и заключением мира. Шлиффен всячески фальсифицирует историю, пытался доказать, что «политическая обстановка создается военной обстановкой», а не наоборот. Людендорф тоже считал необходимым присоединиться к «учителю войны», заявив, что война — «акт насилия», и положил этот тезис в основу теории «тотальной войны», но он ставил при этом еще более реакционные цели, требуя «подчинить» политику войне. «Я уже слышу, как политики негодуют, также негодуют они вообще при мысли, что политика должна быть подчинена ведению войны, в то время как Клаузевиц учил, что война не что иное, как продолжение политики другими средствами. Пусть политики волнуются и считают мои взгляды взглядами безнадежно потерянными «милитариста», это ничего не меняет в действительном положении вещей... Пусть это себе заметят защитники науки»¹.

Лозунг «Долой науку» провозглашал не один Людендорф. Этого требовали все фашистские главари. От фашистского философа Шпенглера, совершенно отрицавшего объективность истины, до Геббельса, заявлявшего, что при упоминании слов «культура» и «наука» его рука тянется к пистолету, все немецкие фашистские идеологи повели открытый поход против науки, против ее обя-

¹ Ludendorff, Der totale Krieg, S. 115.

вающих выводов, отстаивая для себя полную «свободу действий» — авантюризм в экономике, в политике, в военном деле.

Особое внимание уделил Людендорф культу войны, которым империалисты стремятся отравить сознание масс. Изуверский культ силы — войны занимает особое место в системе реакционных идей, составляющих военные идеологии империалистов. Назначение этого каннибальского культа состоит в том, чтобы:

во-первых, при помощи выдумок о войне как «биологическом насилии», «борьбе за существование» и т. д. скрыть историческую обусловленность возникновения войн господством эксплуататорских классов и объявить войны «вечным» явлением общественной жизни;

во-вторых, объявить войны «высшим благом» для человечества;

в-третьих, вдалбливать в головы народов всякого рода бредни об их якобы «врожденной воинственности» и тем самым оправдать грабительские войны за мировое господство империалистов;

в-четвертых, «обосновать» необходимость установления военно-полицейской диктатуры и т. д.

Все усилия идеологов империализма скрыть правду о действительных причинах возникновения грабительских войн, о связи войны и политики разоблачались и разоблачаются сейчас марксистско-ленинским учением, корифеем науки товарищем Сталиным.

После первой мировой войны и особенно после второй мировой войны связь политики империалистов и империалистических войн стала еще более непосредственной и очевидной.

Вскрывая причины второй мировой войны, товарищ Сталин говорил: «...война возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма»¹.

Вторую мировую войну развязали империалисты Германии, Японии и Италии, которые до этого установили в своих странах фашистские порядки. Поэтому война против фашистских захватчиков носила антифашистский, освободительный характер.

«...Вторая мировая война,— указывает товарищ Сталин,— существенно отличается от первой по своему характеру. Следует иметь в виду, что главные фашистские государства — Германия, Япония, Италия — раньше чем напасть на союзные страны, уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всём мире, причём захватом Чехословакии и центральных районов Китая государства оси показали, что они готовы осуществить свою угрозу насчёт по-

¹ И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946 г., стр. 6.

рабощения всех свободлюбивых народов. Ввиду этого вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер войны антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить,— и действительно усилило,— антифашистский и освободительный характер второй мировой войны»¹.

Только марксистско-ленинское учение о войне и армии является подлинно научным. Свидетельством правильности марксистско-ленинского подхода к вопросам войны и армии является полная победа советских Вооруженных Сил над вооруженными силами гитлеровской Германии и империалистической Японии.

Когда буржуазные военные идеологи оказываются со своими схоластическими теориями перед фактами исторической действительности, опрокидывающей их «учения», они прибегают к попыткам фальсификации этой действительности. Так, Людендорф, выдвигая требование скоротечной «молниеносной войны» как неотъемлемую часть теории «тотальной войны», писал: «...длительная война, связанная с подрывом сплоченности народа и экономическими трудностями, может поставить под угрозу и самый ее исход». Как видно, требование «короткой войны» у него недвусмысленно связывалось с опасением экономического истощения Германии и взмущения масс. Но ведь затяжные войны стали историческим фактом. И, следовательно, стратегия, если она не является пустым прожектерством, должна считаться с этим, исходить из объективных условий.

К тому же напомним, что Людендорф сочинял свою доктрину применительно, прежде всего, к разбойничьим, антисоветским планам гитлеровцев.

Германия, по мнению авантюриста Людендорфа, не считаясь ни с чем, должна была напрячь все усилия, чтобы выиграть войну в самом ее начале, для чего он предлагал «...с самого начала применить последнюю винтовку». Но так как уже нельзя было скрыть печальный для Германии опыт первой мировой войны, то Людендорф (выдававший свою «теорию» «тотальной войны» за обобщенный опыт этой войны) в противоположность своим же установкам на скоротечную войну был вынужден признать возможность и... затяжной войны.

«Выход» из этого противоречия Людендорф видел в том, что если не удастся достичь «победы» в начале войны, то следует вновь повторять игру, неизменно действуя по тому же принципу одновременного применения всех сил. Людендорф, как и его предшественники, не смог убедительно аргументировать стратегию «молниенос-

¹ И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946 г., стр. 7.

ной войны». Его бесконечные напоминания о политических опасностях затяжной войны для Германии свидетельствовали, конечно, о плохих временах, наступивших для эксплуататорских классов, но отнюдь не подтверждали правильности «теории» «молниеносной войны».

Людендорф явно запутался в своих попытках приспособить реакционную нереальную теорию к действительности. Он начал и закончил свою книгу отрицанием всякой теории. Но объявляя себя врагом любой военной теории, он в то же время ратовал за проведение своей порочной теории в жизнь.

Исчерпав все аргументы в пользу концепции «блицкрига» и видя их неубедительность, Людендорф вновь и вновь силился доказать, что войну немцы «должны» сделать «молниеносной», ибо это единственное средство победить в борьбе за «существование».

Достаточно очевиден шарлатанский смысл «теории», изображающей грабительскую, антинародную, выгодную лишь немецким империалистам войну борьбой за «существование». Вместе с тем вполне наглядна несостоятельность выводящегося отсюда требования «блицпобеды», ведь желаемое— это еще не действительность.

Война, имеющая целью ограбление, порабощение и истребление народов, неизбежно рождает борьбу этих народов за свое существование, за свою свободу и независимость. А коль скоро перед свободолюбивыми народами встает дилемма «быть или не быть», то, как учит история, они находят в себе силы для борьбы за независимость. Так оно и было во время второй мировой войны.

Поднявшись на борьбу за свою независимость, за свою Родину, советский народ и его армия сорвали все фашистские планы «молниеносной войны», а затем полностью разгромили гитлеровскую Германию.

Товарищ Сталин говорил:

«Теперь, пожалуй, все признают, что война действительно не была и не могла быть случайностью в жизни народов, что она превратилась на деле в войну народов за их существование, что именно поэтому она не могла быть скоротечной, молниеносной»¹.

Быстрое, «молниеносное» достижение победы, по мнению Людендорфа, возможно лишь в том случае, если война будет тотальной, а это означает, разъясняет он, что напряжение всех сил и средств государства должно быть предельным, не следует останавливаться перед любыми формами террора, шантажа, провокации, наоборот, применение их Людендорф трактует как требование «нового» военного искусства. Иначе говоря, «новое» военное искусство Людендорфа представляло собой не что иное, как изощренный бандитизм. Как показал опыт второй мировой войны, моральная деградация гитлеровской армии оказалась одной из причин ее слабости.

¹ И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г., стр. 16.

Чтобы оправдать разбойничьи методы ведения войны, Людендорф не останавливался ни перед какими приемами демагогии и проявлял исключительный цинизм. Он на все лады склонял слово «немецкая общность», «германская раса», «биологическая общность» немцев, пытаясь таким образом завуалировать классовую борьбу, раздиравшую Германию. Софист Людендорф намеренно подменял историческую категорию нации биологической категорией расы. Он хотел подавить, заглушить всякое представление о классовой борьбе. Но и расизм сам по себе казался Людендорфу недостаточно сильно действующим ядом, и он стремился сочетать его с религией. Свою военную доктрину Людендорф «подкреплял» теологией, мистикой самого изуверского типа.

Опираясь на «вероучение»... собственной жены, которую он в своей книге «Тотальная война» рекомендует в качестве нового апостола, Людендорф провозгласил «истинную религию» — «религию германского богопознания», сущность которой сводилась к двум основным задачам: убедить немцев, что они должны «жертвовать жизнью для своей расы», и «очистить путь для полководца...» Из этой реакционной галиматии — расизма, фашистского культа фюрерства и теологии — Людендорф лепил «учение» о моральных факторах войны.

Подобную «теорию» с полным основанием можно расценивать как бред сумасшедшего, который не заслуживает того, чтобы занимать им внимание читателей. Но дело в том, что она была положена в основу военного «воспитания» не только армии, но и всего населения Германии.

Людендорф был известен коварными, зверскими методами ведения войны еще в 1914—1918 гг. (в Бельгии, в Польше, на Украине в период ее оккупации немецкими войсками и т. д.). В своей книге «Тотальная война», являвшейся для фашистов программным руководством, он превзошел самого себя.

Свои изуверские методы Людендорф распространял на все стороны войны. «Политика силы решает, что надо рассматривать как закон и обычай», — разглагольствовал этот идеолог империалистического разбоя.

Цинично утверждая, что «военное искусство» требует отказаться от обычая объявления войны, этот идеолог разбоя и вероломства призывал подражать другим империалистическим хищникам. «Это ошибочное мнение, — писал он, — что войну надо начинать с объявления ее. В 1894 г. Япония начала войну с Китаем, а в 1904 г. войну с Россией с внезапного нападения на китайские и соответственно на русские транспортные средства или военные корабли. Англия начала войну с Бурской республикой вторжением на территорию буров добровольческого отряда». Что и говорить, колоритные примеры разбоя и коварства послужили немецким фашистам образцами в развязывании ими войн! Немецкая военная теория всегда выдвигала требование осуществлять коварные и вероломные нападения на жертву своей агрессии. Об этом писал еще Фрид-

рих II, а Клаузевиц, например, считал внезапное нападение одним из условий победы в «абсолютной войне». И он это пространно «доказывал» выдуманным «законом», что якобы «наступление черпает свое почти единственное преимущество из внезапности». Но по конкретному, практическому вопросу объявлять или не объявлять войну Клаузевиц умалчивал, предоставляя решение этого вопроса практикам. Мольтке выдвигал требование объявлять войну одновременно с началом военных действий. Эту циничную установку на вероломное нападение Шлиффен сделал одной из главных в своем плане войны. Людендорф, усвоив уроки вероломства, пошел еще дальше. Он категорически требовал начинать грабительские войны без объявления войны.

С такой же категоричностью Людендорф «обосновывал» свои установки на то, что война должна вестись не только против армии противника, но и против населения страны, подвергшейся нападению. Он буквально смаковал свои людоедские бредни о деморализации мирного населения путем бомбардировок, провокаторской пропаганды, диверсий и прочих атрибутов «тотальной войны».

Понимая слабость немецкой экономики, недостаточность ее ресурсов для осуществления военных авантюр немецкого империализма, Людендорф строил все расчеты на победу в начале войны. Он требовал еще в мирное время накапливать возможно больше запасы вооружения, боеприпасов, трестировать всю экономику, не считаясь с разорением мелких и средних буржуа, развивать только необходимые для ведения войны отрасли народного хозяйства, не считаясь с его уродованием, и главное — не останавливаться перед любыми формами и методами эксплуатации и ограбления народных масс.

Для преодоления финансовых трудностей при подготовке к войне Людендорф рекомендовал присваивать вклады, находящиеся в сберкассах, и проводить принудительные займы. Особо большие надежды он возлагал на инфляцию, видя в ней удобный для империалистов метод ограбления народа.

Поскольку Людендорф призывал к грабительской, захватнической войне, он не имел оснований рассчитывать на высокий моральный дух народа и армии. Из этого он делал все тот же вывод для стратегии — выиграть войну путем нанесения «коротких ударов». Характерно, что Людендорф уклонялся от серьезного рассмотрения вопроса о моральных возможностях Германии и ее вероятных противников, особенно СССР.

В его книге «Тотальная война» по существу имеются только соображения, связанные с военными планами. Скандальный провал шлиффеновского плана, соавтором которого был Людендорф, ничему его не научил. Его «изыскания» не выходили за пределы оценки военного потенциала Германии.

«Главная ошибка немецких и вообще буржуазных военных руководителей состоит в том, — говорил товарищ Булганин, — что они слишком преувеличивают значение военных планов и рассматри-

вают их **в отрыве** от экономических и моральных возможностей, ограничиваясь в лучшем случае учётом **военного** потенциала страны, тогда как речь идёт о том, чтобы учитывать **экономический и моральный** потенциалы страны»¹.

Последнюю главу книги «Тотальная война» Людендорф посвятил роли полководца в войне, где он, высказываясь в духе доктрин Клаузевица и Шлиффена, выдвигал еще более реакционные и авантюристические положения. Отражая политические интересы немецких империалистов, видевших в единоличной военной диктатуре средство, с помощью которого они могли бы бороться против революции, насаждать милитаризм и проводить в жизнь свои авантюристические военные планы, Людендорф требовал передачи всей полноты власти военному диктатору: «...во всех областях жизни, — писал Людендорф, — он сам решает и его воля является законом». При диктаторе Людендорф намечал иметь штаб, в который, помимо военных специалистов, должны были входить представители трестов, а также «знатоки народной души», т. е. демагоги из фашистской партии.

Привлечение в качестве диктатора империалистической Германии людоеда Гитлера и явилось претворением в жизнь «теории» Людендорфа и его единомышленников о роли полководца-диктатора.

Одним из ярких показателей крайней реакционности и деградации военной мысли, выраженной в этой фашистской военной доктрине, является полная бесплодность ее в вопросах военного искусства. Людендорф по существу повторял то, что было сказано его предшественниками о «генеральном сражении», успех которого якобы дает «...решительный исход войны». Для «генерального сражения» он рекомендовал создать один стратегический эшелон из маршевых колонн глубиной 20 км. Особое значение придавалось равнению частей в боевом построении. Причем он поучал, что наличие «...моторизованных соединений не может ничего изменить». «Теория» Людендорфа тянула военное искусство назад к Шлиффену, Мольтке, Клаузевицу, Бюлову.

Реакционное политическое содержание фашистской теории «тотальной войны» как нельзя лучше вскрыл М. И. Калинин, который писал: «Идея её выросла на почве захватнических устремлений германского империализма, и она, как нельзя более полно, отражает честолюбивые замыслы немецких плутократов»².

* * *

Теория «тотальной войны» Людендорфа была важным слагаемым в системе реакционных авантюристических взглядов на войну и военное дело господствующих классов Германии в период подготовки ими второй мировой войны.

¹ Н. А. Булганин, Тридцать лет Советских Вооруженных Сил, Госполитиздат, 1948 г., стр. 13.

² М. И. Калинин, Война отечественная и война тотальная, газета «Известия» от 28 марта 1943 г.

Разработку фашистской военной идеологии в последние годы перед второй мировой войной возглавлял Кейтель — один из ближайших сподвижников Гитлера. С его деятельностью связана разработка наиболее разбойничьих приказов и планов. Кейтель вступил в кайзеровскую армию в 1901 г. С 1915 г. он работал в генеральном штабе, в 1935 г. был назначен начальником штаба военного министра, а в 1938 г. — начальником штаба Гитлера. Вместе с Кейтелем разрабатывали и претворяли в жизнь разбойничьи планы агрессии также представители старой военной касты — Браухич, Гальдер, Йодль, Реддер, Райхенау, Рундштедт, Тодт, Гудериан и др. На военно-литературном поприще в годы фашизма из старых кайзеровских генералов и офицеров подвизались Ветцель, Эрфурт, Людвиг, Кохенгаузен, которые состязались в «верности» фюреру с фашистскими выкорышками типа Эймансбергера.

Когда на Нюрнбергском процессе Кейтелю был задан вопрос по поводу понятия «агрессивная война», он ответил, что для него не существует такого понятия, ибо, «как военный», он понимает только понятия: «наступательная операция», «оборонительная операция» и «операция по отступлению».

Заметим, что такой прием отрицания очевидной виновности, маскировка под «аполитичного солдата» весьма характерны для милитариста — идеолога и практика.

Припертый к стене неопровержимыми уликами Кейтель был вынужден дать следующее показание, характеризующее империалистический, антисоветский политический смысл деятельности как верховного командования немецко-фашистской армии, генерального штаба и прочих штабов, так и своей собственной: «...приказы, — показал Кейтель, — имели большое отклонение от правил ведения войн и международного права. Были изданы также распоряжения и приказы, которые основывались не на военных соображениях, а на мировоззрении. Эти приказы были отданы накануне похода на Советский Союз. Такие приказы издавались также и в последующее время».

Главарь фашистской военщины считали, что если им и удастся захватить врасплох и поработить намеченные жертвы агрессии с помощью политического вероломства, шантажа, террора, то у Германии не хватит сил для их удержания в повиновении. Поэтому для сохранения своего господства над поработенными народами немецкие империалисты разработали людоедский план массовых убийств, ослабления силы сопротивляемости народов завоеванных стран, и прежде всего советского народа, путем истребления десятков миллионов советских людей.

Фашистские генералы во главе с Кейтелем с особым усердием выполняли эту политику империалистических разбойников. В своих показаниях Кейтель сделал вынужденное признание, что эта политика была направлена прежде всего против СССР. В этом признании содержится и разоблачение того, что расовая «теория» использовалась в качестве демагогического прикрытия ненависти импе-

риалистов к стране социализма, в которой рабочие и крестьяне, взявшие власть в свои руки, успешно строят коммунистическое общество, общество, которое является идеалом трудящихся всего мира.

Истребить наиболее активную часть советского народа, убить несколько десятков миллионов советских людей и заодно перебить передовую часть населения в других странах — таков был смысл приказов Гитлера — Кейтеля, которые «...основывались не на военных соображениях, а на мировоззрении».

Вот какое каннибальское выражение получили теперь, в эпоху общего кризиса капитализма, поучения немецкого военного идеолога «добрых старых времен» Клаузевица, требовавшего «пользоваться насилием, ничем не стесняясь и не щадя крови», а в оккупированных странах опираться на «авторитет оружия».

Немецко-фашистская идеология была отражением политических интересов империалистических разбойников, но вместе с тем сохранялась преемственность этой идеологии с прошлым, поскольку это прошлое отвечало интересам финансовых плутократов.

В «теоретической» и практической деятельности Кейтеля — главаря немецко-фашистской военщины, ближайшего военного помощника Гитлера — в полной мере сочетались «исторические традиции» немецкой военной идеологии — идеологии узурпации и авантюризма реакционных прусских помещиков — с новыми задачами, которые выдвигали перед ней ослепленные жадной обогащения и классовой ненависти ко всему прогрессивному воротилы германского финансового капитала. Кейтель принимал активное участие в разработке гитлеровской политики агрессии.

Военная доктрина Кейтеля, заключенная в его инструкциях, планах, приказах, резолюциях, речах и в других документах, оглашенных на Нюрнбергском процессе и разоблаченных там советскими представителями, предстала перед прогрессивным человечеством во всей своей мерзкой наготе.

7 октября 1939 г. Кейтель (совместно с Гитлером и Герингом) подписал расистский секретный приказ «Декрет фюрера и рейхсканцлера об укреплении германской народной общности».

На специальном разъяснении Гитлера о роли войск СС стояла подпись и Кейтеля. Войска СС, воспитанные в духе фашизма, были наиболее преданной империалистам частью вооруженных сил. На СС возлагались задачи не только утверждения власти германских империалистов на вновь захватываемых территориях, но и проведения террора против самого немецкого народа, и прежде всего рабочего класса. Эти войска, писалось в инструкции, «...никогда не будут общаться с пролетариатом, подрывающим основную идею» (т. е. гитлеризм). Кейтель был вдохновителем политики вероломных актов агрессии. Еще 25 мая 1933 г., т. е. вскоре после прихода гитлеровцев к власти, немецкий генеральный штаб усилил свою деятельность по планированию агрессивных войн. Для того чтобы скрыть от мирового общественного мнения подготовку фашистов

к войне, Кейтель дал секретные указания всем причастным к этому делу лицам: «Ни один документ не должен быть утерян, так как иначе вражеская пропаганда воспользуется им. То, что передается устно, не может быть доказано и может поэтому отрицаться нами в Женеве».

Когда Германия совместно с Италией при поддержке империалистов США, Англии и Франции проводила интервенцию в Испании, Кейтель, консультируя немецкое министерство иностранных дел, писал: «...неуклонно поддерживать фикцию, будто в Испании нет германских войск...»¹.

Что касается вопроса, объявлять ли войну, то для фашистской военщины его уже вообще не существовало. Вероломное и неожиданное нападение на избранную жертву, бдительность которой должна быть усыплена любыми средствами, не исключая и официальных гарантий безопасности, считалось теперь неременным требованием «военного искусства».

Если обратиться ко всем без исключения немецко-фашистским планам агрессии («Шулюнг» — по захвату Рейнской области. «Грюн» — против Чехословакии, «Белый план» — против Польши, «Везерские маневры» — против Дании и Норвегии, «Марита» — против Югославии, «Барбаросса» и «Голубой песок» — против СССР), то все они либо включают в себя пункты, либо снабжены документами, где содержится перечень мероприятий, обеспечивающих неожиданное для жертвы агрессии нападение.

С неимоверным коварством осуществлялся этот заговор против жизни и свободы народов, заговор против мира, и прежде всего против советского народа.

На процессе в Нюрнберге в качестве документа обвинения фигурировал дневник начальника оперативного штаба ОКВ Иодля, ближайшего сотрудника Кейтеля, в котором Иодль писал о том, что необходимо спровоцировать инцидент для нападения на Чехословакию.

С одобрения Кейтеля и при непосредственном участии Иодля 1 сентября 1938 г. была составлена инструкция под многозначительным заголовком: «Список нарушений международного права», который рекомендовался немецким войскам. И дополнительно прилагался перечень приемов, как эти нарушения оправдывать в пропаганде. Этот второй документ был озаглавлен: «О пропаганде в связи с нарушениями международного права».

Иодль, допрашиваемый на суде, объяснил, что все это — «теоретические работы генерального штаба». Таков был «теоретический уровень» немецко-фашистского генерального штаба.

В период подготовки бандитского нападения на Советский Союз и в годы самой войны Кейтель был вдохновителем и автором многочисленных чудовищнейших документов.

¹ Архивное управление Министерства иностранных дел СССР. Документы Министерства иностранных дел Германии. Выпуск III. Германская политика и Испания, Госполитиздат, 1946 г., стр. 17.

В марте 1941 г. он принимал участие в совещании «Об особом обращении с советскими военнопленными», где разрабатывались методы массового истребления советских людей.

13 мая 1941 г. он издал распоряжение «о военной подсудности в районе «Барбаросса», которое провозглашало безнаказанность военных преступников. Немецким офицерам предоставлялось право расстрела советских граждан без всякого суда.

В мае 1941 г. Кейтель подписал директиву о расстреле всех политработников Советской Армии.

В распоряжении от 16 сентября 1941 г. сей мастер разбоя требовал «иметь в виду, что человеческая жизнь... (советских граждан. — Л. Л.) абсолютно ничего не стоит...».

Приказ под зловещим названием «Мрак и туман» требовал истребления советских военнопленных.

20 июля 1941 г. Кейтель подписал приказ о клеймении советских военнопленных, где говорилось: «поверхностный порез натянутой кожи делается с помощью раскаленного ланцета, смоченного китайской тушью».

Вот еще какие «теоретические» проблемы разрабатывались немецко-фашистскими военными идеологами.

Инструкции о методах массовых убийств в лагерях смерти были разработаны гестапо совместно с Кейтелем и его сотрудниками. Кейтель и по его поручению Йодль разработали ряд приказов, директив, наставлений о борьбе с населением оккупированных стран; особенно изуверские методы предписывались для борьбы с советскими партизанами.

В одном из приказов от 16 декабря 1941 г. говорилось, что против партизан «войска имеют право и обязаны применить в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это будет способствовать успеху».

Кейтель участвовал в выработке планов и методов политического порабощения, экономического ограбления Советского Союза и других государств. Он был одним из вдохновителей политики насаждения милитаризма, воспитания культа войны, превращения Германии в страну, откуда обрушилась на Европу фашистская чума.

Кстати, Кейтель (вместе с Герингом) поощрял работы фашистского биолога Шрайбера по подготовке запасов смертоносных бактерий чумы. Он мечтал обрушить на народы Европы, кроме «коричневой смерти», «черную смерть», как называли в средние века эпидемии чумы.

Гитлеровское верховное командование издало директиву под названием «Будущность города Петербурга», требовавшую не принимать капитуляции города (о чем мечтали эти зазнавшиеся фашистские вояки!!), а полностью разрушить его и истребить все 4-миллионное население Ленинграда.

«С нашей стороны нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города», — писалось в этой директиве.

Та же участь уготавливалась фашистами и другим советским городам и их населению. «Для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнём и воздушными налетами», — требовало командование германской армии.

Гитлеровцы «...во время своего наступления на Москву, — говорится в одном из сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, — создали в Смоленске специальную «зондеркоманду Москва», задачей которой должны были явиться массовые убийства москвичей»¹.

Одобрив расстрелы советских военнопленных, Кейтель писал: «Вполне целесообразно», и добавлял, что это вполне «...соответствует представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны».

Немецкий генеральный штаб (и лично Кейтель) занимался проблемами экономики в соответствии с теорией «тотальной войны». Конечно, первенство здесь было за финансовой олигархией, которая вкупе с военщиной изыскивала средства для выполнения планов агрессии за счет трудящихся и намечала пути преодоления слабостей экономики гитлеровской Германии. Безусловно, и речи быть не может о том, что германские милитаристы могли трезво учитывать экономический фактор. Они разрабатывали и проводили на практике «теорию» хозяйственной автаркии. Вся экономика Германии задолго до войны была целиком переведена на военные рельсы. Уродуя хозяйственный организм, разрывая международные экономические связи, гитлеровцы создавали «самодовлеющее» немецкое хозяйство. Экономика стран сателлитов подчинялась германскому военному хозяйству. Был введен принудительный труд. Стачки или даже обычные требования рабочих об улучшении условий труда объявлялись политическими и уголовными преступлениями.

Гитлеровское правительство совместно с финансовой олигархией проводило организованное ограбление немецкого трудящегося населения. Это делалось принудительными методами, конфискацией, вкладов, регламентацией производства и цен. Насильственно снижался жизненный уровень трудящихся не только с целью все большего обогащения буржуазии и усиленной подготовки к войне, но и с целью «оправдания» фашистской демагогической теории «жизненного пространства». Смысл программного лозунга Геринга «пушки вместо масла» хорошо известен.

Кроме ресурсов Германии и стран фашистского блока, в планах подготовки и ведения войны учитывались ресурсы тех стран, к захвату которых готовились фашисты. Они учитывали рабочую силу этих стран и намечали вывоз рабов в Германию. Особое место занимали в этих расчетах сырье, продовольствие, рабочая сила, которые немецкие империалисты рассчитывали получить с захватом областей Советского Союза.

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, стр. 171.

Параллельно с планом военной агрессии («планом Барбаросса») существовал и экономический план ограбления оккупированных районов Советского Союза, для чего уже заблаговременно был создан соответствующий аппарат. По этому плану предполагалось, а затем при оккупации части территории Советского Союза осуществлялось сплошное изъятие не только промышленного сырья, но и продовольствия, что обрекало мирное население на голодную смерть. Но это как раз и составляло один из фашистских методов истребления поработенных народов.

«Война может продолжаться, — говорилось в меморандуме ОКВ от 2 мая 1941 г., — если вооруженные силы будут снабжаться продовольствием за счет России... Нет никакого сомнения, что в результате этого много миллионов людей умрут голодной смертью...»

Кейтель издал многочисленные инструкции о содействии армии органам грабителя Геринга и работорговца Заукеля. Таковы были взгляды Кейтеля, ведущего военного идеолога гитлеровской Германии.

Немецко-фашистская военная идеология в лице ее последних носителей, ревностно развивавших традиции тевтонского милитаризма, сделала политическое коварство, разбой, грабеж, убийства безоружных людей (военнопленных, стариков, женщин, детей) принципами немецкого «военного искусства». Этим были попораны веками вырабатывавшееся правосознание в области ведения войны, обычаи и международные законы и вместе с тем прямые договорные обязательства Германии, на которых стояла подпись ее представителей.

Международные конвенции провозглашают, что «раненые должны пользоваться, без различия национальности, покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти коего они окажутся», «грабеж безусловно воспрещается», «честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность должны быть уважаемы», с военнопленными «надлежит обращаться человеколюбиво». Международные конвенции воспрещают применение химических и бактериологических средств.

Германия, Япония и Италия также подписали все эти международные конвенции. Однако во время второй мировой войны эти государства попрали все свои международные обязательства, особенно в отношении Советского Союза.

Методы фашистского «военного искусства» — безудержный грабеж мирного населения оккупированных стран, систематическое его истребление, массовое уничтожение военнопленных, зверское изтязание женщин, детей, больных и престарелых — заклеямены международным трибуналом как бандитизм. Такова их политическая и юридическая оценка.

Кейтель, Йодль и другие палачи народов по приговору трибунала повешены. Такая же участь постигнет и всех тех, кто идет по стопам гитлеровских изуверов. Об этом не следует забывать сторонникам фашистских методов борьбы из числа американо-английских поджигателей войны.

Какова же чисто военная оценка этих взглядов, этой концепции реакционной военщины, которая заключается в том, что «...тот, кто насилует пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает»? (Клаузевиц.)

Всемирно-исторический опыт войн учит, что военная идеология империалистической Германии и в этой ее области порочна.

Конечно, методы разбоя, террора могут подавлять и приводить к порабощению агрессорами слабых народов, не имеющих достаточно прочного единства в своих рядах. Однако агрессоры будут всегда обречены на провал и их методы разбоя в ведении войны лишь умножат силы их противников, если они посягнут на свободу и независимость свободолюбивого сплоченного народа.

Теория «тотальной войны» немецких фашистов оказалась несостоятельной, таким же несостоятельным является «тотально-атомный» вариант этой теории, разработанный последователями гитлеризма в США и других странах.

Империалистическая Германия, армия которой применяла бандитские методы борьбы, проиграла вторую мировую войну; Советский Союз, советские Вооруженные Силы нанесли ей такое поражение, какого еще не знала история.

Товарищ Сталин еще в начале Великой Отечественной войны гениально предвидел и научно доказал неминуемую гибель гитлеровской армии.

«Уже одно то, — говорил товарищ Сталин, — что в своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей, — уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель»¹.

Ввергая человечество в кровопролитнейшую мировую войну, финансовая олигархия Германии добивалась осуществления реакционной политической программы.

«Программу действия итало-германской коалиции, — говорил товарищ Сталин 6 ноября 1942 г., — можно охарактеризовать следующими пунктами: расовая ненависть; господство «избранных» наций; покорение других наций и захват их территорий; экономическое порабощение покорённых наций и расхищение их национального достояния; уничтожение демократических свобод; повсеместное установление гитлеровского режима»².

Немецко-фашистский империализм и его союзники собирали вокруг себя реакционеров всех стран для борьбы против страны социализма — СССР, против революционного социалистического движения. Силы крайней реакции бросили вызов прогрессивным силам человечества.

Это была крупнейшая в истории военно-политическая авантюра.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 30.

² Там же, стр. 70.

Стремясь укрепить строй капиталистической эксплуатации, фашисты выступили и против буржуазной демократии, которая в условиях общего кризиса капитализма, в условиях нарастающей революционной ситуации перестала уже удовлетворять империалистическую буржуазию как форма ее политического господства.

Вместе с тем германский империализм в этой войне стремился разрешить и свои противоречия с другими империалистическими странами: Францией, Англией, США, нанеся им военное поражение, завладев их колониями и богатствами, подчинив их себе.

Имея империалистическую программу завоевания мирового господства, мечтая осуществить ее одновременно с уничтожением советского социалистического государства, немецко-фашистский империализм пытался восполнить недостаток своих сил за счет применения методов кровавой «тотальной войны».

Наибольшую ненависть у немецких фашистов вызывал великий русский народ — самый выдающийся народ в братской семье народов Советского Союза, народ, который внес огромный вклад в сокровищницу мировой культуры, народ, который выступил руководящей силой социалистической революции и построения коммунистического общества.

Гитлеровцы объявили, что они добиваются прежде всего истребления великой русской нации и миллионов людей других народов СССР.

Это означало, что их авантюризм достиг предела, за которым должен был последовать неизбежный крах.

6 ноября 1941 г. весь мир слушал гневные слова товарища Сталина о гитлеровцах и их разбойничьей программе:

«И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!...»¹

Гитлеровские захватчики получили такую войну, в которой народы Советского Союза, воины Советской Армии и народные мстители — советские партизаны, — руководимые партией Ленина — Сталина, великим Сталиным, проникнутые священным гневом и ненавистью к поработителям, уничтожили миллионы захватчиков и разбили в прах военную машину гитлеровской Германии, завершив эту невиданную в истории борьбу водружением красного знамени — знамени Победы — над зданием рейхстага в Берлине.

Созданная в годы Советской власти социалистическая экономика доказала свои преимущества; промышленность и сельское хозяйство СССР обеспечили Вооруженные Силы всем необходимым для войны (вооружением, снаряжением, продовольствием и т. д.). Экономическая победа Советского Союза также была проявлением могущественной силы патриотизма советских людей.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 30.

«Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжёлой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своём единорестве с гитлеровской Германией и её сообщниками одержали экономическую победу над врагом»¹.

За годы сталинских пятилеток Советская страна совершила гигантский скачок вперед. «Это был скачок, — говорил товарищ Сталин, — при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную»².

В своем выступлении 9 февраля 1946 г. на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы товарищ Сталин привел яркие цифры, характеризующие это историческое превращение.

По сравнению с производством царской России в 1913 г. в Советском Союзе в 1940 г. было произведено: чугуна почти в 4 раза больше; стали в 4,5 раза больше; угля в 5,5 раза больше; нефти в 3,5 раза больше; товарного зерна, почти в 2 раза больше; хлопко-сырца в 3,5 раза больше и т. д.

Эти материальные возможности Советского государства были с наибольшим успехом использованы коммунистической партией для организации победы над гитлеровской Германией и ее армией.

Располагая мощной экономической базой, советская промышленность во время Великой Отечественной войны достигла огромных успехов, что видно из данных помещаемой ниже таблицы.

ЕЖЕГОДНЫЙ ВЫПУСК ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСОВ³

Виды вооружения и боеприпасов	В России за 3 последних года первой мировой войны	В СССР за 3 последних года второй мировой войны	Во сколько раз выросло производство вооружения
Танки, самолеты, бронемашины	почти не было	свыше 30 000	—
Самолеты	"	до 40 000	—
Орудия	3,9 тыс.	до 120 000	в 30 раз
Пулеметы	8,9 тыс.	до 450 000	в 50 раз
Винтовки и автоматы	1 млн. 50 тыс. (винтовки)	5 000 000	в 5 раз
Минометы	6,2 тыс.	до 100 000 (в период 1942—1944 гг.)	в 16 раз
Снаряды, бомбы, мины	16,3 млн.	240 млн. (в 1944 г.)	в 15 раз

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 159.

² И. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Воениздат, 1950 г., стр. 15.

³ Л. Готьецев, Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, Госполитиздат, 1946 г., стр. 92.

В течение всей Великой Отечественной войны вооружение Советской Армии превосходило по качеству вооружение немецко-фашистской армии. Благодаря героическим усилиям тружеников советского тыла Советская Армия превзошла гитлеровскую армию и по количеству вооружения.

Советская экономика обеспечивала не только нужды фронта, но и потребности всего населения страны. Развитие же экономики капиталистических стран в годы войны, как правило, шло по линии еще большего обогащения буржуазии, еще большего обнищания трудящихся. Частные интересы капиталистов сталкивались и часто брали верх над военно-экономическими расчетами.

Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне ярко отразила преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической.

«Уроки войны говорят о том, — указывал товарищ Сталин, — что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъёма страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время»¹.

* * *

Немецкая стратегия во второй мировой войне отразила политику германских империалистов. Авантюризм гитлеровской стратегии определялся политическим авантюризмом германских монополистов.

Реакционность политических целей гитлеровской Германии являлась ее наибольшей слабостью.

Касаясь смехотворных сравнений Гитлера с Наполеоном, товарищ Сталин говорил: «...во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котёнок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами»².

Поставив перед собой столь авантюристические политические цели, гитлеровская Германия лишила реального основания свою военную стратегию.

Всемирно-исторического масштаба и значения опыт второй мировой войны, а главное — борьба на советско-германском фронте, с которой события на других фронтах ни в какое сравнение итти не могут, показали несостоятельность немецко-фашистской стратегии.

Игра на противоречиях между классами и государствами, коварно проводимая гитлеровцами, исчерпала свои возможности, не дав решающих результатов. Внезапность агрессии, достигаемая методами вероломства, оказалась лишь временным военным преимуществом, но повлекла за собой крупнейшие политические минусы,

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 120.

² Там же, стр. 31—32.

ставшие одной из причин военных поражений немецкой армии. Использование бандитских методов «тотальной» войны не внесло ожидаемой фашистами деморализации в лагерь их противников, а наоборот, ускорило рост политического сознания народов, сплочение антигитлеровского лагеря, в значительной степени парализовало реакционеров, друзей гитлеризма в буржуазных странах, облегчило политическую изоляцию Германии. Разбойничья «тотальная война», которая с особым упорством проводилась фашистами против Советского Союза, вызвала еще невиданное сплочение народов СССР и священную ненависть всех советских людей к поработителям. Все это предредило военное поражение Германии. Таков общий итог.

Неопровержимым историческим фактом является то, что немецкие планы «молниеносных войн» перестали удаваться лишь с того момента, когда противником Германии выступил Советский Союз, подвергшийся вероломному нападению. Германская армия была впервые остановлена именно Советской Армией, а затем разбита и добита советскими войсками. Немецкая дефективная стратегия имела успех в войне Германии против стран Западной Европы, реакционные правители которых предали свои народы. Но в войне против Советского Союза порочность, несостоятельность немецкой стратегии начала сказываться с первых же дней.

Советский Союз и Советская Армия смогли положить предел «молниеносным победам» Германии и в труднейших условиях почти четырехлетнего единоборства довести дело до победы над ней потому, что советский общественный строй, советский государственный строй, советские Вооруженные Силы создали качественно новые, небывалые возможности для ведения войны и достижения победы.

Перед лицом невиданной мощи Советского государства и его Вооруженных Сил, неисчерпаемых возможностей социалистической экономики, морально-политического единства советского общества, дружбы и братского сотрудничества всех народов Советского Союза, патриотизма советских людей стратегия германских империалистов оказалась бессильной и ее дефективность, авантюристичность вскрылись во всей своей неприглядности.

Немецко-фашистская стратегическая концепция нашла свое отражение в планах войны, составлявшихся генеральным штабом. Она отстаивалась и пропагандировалась многочисленными фашистскими военными литераторами, продолжавшими традиции захватничества и авантюризма прусско-германской военной касты.

Разработка стратегической концепции была одним из важных элементов в подготовке фашистской Германии к ведению агрессивных войн за мировое господство.

С приходом фашизма к власти милитаристская литература издается в невиданных до этого масштабах под руководством одного направляющего центра — генерального штаба.

Для подкрепления своего политико-стратегического авантюризма фашистские военные «теоретики» широко привлекали «авторитеты» из числа «предков». Поскольку не все у немецких военных идеологов прошлого оказывалось полностью пригодным с точки зрения еще небывалых авантюристических планов немецко-фашистского генерального штаба, произведениям «предков» предпосылались соответствующие предисловия и, более того, их сочинения в случае необходимости «усовершенствовались». Неудивительно, что книги «предков» выходили снабженные такими, например, примечаниями: «С сокращением устарелых мест...» Особенно широко переиздавались сочинения Фридриха II, Клаузевица (в 1937 г. были изданы предвзято подобранные извлечения из Клаузевица по вопросам стратегии), Мольтке, Шлиффена, Людендорфа и др.

Выше уже говорилось о том, что немецкий генеральный штаб накануне первой мировой войны извлек из «теоретических работ» Мольтке наиболее реакционные фальсификаторские фрагменты и издал их в виде «Поучений». С приходом же гитлеровцев к власти подобная литературная стряпня стала еще более реакционной.

В целях «обоснования» авантюристических стратегических планов предпринимались еще небывалые даже в Германии фальсификаторские кампании. Многочисленные военные и гражданские фашистские «историки» в толстых книгах, брошюрах, статьях нагло фальсифицировали историю военного искусства.

Так, в 1940 г. была издана книга «Полководческое искусство» под редакцией старого немецкого военного «историка» генерал-лейтенанта Кохенгаузена. Написав этот сборник «биографий» полководцев прошлого, авторы (офицеры) и редактор позаботились о соответствующем подборе имен. Тщетно искать там имена русских полководцев. Также не найти там полководцев революционных армий. Зато в «великие полководцы» попадают не только Фридрих II и Мольтке, но на этот раз... Клаузевиц и Шлиффен.

Характерно, что дофашистские немецкие буржуазные историки не решались зачислить в полководцы, да еще и в «великие» Клаузевица и Шлиффена. Ведь простой факт, что они никогда и ничем не командовали, общеизвестен.

Авторы книги изо всех сил стремились подкрепить фашистский принцип «фюрерства», который уже давно подготавливался разработкой вопроса о полководце-«гении», чтобы подхалимски (перед нацистами и, главное, перед финансовыми магнатами) изобразить «величайшим полководцем»... ничтожного Гитлера. Для этой цели «биографии» полководцев прошлого безудержно фальсифицировались.

Так, клеветали на историю Кохенгаузен и К^о для подкрепления авантюристической политики и стратегии немецких империалистов. Фашистской фальсификации подвергалась история всех эпох, но особые усилия прилагались в деле фальсификации истории первой мировой войны, события которой (в действительности вскрывающие дефективность немецкой стратегии) преподносились в таком свете, чтобы они могли служить оправданием политической и военной стратегии немецких империалистов.

В этой связи показательна возня фашистских военных «историков» с историей кампании 1914 г., не случайно затеянная ими в 1933 г.

Ничего, абсолютно ничего нового по сравнению, например, с Кулем и Гренером они не придумали. Поражение в первой мировой войне было демагогически объявлено... «великой победой духа». Фашистские «историки» полностью одобряли авантюризм Шлиффена, но сами шли дальше последнего. Оно и понятно. Немецкие империалисты затевали вторую мировую войну в условиях, еще менее благоприятных для них по сравнению с первой мировой войной.

Поскольку принципы плана Шлиффена стояли в центре внимания немецко-фашистских военных «теоретиков», следует рассмотреть, как они подходили к этому плану и какие выводы делали для будущего.

В 1933 г. Юстров выпустил книгу «Военное искусство и техника»¹, содержащую специфическую «критику» плана Шлиффена. Юстров считал, что план Шлиффена не был «достаточно решителен», т. е. достаточно авантюристичен; что якобы Шлиффен не проводил в должной мере положение немецкой военной теории о том, что тактика подчиняет себе стратегию, и поэтому планировал слишком длительную (шестинедельную — всего лишь, как известно) борьбу. Шлиффен, укоряет Юстров, впал в «стратегическое мудрствование».

Юстров предложил свой план выигрыша войны в несколько дней. Этот план, превосходящий по своей авантюристичности даже шлиффеновский план, заключался в том, чтобы прямым ударом захватить Верден, а затем Париж. Залог успеха он видел во внезапности, в вероломстве. Для этого Юстров предлагал отказаться не только от объявления войны, но и от проведения какой бы то ни было мобилизации, которая может только насторожить противника и которая поэтому должна проводиться уже после того, когда начато нападение. Вторжение во вражескую страну, по Юстрову, начинают те несколько корпусов, которые были сосредоточены до этого у границы, а затем к ним присоединяются остальные войска. Итак, Юстров «планировал» начинать наступление и, конечно, «выиграть войну» армией всего в 3—4 корпуса, к которым затем присоединяются еще 3—4 армии. Ну, а если подобную молниеносную стратегию постигнет неудача? Возможно, отвечает Юстров, но ведь возможен и успех. И эта лихорадочная азартная игра называлась на языке гитлеровцев «новым» военным искусством.

Важно отметить, что Юстров, выражавший крайне авантюристические взгляды, был близок к немецкому генеральному штабу, он являлся редактором журнала «Военно-технический еженедельник». В 1933 г. в своем редакторском примечании к статье Везе-

¹ K. Iustrov, *Feldherr und Kriegstechnik. Studien über Operationsplan des graffen Schliffen und Lehren für unserer Wehraufbau und unsere Landesverteidigung*, 1933.

мана «Техника и народное хозяйство в обороне страны», помещенной в июньском номере этого журнала, он рекомендовал при осуществлении агрессии опираться только на запасы мирного времени: «...достигнуть военного решения по возможности без длительной фабрикации».

«Оппонентом» Юстрова выступал генерал от инфантерии Ветцель.

Ветцель — начальник оперативного отдела германской ставки в годы первой мировой войны — также предоставил себя целиком в распоряжение фашистского правительства и немецко-фашистского генерального штаба.

Полемика Ветцеля против Юстрова свелась к замечаниям, что недопустимо, мол, подрывать авторитет Шлиффена, что традиции этого «предка» немецких милитаристов весьма ценны для фашистской Германии.

По существу же вопроса Ветцель был вполне солидарен с Юстровым. В соответствии с уже установившимся у немецких писателей-милитаристов обычаем Ветцель, одобряя план Шлиффена и критикуя его исполнителей по вопросам стратегии, шел в авантюризме еще дальше Шлиффена.

Ветцель заявлял, что судьбы войн «решают частные победы в пограничных сражениях», а руководство Мольтке-младшего не учитывало этого, поэтому и произошел кризис на Марне и губительная длительная война... То есть, как и Юстров, Ветцель считал возможным одержать победу в течение нескольких дней «в частных боях» у границ.

Но и подобное восприятие авантюристических идей Шлиффена и усугубление их оказались недостаточными.

Принявший участие в полемике полковник Линдемман «критиковал» исполнителей плана Шлиффена за то, что они, по его мнению, «слишком много» войск оставили в Восточной Пруссии. В Восточной Пруссии, как известно, было в самом начале войны (1914 г.) оставлено девять немецких дивизий. Линдемман считал, что следовало оставлять там только шесть дивизий и тогда три дивизии, переброшенные на запад, обеспечили бы... победу.

Не будем заниматься анализом возможностей трех дивизий в том случае, когда речь идет о столкновении миллионных армий. Но следует напомнить исторические факты. В первые же месяцы войны германскому командованию пришлось перебросить с франко-германского на русско-германский фронт двадцать четыре дивизии, иначе фронт немцев под напором русских войск мог полностью развалиться.

«Критики» Шлиффена также были сторонниками «чисто военного» плана. Им, как и Шлиффену, был чужд учет новых условий войны, характерных для машинного периода.

В журнале «Милитервиссеншафтliche Рундschau» № 7 за 1938 г. генерал от инфантерии в отставке Читвиц, пространно и педантично цитируя в своей статье Клаузевица, Мольтке, Шлиффена, Секта и Куля, еще более усугублял их авантюристические идеи о том, что

следует только наступать, что в основе всех побед лежит внезапность, что задача стратегии состоит в подготовке «генерального сражения», посредством которого и достигается «блицпобеда» в самом начале войны.

Генерал от артиллерии Людвиг в журнале «Милитер-Вохенблат» (в августе 1940 г.) подчеркивал «ценность» высказываний Клаузевица о военной теории и этим стремился доказать, что в стратегии нет необходимости исходить из объективных условий. Расхваливая авантюризм Гитлера, этот старый кайзеровский генерал буквально не находил слов, чтобы выразить свое подхалимское усердие «фюреру». Людвиг хвалил немецко-фашистское командование: оно, мол, действует в «духе Мольтке и Шлиффена»¹.

Немецкие генералы были готовы сослужить любую службу монополистам. Поскольку основой стратегии провозглашалась «молниеносная» война, то вопросами теории обороны почти не занимались (что весьма характерно для немецкой военной мысли и в прошлом). Более того, оборону, как и всегда, всячески третиروвали.

Но в 1940 г., когда фашистская Германия уже развязала войну и готовилась к разбойничьему нападению на СССР, для успокоения немецких обывателей и устрашения англичан и американцев понадобилось «обоснование» того, что можно надеяться на «западный вал», который-де обеспечит полную свободу рук на востоке. И немецкие генералы, действуя по лакейскому принципу «чего изволите», на все лады расписывали этот «западный вал», бывший, как известно, блефом и служивший затем американо-английским реакционерам поводом для того, чтобы не открывать второго фронта в Европе.

Тот же Людвиг, много раз «доказывавший», что линия Мажино не является серьезным препятствием для проведения блицкрига, теперь услужливо писал, что во время вторжения в Польшу «западный вал» якобы «гарантировал неуязвимость западной германской границы от любого нападения». Но Людвиг, просто говоря, лгал. Он хорошо знал, что Польша была предательски выдана Германии польскими реакционерами и мюнхенцами и что никто не угрожал германской западной границе. Наоборот, стремясь толкнуть Германию на войну против СССР, реакционные империалистические круги в США, Англии и Франции втайне приветствовали захват немецко-фашистской армией Польши, с тем чтобы направить гитлеровскую агрессию против СССР.

Что касается «гарантий» от «любого нападения» путем устройства «валов» всякого рода, то опыт борьбы на советско-германском фронте показал беспочвенность и вздорность этих идей.

Порочные, авантюристические идеи немецкой военной теории, воплощенные в немецкой стратегии в первой мировой войне, сохранялись и усугублялись фашистскими военными идеологами в период подготовки ими второй мировой войны и в ходе этой войны.

¹ Ludwig, Festungssysteme unserer Zeit, „Wehrtechnische Monatshefte“, XII, 1940.

«Новое», что вносилось ими в «теории» своих предшественников, заключалось в еще большем авантюризме немецкой стратегии.

Внезапность агрессии рассматривалась фашистскими «стратегами» как решающий для успеха момент. Кейтель, конечно, публично не выступал по вопросам военной теории. Но в целях приобщения к этим идеям значительных кругов, а также в целях пропаганды «чудодейственного» «рецепта победы» поджигатели войны были жизненно заинтересованы в широком распространении своих взглядов. Именно такое назначение имела серия статей генерала Эрфурта, печатавшихся в журнале «Милитер-Вохенблат» в 1938 г., а затем объединенных и изданных в виде книги в 1939 г. под названием «Победа с полным уничтожением противника».

Гитлеровская военщина (во главе с Кейтелем) в брошюре Эрфурта, изданной по заданию генерального штаба, заявила о своей верности догмату «единого генерального сражения». Такой взгляд на достижение победы в условиях высшего этапа машинного периода войны свидетельствовал об углублении кризиса военной мысли империалистической Германии.

Эрфурт — обер-квартирмейстер военно-исторического отдела генерального штаба, близко стоявший к Кейтелю, — выразил официальные идеи немецкой стратегии в период развязывания Второй мировой войны.

Не только Эрфурт подвизался в роли «популяризатора» разбойничьих идей Кейтеля. Авантюристические стратегические планы, оперативно-тактические шаблоны, разрабатывавшиеся в германском генеральном штабе под общим руководством Кейтеля, нашли свое отражение в печатных выступлениях Эймансбергера, Гудериана, Ветцеля и других фашистских генералов.

Эрфурт, как и его предшественники, задавался целью разработать такой метод применения вооруженных сил, который обеспечивал бы Германии «верную» и «скорую» победу — победу «одним духом», в одном «генеральном сражении».

Определяя «главную идею» своей брошюры, он писал, что «...речь идет не просто о победе на поле сражения, но о достижении наивысшей цели полководца — полном уничтожении сил противника в генеральном сражении»¹.

Выдвинув на первое место излюбленный немецкими милитаристами догмат — одноактную победу, которая «достигается» путем разгрома противника в одном «генеральном сражении», Эрфурт уделил главное внимание отбору «доказательств» в пользу этой концепции из доктрин Фридриха, Клаузевица, Мольтке и Шлиффена и вместе с тем из фальсифицируемого им «опыта» военной истории.

Фашистский генерал устанавливал родство принципов стратегии германского генерального штаба в годы второй мировой войны и реакционных идей германских милитаристов прошлого. Доктрина Шлиффена, по мнению Эрфурта, имела «практическую ценность».

¹ Эрфурт, Победа с полным уничтожением противника, Воениздат, 1941 г., стр. 5.

«...Учение Шлиффена еще не заменено новой теорией и является не рассуждением о событиях истории, а вкладом в решение особенно важной проблемы руководства военными операциями нашего времени»¹, — писал Эрфурт.

Рассматривая воззрения своих предшественников, Эрфурт заимствовал у них наиболее авантюристические и доктринерские положения. У Клаузевица он взял авантюристическую и догматическую идею «молниеносной победы» в одном «генеральном сражении», у Мольтке — догматический принцип подведения всех войск к полю «генерального сражения» («врозь итти, вместе драться»), у Шлиффена — пресловутые «Канны» и т. д. Восхищаясь «Каннами» Шлиффена, Эрфурт писал, что «... сражение с охватом противника во все времена являлось философским камнем...»² военного искусства.

Эрфурт не только заимствовал идеи своих предшественников, но даже пытался «критиковать» их. «Критика» фашистского генерала характерна тем, что она отражала крайний авантюризм, царивший в немецко-фашистском генеральном штабе.

Так, Эрфурт «поправлял» Шлиффена (как-то обронившего замечание, что на главном театре военных действий необходимо иметь превосходство в силах) и делал «смелый» вывод, что для победы нет необходимости в превосходстве сил даже на поле «генерального сражения».

Таковы скудные теоретические «изыскания» Эрфурта, аргументировавшего свои выводы примерами «Канн» у Лейтена (1757 г.), у Седана (1870 г.). Но, как уже говорилось, и в этих редких случаях немецкие войска достигали победы только благодаря исключительно благоприятным для них обстоятельствам. Кроме того, это были частные победы, не решавшие вопроса о победе в войне. Но немецкая шовинистическая историография издавна прибегала к фальсификации этих исторических фактов. Фашистский генерал Эрфурт также привлек их в качестве «обоснования» планов «молниеносной» войны.

Эрфурт оперировал и современными ему историческими примерами. Окончательно утратив чувство меры, он усматривал подтверждение провозглашенного принципа немецких «Канн» даже в победах войск фашистской Италии над полубезоружными абиссинцами. «...Итальянские победы полностью подтвердили основные законы руководства военными операциями, установленные учением о войне Шлиффена»³, — заключил Эрфурт.

Справедливо будет задать вопрос: «победа» фашистского воинства Муссолини над Абиссинией — ведь это была победа крупного фашистского агрессора над слабым государством, а «принцип Канн», как поучал сам Эрфурт, «означает победу *слабого над силь-*

¹ Эрфурт, Победа с полным уничтожением противника, Воениздат, 1941 г., стр. 69.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 63—64.

нейшим...» (подчеркнуто мною. — Л. Л.). Где же тут подтверждение сего «принципа»?

Выше уже говорилось о несостоятельности концепции выигрыша войны путем «решительной победы» слабейшего над сильнейшим в одном «генеральном сражении». Эрфурт лишь обострил ее авантюристический характер.

Стремясь «доказать» населению Германии и солдатам, что генеральный штаб располагает надежными средствами, с помощью которых он создал «непобедимую» армию, Эрфурт избегал высказываний политического порядка, пытался сохранить позу «историка», «военспеца», рассуждающего на темы «чистого» военного искусства.

Однако свое политическое лицо реакционера и авантюриста Эрфурт не в состоянии был скрыть. В ряде случаев Эрфурт высказывался вполне откровенно. Оправдывая фашистскую практику вероломства, он писал: «...Фридрих хорошо знал, что неожиданное нападение на врага влечет за собой успех». Призывая к безудержному авантюризму в стратегии, Эрфурт указывал, что в стратегии Шлиффена «нельзя найти осторожности...» и т. д.

В период между первой и второй мировыми войнами развитие вооружения выразилось во внедрении в армии огромного количества боевых механизмов и всех видов боевой техники. Современная война стала войной моторов.

Многочисленная и сложная техника потребовала решительного прогресса всего военного искусства. Мощное и сложное оружие наилучшим образом могло быть использовано при условии умелого и инициативного его применения в соответствии с конкретной обстановкой.

Однако буржуазная военная мысль искала в новой технике лишь новые «рецепты победы», она не могла правильно поставить и решить вопрос о значении и месте человека и техники на войне. Идеологи реакционной буржуазии и помещиков в каждой новой боевой машине хотели видеть средство укрепления своего шаткого классового господства. Империалистам казалось, что современные мощные механизмы, используемые в армиях, ставят ненадежного для них человека в подчиненное положение. Вместе с тем в новой технике они искали и усматривали средство осуществления «молниеносной» войны. Как и ранее, в данном случае, вопреки элементарной логике и историческим урокам, предполагалось, что только агрессор будет иметь превосходство в технике. Немецко-фашистским агрессорам пришлось жестоко поплатиться за свою надменность, за переоценку своих сил и возможностей. Советские Вооруженные Силы превзошли гитлеровскую армию во всех отношениях и повергли ее в прах вместе с гитлеровским государством. Этот назидательный урок ничему не научил современных американско-английских агрессоров, уверовавших в то, что они являются монополистами атомного оружия, секрета которого давно не существует. Этот блеф окончательно разоблачен Советским правительством в 1949 г., и потуги поджигателей войны продолжать атомную дипломатию ни к чему хорошему их не приведут.

Итак, немецко-фашистские военные теоретики, как и буржуазные военные теоретики других стран, оказались полностью неспособными разрешить важнейший вопрос о взаимоотношении человека и техники в военном деле.

Только советская, сталинская военная теория дала правильное, подлинно научное решение этого вопроса. 4 мая 1935 г. в речи на выпуске академиков Красной Армии товарищ Сталин говорил: «Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса»¹.

Буржуазная военная мысль оказалась неспособной правильно определить пути развития военного дела в условиях машинного периода войны. Исходя из ложной идеи о замене человека техникой, цепляясь за отжившие положения военного искусства, она также не смогла разрешить его насущные вопросы — об использовании новых родов войск — авиации и танков.

Причем среди буржуазных военных специалистов не было единого взгляда на эти вопросы. Если одни из них впадали в танкоманию, то другие придавали исключительное значение авиации, а третьи все свои надежды возлагали на морской флот. Эти одинаково порочные, но в то же время противоречивые «теории» танкового блицкрига, блицкрига с помощью авиации, морского блицкрига явились результатом противоречий между различными монополистическими группировками.

Все эти вопросы правильно решены лишь советской военной наукой, ее творцом, величайшим полководцем И. В. Сталиным.

«Товарищ Сталин, — писал тов. А. М. Василевский, — первый вскрыл с гениальным предвидением действительный характер современной войны, как войны машинного периода, войны моторов. Продолжая развивать теорию советского военного искусства, товарищ Сталин четко определил основные черты стратегии справедливой войны советского народа против империалистических агрессоров. Он теоретически разработал и разрешил такие кардинальные вопросы военного искусства, как использование и взаимодействие в современной войне всех родов войск, по-новому технически оснащенных, и их правильное, гармоничное развитие в интересах наиболее полной реализации всех возможностей, предоставляемых военной техникой. Ценным вкладом в советскую военную науку явилась также теоретическая разработка товарищем Сталиным вопросов использования в современной войне новых родов войск — авиации и танков»².

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 490.

² Маршал Советского Союза А. Василевский, Товарищ Сталин — строитель Вооруженных Сил Советского государства. См. газету «Красная звезда» от 21 декабря 1949 г.

Для оценки решения немецко-фашистской военной мыслью вопроса о соотношении человека и техники в военном деле может служить книга Эймансбергера «Танковая война», вышедшая в Мюнхене в 1934 г.

Фашист Эймансбергер, рабски следуя реакционным идеям прошлого, придерживался той же метафизической теории «вечных» принципов военного искусства («принципов неизбежности сражения, которые остаются постоянными во все времена») и прочих порочных положений этой идеологии, не был склонен к всестороннему исследованию опыта первой мировой войны во всем его многообразии. Наоборот, Эймансбергер отбрасывал весь этот опыт, умалял его значение, чтобы произвольно извлечь из него одно из явлений, раздуть его, односторонне преувеличить и таким порочным методом создать новый «рецепт победы».

Такой новой «спасительной» панацеей оказались танки, танковые войска.

Первая мировая война показала огромное значение артиллерии во всех видах боя, однако Эймансбергер отрицал сколько-нибудь существенную роль ее в бою. В его книге уделено некоторое внимание лишь противотанковой артиллерии.

С кавалерией Эймансбергер поступил еще проще. Он просто вынес ей смертный приговор: «Конница умерла, — объявил он, — ей нет места рядом с танком»¹.

В отношении роли пехоты сей «творец» «нового» военного искусства пытался подвести читателя к выводу что в «век танка» пехота — маломощный род войск, и высказывал сомнение: «Должна ли она следовать за танками?»². Задачи пехоты Эймансбергер сводил к «пленению» уцелевших после наступления танков войск противника. Авиации он также предназначал вспомогательную, подсобную по отношению к танковым войскам роль.

Но что касается танковых войск, то Эймансбергер сочинил для них торжественный гимн. Он щедро наделил танковые войска способностью самостоятельно или почти самостоятельно решать любые задачи.

Столь бесцеремонная фальсификация опыта первой мировой войны понадобилась Эймансбергеру для того, чтобы «доказать», что «танковая война» — самая дешевая война, а применение больших масс танков уже само по себе «...в огромной степени увеличит разницу в равновесии сил обеих сторон»³.

Первое положение Эймансбергера о том, что произвести десяток тысяч танков дешевле, чем десятки миллионов снарядов (выдвигавшееся уже Фуллером), является досужим домыслом, ибо подлинная история первой, а теперь и второй мировой войны показала, что объективной необходимостью является сочетание всех родов войск.

¹ Эймансбергер, Танковая война, Воениздат, 1935 г., стр. 107.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 206.

Поэтому вывод Эймансбергера, что «невозможно одновременно производить с напряжением всех сил огнеприпасы и танки в неограниченных количествах...»¹ построен на ложной основе и представляет собой подмену серьезного анализа софистическим приемом.

Второе «теоретическое» положение Эймансбергера о том, что только агрессоры будут иметь массы танков, но их не будут иметь жертвы агрессии, противоречит элементарной логике и урокам истории. Действительно, если фашистская Германия задалась целью поработить передовые страны, имеющие мощную индустрию, танковую промышленность, способную производить большее количество танков, чем их производили страны фашистского блока, то какое же основание существовало, чтобы делать такие нелепые предположения? Никакого. Запугивая боязливых и обманывая легковверных, фашистские агрессоры пытались создать видимость «непобедимости» своего оружия.

Главное внимание они обращали на внедрение идеи, что танк— средство «молниеносной войны». Танкомания была органически связана с авантюристическими военно-политическими устремлениями Германии. Тот же Эймансбергер в 1939 г. писал, что танк— «единственная надежда» на быстрое и решающее развитие боевых действий, «которое избавит нас от войны на истощение». Лишь реакционные, захватнические устремления империалистов могут породить такие порочные взгляды на современную войну.

Еще более ярким сторонником танкомании был Гудериан (тот самый Гудериан, который на собственной шкуре испытал силу ударов советских войск по немецким танковым клиньям и которого после второй мировой войны пригрели американо-английские поджигатели войны, добивающиеся возрождения немецко-фашистской военной машины).

В своей брошюре «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск», переписывая целые страницы из Дуэ, Фуллера, де Голля, Гудериан приходил к выводам, что немецкая армия должна быть многочисленной, однако ее активную часть, ее ядро должны составить танковые войска.

Пехота, по Гудериану, занимается только закреплением «...завоеванного танками участка местности»². Вслед за Эймансбергером Гудериан считал артиллерию утратившей свое бывшее значение как самостоятельный род войск и требовал резко сократить ее. Уменьшение количества артиллерии, по его мнению, могут восполнить минометы, перевозимые на автомобилях. Гудериан писал: «Все рассуждения о взаимодействии бронесил с другими родами оружия только тогда имеют цену, когда взаимная боевая помощь оказывается в условиях, соответствующих особым боевым свойствам этого нового рода оружия»³. Он с удовлетворением цитировал то место

¹ Эймансбергер, Танковая война, Воениздат, 1935 г., стр. 204.

² Гудериан, Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск, Воениздат, 1940 г., стр. 38.

³ Там же, стр. 49.

устава, где подчеркивалось, что «бой... (всех родов войск. — Л. Л.) должен в зоне действия танков равняться по последним»¹.

Подобную организацию армии и «взаимодействие» родов войск, точнее — приспособление действий всех родов войск к действиям танковых соединений Гудериан пытался «обосновать» излюбленной немецкими милитаристами «теорией» «вечных» принципов военного искусства.

Гудериан «доказывал», что подвижность войск во все времена была решающим фактором победы, что главную силу армии всегда составляла конница... слоны, что увеличение количества конницы всегда знаменовало прогресс военного дела и, наоборот, периоды, когда возрастало значение пехоты, «...были временами упадка военного искусства»². Достаточно лишь слегка осветить эту фальсификацию светом исторической истины, чтобы от нее не осталось и следа.

Например, прогрессивный исторический переворот в военном деле — переход от средневекового к буржуазному военному искусству в области военной организации — состоял в замене конных феодальных отрядов и ополчений преимущественно пешими постоянными армиями.

Взгляды немецких идеологов и, в частности, Гудериана были в корне порочны. Абсолютизация танковых войск являлась фальсификацией исторического опыта. В основе этих взглядов лежало классовое недоверие к солдату, стремление подменить человека техникой, сделать технику решающим фактором в войне.

В танке гитлеровцы видели средство достижения победы в «молниеносной войне». Восхваление танков их военными идеологами поистине поразительно. В немецко-фашистской предвоенной литературе слово «танк» склонялось на все лады: «Танк диктует свди законы другим родам войск»,³ — разлагольствовал некий Ферч, «Танк — великий боец... всем родам войск приходится к нему приспособляться»,⁴ — твердил другой фашистский милитарист, подписывавшийся в журнале «Милитер-Вохенблат» псевдонимом «Х».

«Итак, — писал Ветцель в журнале «Милитер-Вохенблат» № 8 за 1935 г., — отпала самая большая работа атакующей артиллерии. Поэтому она может получать значительно меньшее количество орудий и огнеприпасов... Применение танков придало бою совершенно другой характер быстро пробегающего сражения, ведущего к полному решению». Так концепция «танковой войны» стала официальной концепцией германского генерального штаба, гитлеровской военщины.

С применением танков фашистские военные идеологи (и официальная военная политика) связывали надежду на успех своих захватнических авантюр.

¹ Гудериан, Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск, Воениздат, 1940 г., стр. 34.

² Там же, стр. 56.

³ H. Förtsch, *Kriegskunst heute und morgen*, 1935.

⁴ *Neugestaltung der Kriegsführung*, „Militär — Wochenblatt“ 1935, № 18.

Танк, обеспечив блицпобеду, должен был компенсировать все минусы: невыгодное соотношение сил, смертельную опасность тяжелой войны. Чтобы «доказать» «всесилие танка», история военного искусства подвергалась бесцеремонной фальсификации.

Опыт второй мировой войны показал полную несостоятельность взглядов немецких милитаристов. Они переоценили роль и возможности танков и недооценили артиллерию. Минометы, уступающие артиллерии в калибрах, в дистанциях стрельбы также не могли заменить артиллерию. Порочная стратегическая концепция отразилась на организации вооруженных сил, а в танковых войсках как на их организации, так и на технической конструкторской мысли.

В соответствии с требованиями блицнаступления главным образом создавались такие танки, которые могли развивать большую скорость; о прочности броневой защиты машин и мощи вооружения не заботились.

Когда же немцы под давлением обстоятельств борьбы на советско-германском фронте, начиная с битвы под Курском, стали применять танки типа «тигр», то Советская Армия быстро нашла новые формы борьбы и с этими танками. Советские танки по своим техническим и боевым качествам в течение всей войны оставались самыми лучшими в мире.

В строительстве и боевом применении авиации немцы шли по тому же порочному пути, как и в строительстве и боевом применении танковых войск.

Современный бой — по своему характеру общевойсковой бой. Лишь гармоничное развитие всех родов войск и тесное взаимодействие их в бою обеспечивают успех.

Однако исходя из порочных положений своей военной идеологии и авантюристических установок своей стратегии, немецко-фашистское военное руководство превозносило одни роды войск (прежде всего танковые войска) и недооценивало другие, что являлось одной из слабостей немецкой армии.

И в вопросах тактики для военной мысли немецко-фашистской армии были характерны консервативность, тяготение к прошлому, к идеям и практике немецкого военного искусства мануфактурного и даже докапиталистического периода войны. Так, военные «теоретики» призывали вернуться к построению линейных боевых порядков по типу боевых порядков абсолютистских армий и даже к построению клинообразных боевых порядков времен псов-рыцарей.

Ярый приверженец танкомании, Гудериан шаблонизировал боевое построение танковых войск. Независимо от обстановки он предлагал лишь одну форму оперативно-тактического построения танковых войск — «танковый клин». Масса танковых войск, построенная сначала «углом назад», должна сама, без помощи артиллерии и пехоты «пробить» любую оборону. А затем, по Гудериану, без оглядки, не заботясь о своих резервах и тылах, не считаясь с войсками противника, остающимися на флангах и в тылу, этот клин «вбивается» до тех пор, пока не будут завершены «Канны». Все дело в том, поучал Гудериан, чтобы из построенного «углом назад» клин

перестроился после прорыва обороны «углом вперед». Таким образом, Гудериан рекомендовал прорывать современную оборону одними танками, в линейном их построении, с очень слабыми резервами, а в оперативной и стратегической глубине этот авантюрист требовал наступать, вклиниваясь возможно глубже, на предельно узком фронте.

Этот шаблон (воспроизводящий примитивные построения войск ранних этапов мануфактурного периода войны) — «танковый клин» — был официально признан в германской армии.

И в вопросах управления войсками немецко-фашистская военная мысль тяготела к принципам мануфактурного периода войны, разработанным в Германии главным образом Мольтке. Фашистские генералы считали, что достаточно иметь оперативный план и пустить в ход машину «молниеносной войны», чтобы победа была достигнута автоматически.

Поскольку выделение существенных стратегических и оперативных резервов отвергалось авантюристической стратегией и в разработке наступления все внимание уделялось только одной стороне его — стремительности, то реальной базы для управления войсками в германской армии, управления, построенного на требованиях, которые предъявляет машинный период войны, не существовало.

Пытаясь обосновать этот порочный подход к вопросам управления, ряд авторов в руководящем журнале «Милитер-Вохенблат» (в том числе Ветцель, Ферч) утверждал, что вообще нет необходимости в организации стратегического и тактического взаимодействия войск. Стремясь опереться на порочный тезис Клаузевица о том, что «тактические столкновения на войне имеют первенствующее значение», фальсифицируя опыт первой мировой войны, они заявляли, что в будущем победа будет результатом механической суммы отдельных частных успехов.

Буржуазная военная мысль в машинный период войны оказалась неспособной научно разрешить вопросы управления войсками. Только советская военная наука подняла управление войсками на уровень требований машинного периода войны.

Еще в годы гражданской войны в СССР товарищ Сталин совершенно по-новому решал вопросы управления войсками. «Армия, — указывал товарищ Сталин, — не может действовать как самодовлеющая, вполне автономная единица, в своих действиях она всецело зависит от смежных с ней армий и, прежде всего, от директив Реввоенсовета Республики...

Необходимо установить на фронтах... режим строгой централизации действий отдельных армий вокруг осуществления определённой, серьёзно обдуманной стратегической директивы. Произвол или необдуманность в деле определения директив, без серьёзного учёта всех данных, и вытекающая отсюда быстрая смена директив... исключает возможность руководства армиями, ведёт к растрате сил и времени, дезорганизует фронт»¹.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 212—213.

Легкие победы немецко-фашистской армии на Западе реакционная военщина в буржуазных странах встретила как доказательство «высокого совершенства» военного искусства германской армии и, главное, как подтверждение правильности теории молниеносной войны. Славословие блицкригу стало модой — основной темой в военной (и не только в военной) буржуазной печати в США, Англии, Франции, Японии, Италии, Швейцарии и т. д.

Такое направление буржуазной военной мысли свидетельствовало о все большем углублении ее кризиса.

Развитие военно-морского искусства гитлеровской Германии шло в том же направлении, что и военного искусства.

Впитав реакционные идеи Клаузевица—Мольтке—Людендорфа, военно-морское искусство немецко-фашистского флота имело те же характерные черты, что и военное искусство сухопутных войск: дефективность стратегии и шаблонность тактики. Вместе с тем военно-морское искусство империалистической Германии вобрало в себя порочную теорию «морской силы» американского адмирала Мэхэна и английского адмирала Коломба, заключающуюся в одностороннем преувеличении значения одного средства борьбы — морского флота. Их теория и по методологии и по содержанию была родственной юнкерско-буржуазной немецкой военной теории.

Военный идеолог кайзеровской Германии адмирал Тирпиц, крайний реакционер, сторонник наиболее экспансионистской программы немецкого империализма, находясь в годы первой мировой войны в составе германской ставки и являясь командующим военно-морским флотом, настаивал на проведении наиболее рискованных, явно авантюристических планов борьбы на море. Тирпиц разработал идеи тотальной войны на море, в те годы связанные главным образом с широким использованием пиратских методов действий на море — «неограниченной подводной войной».

Несостоятельность военно-морской теории Тирпица была доказана уже в годы первой мировой войны. Его попытки решить судьбу войны одной категорией вооруженных сил — морским флотом — провалились. Та же печальная участь постигла авантюристические идеи крейсерских операций, а в последующем и ставка на подводную войну, как на «рецепт победы», также не оправдалась.

В период общего кризиса капитализма и в области военно-морского искусства немецкая военщина оказалась неспособной к сколько-нибудь трезвому анализу исторического опыта первой мировой войны. Наоборот, фальсифицируя историю, она стремилась лишь к тому, чтобы реабилитировать свои обанкротившиеся взгляды. Сам Тирпиц, написавший «Воспоминания», настаивал на своих отвергнутых жизнью взглядах. Односторонность, тупость этого гросс-адмирала ставит его в один ряд с «достойными» коллегами — Бернгарди, Людендорфом.

Игнорируя все многообразные причины поражения Германии, он продолжает отстаивать теорию «морской силы» и твердить, что вся беда-де была в недостаточном внимании борьбе на море.

«...Наши жизненные нервы, — писал Тирпиц, — тянулись через моря»¹.

Немецко-фашистские военные идеологи полностью восприняли реакционную военно-морскую «теорию» Тирпица. В очередном томе энциклопедии, изданном в 1943 г., после перечисления всех «заслуг» сего предка перед немецким империализмом указывается, что Тирпицу принадлежит разработка «идей» авантюристических операций на море («риск») и неограниченной подводной войны.

Фашистские гросс-адмиралы-пираты, осужденные в Нюрнберге, Реддер и Дениц, развивая взгляды Тирпица, в авантюризме и изуверстве превзошли своего учителя.

На процессе были оглашены приказы Реддера и Деница, в которых они требовали разжигать кровавую тотальную войну на море, не считаясь с неизбежным международным эффектом этого: с изоляцией Германии (и ее союзников-реакционеров в США и Англии), с сплочением антифашистского фронта. Они ориентировались на блицпобеду.

«Чем безжалостнее, — писал Реддер, — будет вестись экономическая война, тем скорее мы добьемся результатов...» Дениц отдал приказ, в котором категорически требовал уничтожить экипажи и пассажиров торпедированных кораблей. «Спасение команд противоречит основным элементарным требованиям ведения войны, т. е. уничтожению вражеских судов с их командами», — писал Дениц, по-иезуитски прикрывая свое изуверство «военными соображениями».

Исторический опыт второй мировой войны на море также вскрывает несостоятельность разбойничьей тотальной войны. Блицкриг провалился и на море, а разбойничьи методы фашистов вызвали сокрушительный отпор. Славный советский Военно-Морской Флот на Балтийском, Баренцовом, Белом, Черном морях, в океанах и на реках показал свое всестороннее превосходство над немецко-фашистским флотом, подтвердив превосходство советского военно-морского искусства.

* * *

Критерием истины является практика. Военное искусство империалистической Германии — дефективная стратегия и шаблонная тактика — прошло историческую проверку в ходе второй мировой войны, в которой оно обанкротилось. Советские Вооруженные Силы, руководствуясь сталинской военной наукой, в период Великой Отечественной войны уничтожили немецко-фашистскую армию и гитлеровское государство, доказав этим превосходство советской военной науки над буржуазной военной наукой.

Чтобы объяснить провалы своих авантюристических планов, оправдать свое несостоятельное военное искусство, гитлеровская пропаганда в течение всей войны (а вместе с ней англо-американские и другие империалистические борзописцы во время войны

¹ Тирпиц, «Воспоминания». 10-я Государственная типография при Главном Адмиралтействе, 1920 г., стр. 42.

и после ее окончания) прибегала к жульническим приемам объяснения причин поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте. Для этого были придуманы «теории» «климата», «пространства», «специфичности восточного театра военных действий» и другие.

Так, «климатическая», или «метеорологическая», «теория» все поражения гитлеровских войск «объясняла» то суровыми морозами, то оттепелями, то дождями, то сухой погодой. В общем гитлеровцы жаловались на все времена года и суток.

Спрашивается, почему же все эти моменты должны были содействовать успеху советских войск и в то же время являться причинами неудач немецко-фашистских армий?

Почему же все эти моменты продолжали способствовать успехам Советской Армии, а не гитлеровской и тогда, когда боевые действия происходили уже на территории Германии?

Вздорность подобных «теорий» очевидна. Следует напомнить, что к подобным «объяснениям» провалов своих авантюр против Советского Союза империалисты прибегают не впервые. Гитлеровцы (и их адвокаты в США, Англии, фальсифицирующие историю второй мировой войны) по существу повторяли то, что писали, оправдывая неудавшиеся антисоветские планы Антанты, их коллеги еще в двадцатых годах.

Критикуя и разоблачая этих защитников империализма, товарищ Сталин 15 февраля 1920 г. писал:

«Провал контрреволюции на этот раз был до того неожидан и внезапен, что победители империалистической Германии, старые волки Антанты, вынуждены были объявить во всеуслышание: «большевизм нельзя победить силой оружия». А растерянность факиров империализма дошла до того, что они, потеряв способность открыть действительные причины поражения контрреволюции, стали сравнивать Россию то с «сыпучими песками», где неминуемо должен провалиться «самый лучший полководец», то с «необъятной пустыней», где обязательно уготована смерть любым «лучшим войскам»¹.

В период Великой Отечественной войны героическая Советская Армия, ведомая величайшим полководцем Генералиссимусом Советского Союза товарищем И. В. Сталиным, искусно преодолевала любую вражескую оборону, форсировала многочисленные реки, окружала и уничтожала крупные группировки войск противника и не давала ему передышки ни днем, ни ночью, ни зимой, ни летом, ни весной, ни осенью до самого дня Победы.

Советская Армия на всем протяжении Великой Отечественной войны преодолевала огромные трудности. Подлинный «второй фронт» отсутствовал. Сильный враг, боясь расплаты за свои преступления, бешено сопротивлялся. Но Советская Армия шла вперед, уничтожая на своем пути всякие преграды.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 283—284.

Необходимо подчеркнуть, что несостоятельность военного искусства гитлеровской армии, которая одерживала легкие победы на Западе, не была вскрыта до того, пока это сделала Советская Армия.

Советское государство и его армия рассматривались гитлеровцами как наиболее мощный и опасный противник. «Молниеносный» разгром Советской Армии должен был, по их расчетам, обеспечить Германии мировое господство. Но вместе с тем верные себе немецко-фашистские стратеги-авантюристы недооценивали силу Советского государства, его военно-экономическое могущество, дружбу и братское сотрудничество советских народов, морально-политическое единство социалистического общества, мудрую внешнюю политику Советского правительства, мощь советских Вооруженных Сил, советскую военную науку, советское военное искусство. Они подходили к оценке возможностей Советского государства и Советской Армии, как противника в войне, с теми же критериями, что и к буржуазным государствам, буржуазным армиям. Гитлеровские политики и стратеги оказались также неспособными правильно оценивать международные отношения и учитывать обстановку.

Социалистическое общество, Советское государство, советские Вооруженные Силы таят в себе качественно новые возможности отпора агрессорам, ведения победоносной войны, невысказанные при капитализме.

«Результаты войны гитлеровской Германии с СССР, — писал К. Е. Ворошилов, — показали полную несостоятельность расчётов на победу методами «блицкрига». То, что было для гитлеризма действительно и реально в отношении капиталистических стран Западной Европы, оказалось в войне с Советским Союзом иллюзорным, гибельным.

Немецко-фашистская идея «молниеносной» войны, применённая к Советскому Союзу без учёта реальных социально-экономических и морально-политических сил и возможностей нового, некапиталистического противника, сообщившая так называемому плану «Барбаросса» (война против СССР) сугубо авантюристический характер, неизбежно должна была превратиться и превратилась в величайшую военную авантюру, в трагедию для всего германского народа»¹.

Возможности срыва планов блицкрига были претворены в действительность самоотверженным трудом рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, доблестью и искусством советских Вооруженных Сил, руководимых большевистской партией и великим Сталиным. Советский Союз и советские Вооруженные Силы сыграли решающую роль в разгроме фашистской Германии. С самого начала Великой Отечественной войны началась уничтожающая «критика оружием» военной идеологии империалистической Германии, ее военной науки. Вместе с тем развертываю-

¹ К. Е. Ворошилов, Сталин и Вооруженные Силы СССР, Воениздат, 1950 г., стр. 67.

щиеся военные события все с большей наглядностью демонстрировали силу советской военной идеологии и военной науки, их превосходство над буржуазной военной идеологией и буржуазной военной наукой.

Чтобы показать банкротство военной идеологии империалистической Германии, необходимо проследить за ходом событий на советско-германском фронте в историко-хронологическом порядке. Не имея возможности в данной работе полностью осветить эти вопросы, остановимся только на ряде моментов.

Составлению плана войны против СССР германский генеральный штаб придавал первостепенное значение.

В результате был разработан план «молниеносного разгрома» советских Вооруженных Сил и порабощения Советского государства — «план Барбаросса», представлявший собою конденсацию разбойничьих, авантюристических идей германских империалистов, германской военщины. В «плане Барбаросса» указывалось:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы победить Советскую Россию в результате быстрой кампании... Армия должна использовать для этой цели все находящиеся в ее распоряжении силы, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от неожиданностей... Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения наступления не были распознаны...

Масса русской армии, собранная в Западной России, должна быть уничтожена смелыми операциями: танковые клинья должны быть вбиты глубоко вперед. Отступление боеспособных войск на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено. Быстрым преследованием должна быть достигнута линия, от которой русские воздушные силы не будут в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии. Конечной целью операции является создание защитительного барьера против Авиатской России на линии река Волга—Архангельск. Таким образом, если необходимо, последний индустриальный район русских в Уральских горах может быть уничтожен воздушными силами. Балтийский флот в ходе этих операций быстро потеряет свои базы, становясь, таким образом, неспособным продолжать борьбу. Эффективное выступление русских воздушных сил должно быть предотвращено мощными ударами в самом начале операций»¹.

Помимо военных вопросов, в «плане Барбаросса» были детально разработаны чудовищные формы и методы ограбления Советского государства, порабощения и уничтожения советских людей.

«План Барбаросса» отразил требования военной идеологии и военной науки фашистской Германии. Это был сумасбродный авантюристический план, рассчитанный на достижение победы в «молниеносной войне», в результате полутора-двухмесячной «быстрой кампании».

¹ Полный текст документа о подготовке Германии к нападению на СССР («план Барбаросса») помещен в газете «Известия» от 28 ноября 1945 г., № 279.

В соответствии с требованиями «линейной стратегии» для «блиц-наступления» использовались почти все войска гитлеровской Германии, построенные в один стратегический эшелон; стратегические резервы не выделялись.

В соответствии с «теоретически» разработанной фашистской военной концепцией «молниеносной войны» решающая роль в затеваемой аванюре возлагалась на танковые войска и авиацию. Возможности этих родов войск переоценивались, организация оперативно-тактического взаимодействия всех родов войск не предусматривалась.

Тактика, основанная на принципе «танковые клинья должны быть вбиты глубоко вперед», была шаблонной и столь же несостоятельной, как и стратегия.

Фанфаронствующая фашистская военщина планировала и перед германской авиацией ставила непосильные задачи обеспечить «молниеносное» наступление, уничтожить в первые дни войны советскую авиацию, не допустить бомбежек своего тыла, уничтожить уральскую промышленность.

Конкретизация плана по операционным направлениям еще яснее вскрывает авантюризм авторов этого плана.

Главную задачу немецко-фашистское командование возлагало на группу армий «Центр», которая должна была в шесть недель уничтожить основные силы Советской Армии и захватить Москву.

В зависимости от успеха на главном, московском направлении, ставилась задача группе армий «Север» наступать на Ленинград.

Одновременно группа армий «Юг» должна была наступать на Киев, обеспечивая действия группы армий «Центр» с юга.

Таким образом, в основе «плана Барбаросса» лежали порочные идеи, выдвинутые еще Клаузевицем, Мольтке, Шлиффеном и другими милитаристами: блицкриг, линейное развертывание армий, «единое генеральное сражение», а также вероломство, переоценка своих сил и недооценка сил противника, расчет на огульное наступление. В новой мощной боевой технике германские реакционеры видели лишь средство осуществления старых догматов и шаблонов.

Но следует подчеркнуть, что «план Барбаросса» не был простым воспроизведением авантюристических планов агрессии Мольтке — Шлиффена.

Этот план был проникнут змеиным ядом классовой ненависти преступной империалистической буржуазии к СССР. Политическое коварство и вероломство в международных отношениях, террор, направленный против мирных советских людей, людоедские планы истребления миллионов советских граждан, тактика «выжженной земли», грабеж — все это стало системой ведения войны, основой «военного искусства» фашистской военщины в войне против Советского Союза.

«План Барбаросса» не учитывал реального соотношения сил Германии и Советского Союза. Авторы его были бесконечно далеки

от учета и сопоставления экономического и морального потенциала СССР с экономическим и моральным потенциалом Германии. Они «планировали» в духе буржуазной военной науки, неспособной обеспечить правильное решение задач современной войны.

Все это — реакционнейшая социально-политическая и идеологическая основа, политико-стратегический авантюризм, шаблонность оперативно-тактических форм, планирование войны на основе использования догм реакционной военной мысли мануфактурного периода войны — означало, что «план Барбаросса» — авантюра, обреченная на провал.

Однако срыв «плана Барбаросса» и разгром гитлеровской армии могли быть достигнуты только в результате жестокой борьбы советских Вооруженных Сил, поддержанных всем советским народом, борьбы не на жизнь, а на смерть.

К моменту разбойничьего нападения на Советский Союз гитлеровская Германия, опиравшаяся на ресурсы стран почти всей Европы и использовавшая благоприятную для нее обстановку, создавшуюся в результате того, что американско-английские правящие круги срывали открытие второго фронта в Европе, оказалась в военном отношении более сильной, чем кайзеровская Германия во время первой мировой войны.

Успех немецко-фашистских агрессоров в Западной Европе привел уже в начале 1941 г. к большому росту ресурсов Германии, что видно из данных следующей таблицы¹:

Показатели	Единицы измерения	Германия в границах 1937 г.	Германия с сателлитами и оккупированными странами (1941 г.)
Население	млн. чел.	69	290
Промышленные рабочие	” ”	10	28
Добыча угля	млн. тонн	235	400
Добыча натуральной нефти	” ”	0,7	7,5
Выплавка стали (1938 г.)	” ”	22	45
Выпуск автомобилей (1938 г.)	тыс. штук	342	700

Располагая десятками миллионов рабочих рук, имея возможность производить в два раза больше угля, стали, автомобилей, в десять раз больше нефти и получать вооружение с промышленных комбинатов-арсеналов Рено, Шнейдера-Крезе, Шкода, Бофорса, Фиата и других, захватив вооружение и огромные запасы французской, английской, бельгийской, чехословацкой (вооружение одной только чехословацкой армии, включавшее большое количество тан-

¹ Таблица взята из статьи С. М. Вишнева «Превосходство социалистической системы хозяйства над капиталистической». Труды юбилейной сессии Академии общественных наук, М., Изд-во «Правда», 1948 г., стр. 58.

ков, было достаточным для оснащения 70 дивизий), польской, голландской и других армий, получая на протяжении двух десятков лет огромные субсидии из США и Англии, германские империалисты смогли создать гигантскую военную машину.

Отсутствие второго фронта в Европе давало возможность немецко-фашистскому командованию сосредоточить у советских границ огромную массу войск — 170 дивизий.

Вероломно нарушив договор о ненападении, 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия бросила против Советского Союза свою армию.

Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Германия и ее сателлиты вели захватническую, несправедливую войну против Советского Союза.

Советский Союз вел Великую Отечественную, освободительную войну, самую справедливую войну из всех войн, какие знала история.

«Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей,— указывал товарищ Сталин в своем историческом выступлении по радио 3 июля 1941 г.— является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими»¹.

Великая Отечественная война началась в невыгодных для Советского Союза условиях. В то же время агрессивная гитлеровская Германия имела перед миролюбивым Советским Союзом ряд крупных преимуществ.

В результате вероломного и внезапного нападения на Советский Союз гитлеровская Германия захватила стратегическую инициативу.

Германия, как агрессивное государство, имела целиком отмобилизованную армию, находившуюся у границ СССР в полной боевой готовности, тогда как Советской Армии нужно было отмобилизоваться и сосредоточиться на своих западных границах. Поэтому немецко-фашистские войска в начале войны имели огромное количественное превосходство над советскими войсками, прикрывавшими нашу западную границу.

В результате того, что англо-американские империалисты проводили антисоветскую политику, Германия не имела фронта на Западе, как это было во время первой мировой войны. Поэтому гитлеровская Германия получила возможность бросить против Советского Союза все свои войска и войска своих союзников. Таким образом, Советская Армия вступила в единоборство со всеми силами гитлеровской коалиции. Кроме того, положение Советского государства осложнялось еще и тем, что оно вынуждено было держать войска на Дальнем Востоке, а также на границе с Турцией и Ираном.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 16.

Захватив в свои руки почти всю промышленность капиталистической Европы и поставив ее на военные рельсы задолго до нападения на Советский Союз, гитлеровская Германия добилась большого количественного перевеса в вооружении (особенно в танках и самолетах). Советская же Армия в первые месяцы войны располагала недостаточным количеством танков и самолетов.

К моменту нападения на СССР немецко-фашистская армия имела двухлестный боевой опыт.

Таковы те преимущества, которые имела гитлеровская Германия при нападении на Советский Союз. Но тем показательнее великая победа советского народа, советских Вооруженных Сил.

В войне против СССР немецко-фашистская армия действовала в полном соответствии с установками разбойничьей военной идеологии империалистической Германии. С первых дней войны гитлеровская военщина, стремясь деморализовать советскую армию и советский народ, применила весь арсенал гнусных методов тотальной войны: тактику создания «зон пустыни» (уничтожение населенных пунктов, имущества мирных жителей, массовое истребление населения, уничтожение промышленных предприятий, памятников культуры и т. д.), бомбежки густо населенных районов, городов, обстрел с самолетов мирных людей на дорогах и полях, массовые расстрелы военнопленных, забрасывание в советский тыл диверсантов и провокаторов, всевозможные приемы фашистской демагогии, выпуск фальшивых денег, имитация «окружений» советских войск и т. д.

Германские империалисты, германская военщина, а также реакционеры США, Англии и других капиталистических стран с первых дней войны пророчили скорое поражение Советской Армии, крушение Советского государства.

Однако враги Советского Союза, враги рабочего класса и трудящихся всего мира жестоко просчитались. Находясь в плену своего реакционного буржуазного мировоззрения, ослепленные классовой ненавистью к стране социализма, эти «прогнозисты» оказались неспособными правильно учитывать и сопоставлять силы борющихся сторон — Советского Союза и гитлеровской Германии — и определять перспективы военных событий.

«Враг рассчитывал, — указывал товарищ Сталин в приказе от 23 февраля 1942 г., — что после первого же удара Красная Армия будет разбита и потеряет способность сопротивления. Но враг жестоко просчитался. Он не учёл силы Красной Армии, не учёл прочности советского тыла, не учёл воли народов нашей страны к победе, не учёл ненадёжности европейского тыла фашистской Германии, не учёл, наконец, внутренней слабости фашистской Германии и её армии»¹.

Не встретившая серьезного сопротивления на Западе, немецко-фашистская армия в войне против Советского Союза встретила могучий, день ото дня нарастающий отпор со стороны Советской Ар-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 42.

мии и всего советского народа. Такое развитие исторических событий определялось прежде всего превосходством советского общественного и государственного строя над общественным и государственным строем капиталистических стран.

На XVIII съезде партии товарищ Сталин указывал на неизбежность крушения антисоветских военных планов империалистов. На основе победы социализма в СССР развились могучие движущие силы советского общества: морально-политическое единство и дружба народов СССР, советский патриотизм.

Морально-политическое единство народов СССР коренным образом отличает советское общество от любого капиталистического общества, раздираемого классовыми противоречиями. «Вот где,— говорил товарищ Сталин,— основа прочности советского строя и источник неиссякаемой силы Советской власти.

Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений»¹.

Авантюризму планирования войны германскими империалистами и военщиной было противопоставлено сталинское научное планирование, основанное на требованиях советской военной науки.

Сталинское планирование войны не замыкалось в узких рамках стратегических и оперативных планов. Оно охватывало не только вопросы использования вооруженных сил, но и вопросы мобилизации экономических и моральных сил страны и рассматривало их в диалектическом единстве. Сталинское планирование войны разрешило неразрешимую для буржуазной военной мысли и практики проблему организации прочного тыла, всемерно поддерживающего фронт.

Сталинское планирование войны разрешило неразрешимую для буржуазной военной мысли и практики эпохи империализма проблему о взаимоотношении обороны и контрнаступления.

Достаточно вспомнить, как тщетно билась над решением этих вопросов буржуазная военная мысль и как она окончательно запутала эти вопросы в условиях общего кризиса капитализма, чтобы стало ясно, что товарищ Сталин, используя лучшее, что дало военное искусство прошлого, создавал принципиально новую область военного искусства.

Как уже говорилось, Великая Отечественная война началась в исключительно трудных и сложных для советского народа условиях.

22 июня 1941 г. чудовищная гитлеровская военная машина вероломно и неожиданно обрушилась на советские войска прикрытия и, пользуясь своими временными преимуществами, устремилась в глубь советской территории.

Ход борьбы уже в первые недели войны показал, что на советско-германском фронте фашистские захватчики впервые натолк-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 590.

нулись на отпор, который все более возрастал. Несмотря на свою малочисленность, советские войска прикрития в упорных, активных оборонительных боях громили и истребляли гитлеровские дивизии.

Государственный Комитет Оборона под председательством товарища Сталина развернул невиданную в истории войн ни по масштабам, ни по характеру деятельность по мобилизации всех сил народов СССР, по организации отпора врагу.

3 июля 1941 г. товарищ Сталин по радио обратился к советскому народу. На основе научного анализа сложившейся обстановки товарищ Сталин указал на всю глубину опасности, которая нависла над СССР в результате вероломного нападения жестоких и неумолимых фашистских поработителей. «Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение»¹.

Товарищ Сталин указал, что ход борьбы на фронте свидетельствует о том, что Советский Союз располагает всеми силами и ресурсами, необходимыми для разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Товарищ Сталин развернул перед советским народом программу действий — план мобилизации всех сил и средств народов СССР на отпор злейшему и коварному врагу — германскому фашизму.

Советские люди, говорил товарищ Сталин, должны осознать всю глубину опасности, отрешиться от настроений мирного строительства, мобилизовать себя, перестроить всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу. Великолепные качества большевика — храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины — должны стать достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Товарищ Сталин призвал воинов советских Вооруженных Сил стойко, до последней капли крови сражаться за наши города и села, проявляя при этом смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. Товарищ Сталин призвал тружеников советского тыла обеспечить Советскую Армию всем необходимым. Организовать усиленное производство вооружения, организовать противовоздушную оборону, беспощадно уничтожать шпионов, диверсантов и провокаторов.

Товарищ Сталин поставил задачу эвакуировать подвижной железнодорожный состав, все ценные материалы и продовольствие из районов, временно оставляемых советскими войсками. Все, что не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться. Товарищ Сталин говорил, что в захваченных врагом районах необходимо разжечь партизанскую войну, которая способна разрушить тыл гитлеровской армии, сорвать все мероприятия оккупантов, создать невыносимые условия для врага.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 13.

Сталинский план мобилизации сил Советского государства и организации отпора врагу определялся справедливым, освободительным характером Великой Отечественной войны Советского Союза.

Историческое выступление товарища Сталина 3 июля 1941 г. вдохновило советских людей на борьбу в дни труднейших испытаний, удесятерило их силы.

На основе сталинских научных положений о планировании современной войны руководящие органы партии и государства разработали планы, обеспечившие перестройку советского хозяйства на военный лад. При этом пришлось решать исключительно сложные задачи: эвакуация большого числа промышленных предприятий, строительство новых предприятий, освоение сложных военных производств в кратчайшие сроки, создание крупных стратегических резервов и т. д.

Вдохновителем и организатором героической борьбы советского народа на фронте и в тылу явилась Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.

«В дни Отечественной войны,— говорил товарищ Сталин,— партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся»¹.

С величайшим героизмом, подобного которому не знает история, выполняли советские люди сталинские предначертания.

Советское Верховное Главнокомандование, разработав стратегический план активной обороны, добились того, что гитлеровская армия все больше и больше обескровливалась, встречала все более упорное сопротивление советских войск и всего советского народа, нараставшее по мере продвижения ее в глубь нашей страны.

Расчет немецко-фашистского командования на окружение и уничтожение группировок советских войск не оправдался, несмотря на то, что первое время Советская Армия не была отмобилизована и что против превосходящих вражеских сил действовали лишь советские войска прикрытия, оказавшие противнику исключительно упорное и активное сопротивление. Советские войска наносили немецким войскам мощные контрудары, а при вынужденном отходе сохраняли организованность, боеспособность и успешно оборонялись на новых рубежах.

В советском тылу невиданными еще в истории войн темпами шла мобилизация сил для отпора врагу. Пополнения и новые формирования устремлялись к линии фронта. Формировались десятки резервных дивизий, сотни эскадрилий. Советский народ, осознав смертельную опасность, как никогда ранее единый и сплоченный вокруг своей коммунистической партии и своего вождя и

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 119.

полководца товарища Сталина, проявил высокую дисциплинированность, организованность, готовность не щадить жизни в борьбе за Родину.

Сталинская активная оборона срывала планы германского генерального штаба. К исходу первого месяца войны стало очевидно, что «плану Барбаросса» не суждено осуществиться.

У огромной, вооруженной до зубов современным оружием гитлеровской армии нехватило сил сломить Советскую Армию, поддержанную всем советским народом. Ни на одном из стратегических направлений враг не достиг решающих успехов. В центре советские войска прикрытия после жестокой борьбы в западных районах Белоруссии отошли на рубеж реки Днепр и совместно с соединениями из состава главных сил Советской Армии остановили наступление немецко-фашистских войск. На северо-западном направлении в результате контрудара советских войск, нанесенного во фланг наступавшей в Прибалтике немецкой группировки, продвижение немецко-фашистских войск к Ленинграду было также приостановлено.

В жестоких боях в западных областях Украины и в Бессарабии советские войска мощными контратаками также ослабили натиск гитлеровских полчищ, не дав им захватить днестровские и днепровские переправы в тылу советских войск.

В течение первого месяца войны гитлеровская армия захватила значительную территорию, но ни на одном из направлений ей не удалось добиться уничтожения крупных группировок Советской Армии, дезорганизовать советские войска, лишить их способности организованно обороняться.

Безошибочно определив первостепенную важность центрального направления, Советское Верховное Главнокомандование сосредоточило здесь крупные силы и начало строить на этом направлении глубоко эшелонированную оборону.

Авантюристичность стратегии и шаблонность тактики немецко-фашистской армии начали проявляться с первых же дней Великой Отечественной войны Советского Союза. Для показа этого рассмотрим кратко события, происходившие в 1941 г. на центральном, главном участке советско-германского фронта, завершившиеся гигантской битвой под Москвой.

Понеся большие потери в Белоруссии, но еще используя преимущества внезапного нападения, общее численное превосходство в танках и авиации, к концу первого месяца войны германские бронетанковые и механизированные соединения достигли Смоленска. Здесь на пространстве в 250—300 км по фронту и 100—150 км в глубину развернулось сражение, в результате которого немецкая армия была задержана и понесла новые огромные потери.

Немецко-фашистская армия за два месяца войны потеряла убитыми, ранеными и пленными свыше двух миллионов человек, 800 танков, 10 тысяч орудий, свыше 7200 самолетов.

В ходе смоленского сражения гитлеровская армия чувствительно поплатилась за свою приверженность к шаблонной тактике танко-

вых клиньев. Советское командование, сосредоточив сильные группировки против охватывающих Смоленск крыльев германских войск, организовало несколько мощных контрударов, в том числе сильный контрудар в районе Ельни, завершившийся разгромом значительной группировки войск противника. Смоленское сражение, задержавшее наступление гитлеровской армии на два месяца, привело к провалу «плана Барбаросса».

Однако в своем авантюризме, в своей приверженности к «плану», даже явно проваливающемуся, к геометрической форме намеченного маневра германское командование обнаружило полную неспособность трезво оценивать обстановку.

«План Барбаросса» предусматривал «неожиданно быстрое крушение русской силы сопротивления». Гитлер, Кейтель и Браухич считали неременным условием осуществления «плана Барбаросса» окружение и уничтожение главных сил Советской Армии в западных районах СССР и прежде всего в Белоруссии. Но Советская Армия сорвала замыслы гитлеровцев. Гитлеровцам не удалось достигнуть решающего успеха не только «неожиданно быстро», т. е. через две недели, но и через три месяца. Тем временем, понеся огромные потери, гитлеровские армии утрачивали свою ударную силу.

Тщетно пытаюсь достигнуть решающего успеха на центральном участке фронта, гитлеровцы одновременно продолжали добиваться осуществления «плана Барбаросса» на флангах. К этому времени уже в значительной степени сказались пороки одноэшелонной, линейной стратегии: фланговые группировки немецко-фашистской армии с большим трудом поддерживали оперативную связь со своим центром. Особенно это было характерно для немецких войск, наступавших в Прибалтике. В дальнейшем прерывчатость фронта немецко-фашистской армии, уязвимость флангов отдельных группировок, обусловленная усилением авантюризма гитлеровской стратегии, должна была возрасти.

Враг тщетно пытался овладеть Ленинградом с хода. Верные своей шаблонной тактике «вбивания клиньев», фашисты продолжали вести огульное наступление, не считаясь с общим положением на фронте, не заботясь о надежном обеспечении флангов. Советские войска, сочетая контратаки против фашистских захватчиков со стойкой обороной на подготовленных рубежах, наносили крупный ущерб наступавшим соединениям врага, ослабляли темп его наступления, обескровливали его ударные группировки. В результате немецко-фашистские войска были остановлены.

Срыв планов гитлеровского командования по захвату Ленинграда стал возможен благодаря тому, что вся советская страна отстаивала Ленинград. Героическая борьба за Ленинград была организована партией Ленина — Сталина, была частью общей борьбы советского народа, советских Вооруженных Сил против немецко-фашистских захватчиков.

Не оправдывались расчеты гитлеровцев и на Украине. Используя свое численное превосходство, особенно превосходство в танках, гитлеровцы еще могли, неся огромные потери, наступать на

Украине, однако их планы окружения советских группировок были теперь еще менее реальными, чем в первые недели войны. В боях в районах Винницы и Киева немецко-фашистской армии были нанесены новые мощные удары, но она еще продвигалась вперед. Советское Верховное Главнокомандование в этих условиях организовало оборону Одессы. Героическая оборона Одессы также была одним из убедительных доказательств несостоятельности теории «молниеносной» войны и основанного на ней «плана Барбаросса».

Согласно теории молниеносной войны главные ударные силы армии — «войска молниеносной войны», т. е. танковые войска, должны проходить мимо опорных пунктов обороны противника, так как овладение этими опорными пунктами поручается второстепенным войскам.

Когда неожиданно для авторов «плана Барбаросса» Советское Верховное Главнокомандование создало мощный плацдарм в районе Одессы, гитлеровские авантюристы продолжали действовать по своей шаблонной схеме «молниеносной» войны. Однако враг не смог овладеть Одессой, и советские войска, оборонявшие Одессу, были в полном порядке эвакуированы по приказу Советского Верховного Главнокомандования только 15 октября. Враг потерял под Одессой убитыми, ранеными и пленными более 160 тысяч человек.

Итак, к исходу сентября 1941 г. благодаря героическим подвигам советского народа в тылу и советских воинов на фронте, благодаря организующей, мобилизующей и вдохновляющей роли партии Ленина — Сталина, благодаря мудрому руководству Верховного Главнокомандующего товарища Сталина немецко-фашистской армии были нанесены тяжелые поражения, после которых она уже не могла наступать по всему фронту. Задачи, ставившиеся перед гитлеровской армией «планом Барбаросса», оказались невыполненными.

Однако зарвавшиеся немецко-фашистские авантюристы не отступали от своей лжетеории «молниеносной войны», внося в свои планы лишь некоторые коррективы. Вынужденные отказаться от наступления по всему фронту, они пытались осуществить новый вариант плана «молниеносного наступления» — наступление на трех направлениях: ленинградском, московском и южном.

Главным направлением немецко-фашистские захватчики и теперь избрали московское направление. Щупальцы фашистского спрута тянулись к Москве, так как гитлеровцы знали, что Москва — крупнейший политический, хозяйственный, стратегический центр страны. Они надеялись, окружив главные силы Советской Армии в районе Москвы, дать, наконец, «единое генеральное сражение» и нанести Советскому Союзу «смертельный удар».

Но для реализации этих планов гитлеровское командование не имело реальных сил даже после того, когда оно дополнительно бросило на советско-германский фронт все, что у него имелось, а также дивизии сателлитов Германии. Не учитывая действительной обстановки, реального соотношения сил, возрастающей мощи Советского государства, Советской Армии и советского Военно-Мор-

ского Флота, германская военщина заведомо шла на новые авантюры.

Авантюристичность планов немецко-фашистского генерального штаба 1941 г. убедительно показал М. И. Калинин в своей брошюре «Отечественная война советского народа против немецких захватчиков».

«В немецкие планы и предположения ведения войны,— писал М. И. Калинин,— контрудары и контрнаступления нашей армии внесли столько поправок, что по существу от планов германского командования ничего не осталось.

План № 1 — быть в Москве через три недели с начала войны. Это не предположение или фантазия отдельных фашистских голов, а план, выработанный заранее в спокойной обстановке, в недрах военного штаба. Как известно, этот план провалился.

План № 2 — быть в Москве через шесть недель. И этот расчет, тоже исходящий из военных кругов, потерпел неудачу.

План № 3 — быть в Москве через три месяца. Следует сказать, что в выполнение этого плана, между прочим, верили и многие профашистские элементы за пределами Германии. Как и первые, этот план также не удался германскому командованию»¹.

План № 4. Этот план предусматривал «последнее и решающее» наступление. Гитлер мечтал быть в Москве к концу октября и в течение «нескольких недель» уничтожить советские армии на юге и на севере. Как известно, этот план провалился, как провалились и все предшествующие бредовые планы гитлеровского командования.

Усилив центральную группу войск танковыми соединениями и авиацией, гитлеровцы 2 октября начали наступление на Москву. Весь советский народ оборонял свою святыню — Москву. Славные москвичи уже направили на фронт много тысяч человек, в том числе сотни тысяч коммунистов и комсомольцев. Сотни тысяч москвичей в составе частей ополчения выступили на фронт, чтобы защищать родную Москву.

Советское Верховное Главнокомандование своевременно усилило войска, находившиеся под Москвой.

Гитлеровские полчища ценой огромных потерь смогли сделать еще один рывок на московском направлении. Они захватили Можайск, Калинин, прорвались к Туле и Серпухову и вышли таким образом на дальние подступы к Москве. Но фашисты не смогли осуществить свой авантюристический план. Москва оказалась недосягаемой для немецко-фашистской армии.

На севере и на юге гитлеровцы также не достигли своих целей. В боях под Ленинградом, на Донбассе и под Севастополем они понесли огромные потери.

Неудача очередной авантюры (октябрьского наступления) еще более ослабила немецко-фашистскую армию.

¹ М. И. Калинин, Отечественная война советского народа против немецких захватчиков, ОГИЗ, Москва, 1942 г., стр. 20, 21.

6 ноября 1941 г. в своем докладе о Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин указал, что провал немецко-фашистского плана молниеносной войны стал очевидным фактом.

Товарищ Сталин дал глубоко научную критику гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР, вскрыв его беспочвенность, авантюристичность.

Провалились и расчеты гитлеровцев на создание всеобщей коалиции против СССР и на международную изоляцию Советского Союза. Гитлеровские захватчики не предполагали, что их стремление к мировому господству встретит противодействие со стороны империалистов Англии и США, которые сами стремились к мировому господству. Но еще большее значение имело то, что они недооценили политическую реакцию, которую должна была вызвать и вызвала во всем мире угроза фашистского порабощения. Возмущение против преступлений фашизма всколыхнуло народные массы во всем мире, в том числе в Англии и США, и в значительной степени ограничило возможность антисоветских маневров черчиллей, Трумэнов и маршаллов, заставило их маскировать свои антисоветские планы.

Гитлеровцы недооценили международный удельный вес Советского социалистического государства. Они недооценили советскую внешнюю политику. Мудрая сталинская внешняя политика сорвала гитлеровский план международной изоляции Советского Союза. Гитлеровцы строили свои авантюристические планы, рассчитывая на непрочность советского строя, непрочность советского тыла. Не понимая социалистической природы Советского государства, они ожидали, что уже первые успехи гитлеровской армии, неожиданно, по-разбойничьи вторгшейся в пределы СССР, приведут к конфликтам между рабочими и крестьянами, к драчке между народами СССР. Однако реакционное буржуазное мировоззрение гитлеровцев оказалось плохим помощником при оценке советского общества.

Сознание серьезной угрозы Родине вызвало небывалый всенародный патриотический подъем всего советского народа, укрепило союз рабочих и крестьян, превратило «... семью народов СССР в единый, нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную Армию, свой Красный Флот»¹.

Гитлеровские захватчики строили свои авантюристические планы в расчете на слабость советских Вооруженных Сил, которые им удастся опрокинуть одним ударом.

Идея справедливой, священной войны должна была породить и породила в Советской Армии и Военно-Морском Флоте массовый героизм, тогда как гнусные идеи захватнической войны должны были породить и породили профессиональных грабителей, разлагающих гитлеровскую армию.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 22.

Немецко-фашистская армия, вторгнувшись в пределы Советского Союза, не имела прочного тыла. Она была вынуждена действовать во враждебной среде, ее коммуникации нарушали партизанские отряды, что не могло не подрывать в немецких войсках веру в прочность их положения.

Наоборот, Советская Армия опиралась на крепкий тыл, действовала в среде советских людей. Гитлеровцы переоценили свое временное преимущество, свой опыт ведения современных боевых действий. Ход войны показал, что советские люди, воины Советской Армии и Советского Военно-Морского Флота, вдохновляемые благородной идеей защиты социалистической Родины, способны в кратчайшее время овладеть боевым мастерством, военным искусством и превзойти в этом отношении немецко-фашистскую армию.

«Оборона Ленинграда и Москвы, — говорил товарищ Сталин 6 ноября 1941 г., — где наши дивизии истребили недавно десятка три кадровых дивизий немцев, показывает, что в огне Отечественной войны куется и уже выковались новые советские бойцы и командиры, лётчики, артиллеристы, миномётчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии»¹.

Советский народ, советские Вооруженные Силы под руководством большевистской партии и великого Сталина своей героической борьбой сделали невозможным для немецко-фашистской армии осуществление плана «молниеносной войны». Однако провал гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР не означал, что опасность, нависшая над советской страной, уменьшилась.

«Теперь в итоге 4-х месяцев войны, — заявил товарищ Сталин, 6 ноября 1941 г., — я должен подчеркнуть, что эта опасность не только не ослабла, а наоборот ещё более усилилась»².

Охарактеризовав благородные цели освободительной войны Советского Союза, товарищ Сталин призвал воинов Советской Армии и Советского Флота сокрушить военную мощь немецких захватчиков. Товарищ Сталин призвал тружеников советского тыла обеспечить советские Вооруженные Силы всем необходимым для победы над врагом.

Исторический доклад товарища Сталина о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции вдохновил советский народ и Советскую Армию, укрепил в них веру в победу над сильным и коварным врагом.

В середине ноября, имея под Москвой 51 дивизию, в том числе 13 танковых, 33 пехотных и 5 моторизованных, немецко-фашистские армии вновь перешли в «последнее и решающее» наступление. Главной стратегической целью гитлеровцев попрежнему был захват Москвы. Не оставляя существенных резервов, считая, что Советская Армия уже не располагает резервами, гитлеровское командование построило наступающие на Москву дивизии в один эшелон. Две сильные немецкие танковые группировки должны были охватить

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 24.

² Там же, стр. 19.

Москву с севера и юга; южная группировка должна была занять Тулу, Рязань, Каширу, Коломну; северная группировка — Клин, Солнечногорск, Яхрому, Дмитров. Перед наступавшей в центре 4-й армией стояла задача сломить сопротивление советских войск с фронта, создать «малые клещи» непосредственно вокруг Москвы.

Затем намечалось полное уничтожение окруженных советских войск, истребление мирных жителей Москвы. Для осуществления этого злодейского замысла в тылу гитлеровской армии имелась «Зондеркоманда Москва».

После 20 дней упорной обороны стало очевидно, что Советская Армия сорвала гитлеровский план захвата Москвы. Легендарные подвиги совершали советские люди, вступая в единоборство с немецкими танками, действуя во вражеском тылу, уничтожая фашистские самолеты. Враг еще имел большое превосходство в танках и самолетах, но советские войска своей мужественной и умелой обороной не давали противнику реализовать это преимущество. В результате германским танковым войскам удалось несколько потеснить советские войска на флангах, но при этом они потеряли свою ударную силу.

Не имела успеха и 4-я немецкая армия. Фронт немецко-фашистских войск растянулся. Вместо осуществления плана своего командования дивизии немецко-фашистской армии были вынуждены с большим напряжением сил отбивать контратаки советских войск.

Приближался переломный момент Московской битвы, кризис всей кампании.

С величайшей прозорливостью гениальный полководец товарищ Сталин предвидел развитие событий на фронте. Проводя активную оборону, изматывая и обескровливая немецко-фашистскую армию, Советская Армия в соответствии с планом Верховного Главнокомандования создавала условия для перехода в контрнаступление.

В глубоком тылу подготавливались стратегические резервы и подводились к линии фронта, занимая указанные им Верховным Главнокомандованием исходные позиции. Главный удар наносился под Москвой.

Контрнаступлению под Москвой предшествовали мощные контрудары под Ростовом и Тихвином, где Советская Армия силой своего оружия также опровергала стратегию и тактику немецко-фашистской армии.

В ноябре 1941 г. советские войска разгромили врага на южном направлении и освободили Ростов, наголову разбив при этом 1-ю немецкую танковую армию Клейста.

Вторгаясь 22 июня 1941 г. в пределы Советского государства, эта армия действовала в качестве острого южного клина немецко-фашистских войск. Она понесла огромные потери в боях за Ровно, Житомир, Киев, Донбасс; из 1500 немецких танков, начавших поход, к Ростову вышли всего 300.

Только в боях за город Сталино немецкие войска потеряли убитыми и ранеными около 50 тысяч человек, свыше 250 танков, более 170 орудий, около 1200 автомашин с грузами.

Но немецко-фашистское командование, придерживаясь своей авантюристической стратегии, продолжало огульное наступление, а Клейст попрежнему пользовался все теми же тактическими шаблонами.

Так было и под Ростовом. Советские войска подготовились к упорной обороне. Советское Верховное Главнокомандование выделило Южному фронту резервы. Войска были глубоко эшелонированы. Утром 5 ноября Клейст вновь применил столь излюбленные гитлеровцами танковые «клещи». 16-я и 14-я немецкие танковые дивизии атаковали позиции наших войск в районе Дьяково и на участке Ново-Тузуковский, Бирючий.

В районе Дьяково немецкий танковый клин был сломлен.

На участке Ново-Тузуковский, Бирючий ожесточенный бой в глубине обороны шел в течение 5 и 6 ноября.

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать фронт нашей армии.

Но использовать разрыв, образовавшийся между частями армии, гитлеровцы уже не могли, так как их части были обескровлены. Более того, изменение соотношения сил в пользу советских войск позволило Советскому Командованию предпринять наступление против немецко-фашистских войск.

Невзирая на необеспеченность своих флангов и тыла, танковые и моторизованные дивизии Клейста продолжали рваться к Ростову.

В это же время началось наступление наших войск, которые нанесли удар по флангам и тылу группы Клейста севернее Ростова. Когда немецкие передовые части ворвались в город, советские войска вышли в тыл главным силам Клейста и, разгромив 1-ю немецкую танковую армию, освободили Ростов.

Не менее поучительны бои под Тихвином, где советские войска в результате успешных наступательных боев нанесли поражение 16-й армии и другим соединениям немецко-фашистской армии.

Разгром вражеских группировок не только улучшил обстановку для советских войск на этих направлениях, но и имел большое значение для подготовки условий для перехода Советской Армии в контрнаступление под Москвой.

В начале декабря советские войска закончили подготовку к контрнаступлению. Сталинский план контрнаступления под Москвой учитывал слабости и пороки немецкой стратегии и тактики так же, как и то, что немецко-фашистские войска обладали еще ударной силой. Советское Верховное Главнокомандование выдвинуло свежие резервные армии, которые разгромили фланговые вражеские группировки, а затем привели к крушению весь фронт немецко-фашистской армии в центре.

Перейдя в наступление 6 декабря, советские войска к 10 декабря разгромили обе группировки — танковые «клинья» гитлеровцев. Следует отметить, что южной группировкой немецко-фашистских войск командовал Гудериан — «теоретик» стратегии «блицкрига» и тактики «танкового клина».

Затем советские войска перешли в общее наступление, отбросив немецко-фашистскую армию больше чем на 400 километров на запад. В ходе наступления были уничтожены десятки тысяч оккупантов, захвачена и уничтожена огромная масса боевой техники.

«Разгром немецко-фашистских войск под Москвой явился решающим военным событием первого года войны и первым крупным поражением немцев во второй мировой войне. Это поражение навсегда развеяло созданную гитлеровцами легенду о непобедимости германской армии»¹.

Своей активной обороной, победоносным контр наступлением и наступлением Советская Армия убедительно показала несостоятельность военного искусства германской военщины, основанного на переоценке роли временно действующих факторов. Подвигами на фронте, героическим трудом советских людей в тылу, мобилизацией всего советского народа на отпор врагу, проведенной под руководством коммунистической партии и великого Сталина, было доказано, что Советская Армия и советский народ способны ликвидировать влияние временных преимуществ гитлеровцев и сорвать их разбойничьи планы.

В своем приказе от 23 февраля 1942 г. товарищ Сталин говорил:

«Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочностью тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»².

Положение товарища Сталина о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, представляет огромную ценность для передовой военной науки и практики. В свете этого положения до конца разоблачается ложность военной идеологии германских милитаристов и авантюризм их стратегии.

«Сталинский тезис о значении постоянно действующих факторов войны, — говорится в Краткой биографии товарища Сталина, — как решающих факторов, явился дальнейшим творческим развитием марксистско-ленинской науки о войне, о непосредственной органической связи хода и исхода войны со степенью и характером экономического и политического развития государства и его идеологией, со степенью подготовленности и зрелости его кадров.

Сталинский тезис о роли постоянно действующих факторов войны имеет огромное теоретическое и практическое значение. Учёт и правильное использование этих факторов позволяют в военной и

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. Второе издание, стр. 194.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 43—44.

организаторской работе сосредоточить главное внимание на решении основных задач, от которых зависит судьба войны»¹.

Наступление Советской Армии потребовало овладения новыми областями военного искусства современной войны. Уже первое большое наступление Советской Армии показало, что советское военное искусство превосходит военное искусство немецко-фашистской армии. Гитлеровская армия оказывала упорное сопротивление наступающей Советской Армии и строила прочную оборону, широко используя для контратак свои подвижные соединения. Однако стратегия Верховного Главнокомандования Советской Армии находила слабые места обороны немецко-фашистской армии, срывала планы гитлеровского командования, рассчитывавшего использовать зиму для подготовки нового наступления. Советское Верховное Главнокомандование полностью использовало просчеты гитлеровских стратегов.

«Захватив инициативу военных действий в свои руки, — отмечал товарищ Сталин, — Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить значительную часть советской территории. Расчёты захватчиков использовать зиму для передышки и укрепления на своей оборонительной линии потерпели крах. В ходе наступления Красная Армия уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, забрала у врага не малое количество техники и заставила его преждевременно израсходовать резервы из глубокого тыла, предназначенные для весенне-летних операций»².

Гитлеровские войска проявили большое упорство в оборонительных боях. Однако советские войска взламывали эту оборону и наносили поражения гитлеровцам. Строя прочную оборону, основанную на использовании населенных пунктов, немецко-фашистские войска превратили эту форму обороны в шаблон, чем воспользовались советские войска: они изолировали очаги обороны врага и ликвидировали их порознь.

Гитлеровцы предпринимали контратаки во фланги и промежутки советских частей и подразделений, но они и при этом действовали по шаблону, чем пользовались советские войска, минуя промежутки и подходы к своим флангам, организуя огневые мешки и т. п.

Отмечая возросшее мастерство советских войск, товарищ Сталин ставил задачу неустанно овладевать высотами военного дела.

«...Общевойсковым командирам, — указывал товарищ Сталин, — изучить в совершенстве дело взаимодействия родов войск, стать мастерами дела вождения войск, показать всему миру, что Красная Армия способна выполнить свою великую освободительную миссию!»³.

Тесное взаимодействие всех родов войск — характерная черта военного искусства машинного периода войны. Германские военные теоретики не учитывали этих требований действительности. Танко-

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 195.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 55.

³ Там же, стр. 57.

мания и предвзятость в выборе формы маневра свидетельствовали о ненаучности немецко-фашистского военного искусства, о шаблонном решении вопросов вожделения войск.

Научное разрешение проблем взаимодействия и вожделения войск товарищем Сталиным обеспечило неуклонно возрастающее превосходство советского военного искусства над немецко-фашистским военным искусством.

Значительную помощь Советским войскам оказали советские партизаны. По призыву товарища Сталина советские люди, оказавшиеся в тылу немецко-фашистской армии, на территории временно оккупированных районов Советского Союза, поднялись на вооруженную борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Партизанское движение в Великой Отечественной войне Советского Союза приобрело невиданный в истории войн размах, оно отличалось высокой организованностью. Тактика действий партизанских отрядов на каждом этапе определялась Верховным Главнокомандованием. Товарищ Сталин в своих приказах ставил задачи партизанам, направлял их боевую деятельность. К лету 1942 г. удары партизан по важнейшим коммуникациям немецко-фашистской армии, по гарнизонам оккупантов в сочетании с массовой политической работой среди населения временно оккупированных районов создали в тылу немецко-фашистской армии сложную для нее обстановку, которая из месяца в месяц обострялась. Зверствами, террором, провокациями, расистской демагогией гитлеровцы пытались с первых дней вторжения запугать советских людей, обречь их на рабскую покорность. Гитлеровцы уничтожили тысячи городов и сел, убили и угнали на каторжные работы сотни тысяч женщин, детей, стариков. Все это вызвало еще большее народное возмущение и усиление партизанской борьбы.

Гитлеровские стратеги «не предвидели», что на занятой территории разгорится партизанская война. Борьба с партизанами «не входила» в расчеты германского генерального штаба.

История войн дает немало примеров, когда в достижении победы над интервентами крупная роль принадлежала партизанам. Так было в России во время Отечественной войны 1812 г. Так было во время военной интервенции и гражданской войны в СССР в 1918—1920 гг. Немецкая военщина должна была это знать и по своему печальному опыту, полученному еще в 1918 г. на Украине. Однако немецко-фашистская историография замалчивала эти уроки истории, а военная теория не считалась с ними. Победа социализма в СССР, морально-политическое единство советских людей создали небывалые возможности для развития партизанской войны в годы Великой Отечественной войны. Игнорирование исторического опыта, нежелание считаться с перспективой неизбежной партизанской войны в оккупированных немецко-фашистской армией районах СССР также вскрывает авантюризм стратегии Гитлера — Кейтеля.

Как известно, мерзкие писания Гитлера отражали также и идеи его советников, в том числе военных, среди которых первым был Кейтель. Вот одно из высказываний Гитлера, характеризующее

взгляды банды фашистских авантюристов на способы ведения войны: «Массовые воздушные атаки, внезапные удары, акты терроризма, сокрушительные атаки на все слабые места обороны противника, наносимые, подобно ударам молота, одновременно, без раздумывания о резервах, о потерях, — такова будущая война. Гигантский молот, который сокрушает все. Я вижу только это, и я не думаю о последствиях».

Одним словом, оглушить одним ударом армию противника, терроризировать поработанное население страны — таков смысл фашистской тотальной войны.

Широкий размах партизанского движения вынудил гитлеровцев создавать крупные соединения для охраны и обороны тыла своей армии, привлекать для «карательных операций» десятки тысяч войск, в том числе авиационные и танковые части. Но, несмотря на это, гитлеровцы не могли защитить свои коммуникации от постоянных ударов советских партизан.

Поражение немецко-фашистской армии под Москвой и последовавшее затем наступление Советской Армии заставили гитлеровское командование снимать остатки своих войск с территории оккупированной Франции, перебрасывать их на советско-германский фронт. Благодаря героической борьбе Советской Армии была ликвидирована угроза немецко-фашистского вторжения на Британские острова и созданы благоприятные условия для развертывания вооруженных сил Англии и США. К весне 1942 г. эти страны имели большие морские флоты, сухопутные армии, насчитывающие несколько миллионов человек и оснащенные современной техникой. Таким образом, англо-американское командование имело полную возможность поддерживать Советскую Армию, нанести армии фашистской Германии удар с запада и выполнить свои союзнические обязательства — открыть второй фронт в Европе. Народы Англии и США требовали от своих правительств создания второго фронта в Европе против Германии. Однако американско-английские реакционеры, упорно преследуя свои антисоветские цели, саботировали развертывание борьбы против немецко-фашистских войск.

Американско-английские империалисты придерживались своей традиционной политики загребания жара чужими руками. Так, через день после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз тогда сенатор, а с 1945 г. президент США Трумэн с откровенной циничностью заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Такое же заявление сделал в 1941 г. тогдашний министр авиационной промышленности Англии Мур Брабазон, выразивший чаяния английских империалистов. Он сказал, что лучшим исходом борьбы на советско-германском фронте было бы взаимное истощение СССР и Германии, в результате которого Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе.

Невыполнение союзнических обязательств черчиллями и маршаллами развязывало руки фашистской Германии. Не опасаясь ударов с Запада, гитлеровцы продолжали держать на советско-германском фронте 240 дивизий (179 немецких дивизий и 61 дивизия сателлитов) из 256. Как известно, во время первой мировой войны Германия и ее союзники имели на русском фронте в два раза меньше дивизий. Понятно, в какое трудное положение поставили Советский Союз американско-английские реакционеры, саботировавшие открытие второго фронта в Европе против гитлеровской Германии.

«Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, — указывал товарищ Сталин 7 ноября 1942 г., — немцы и их союзники собрали все свои резервы под метёлку, бросили их на наш украинский фронт и прорвали его»¹.

Новый натиск немецко-фашистских полчищ представлял для Советской страны большую опасность. Почувствовав смертельную угрозу, которую таила война с Советским Союзом, гитлеровцы мобилизовали все силы для осуществления своей очередной авантюры. Правда, в отличие от 1941 г. теперь они наступали лишь на юге, что было вызвано огромными потерями немецко-фашистских войск зимой 1941 г. (особенно под Москвой) и все возрастающим могуществом Советского Союза и его армии.

Вновь захватив инициативу, гитлеровская армия прорвала фронт Советской Армии на юге и поставила под угрозу Сталинград, Черноморское побережье, Грозный и подступы к Закавказью.

7 ноября 1942 г. в своем приказе № 345 товарищ Сталин заявил: «Борьба на советско-германском фронте становится всё более напряжённой. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины»².

Предпринимая наступление летом 1942 г. верховное командование немецко-фашистской армии вновь пыталось добиться «молниеносной победы» над Советской Армией, Советским государством. «Блицпобеда» попрежнему рассматривалась ими как основное условие завоевания мирового господства. По планам гитлеровцев овладение Сталинградом должно было послужить сигналом для выступления против СССР Японии и Турции, а также открыть гитлеровской армии путь в Индию и на Ближний Восток.

План кампании 1942 г. Гитлера — Кейтеля — Иодля был составлен на основе тех же порочных положений «молниеносной войны», на которых базировался «план Барбаросса». Гитлеровское командование через печать Германии и с помощью реакционной печати других капиталистических стран пыталось ввести в заблуждение советское командование в отношении своих действительных планов. Так, германский генеральный штаб пытался убедить легковверных, что главная цель немецкого наступления летом 1942 г. заключалась в захвате нефтяных районов Грозного и Баку.

Товарищ Сталин разгадал немецко-фашистский план, мобилизовал советский народ на ликвидацию новой грозной опасности, кото-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 79.

² Там же.

рую представляло собой наступление гитлеровских полчищ, и вместе с тем вскрыл беспочвенность, авантюризм немецко-фашистской стратегии.

«Факты говорят,— указывал товарищ Сталин 6 ноября 1942 г.,— что продвижение немцев в сторону нефтяных районов СССР является не главной, а вспомогательной целью.

В чём же, в таком случае, состояла главная цель немецкого наступления? Она состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать её от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим собственно и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда...

Короче говоря, главная цель летнего наступления немцев состояла в том, чтобы окружить Москву и кончить войну в этом году... Обжегшись в прошлом году на лобовом ударе по Москве, немцы вознамерились взять Москву в этом году уже обходным движением и тем кончить войну на Востоке. Этими иллюзиями кормят они теперь своих одураченных солдат. Как известно, эти расчёты немцев также не оправдались. В результате, погнавшись за двумя зайцами — и за нефтью, и за окружением Москвы, — немецко-фашистские стратеги оказались в затруднительном положении.

Таким образом, тактические успехи летнего наступления немцев оказались незавершёнными ввиду явной нереальности их стратегических планов»¹.

Гениальное сталинское руководство, основанное на научном предвидении развития событий, являлось могучей мобилизующей и организующей силой, направляющей советских людей на борьбу с гитлеризмом.

Определяя сущность большевистского руководства, товарищ Сталин говорил в 1928 г.: «Сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, — это еще не значит руководить. Большевизм не так понимает руководство. Чтобы руководить, надо предвидеть»².

Товарищ Сталин предвидел возможность новой авантюры гитлеровцев. Еще 23 февраля 1942 г. товарищ Сталин ставил задачу всемерного усиления подготовки резервов, развертывания военного производства.

«Враг терпит поражение, — говорил товарищ Сталин, — но он ещё не разбит и — тем более — не добит. Враг ещё силен. Он будет напрягать последние силы, чтобы добиться успеха»³.

Под руководством партии и товарища Сталина советский народ

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 65, 66.

² И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 35.

³ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 45.

и советские Вооруженные Силы сорвали планы гитлеровцев и добились коренного перелома в ходе второй мировой войны. Организуя и проводя оборонительные операции на южных участках фронта и нанося сильные удары на Центральном фронте, организуя подготовку и накопление резервов всех видов, Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин поставил перед Советской Армией задачу измотать, обескровить врага, чтобы в последующем перейти в контрнаступление.

Оборонительные операции Советской Армии на сталинградском направлении и на Северном Кавказе начались в конце июня 1942 г.

Добиваясь осуществления своей главной цели — обхода Москвы с востока, гитлеровцы бросили в наступление на сталинградском направлении огромную массу войск и боевой техники: 6-ю армию и 4-ю танковую армию, 3-ю и 4-ю румынские армии. Одновременно крупная группировка начала наступление на Кавказе.

Маневр главной немецко-фашистской группировки напоминал шаблонную оперативную форму, вошедшую в арсенал «ключей победы» немецкой военщины под именем «плана Шлиффена». Затевая охват, в два-три раза по размаху превышающий обход Парижа (до 1000 км против 300—400), Гитлер — Кейтель — Йодль рассчитывали на мощь «танковых клиньев».

Героическая Советская Армия сорвала немецко-фашистский авантюристический план и вскрыла дефективность стратегии германских милитаристов, шаблонность их тактики, доказала силу сталинской военной науки.

Командование немецко-фашистской армии ставило задачу быть в Сталинграде 25 июля, захватив город с ходу. Однако советские войска заставили гитлеровцев в течение месяца вести изнурительные бои в районе большой излучины Дона, затем еще месяц шли еще более яростные бои на подступах Сталинграда. С середины сентября по 19 ноября в невиданном в истории войн сражении в самом городе советские войска отстаивали и отстояли Сталинград. Весь мир — сотни миллионов друзей советского народа — с горячей надеждой, любовью и восхищением, враги Советского Союза со страхом и ненавистью следили за ходом Сталинградской битвы, решавшей судьбы человечества.

Американо-английские фальсификаторы истории тщетно тешат себя надеждой, что народы поверят им, что их бои с горстью немецких и итальянских войск в Северной Африке тоже «решали» судьбу войны, что народы забудут о преступном саботаже открытия второго фронта, что в памяти народов мира померкнут беспримерные подвиги сталинградцев. История учит, что память народов — крепкая память. Трудящиеся и все честные люди во всем мире никогда не забудут героев-сталинградцев, подвиги сержанта Павлова, 33 бронейщиков, отбивших атаку 70 фашистских танков, бесмертные подвиги комсомольцев, закрывших своими телами амбразуры вражеских дзотов.

Оборона Сталинграда имела огромное значение для всего хода второй мировой войны.

Враг пытался во что бы то ни стало взять Сталинград. Это было необходимо ему для того, чтобы заставить Японию открыть военные действия против СССР, чтобы укрепить свой престиж в фашистском лагере и с помощью англо-американских империалистов расколоть антигитлеровскую коалицию. Гитлеровцы думали, что, овладев городом, носящим имя великого Сталина, они смогут морально подавить советских людей.

Но германские империалисты и гитлеровская военщина вновь жестоко просчитались. Советская Армия, советский народ, защитники Сталинграда готовы были биться за Сталинград до конца. Гнусные фашистские разбойники, вынашивая мерзкую идею о подрыве духа советских людей, оказались неспособными предвидеть то, что советские люди, воспитанные Лениным и Сталиным, создадут у стен Сталинграда такую оборону, дадут врагу такой отпор, что подступы к Сталинграду, его площади, улицы и развалины домов и заводов станут могилой десятков тысяч интервентов, а заодно и разбойничьих планов германских империалистов, фашистского генерального штаба.

Героические сталинградцы выполняли приказ товарища Сталина, писавшего командующему Сталинградским фронтом: «Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику»¹.

Оперативно-тактические формы борьбы, примененные гитлеровскими войсками под Сталинградом, сводились к тем же немногочисленным шаблонам, к каким они прибегали и раньше. Это показала борьба на дальних подступах к Сталинграду. И в этом случае применение шаблонных форм маневра («вбивание танковых клиньев», «клещи») не дало таких результатов, которые могли бы оправдать большие потери, понесенные гитлеровцами.

С середины августа 1942 г. фашистское командование стремилось взять Сталинград, охватив его с двух сторон и прорвав оборону советских войск двумя клиньями: с северо-запада группировкой из двух танковых, шести пехотных и двух мотодивизий и с юго-запада группировкой в составе двух танковых, одной мотодивизии и трех пехотных дивизий. С фронта вели наступление до пятнадцати пехотных дивизий.

И этот план германского командования был построен по шаблонной схеме. Строя «клещи», гитлеровцы не учитывали изменившегося соотношения сил на советско-германском фронте. Они недооценили силу обороны Сталинграда и, конечно, не ждали такого отпора, который им дали героические сталинградцы. Весь опыт войны свидетельствует о том, что немецкий генералитет оказался неспособным творчески подойти к решению задач оперативного искусства и тактики и не шел дальше шаблонных схем.

Нельзя не вспомнить, что эти шаблонные схемы были уродливым плодом немецкой военной мысли, что они вынашивались на протяжении десятков лет. Действия мелких подразделений и крупных

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, 1947 г., стр. 198.

соединений в боях на дальних и ближних подступах к Сталинграду и в самом городе, как и план гитлеровцев в целом, были построены по шаблону.

Характерно, что даже борьбу с советскими партизанами, наносившими в это время огромной силы удары по тылам немецко-фашистской армии, немецкие войска также вели по шаблону. Наставление «О борьбе с партизанским движением на Востоке», написанное Иодлем и введенное в действие осенью 1942 г., предписывало две формы действий карателей против советских партизанских отрядов: концентрическую атаку «котел» или внезапный налет на стоянку отряда. Преследование прорвавших кольцо окружения партизанских отрядов воспрещалось. Требовалось только «окружать», а затем прочесывать окруженный участок. Если карателей постигала неудача и они прочесывали густое место, то наставление требовало повторять сначала тот же прием.

Советские войска под Сталинградом действовали не только самоотверженно, но искусно. Советские солдаты и офицеры уже приобрели боевой опыт и били врага наверняка, стойко обороняя свои позиции, контратакуя противника, умело организуя взаимодействие родов войск. На основе указаний товарища Сталина была заново разработана тактика уличных боев, соответствующая условиям машинного периода войны. Эта тактика превзошла немецкую тактику.

Оборона советских войск под Сталинградом оказалась непреодолимой. К концу октября гитлеровские войска были вынуждены перейти к обороне.

Одновременно летом и осенью 1942 г. враг был измотан и обескровлен в боях за Северный Кавказ и остановлен у предгорий Кавказского хребта. Проводя оборонительные сражения, Советское Верховное Главнокомандование настойчиво подготавливало переход Советской Армии в контрнаступление.

В 1947 г. товарищ Сталин, ставя задачу изучения такой формы боевых действий, как контрнаступление, писал: «Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления... Ещё старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска в глубь своей страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом также наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помщи хорошо подготовленного контрнаступления»¹.

Гениально разработав проблему контрнаступления применительно к машинному периоду войны, к особенностям социалистиче-

¹ Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина, журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 8.

ского государства и Советской Армии, к особенностям противника — империалистической Германии, гитлеровской армии, товарищ Сталин организовал подготовку гигагнтского контрнаступления, которым Советская Армия положила начало крушению гитлеровской военной машины.

Героическая оборона Сталинграда советскими войсками значительно ослабила немецко-фашистские войска. С начала своего наступления до 19 ноября немецкие войска потеряли 180 тысяч человек убитыми и 500 тысяч ранеными, 1500 танков, свыше 1000 орудий, 1300 самолетов.

Советские войска отстояли выгодные для перехода в контрнаступление рубежи, в том числе плацдармы на правом берегу Дона. Стремясь любой ценой овладеть Сталинградом, немецко-фашистское командование в ходе борьбы сосредоточило свои ударные силы (6-ю и 4-ю танковые армии) на узком участке фронта, не обеспечив своих растянутых флангов.

Героическая оборона Сталинграда позволила выиграть время для накопления крупных резервов в тылу. Партия, товарищ Сталин неустанно вели мобилизацию моральных сил советского народа и Советской Армии. В своем приказе 7 ноября 1942 г. товарищ Сталин говорил: «Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалёк тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»¹.

Массовая политико-воспитательная работа партийных организаций в тылу, парторганизаций и политорганов на фронте, героизм советских солдат, офицеров и самоотверженный труд советских людей в тылу явились крупнейшими факторами, обеспечившими победу.

Успешное контрнаступление Советской Армии в 1942 г. под Сталинградом показало могущество Советского государства, Советской Армии, силу советского военного искусства. Вместе с тем в ходе этого контрнаступления была вскрыта порочность немецко-фашистского военного искусства.

В Сталинградской наступательной операции был осуществлен план товарища Сталина, намечавший прорыв обоих флангов, окружение и уничтожение группировки врага, действовавшей на сталинградском направлении.

Операцию проводили три фронта.

19 и 20 ноября мощные группировки советских войск прорвали фронт обороны противника на флангах, затем в прорыв были введены подвижные войска, за которыми стремительно наступала пехота с мощной артиллерией. 23 ноября кольцо окружения было замкнуто в районе Калач, Советский.

План операции предусматривал и ликвидацию попыток деблокады, и немедленный переход к уничтожению окруженных вражеских войск.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 81.

В первые дни наступления под Сталинградом наши войска нанесли врагу огромный урон, уничтожив 95 тысяч и пленив 72 тысячи немецких солдат и офицеров. Пытаясь освободить свою окруженную группировку, гитлеровское командование лихорадочно стягивало войска в районы Тормосин и Котельниково. Чтобы в корне пресечь эти попытки и развить успех Советской Армии, Верховное Главнокомандование провело наступательную операцию на среднем Дону, в ходе которой враг потерял убитыми 59 тысяч солдат и офицеров и 56 тысяч ранеными и был вынужден преждевременно использовать войска своей тормосинской группировки. Одновременно наши войска отразили попытку деблокады со стороны котельниковской группировки и к концу декабря разгромили ее. В этих боях еще раз было доказано превосходство советской стратегии и тактики над немецко-фашистской стратегией и тактикой.

Котельниковская группировка гитлеровцев, возглавленная Манштейном (тем самым военным преступником, которому ныне покровительствуют американо-английские поджигатели войны) и имеющая в своем составе свыше 300 танков, действовала по одному из излюбленных гитлеровцами шаблонов («танковым тараном»). Яростные атаки немецких танков искусно отбивались советской пехотой и артиллерией, войсками заслона, обеспечивавшими Сталинградскую операцию с юго-запада. В конце декабря группе Манштейна был нанесен мощный удар, который ликвидировал последнюю попытку деблокады окруженной под Сталинградом группировки.

Верховное Главнокомандование возложило на войска Донского фронта задачу ликвидации окруженной группировки гитлеровских войск.

8 января командующему окруженных войск генералу Паулюсу был направлен ультиматум. Этот документ, освещающий крупнейшие исторические события, показывает гуманизм Советской Армии и еще раз обнажает звериный лик германского фашизма, германской военщины, готовых обречь на гибель десятки тысяч немецких солдат во имя своих бредовых идей.

В ультиматуме говорилось:

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались: спешившие вам на помощь германские войска разбиты частями Красной Армии и остатки этих войск отступают на Ростов.

Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных войск издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое, они испытывают голод, болезни и холод.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции: 1) всем германским окруженным войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление; 2) вам организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Отклонение ультиматума, несмотря на очевидную безнадежность положения окруженной группировки, еще раз показало преступность гитлеровской правящей клики, в том числе военщины, ее враждебность германскому народу.

С 10 января по 2 февраля советские войска впервые в истории войн провели сложную операцию по уничтожению огромной группировки.

Великая победа под Сталинградом превзошла все наиболее знаменитые в истории войн образцы военного искусства, показав величие полководческого гения товарища Сталина.

«Это была самая выдающаяся победа в истории великих войн. Битва за Сталинград — венец военного искусства; она явила новый пример совершенства передовой советской военной науки. Одержанная здесь историческая победа — яркое торжество сталинской стратегии и тактики, торжество гениального плана и мудрого предвидения великого полководца, пронизательно раскрывшего замыслы врага и использовавшего слабости его авантюристической стратегии»¹.

Поражение под Сталинградом предвещало закат немецко-фашистской армии. Великая победа Советской Армии имела огромное всемирно-историческое значение.

В первый период Великой Отечественной войны и в особенности в ходе Сталинградской битвы было в грандиозном историческом масштабе на практике показано превосходство Советской страны и Советской Армии над любой буржуазной страной и любой буржуазной армией.

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, 2-е издание, стр. 202—203.

«Я думаю, — говорил товарищ Сталин 6 ноября 1942 г., — что никакая другая страна и никакая другая армия не могла бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша Советская страна, и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск. И не только выдержать, но и преодолеть его»¹.

В великой Сталинградской битве было в огромном историческом масштабе на практике показано превосходство советской военной науки над военной наукой империалистической Германии, армия которой наводила ужас на армии других буржуазных государств.

В своем приказе от 23 февраля 1943 г. товарищ Сталин вскрыл причины, определившие поражение немецких войск и успехи Советской Армии в первые три месяца наступления Советской Армии в 1942—1943 гг.

Поражение немецко-фашистской армии было обусловлено тем, что на советско-германском фронте изменилось соотношение сил. Немецко-фашистская армия, имевшая ранее превосходство в технике, прежде всего в танках и самолетах, утратила это превосходство. В результате самоотверженного труда работников военной промышленности выпуск танков, самолетов, орудий увеличился в несколько раз. Одновременно Советская Армия уничтожила и захватила огромное количество боевой техники врага. Только за три месяца наступления Советской Армии 1942—1943 гг. немецко-фашистская армия потеряла 7000 танков, 4000 самолетов, 17 тысяч орудий и много другого вооружения. Чтобы возместить эти потери, гитлеровцам требовалось время.

Гитлеровская Германия утратила свои временные преимущества. За 20 месяцев войны Советская Армия вывела из строя до 9 миллионов немецко-фашистских солдат и офицеров, из них не менее 4 миллионов было убито. В Германии нехватало людских ресурсов, для пополнения огромной убыли войск также требовалось время.

В ходе войны военное искусство Советской Армии — тактика, оперативное искусство и стратегия — достигли высокого совершенства. Ярким свидетельством высоких достоинств, силы советского военного искусства является великая Сталинградская битва.

В ходе войны под ударами Советской Армии вскрылась порочность немецкой военной науки, которая основывалась на использовании временно действующих факторов, вскрылась дефективность немецкой стратегии и шаблонность немецкой тактики.

«В ходе войны, — отмечал товарищ Сталин, — Красная Армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага наверняка с учётом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука. Сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия, — винтовки, сабли, пулемёта, артиллерии, миномётного дела, танкового дела, сапёрного дела, авиации. Десятки тысяч командиров Красной Армии стали

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 69, 70.

мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу и мужество с умением руководить войсками на поле боя, от решившись от глупой и вредной линейной тактики и став прочно на почву тактики маневрирования.

Нельзя считать случайностью тот факт, что командование Красной Армии не только освобождает от врага советскую землю, но и не выпускает врага живым с нашей земли, осуществляя такие серьёзные операции по окружению и ликвидации вражеских армий, которые могут послужить образцом военного искусства. Это, несомненно, — признак зрелости наших командиров.

Не может быть сомнения, что только правильная стратегия командования Красной Армии и гибкая тактика наших командиров-исполнителей могли привести к такому выдающемуся факту, как окружение и ликвидация огромной отборной армии немцев в составе 330 тысяч человек под Сталинградом.

У немцев в этом отношении далеко не всё благополучно. Их стратегия дефективна, так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и переоценивает свои собственные силы. Их тактика шаблонна, так как она старается подогнать события на фронте под тот или иной параграф устава. Немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требования устава. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает «не соответствовать» тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость»¹.

В результате ударов Советской Армии в 1942—1943 гг. под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Ленинградом и на Украине в лагере фашистов возник серьёзный кризис. Германский империализм, германская военщина оказались перед фактом банкротства своей теории молниеносной войны.

«Кризис в лагере фашистов, — указывал товарищ Сталин, — выражается, прежде всего, в том, что враг оказался вынужденным открыто отказаться от своей первоначальной установки на молниеносную войну. В лагере врагов теперь уже не в моде говорить о молниеносной войне, — крикливая болтовня о молниеносной войне сменилась унылыми причитаниями о неизбежности затяжной войны»².

Вместе с тем гитлеровцы заговорили о сепаратном мире, пытаясь внести раскол в антигитлеровскую коалицию.

Как известно, американско-английские реакционеры за спиной у своего союзника — СССР — вступили в тайные переговоры с гитлеровскими правящими кругами.

Когда в результате ударов Советской Армии гитлеровцы открыто отказались от установки на «молниеносную войну» и начали говорить о затяжной войне, они отнюдь не отбросили свою порочную военную теорию, отражающую разбойничью политику герман-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 92—93.

² Там же, стр. 99.

ских империалистов, основанную на реакционных догмах германских милитаристов прошлого. Их стратегия войны «на измор» исходила из догматических концепций «действительной войны» Клаузевица, «стратегии измора» Дельбрюка, выигрыша войны «позиционной обороной» Фалькенгайна — Зольдана.

Выше уже говорилось, что реакционная военная идеология Германии не смогла правильно решить вопросы о соотношении наступления и отступления, обороны и контрнаступления. С момента своего возникновения юнкерско-буржуазная военная мысль отстаивала ложную идею о том, что в случае неудач «молниеносной войны» при любом соотношении сил можно добиться успеха методом политического коварства на международной арене, выиграв для этого время «неприступной» обороной. После поражения в первой мировой войне, не поняв причин так называемого «позиционного тупика», военная мысль германской военщины переоценивала то позиционные формы борьбы, то «блицнаступление», исходящее из отрицания мощи современной обороны.

Доктрина Фалькенгайна — Зольдана представляла собой попытку компромиссного решения этого вопроса. Ее авторы стремились сочетать несочетаемое: утверждение, что войну можно выиграть одной только позиционной обороной с утверждением, что успех в войне дает только «блицкриг».

Заговорив о войне на измор и начав строить мощные оборонительные рубежи, ведя переговоры о сепаратном мире, гитлеровцы одновременно готовили еще одну большую авантюру на советско-германском фронте, еще раз пытаясь разбить Советскую Армию методом «молниеносной войны».

Предпринимая наступление летом 1943 г., гитлеровское командование в своем приказе указывало, что это наступление «должно иметь решающее значение и послужить поворотным пунктом в ходе войны».

Товарищ Сталин разрешил важную проблему военного искусства машинного периода войны о взаимоотношении позиционных и маневренных форм борьбы. Обогатив военное искусство разработкой вопросов об использовании артиллерии и авиации, о взаимодействии родов войск, товарищ Сталин учит Советскую Армию творчески применять маневр, успешно решать задачи прорыва современной обороны, то есть решать задачи, которые оказались непосильными для буржуазных армий, в том числе для немецко-фашистской армии. Вместе с тем товарищ Сталин учит Советскую Армию строить мощную современную оборону.

Зимой и весной 1943 г. товарищ Сталин, изучив сложившуюся обстановку, указывал, что фашистский блок идет к неизбежной катастрофе, но что еще не исключена возможность опасных авантюр с его стороны и что Советская Армия должна быть готова отразить новый удар врага.

Изменение соотношения сил в пользу Советской Армии создало возможность усиления ударов по врагу.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 г. ставилась задача:

«...Всей Красной Армии — закрепить и развить успехи зимних боёв, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками. В обороне проявлять упорство и стойкость, свойственные бойцам нашей армии. В наступлении — решительность, правильное взаимодействие войск, смелый манёвр на поле боя, завершаемый окружением и уничтожением противника»¹.

Летом 1943 г., пользуясь тем, что клика Черчилля и реакционеры США продолжали саботировать открытие второго фронта, гитлеровское командование попыталось еще раз, сосредоточив против Советской Армии все силы, изменить ход войны в свою пользу.

В битве под Курском авантюризм немецкой стратегии выступил во всей его отвратительной наготы.

Гитлеровцы явно не считались с тем, что соотношение сил уже изменилось в пользу Советского Союза. Проведя «тотальную» мобилизацию, накопив несколько тысяч танков и самолетов новых систем, немецко-фашистское командование вновь берет курс на «молниеносное» наступление.

Они сосредоточили и ввели в бой на узком участке большую массу войск: 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных дивизий.

Однако продвижение гитлеровцев было незначительным: их орловская группировка продвинулась на 9 км, белгородская — до 35 км.

7 августа Совинформбюро сообщило:

«...Летнее наступление немецких войск, на которое гитлеровцы возлагали большие надежды, провалилось. Красная Армия развеяла созданную гитлеровцами сказку о том, что лето якобы является сезоном успехов и побед немецкой армии, а советские войска летом вынуждены будто бы находиться в отступлении.

В бесплодных попытках завладеть курским плацдармом и тем самым подготовить условия для наступления с орловского плацдарма на Москву немецко-фашистские войска за время с 5 по 23 июля потеряли 2900 танков, 1039 орудий, из них 195 самоходных, 1392 самолета, свыше 5 тысяч автомашин и более 70 тысяч солдат и офицеров убитыми.

Так окончилась очередная авантюра гитлеровцев»².

Советские войска, используя богатый опыт войны, построили мощную оборону, с величайшей стойкостью выдержали натиск гитлеровской бронированной армады и перешли затем в успешное контрнаступление.

При составлении плана прорыва и определении методов его проведения командование немецко-фашистских войск исходило из тех же шаблонных схем.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 103.

² Сообщения Советского Информбюро, кн. 5, издание Совинформбюро, Москва, 1944 г., стр. 61.

Два клина, состоящих из массы танковых и механизированных войск, должны были «прорвать» фронт у основания курского выступа, т. е. там, где в данном случае советские войска имели (что гитлеровцы должны были предвидеть) особенно прочную оборону, а на остальных участках «сковать» советские войска.

Примененный гитлеровцами решительный маневр двустороннего охвата был явно не пригоден в данных условиях, что еще раз свидетельствовало о шаблонном подходе к выбору формы маневра, о шаблонности немецко-фашистской тактики и обрекало немецко-фашистские войска на разгром по частям.

Двусторонний охват должен был привести к окружению и уничтожению большой группы советских войск, что, по замыслу фашистских стратегов, дало бы им возможность нанести удар в направлении Москвы с орловского плацдарма. Но эта задача явно не могла быть осуществлена теми силами, которыми располагали гитлеровцы.

Товарищ Сталин говорил:

«Что касается битвы под Курском, то она окончилась разгромом двух основных наступающих групп немецко-фашистских войск и переходом наших войск в контрнаступление, превратившееся потом в мощное летнее наступление Красной Армии. Битва под Курском началась наступлением немцев на Курск с севера и с юга. Это была последняя попытка немцев осуществить большое летнее наступление и в случае её успеха наверстать потерянное. Наступление окончилось, как известно, провалом. Красная Армия не только отбила наступление немцев, но сама перешла в наступление и рядом последовательных ударов в течение летнего периода отбросила немецко-фашистские войска за Днепр.

Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой»¹.

В сражениях 1943 г., который товарищ Сталин назвал годом коренного перелома, победы Советской Армии все более ярко демонстрировали силу сталинской военной науки. Вместе с тем все более наглядно вскрывался и разоблачался авантюризм немецко-фашистской стратегии. Гитлеровская клика делала просчет за просчетом.

Летом 1943 г. Советская Армия опрокинула расчеты гитлеровцев, разгромила их ударные силы под Курском и погнала их «...на Запад, растоптав тем самым авторитет немецкого оружия»².

Гитлеровская Германия не имела сил для затяжной войны, которые она могла бы противопоставить Советской Армии. Стратегия затяжной войны была очередной авантюрой.

«Немцы рассчитывали взять курс на затяжную войну, — говорил товарищ Сталин, — стали строить оборонительные рубежи

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 113, 114.

² Там же, стр. 114.

и «валы», объявив во всеулышание о неприступности их новых позиций. Но Красная Армия и здесь опрокинула расчёты немцев, прорвала их рубежи и «валы», продолжает успешно наступать и не даёт им сроков для затяжки войны»¹.

Также авантюрой явились «тотальные мобилизации», которые гитлеровцы осуществляли и широко рекламировали.

Недостаток людских ресурсов являлся слабостью немецко-фашистских армий в войне с СССР. Удары Советской Армии привели к истощению людских ресурсов гитлеровской Германии. «Тотальные мобилизации» лишь внесли хаос и подорвали работу тыла, не улучшив положения немецко-фашистской армии.

Вскрывая причины побед Советской Армии в 1942—1943 гг., источники ее растущей мощи и превосходства над немецко-фашистской армией, товарищ Сталин подчеркнул решающую роль всенародной помощи фронту, которую оказали советские люди, самоотверженно работавшие на фабриках и заводах, на шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве. Успехи Советской Армии явились результатом неразрывного единства между фронтом и тылом, в результате которого под руководством коммунистической партии советский народ и Советская Армия превратились в могучую силу, в грозу для гитлеровской армии, для фашистской Германии.

Товарищ Сталин говорил:

«Нынешняя война со всей силой подтвердила известное указание Ленина о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всём протяжении войны. Именно таким государством является наше государство... Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъёма страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время»².

Великие победы Советской Армии в 1944 г. являются наглядной картиной сталинской военной науки в действии. В результате побед, одержанных в 1943 г., мощь Советского Союза и Советской Армии возросла, а гитлеровская Германия и ее армия стали слабее.

Отмечая, что гитлеровская Германия неуклонно движется к катастрофе, товарищ Сталин неустанно призывал советский народ мобилизовать все силы для нанесения решающих ударов по врагу. Товарищ Сталин указывал, что победа не приходит сама — ее нужно завоевать.

«Не было ещё в истории войн случая, чтобы враг сам прыгнул в пропасть. Чтобы выиграть войну, нужно подвести противника

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 114.

² Там же, стр. 119, 120.

к пропасти и столкнуть его туда. Только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе»¹.

Клаузевиц сформулировал положение о том, что наступление неизбежно с течением времени затухает. В период империализма это положение было подхвачено буржуазными военными идеологами. Теоретики военного искусства армий империалистических государств превратили это положение в «универсальный закон», которым немецко-фашистская военщина пользовалась для «оправдания» блицкрига.

Товарищ Сталин отбросил и этот догмат буржуазной военной мысли. На базе социалистического строя, который дает советскому народу и Советской Армии великую непреборимую силу, и военная стратегия приобретает новые возможности, новые особенности.

Неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары — десять сталинских ударов Советской Армии — окончательно похоронили разбойничьи планы гитлеровских империалистов и сорвали антисоветские планы американо-английских империалистов, рассчитанные на истощение Советского государства.

В своем докладе 6 ноября 1944 г. товарищ Сталин охарактеризовал великие победы, одержанные Советской Армией над фашистским блоком в 1944 г.:

«Решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов советской земли были предreshены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых ещё в январе этого года и развёрнутых затем в течение всего отчётного года»².

В десяти сталинских ударах, результатом которых были развал фашистского блока, изоляция гитлеровской Германии, перенесение войны на её территорию, разгром 136 дивизий врага и создание предпосылок для полной победы, проявилось могущество СССР, Советской Армии и советского Военно-Морского Флота. Вместе с тем в этом гигантском наступлении проявилась в полной мере сила советской военной науки, её превосходство над буржуазной военной наукой, над военной наукой империалистической Германии.

Руководство большевистской партии и товарища Сталина обеспечило огромный рост экономического, морального и военного потенциала СССР, всесторонний перевес сил над врагом, который был реализован сталинской стратегией, оперативным искусством и тактикой с наибольшим успехом.

Исторические победы СССР в 1944 г. не оставили камня на камне от всей системы взглядов, составляющих немецко-фашистскую военную идеологию, от догматов и шаблонов, составляющих военные теории прусско-германской военщины. Распад гитлеровского блока и объявление войны фашистской Германии Румынией, Болгарией, Венгрией свидетельствовали о том, что расовая теория

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 139.

² Там же, стр. 153.

(не только немецкая, но и любая другая, в том числе и американо-английская!) является источником слабости и внешнеполитической изоляции, что она не может служить основой сколько-нибудь прочной военной коалиции. Империалистическая коалиция, основанная на эгоистическом отношении к союзнику, на подавлении его интересов, не может быть прочной и неизбежно разваливается при серьезном испытании.

Поражение немецко-фашистской армии, освобождение оккупированных гитлеровцами районов Советской Армией при действенной помощи советских партизан свидетельствовало также о том, что полностью провалилась установка фашистской военной науки на применение террористических методов тотальной войны. Грабежи, истребление мирных жителей и военнопленных, практиковавшиеся гитлеровскими мерзавцами, привели к тому, что советский народ превратился в армию мстителей. «Тотальная война» гитлеровского империализма вызвала всенародную Отечественную войну советского народа, в которой немецко-фашистская военная машина была уничтожена. Провалилась установка прусско-германской военщины на всякого рода «рецепты победы»: не помогли ни «короткие удары», ни «непреодолимые валы», ни «танковые клинья».

Стало еще более ясно, что ведение войны является наукой, овладение которой недоступно военным идеологам реакционного класса — империалистической буржуазии.

Гитлеровское командование рассчитывало, обороняя огромный фронт от Петсамо до Севастополя, все выступы этого фронта, плацдармы, излюбленные немецкими милитаристами «фланговые позиции», построив многополосную оборону и проводя (как показал Кейтель в Нюрнберге) контрудары подвижными силами методом «коротких ударов» крупного масштаба, обескровить советские армии.

Бездействие англо-американских армий и попытки сепаратных переговоров о мире с гитлеровцами, которые англо-американцы начали в 1943 г., дали возможность гитлеровскому командованию по-прежнему держать свои основные силы на советско-германском фронте.

В Германии и оккупированных ею странах производилось много оружия. В докладе министра вооружений Германии сообщалось, что в 1944 г., несмотря на резкое уменьшение выпуска военной продукции, еще возможно было годовой продукцией вооружить и полностью снабдить 225 пехотных и 45 бронетанковых дивизий¹.

Заметим, что эти данные опровергают англо-американских фальсификаторов истории второй мировой войны, пытающихся приписать своей авиации исключительную роль в срыве военного производства в Германии. Известно, что от налетов англо-американской авиации страдало мирное население, на головы которого сбрасывались бомбы, тогда как многие предприятия военной промышленности оставались невредимыми.

¹ См. А. М. Алексеев, Военные финансы капиталистических государств, Госполитиздат, 1946 г., стр. 67.

Перед советскими воинами и в 1944 г. лежал трудный путь на Запад.

Немецко-фашистские войска построили мощные оборонительные полосы, создав глубокую стратегическую оборону с использованием многочисленных выгодных естественных рубежей.

Советская Армия прорвала эту мощную оборону немецко-фашистской армии на всем фронте и отбросила гитлеровцев на 500—1300 км.

Наступление Советской Армии и советского Военно-Морского Флота, сокрушивших оборону гитлеровской армии на колоссальном фронте на всю ее стратегическую глубину, явилось результатом высокого мастерства и великого подвига.

Итак, в сражениях 1944 г. гитлеровское командование попрежнему исходило из ложных положений своей военной науки, из своей дефективной стратегии, авантюризм которой в новых условиях усугублялся.

В результате десяти сталинских ударов был похоронен авантюристический план гитлеровского верховного командования, план войны «на измор».

В своем приказе от 23 февраля 1944 г. товарищ Сталин поставил перед Советской Армией новые задачи. Товарищ Сталин учил советских солдат и сержантов, генералов и офицеров наиболее эффективно использовать могучие силы Советской Армии для нанесения ударов по врагу.

«...Всей Красной Армии,— указывал товарищ Сталин,— умелым сочетанием огня и манёвра взламывать вражескую оборону на всю её глубину, не давать врагу передышки, своевременно ликвидировать вражеские попытки контратаками задержать наше наступление, умело организовать преследование врага, не давать ему увозить технику, смелым манёвром охватывать фланги вражеских войск, прорываться в их тылы, окружать войска противника, дробить их и уничтожать, если они отказываются сложить оружие.

...Партизанам и партизанкам — усилить помощь Красной Армии, нападать на штабы и гарнизоны противника, громить его тылы, разрушать его коммуникации и связь, лишать его возможности подтягивать резервы»¹.

Советские войска и советские партизаны выполнили приказ товарища Сталина и осуществили гениальный сталинский план и нанесли врагу десять сокрушительных ударов.

Советская Армия при взаимодействии всех родов войск, используя всю мощь своего замечательного вооружения, проявляя величайший наступательный порыв, смела мощную оборону фашистских войск.

Наши войска прорывали оборону врага одновременно на нескольких участках, что заставляло гитлеровское командование часто

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 140, 141.

перебрасывать резервы, изматывало их и приводило к тому, что нередко эти резервы попадали под удар советских войск на походе.

«Ко всему этому,— писал К. Е. Ворошилов,— прорывы нашими войсками фронта врага на стыках его армий и флангах, с выходом в глубокий тыл, окружение и уничтожение крупных группировок противника довершали картину сталинской военной науки в действии, в невиданных по силе и размаху боевых операциях Советской Армии»¹.

Буржуазная военная мысль не сумела научно исследовать маневр по окружению в истории войн и военного искусства и объявила его исключительно редким и случайным явлением не только для войн прошлого, но и для войн будущего. Юнкерско-буржуазные прусско-германские военные «теоретики» фальсифицировали историю. Рекламируя свои «Канны» под Седаном, германская военщина объявила маневр на окружение своей монополией.

В первой мировой войне буржуазное военное искусство, в том числе и немецкое, не сумело успешно применить маневр на окружение. Немецко-фашистская военщина провозгласила маневр на окружение основным методом «молниеносной войны». Однако попытки кейтелей, браухичей, гудерианов окружать и уничтожать группировки советских войск под Москвой, Сталинградом, Курском неизменно оканчивались провалом, и зарвавшиеся вояки терпели катастрофические неудачи.

Товарищ Сталин научно разработал сложный вопрос о стратегическом и оперативно-тактическом маневре на окружение. Советские маршалы и генералы, полководцы сталинской школы, советские войска в ходе сражений Великой Отечественной войны в совершенстве овладели маневром на окружение. В Сталинградской операции советские войска окружили и уничтожили 22 дивизии врага, в Корсунь-Шевченковской — 11, в Белорусской — до 30, в Яссы-Кишиневской — 22, в Будапештской — 10, в Прибалтийской — 30, в Восточно-Прусской — 15 и в завершающей Берлинской операции — 38 немецко-фашистских дивизий.

Советской Армией «...была на деле опровергнута гулявшая по свету теория буржуазных военспецов об исключительной редкости и случайности операции на окружение»².

Успех Советской Армии в проведении операций на окружение и уничтожение группировок немецкой армии — столь изощренного и сильного противника — является свидетельством превосходства советской военной науки над буржуазной. «То, чего не могли добиться буржуазные армии в первой мировой войне, а немецко-фашистская армия в операциях против советских войск во второй мировой войне, то стало возможным и осуществимым для Вооружённых Сил Советского государства»³.

¹ К. Е. Ворошилов, Сталин и Вооружённые Силы СССР, Воениздат, 1950 г., стр. 63, 64.

² Там же, стр. 83.

³ Там же.

· Не имея сил и средств для отражения ударов советских войск, сметавших мощную оборону врага, для предотвращения окружения крупных группировок, гитлеровское командование все же продолжало требовать от своих войск любой ценой удержать захваченную территорию. Германские капиталистические монополии не хотели расстаться с добычей. Отражая интересы немецких империалистов, оставаясь в плену своей военной идеологии, фашистское командование продолжало придерживаться своей авантюристической стратегией.

Советские войска окружали и уничтожали немецко-фашистские группировки, почти непрерывно продолжая свое наступление на запад. Не сумев перевести военные действия в русло позиционной борьбы, гитлеровская военщина не сумела также осуществить свой план «коротких ударов». Бронетанковые войска врага метались вдоль линии фронта, тщетно пытаясь предотвратить катастрофу, попадали под удары советских подвижных соединений, вышедших на оперативный простор, и советской авиации. Когда же гитлеровскому командованию удавалось заблаговременно подготовить контрудар, то оно наносило его все тем же шаблонным методом «вбивания танковых клиньев». Так, например, в данном случае весьма характерны действия немецких танковых дивизий против советских войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. Пытаясь деблокировать свою окруженную в районе корсунь-шевченковского группировку, гитлеровское командование организовало удар танковыми соединениями в стык 1-го и 2-го Украинских фронтов. Однако и в этих условиях немецкие танковые дивизии, не взаимодействующие с пехотными соединениями и не поддержанные достаточно мощной артиллерией, успеха не имели. Им не удалось деблокировать окруженные 11 немецких дивизий.

В большинстве других случаев немецкие «танковые клинья» ударами мощных советских резервных соединений из всех родов войск разбивались наголову.

Стремительное наступление Советской Армии на Запад свидетельствовало о том, что СССР располагает силами, достаточными для того, чтобы разгромить немецко-фашистскую армию и освободить страны Европы от фашистского ига, что и заставило маршаллов и черчиллей поторопиться с высадкой в Западной Европе.

5 июля 1944 г., «...то есть с опозданием... на два года»¹ англо-американское командование высадило свои войска в Западной Европе. Надежды англо-американских империалистов на ослабление СССР в войне с фашистским блоком не оправдались.

С конца 1944 г. начинается период завершающих побед Советского Союза и Советской Армии, в результате которых была достигнута полная победа над гитлеровской Германией и империалистической Японией.

Коммунистическая партия и товарищ Сталин призывали советский народ и советские Вооруженные Силы завершить разгром

¹ К. Е. Ворошилов, Сталин и Вооруженные Силы СССР, стр. 66.

врага, выполнить до конца свою великую освободительную историческую миссию.

«...Добить фашистского зверя, — призывал товарищ Сталин, — в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы»¹.

В этот завершающий период войны авантюризм гитлеровского верховного командования превзошел все предшествующее. Кейтель — Гудериан — Йодль «планируют» «неприступную» позиционную оборону, связывая большие надежды с организацией «коротких» ударов. При этом гитлеровцы рассчитывали использовать ненависть англо-американских империалистов к Советскому Союзу. В этих замыслах главным пороком, вскрывающим авантюризм гитлеровцев, была недооценка небывало возросшей мощи СССР.

Вместе с тем фашистское командование рассчитывало группой танковых дивизий нанести поражение англо-американским войскам, чтобы таким образом укрепить не только свое военное положение, но главным образом улучшить свои политические позиции и обеспечить успех своих провокационных внешнеполитических маневров.

Англо-американские войска терпели поражение. Черчилль просил Советское Верховное Главнокомандование о помощи. Грандиозное зимнее наступление Советской Армии, начатое раньше срока, предотвратило поражение англо-американских войск и, создав смертельную угрозу для гитлеровской Германии, заставило германское командование отказаться от продолжения наступления в Арденнах и в спешном порядке перебросить находившиеся там войска на восток.

Советские войска преодолели пятисоткилометровую полосу обороны между Вислой и Одером, заняли Будапешт и Вену, разгромили южное крыло германского фронта, отразив при этом контрудар сильной группы немецко-фашистских войск в районе озера Балатон, разгромили врага в Восточной Пруссии, преодолев при этом мощные долговременные оборонительные полосы, и создали предпосылки для последнего удара по берлинской группировке немецко-фашистской армии.

Враги человечества — гитлеровцы, в том числе заправили прусско-германской военной касты, — прилагали все усилия к тому, чтобы остановить наступление Советской Армии на Берлин. Они шли на полное оголение своего фронта с Запада, бросая все войска против Советской Армии. В берлинском оборонительном районе, глубиной до 100 км, имевшем мощную систему оборонительных полос, гитлеровцы сосредоточили армию, насчитывавшую свыше полумиллиона человек. Однако они просчитались. В операции, завершившей единоборство СССР и фашистской Германии, Советская Армия выступала во всеоружии сталинской военной науки, используя огромную массу современной техники, окрыленная радостным чувством скорой победы.

В Берлинской операции советскими войсками было использовано 22 тысячи артиллерийских орудий, 4 тысячи танков, 5 тысяч самолетов.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 168.

Выполняя сталинский план, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 24 апреля окружили 13 дивизий врага юго-восточнее Берлина, а 25 апреля войсками этих же фронтов было замкнуто кольцо окружения вокруг всей берлинской группировки врага. С 26 апреля по 2 мая советские войска штурмом овладели позициями фашистов в Берлине, похоронив еще один сумасбродный «план» гитлеровского командования, рассчитанный на то, что советские войска истекут кровью в уличных боях за Берлин и гитлеровцам удастся сдать столицу Германии американско-английским войскам.

8 мая преступная авантюра германского империализма завершилась безоговорочной капитуляцией фашистской Германии.

«Теперь мы можем с полным основанием заявить, — говорил товарищ Сталин, обращаясь к советскому народу, — что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом...

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродные идеи Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожить Германию»¹.

6 ноября 1944 г., подводя итоги борьбы советского народа и ставя задачи ее победоносного завершения, товарищ Сталин говорил:

«Нужно признать, что в нынешней войне гитлеровская Германия с её фашистской армией оказалась более мощным, коварным и опытным противником, нежели Германия и её армия во всех прошлых войнах. К этому нужно добавить, что немцам удалось использовать в этой войне производительные силы почти всей Европы и довольно значительные армии своих вассальных государств. И если, несмотря на эти благоприятные для Германии условия ведения войны, она всё же оказалась на краю неизбежной гибели, то это нужно объяснить тем, что главный противник Германии — Советский Союз превзошёл по силе гитлеровскую Германию»².

Прошло всего лишь шесть месяцев после этих пророческих слов товарища Сталина, и гитлеровское государство вместе с немецко-фашистской армией было повержено в прах.

«За последние тридцать лет, — говорил товарищ Маленков, — Германия дважды выступала на мировую арену как агрессивная сила и дважды развязала кровопролитнейшую войну: сначала —

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 193.

² Там же, стр. 156.

первую мировую войну, а потом — вторую мировую войну. Произошло это потому, что во главе германской политики стояли немецкие империалисты, агрессоры-захватчики»¹.

Теперь этот очаг агрессии был уничтожен.

Советский народ, советские Вооруженные Силы спасли человечество от гитлеровской чумы.

Будучи верным своим союзническим обязательствам, Советский Союз вступил в войну против империалистической Японии. Разгром советскими Вооруженными Силами главной ударной силы Японии — Квантунской армии — имел решающее значение для дела победы над японскими агрессорами и окончания второй мировой войны.

* * *

Весь мир был изумлен военным могуществом Советского Союза. Источниками военного могущества Советского Союза являются социалистический общественный строй, советский государственный строй, советские Вооруженные Силы, правильная политика Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), гениальное руководство товарища Сталина.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией и империалистической Японией — это была победа всего советского народа, беспредельно любящего свою социалистическую Родину.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, — говорил товарищ Сталин, — равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами»².

Советский народ глубоко заинтересован в сохранении мира. Первым декретом Советской власти был Декрет о мире от 8 ноября

¹ Г. М. Маленков, 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1949 г., стр. 24.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 160—161.

1917 г. Советское государство с первых дней своего существования неуклонно проводит политику мира и дружбы народов.

«Мирная политика Советского Союза, — говорил товарищ Маленков, — вытекает из самых коренных, принципиальных основ социалистического общественного строя и интересов советского народа. Уничтожив до конца вековую эксплуатацию человека человеком внутри нашей страны, мы тем самым ликвидировали те причины и предпосылки, которые в капиталистическом мире порождают политику, направленную на эксплуатацию и порабощение других народов.

Создав невиданный в человеческой истории образец братского сотрудничества народов различных рас и наций, мы тем самым навсегда ликвидировали политику, которая строит благосостояние одного государства на подавлении других государств. Нам чужда политика, которая превращает в свой руководящий принцип подавление национального суверенитета других народов.

Социалистическое государство не нуждается во внешней экспансии. Ему не нужны колониальные захваты. Советская социалистическая система с корнем вырвала причины, порождающие экономические кризисы, из которых заправили капиталистического мира, обычно, ищут выхода на путях военных авантур.

Империалисты уповают на военные авантюры потому, что боятся мирного соревнования с социализмом. Но совершенно очевидно, что военные авантюры не сулят империалистам ничего иного, кроме катастрофы.

Советские люди не боятся мирного соревнования с капитализмом. Поэтому они выступают против новой войны, в защиту мира, хотя твёрдо знают и абсолютно уверены в своей несокрушимой силе»¹.

Советский Союз всегда стоит за мир и отстаивает дело мира. Но когда империалисты нарушают мирный, созидательный труд советского народа, когда империалистические захватчики с оружием в руках посягают на его кровные интересы и вызывают его на неизбежную войну, то он оказывается способным на то, чтобы разгромить любого агрессора. Об этом убедительно говорил уже опыт гражданской войны и военной интервенции в СССР, когда молодая Советская республика одержала полную победу над внутренней контрреволюцией и нашествием 14 империалистических государств.

Социалистическое государство, используя преимущество советского государственного и общественного строя, плановой социалистической экономики и социалистической идеологии над капиталистическим общественным и государственным строем, над капиталистической экономикой и идеологией, создает для обеспечения своей безопасности и мирного, созидательного труда советского народа такую военную организацию, которой не может противостоять

¹ Г. М. Маленков, 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 16.

военная организация империалистических государств. Особенно наглядно это проявилось в Великой Отечественной войне, всемирно-исторический опыт которой доказывает, что экономическая, моральная и военная сила Советского государства непреоборима.

Экономическая, моральная и военная победа Советского Союза над гитлеровской Германией и империалистической Японией была также победой и советской военной идеологии, советской военной науки.

С первых дней Великой Отечественной войны товарищ Сталин предвидел победу советского народа над самой мощной из всех когда-либо существовавших захватнических армий — армией гитлеровской Германии. Это гениальное проникновение в будущее основано на глубоком понимании законов общественного развития, на передовой военной науке, на подлинной науке побеждать. Советская военная наука зиждется на научном фундаменте — диалектическом материализме, на правильном понимании законов исторического развития.

Военные идеологи эксплуататорских классов неспособны преодолеть узкие рамки военного искусства и подняться до уровня военной науки.

Буржуазная «наука» в условиях дальнейшего обострения и углубления общего кризиса капитализма окончательно пришла в упадок. Империалистические военные «теоретики» выдвигают доктрины, проникнутые духом человеконенавистничества и еще небывалого авантюризма.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил полное превосходство советской военной науки над буржуазной военной наукой.

«Конечные результаты войны всякой армии, — говорил товарищ Булганин, — с сильным противником являются единственным реальным мериллом её мощи, её боевых качеств и той военной науки, которая положена в основу её строительства и боевой деятельности. Вторая мировая война подвергла суровому испытанию армии СССР и Германии, боровшиеся друг против друга один на один в течение более трёх лет. И это испытание по-настоящему выдержали советские Вооружённые Силы, построенные и действовавшие на основах советской военной науки, чего нельзя сказать о германских вооружённых силах, не выдержавших длительного испытания и потерпевших полный крах.

Это была победа советской военной науки над военной наукой гитлеровской Германии»¹.

Во второй мировой войне вместе с полным крушением гитлеровского государства и его армии потерпела полный крах и военная идеология империалистической Германии, ее военная наука.

«За последние тридцать лет, — говорил товарищ Сталин, — Германия дважды навязала миру кровопролитнейшую войну, и оба раза она оказалась битой. Случайно ли это? Конечно, нет. Не

¹ Н. А. Булганин, Тридцать лет советских Вооружённых Сил, Госполитиздат, 1948 г., стр. 11—12.

означает ли это, что не только Германия в целом, но и её военная идеология не выдержали испытания? Безусловно, означает»¹.

Советская военная идеология и советская военная наука выдержали все испытания второй мировой войны и показали свою жизнённость, свой передовой, прогрессивный характер.

«Только в СССР, — писал К. Е. Ворошилов, — в условиях социалистического строя, в условиях господства марксистско-ленинской идеологии и социалистической практики, возможна подлинная военная наука.

Советская военная наука зародилась и совершенствовалась одновременно с возникновением и развитием Вооружённых Сил Советской страны. Военная наука по праву называется у нас сталинской военной наукой. С первых дней создания советских вооружённых сил Сталин уделял много внимания и затратил немало труда на научную разработку и теоретическое обоснование основ советской военной науки.

Сталинская военная наука, базирующаяся на правильном понимании законов общественного развития, родилась вместе с приходом к власти рабочего класса, развивалась и крепла на базе советского государственного строя. Такие решающие элементы, как новая социалистическая система общественного строя с плановой экономикой, новыми производительными силами и производственными отношениями людей, с новой идеологией, моралью, составляют основу, на которой покоится всё здание сталинской военной науки.

Являясь стройной системой подлинно научного знания всего комплекса вопросов современной войны, сталинская военная наука, наряду с чисто военными элементами — стратегия, оперативное искусство, тактика, организация и подготовка войск — охватывает сумму социально-политических, экономических и моральных факторов в их совокупности, взаимодействии и определяющем влиянии на военное дело в целом.

Советское военное искусство, как составная часть военной науки, освоившей и соответственно переработавшей опыт прошлых войн применительно к социалистической природе государства, вооружило наши командные кадры теоретическими и практическими знаниями в области стратегии, оперативного искусства, тактики, организации и обучения войск и тем самым позволило им правильно понять характер войны, вскрыть природу современных операций и боя, а также роль различных родов войск, их значения и практического использования»².

Научно, творчески, новаторски подходя к разрешению проблем ведения войны машинного периода на высшей его фазе, проблем советской военной науки, военного искусства, товарищ Сталин направлял победное шествие советских Вооружённых Сил в войне

¹ Журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 7.

² К. Ворошилов, Генеральный полководец Великой Отечественной войны, Госполитиздат, 1949 г., стр. 11—12.

против сильнейшего и коварнейшего врага — гитлеровской Германии.

«Это наше счастье, — говорил В. М. Молотов, — что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вёл вперёд мудрый и испытанный вождь Советского Союза — Великий Сталин»¹.

Провозглашая гост за советскую науку, за ее процветание, за здоровье людей нашей науки, товарищ Сталин говорил на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г.

«За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки»².

Советская военная наука и является именно такой наукой, которая по-сталински, творчески разрешает военно-теоретические проблемы, правильно подходит к вопросам военной практики.

Советская военная наука создавалась, развивалась и непрерывно совершенствуется величайшим корифеем науки товарищем Сталиным, она носит передовой, прогрессивный, революционный характер.

Товарищ Сталин учит беспощадно ломать отжившие традиции в военной науке, смело прокладывает в ней новые пути в соответствии с новыми возможностями, потребностями, задачами. Товарищ Сталин учит вскрывать, разоблачать реакционную сущность империалистических военных доктрин и военных идеологий.

¹ В. М. Молотов, 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1946 г., стр. 18.

² Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., Госполитиздат, 1938 г., стр. 4.

ВОЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИЕ ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Эволюция военной идеологии Пруссии — Германии имела определенную тенденцию усиления реакционности, все большего разрыва с наукой. В эпоху империализма, в особенности с наступлением общего кризиса капиталистической системы и с установлением в Германии фашистского режима, немецкая военная идеология сложилась в систему небывало реакционных ложных взглядов.

Военная идеология гитлеровской Германии исходила из фашистской идеологии звериного национализма, из расовой теории с ее изуверскими выводами о «естественном праве» империалистов истреблять и поработать другие народы в целях установления мирового господства немецкой плутократии. Она была проникнута духом милитаризма, военно-политического авантюризма.

Идеализм и метафизичность, фальсификация истории в угоду запросам реакционной политики — характерные явления для буржуазной науки эпохи империализма, что и определяет ее порочность. Империалистическая Германия, армия которой претворяла на практике порочную военную теорию, потерпела поражение в двух мировых войнах.

Всемирно-исторический опыт двух мировых войн показал неосуществимость установления мирового господства и для сильного империалистического хищника. Вместе с тем эти исторические уроки столь же убедительно вскрыли ложность и органическую слабость военной идеологии империалистической Германии со всеми ее «теоретическими» и прикладными положениями и созданными на их основе «рецептами победы».

Банкротство этой идеологии в двух мировых войнах, казалось, предreshало ее скорую и окончательную ликвидацию, посрамление ее хваленых авторитетов.

Однако в действительности этого не произошло.

Военная идеология империалистической Германии нашла ревностных последователей в среде новых претендентов на мировое господство — империалистов США, а также в среде империалистов других стран.

Ленин неоднократно подчеркивал хищнический, разбойнический, грабительский характер американского империализма.

«Идеализированная демократическая республика Вильсона, — говорил В. И. Ленин в ноябре 1918 г., — оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»¹.

Американские и английские империалисты давно вынашивают бредовые планы завоевания мирового господства, о чем Ленин говорил еще в декабре 1918 г.:

«...Англо-американский империализм еще более обнаглел и рассматривает себя как владыку, которому никто не может оказать сопротивления...»².

Правящие круги США и Англии всегда выступали яростными врагами дела мира, яростными врагами революционного и национально-освободительного движения народов.

Со звериной ненавистью встретили американские империалисты Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Вкупе с англо-французскими и германскими империалистами они не жалели ни сил, ни средств для удушения Советской власти и превращения Советской России в свою колонию.

И. В. Сталин писал в августе 1917 г.: «В момент, когда русская революция напрягает силы для отстаивания своих завоеваний, а империализм старается добить её, — американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Миллюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение»³.

Советский народ, руководимый партией Ленина—Сталина, отстоял свою независимость, отстоял завоевания Великой Октябрьской социалистической революции от посягательств внешней и внутренней контрреволюции. Но и после провалов своих планов американские империалисты попрежнему проводили враждебную политику по отношению к Советскому Союзу. Именно американские империалисты помогли германским фашистам создать огромнейшую армию для похода против СССР. Во время второй мировой войны правящие круги США и Англии также проводили антисоветскую политику, направленную на политическое и военное ослабление Советского Союза.

После второй мировой войны политика американских империалистов стала еще более реакционной, еще более агрессивной.

Готовясь развязать третью мировую войну, англо-американские поджигатели войны идут по стопам своих немецко-фашистских и японских предшественников. По их примеру они фашизируют политическую жизнь в своих и маршаллизованных странах, жестоко преследуют все прогрессивные, демократические организации, ведут разнузданную шовинистическую пропаганду, добива-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 169.

² Там же, стр. 353.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 234—235.

ются объявления коммунистических партий вне закона, поддерживают реакционные режимы в тех странах, суверенитет которых им удалось растоптать, ведут гонку вооружений.

С особым усердием они пытаются милитаризовать всю жизнь Западной Германии и Японии, возродить немецкий и японский милитаризм и поставить эти антинародные силы на службу своим интересам.

Поджигатели новой войны видят в немецких милитаристах, а также во всех последышах гитлеризма в Германии: в магнатах Рура, в помещиках Баварии, в гестаповцах, в отщепенцах-шумехеровцах — наемников, готовых за сходную плату вновь бросить германский народ в пучину войны.

Живучесть военной идеологии немецко-фашистских милитаристов объясняется прежде всего тем, что наиболее реакционные силы современной империалистической буржуазии — финансовая олигархия США, американские фашисты — видят в ней выражение собственных воззрений и чаяний: систему взглядов, возвращенных в условиях крайне реакционного режима, детально разработанную военную теорию строительства «оболваненной», готовой на любые преступления армии, оправдание и «обоснование» военно-политического авантюризма.

Отсюда покровительственно-заботливое отношение американо-английских империалистов к немецкому милитаризму, к его кадрам — носителям военной идеологии и практикам, к его разбойничьему прошлому, к его авторитетам, к его организациям, в особенности к германскому генеральному штабу. Отсюда вся политика оккупационных властей в Западной Германии, направленная на восстановление военно-экономического потенциала Западной Германии, на раскол Германии и организацию немецких вассальных государств, в которых было бы обеспечено господство реакционеров-фашистов, на быстрейшее восстановление в Западной Германии немецко-фашистской армии.

Фактов слишком много. Напомним только некоторые из них.

Еще в ходе войны, когда близость поражения Германии стала очевидной, Черчилль выступил против наказания немецких военных преступников. Стремление выгородить немецких военных преступников стало общей линией политики американо-английских реакционеров.

Эта политика явно отражала намерение спасти авторитет немецкой военной идеологии и ее носителей, вплоть до фашистских генералов Кейтеля и Йодля, не допустить осуждения преступной организации — германского генерального штаба, воспрепятствовать разоблачению империалистов, стремящихся к развязыванию новых агрессивных войн, спасти от кары немецких монополистов — «торговцев смертью» — и не допустить разоблачения деятельности банкиров и промышленников, наживающихся на войне.

В то время, когда немецкая военная машина рушилась под ударами Советской Армии и несостоятельность военной идеологии гитлеровской Германии становилась все более очевидной, реакцион-

ные «писатели» в США и Англии выступили в защиту этой идеологии и ее авторитетов — Клаузевица, Мольтке, Людендорфа, Кейтеля и других.

После разгрома гитлеровской Германии американско-английская реакционная военщина продолжает рассматривать эту обанкротившуюся, разбойничью идеологию как величайшую ценность.

Еще в 1944 г. майор американской армии Шеппард пишет статью под характерным названием «В защиту Клаузевица», в которой тщетно силится доказать недоказуемое, что доктрина Клаузевица выдержала испытание войны. Ничего, конечно, не доказав, Шеппард все же требует относиться к книгам Клаузевица «как к библии»¹.

В 1945 г. издательство военного министерства США выпустило книгу некоего полковника Кэно «История армии Соединенных Штатов». Изображая войну основой развития общества, автор книги высказывается за милитаризацию страны путем предоставления государственного аппарата в распоряжение военщины, что, по его мнению, обеспечит условия завоевания мирового господства. Он восхваляет Германию, утверждая, что милитаризм оказал «благотворное» влияние на ее историю, и призывает подражать германской военщине. Раболепствуя перед немецкой милитаристической кастой, усматривая в ее разбойничьей деятельности и теориях, в ее опыте верное средство борьбы с революцией, Кэно втоптывает в грязь историю своего народа. Так, Вашингтон объявляется им учеником одного из безымянных немецких наемников, Штойбена, служившего в американской армии в 1778 г. Следует отметить, что эта лживая и реакционнейшая книга издается, рекомендуется в качестве пособия официальным издательством, что ее главная идея — подражание немецким милитаристам — подчеркивалась и пропагандировалась в те дни, когда еще шла напряженная борьба с гитлеровской Германией.

Американский генерал Митчел в книге «Очерки военной истории», переизданной в 1945 г. (первое издание вышло в 1940 г.), всячески фальсифицируя факты, изображает Фридриха II и Мольтке «величайшими» полководцами. Митчел полностью проводит и фальсификаторскую идею немецкой военной историографии об «образцовых» немецких «Каннах» под Седаном и Садовой.

Бывший начальник генерального штаба США Маршалл в опубликованном докладе о событиях войны за два года (с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1945 г.) всячески выгораживает уже находившихся под следствием военных преступников Кейтеля и Иодля.

Эти главарь милитаристско-фашистской банды, авторы чудовищно злодейских теорий, планов и приказов, оголтелые авантюристы, крупные представители гитлеровской руководящей верхушки изображаются Маршаллом как некие «технические» эксперты; их зверства замалчиваются, а авантюризм отрицается.

¹ Sheppard E., Apologia for Clausewitz, „The Army Quarterly“, № 2, 1944.

Как известно, на Нюрнбергском процессе не увенчались успехом адвокатские усилия не только защитников типа немецкого фашиста Зака, но и типа Маршалла.

Международный трибунал осудил большинство представших перед ним военных преступников и преступные фашистские организации.

Это было осуществлением воли народов, столь ясно и мощно выраженной, что маршаллам и черчиллям пришлось отступить. Это была победа внешней политики Советского Союза.

Но вместе с тем, вопреки фактам, логике и закону, американский, английский и французский судьи, используя свое механическое большинство голосов, воспрепятствовали осуждению германского генерального штаба как преступной организации. Этим англо-американский блок разоблачил себя как защитника немецких милитаристов, их разбойничьей идеологии, как их наследника в деле подготовки и развязывании агрессии и вместе с тем как их нового хозяина.

В последующем, перейдя к политике активной подготовки и развязывания новой войны, американо-английские империалисты в своих отношениях с немецкими милитаристами сочли излишней всякую осторожность. Все преступные деяния гитлеровской военщины стали оправдываться американскими и английскими судьями. Американские и английские суды по так называемой «денацификации» оправдали тысячи фашистских военных преступников, в том числе и авторов агрессивных планов и их исполнителей — палачей многих народов Европы, гитлеровских фельдмаршалов Лееба, Листа, Вейхса, Кюхлера и прочих. Больше того, американские судьи в Нюрнберге использовали процессы над фашистскими военными преступниками для создания юридических формул, при помощи которых берутся под защиту поджигатели войны, агрессоры, бандиты, осуществляющие кровавые требования тотальной войны.

Американский трибунал по делу крупнейшего нацистского промышленника Флика записал в своем приговоре: «Имущество, принадлежащее государству, может быть захвачено и может эксплуатироваться в пользу оккупанта, находящегося в состоянии войны, в течение всего периода оккупации».

Судьи, рассматривавшие преступления Листа и других фашистских генералов, объявили, что партизаны «поставили себя вне закона» и, следовательно, гитлеровских бандитов, по мнению сего суда, «нельзя обвинять в том, что, убивая такого рода пленных — членов движения сопротивления, — они совершали преступления».

Так американское «правосудие» выгораживает фашистских военных преступников и заодно пытается создать юридические оправдания для агрессии, грабежа народов и истребления всех, кто будет сопротивляться захватническим авантюрам империалистов.

Покровительство немецкому милитаризму, саботаж дела его искоренения, политика, направленная на его возрождение, проводимая реакционерами Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, находится в вопиющем противоречии с принятыми ими на себя обязательствами.

В одном из совместных решений союзников в войне с фашистской Германией было записано: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники в согласии друг с другом сейчас и в будущем примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всём мире»¹.

Это решение отвечает интересам сохранения мира, чаяниям народов всех европейских стран, в том числе и чаяниям германского народа. Однако правительства США, Англии и Франции, взяв курс на развязывание новой мировой войны, прилагают все силы к тому, чтобы сорвать выполнение этого решения.

Человеконенавистнические идеи, авантюризм, захваты чужих земель, ограбление и порабощение народов, разбойничьи методы ведения войны, которые были основой военной идеологии империалистической Германии, являются также основой военных идеологий американских, английских империалистов.

Исходные предпосылки современной небывало реакционной военной идеологии сформулировал матерый империалист Черчилль в своем выступлении на митинге в Фултоне, где, как известно, председателем выступал Трумэн.

Товарищ Сталин до конца разоблачил Черчилля и его единомышленников в Европе и Америке как поджигателей новой мировой войны. Причем товарищ Сталин указал на поразительное сходство Гитлера и его друзей с Черчиллем и друзьями последнего — те и другие начали дело развязывания войны с провозглашения расовой теории.

«Следует отметить,—говорил товарищ Сталин,— что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объяснив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира»².

Таким образом, идеологическое обоснование развязывания новой мировой войны американско-английских империалистов тождественно тому обоснованию развязывания агрессивных войн, которое проводилось немецко-фашистскими империалистами.

Расизм — не новое явление в политической и духовной жизни

¹ См. В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, Госполитиздат, 1948 г., стр. 444.

² Журнал «Большевик» № 5, 1946 г., стр. 1—2.

США и Англии. Издавна расистская пропаганда используется империалистами этих стран в целях оправдания рабства, расовой дискриминации, колониальных захватов и угнетения, эксплуатации трудящихся вообще.

С расистской проповедью также издавна выступали не только наемные писаки, но и такие столпы английского и американского империализма, как Джозеф Чемберлен и Теодор Рузвельт.

Но современный англо-американский расизм существенно отличается от предшествующего тем, что никогда еще в США и Англии буржуазные ученые, пресса, а главное — господствующие политические партии и лица, возглавляющие государственный аппарат, не делали из расовой теории столь далеко идущих выводов. Ими брошен откровенный призыв, пропагандируется через все возможные каналы насильственное установление мирового господства «англо-саксонской расы» над всеми народами, а всем непокорным, т. е. большинству населения земного шара, они угрожают войной, массовым террором и физическим уничтожением всех наиболее активных свободлюбивых элементов.

Расовая теория (как и у немецких фашистов) дополняется геополитикой. Причем американские реакционеры претендуют на то (в данном случае не без основания), что им принадлежит первенство в ее разработке, так как американский адмирал Мэхэн выдвинул реакционную идею геополитики еще задолго до немецкого милитариста Гаусгофера, хотя и не дал ей этого названия. С серьезным «ученым» видом обсуждаются преимущества взглядов Мэхэна по сравнению с Гаусгофером.

Вынашивая планы новой войны, американские империалисты лихорадочно подыскивают «аргументы», при помощи которых можно было бы оправдать свою «тотальную политику», изобразить ее «общенародным» делом. Одним из приемов этого политического обмана и являются геополитические «теории». Идеологи империализма — геополитики — стремятся оправдать агрессию ее якобы «географическим предопределением», недостатком «жизненного пространства», они болтают о «геостратегии» и т. п.

Характерно, что и американская и германская геополитика начинает разрабатываться в конце XIX века, т. е. в тот период, когда эти страны становятся империалистическими. Еще более характерно то, что геополитические теории стали составным элементом официальной идеологии в Германии в годы фашистской диктатуры и точно так же в США в настоящее время, когда эта страна превращается в военно-полицейское государство, когда там происходит фашизация.

Геополитические «теории» (как и расистские) существуют для того, чтобы оправдывать господство эксплуататоров, агрессивные войны империалистов. В этом и состоит их классовый буржуазный смысл. «Теоретической» основой геополитики служит метафизическая теория географического детерминизма — утверждение, что главным, определяющим фактором общественной жизни является географический фактор. Это утверждение представляет собой грубую фальсификацию действительности.

«Географическая среда, — учит товарищ Сталин, — бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является **определяющим** влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезных изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет.

Но из этого следует, что географическая среда не может служить главной причиной, **определяющей** причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет»¹.

Победа социализма в СССР, уничтожение национальной розни и эксплуататорских классов, обеспечение подлинного равенства всех национальностей, братство и дружба народов Советского Союза, а также ликвидация язв капитализма: кризисов, безработицы, обнищания трудящихся, пауперизма, для объяснения которых империалисты широко привлекают расизм и геополитику (и такие формы демагогии, как мальтузианство, социальный дарвинизм), — все это свидетельствует, что трудящиеся классы не только вполне обходятся без буржуазии и помещиков, но что лишь только они способны создать подлинно достойное человека общество. Великие работы по преобразованию природы, вся гигантская созидательная деятельность советских людей, строящих коммунизм — лучшее опровержение мистификаций геополитиков.

Расистские и геополитические «теории» терпят крах. Всемирно-исторические победы Советской Армии над полчищами фашистской Германии и империалистической Японии вскрыли несостоятельность их идеологий.

Победы Советской Армии, ее невиданный героизм, советское военное искусство, оставившее далеко позади все прошлые достижения в этой области, показали, что социалистический общественный строй не только в годы мирного строительства, но и в военное время имеет неопределимые преимущества по сравнению с буржуазным строем.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 548—549.

Товарищ Сталин говорил:

«Социалистический строй, порождённый Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреодолимую силу»¹.

Советские люди, освобожденные от рабства капитализма, и в военном деле, т. е. в той области, в которой командующие при капитализме классы столь заносчиво отстаивали свое «превосходство» по «праву рождения», оказались лучшими полководцами, офицерами и лучшими солдатами.

Американская реакция наряду и в тесной связи с расизмом проповедует космополитизм. Один из идеологов американского империализма, Бернхем в своей книге «За мировое господство» пишет: «Следует признать, что мир не может быть целью внешней политики.., необходимо отказаться от последних остатков умершего учения о равенстве наций, и США должны открыто выдвинуть свою кандидатуру на мировое господство... необходимо расстаться с принципом невмешательства во внутренние дела других стран».

Жажда мирового господства у Бернхема разгорелась настолько, что он, сбросив маску, призывает американских империалистов «открыто выдвинуть свою кандидатуру на мировое господство».

Космополитизм — теория империалистов. Как и расизм, космополитизм проистекает из экономического бытия буржуазии. «Подлинный патриотизм буржуазии, — писал Маркс, — ...выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер»².

Космополитизм американских реакционеров сочетается с лозунгом «американского века», т. е. с проповедью «устарелости» понятий о национальном суверенитете для всех других народов, кроме США. Можно ли придумать что-либо более фарисейски-лживое?

Космополитическая демагогия — отравленное оружие. С ее помощью американские империалисты стремятся духовно разоружить народы, чтобы тем легче осуществить их порабощение; используя космополитизм, реакционеры США пытаются скрыть противоречия, присущие капитализму эпохи империализма.

Современные космополитические идеи империалистической буржуазии отражают ее реакционнейшие классовые интересы. В эпоху империализма международные связи финансового капитала привели к тому, что буржуазия утратила последние остатки патриотизма, она считает, как говорил американский миллиардер — литературный персонаж Горького, — что «жизнь видишь правильно только с высоты горы золота»³.

Американская политика мирового господства идет по проторенной немецкими фашистами дорожке. Она состоит в насаждении военно-полицейского режима внутри страны. Антирабочий закон Тафта-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 158—159.

² Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), Партиздат, 1934 г., стр. 355.

³ М. Горький, В Америке, 1949 г., стр. 44.

Хартли, «работа» комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности»¹, распоряжение Трумэна об установлении «лояльности» государственных служащих, судебная расправа с руководителями американской компартии, поощрение фашистских организаций, небывалое увеличение военного бюджета, милитаризация в самых широких масштабах и т. д. — все это звенья единой цепи подготовки третьей мировой войны.

Реакционной внутренней политике правительства США соответствует агрессивная внешняя политика. Одним из первых провозгласил эту политику Маршалл в его упомянутом выше докладе.

«Никогда,— писал Маршалл,— мы не располагали такой мощью для обеспечения руководящей роли США в будущем развитии человечества».

Это заявление показательно тем, что в нем претензия на мировое господство американских миллиардеров и циничный призыв добиться его силой сочетаются с лживыми фразами об «американском демократизме» и заботах о «будущем человечества».

Реакционность, агрессивность, прикрываемые лживой напыщенной фразой, всегда составляли характерную черту американской империалистической внешней политики. Так, известно, сколько «демократических», «пацифистских» и тому подобных речей произнесли американские политики, оправдывая свое вступление в первую мировую войну. Но подлинные причины были куда более прозаическими, в частности, они состояли в торгашеских интересах дяди Сэма.

Характеризуя американский империализм в современных условиях, А. А. Жданов говорил: «Новый, откровенно экспансионистский курс США поставил своей целью установление мирового господства американского империализма». И далее: «...откровенно экспансионистская программа США чрезвычайно напоминает бесславно провалившуюся авантюристическую программу фашистских аггессоров, тоже, как известно, недавних претендентов на мировое господство»².

Проповедь антикоммунизма, проводимая американо-английскими реакционерами, лишь подчеркивает идентичность гнусных методов идеологической подготовки войны американо-английских и немецких империалистов. Политические мотивы подготовки новой войны отличаются прежде всего своим антисоветским и антидемократическим характером и самым крайним авантюризмом.

Возьмем для примера характерные высказывания одного из главных американских поджигателей войны — Эйзенхауэра, отражающего взгляды Уолл-стрита. В апреле 1950 г. он заявил: «Значительно лучше пойти на риск войны и возможного истребления, чем хвататься за мир, который определенно ведет к уничтожению наших идей».

¹ В официальном отчете этой комиссии указывается, что она собрала в 1949 г. 112 млн. отпечатков пальцев граждан США. Следовательно, в США $\frac{9}{10}$ населения оказалось «подозрительным» и подвергнуто полицейскому надзору.

² А. Жданов, О международном положении, Госполитиздат, 1947 г., стр. 11 и 13.

Таково еще одно невольное признание той истины, что социализм — это мир, а капитализм — война. Нельзя не указать и на то, что разбойничьи призывы Эйзенхауэра говорят о неуверенности в своих силах, об авантюризме американских поджигателей войны. «Призывы к «риску» в политике красной нитью проходят через всю историю немецкой агрессии. Политика «риска» — это политика военных авантур, один из «теоретических» принципов военной школы германских милитаристов.

Мы не хотим утверждать, что Эйзенхауэр совершил плагиат. Можно полагать, что он старательно читал пухлые книги Клаузевица, Бернгарди, Дельбрюка, а также Рорбаха, Бюлова и другие, где этот милитарист увидел пространное изложение основ своей политики «риска», сделанное десятилетия назад. Мы уверены, что «политике риска» он учился у Гитлера, Кейтеля, Гальдера, Геринга. Для нас важно подчеркнуть идентичность идей, единство душ англо-американских и немецких глашатаев агрессии.

Политика развязывания войны за мировое господство, войны против Советского Союза и стран народной демократии, проводимая американско-английскими империалистами, нашла свое выражение в доктрине Трумэна, в плане Маршалла, в сколачивании ряда агрессивных группировок и особенно в Северо-атлантическом пакте.

Разоблачая эту политику, Министерство иностранных дел Советского Союза дало ей следующую характеристику.

«Все эти факты, относящиеся к послевоенной внешней политике США и Великобритании, свидетельствуют о том, что в настоящее время правящие круги этих держав не только не проводят политики установления прочного всеобщего мира, но, напротив, перешли к такой политике, которую нельзя назвать иначе, как политикой агрессии, как политикой развязывания новой войны»¹.

Эта реакционная политика, во всем напоминающая политику гитлеровской Германии, по своей авантюристичности превосходит последнюю, ибо она проводится в условиях, когда международная обстановка существенно изменилась в ущерб системе империализма. Разгром фашистских агрессоров и провал планов их покровителей в США и Англии, обострение всех противоречий в капиталистическом лагере, победа революции в Китае, небывалый подъем освободительного движения в колониях, огромное усиление коммунистических партий в капиталистических странах, переход на путь социалистического развития стран народной демократии и, главное, колоссальный рост мощи Советского Союза — все эти факты свидетельствуют о том, что условия для развязывания империалистами агрессивных войн весьма осложнились, а бредовые идеи установления мирового господства в наше время стали еще более авантюристичными.

¹ Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте, Госполитиздат, 1949 г., стр. 22.

Разоблачая программу американских империалистов, программу завоевания мирового господства, товарищ Маленков говорит:

«Эта программа предполагает создание путём насилия и новых войн мировой американской империи, которая должна по своим масштабам превзойти все когда-либо существовавшие в истории мировые империи завоевателей. Речь идёт не более не менее, как о том, чтобы превратить весь мир в колонию американских империалистов, низвести суверенные народы до положения рабов.

Чем отличаются бредовые замыслы такого рода «американизаций» всех стран и континентов от сумасшедшего плана Гитлера — Геринга насчёт «германизации» сперва Европы, а затем всего мира? Чем отличаются эти замыслы от не менее сумасшедших планов Танака — Тодзио насчёт подчинения японским империалистам всей Азии и Бассейна Тихого океана? По сути дела только тем, что агрессивная программа поджигателей новой войны превосходит вместе взятые планы их немецких и японских предшественников»¹.

Поджигатели войны не учитывают сил лагеря мира, демократии и социализма, не учитывают изменений, происшедших в расстановке международных сил после второй мировой войны. Все их авантюристические планы обречены на провал.

В основе современной военной идеологии США, а также военных идеологий других империалистических государств лежат авантюристические идеи «тотальной войны» и блицкрига.

Американские военные «теоретики» и их подручные — английские, французские и другие военные «теоретики» — заимствуют наследство, доставшееся им от прусско-германских реакционных военных идеологов, прежде всего от милитаристов-гитлеровцев. При этом маршаллы, брэдкли, эйзенхауэры, фуллеры, монтгомери и другие усиливают реакционность, обостряют авантюризм идей германской военщины. Заимствование разбойничьей военной идеологии Пруссии — Германии — не новое явление в военной мысли США, Англии и других буржуазных государств. Достаточно хорошо известно, что в XIX в. насаждение идей и порядков монархического милитаризма Пруссии — Германии рассматривалось феодальными, а затем буржуазными реакционными силами как «верное средство» борьбы с революцией. В США после войны за независимость строительству армии по прусскому образцу проводилось с помощью консультанта — прусского милитариста Штойбена. Разрекламированные победы Пруссии в австро-прусской и франко-прусской войнах резко повысили интерес агрессоров к военной мысли Германии. Заимствование идей немецких милитаристов имело место тогда не только в области строительства сухопутной армии и ее боевого использования, но также и в области военно-морского дела. Военно-морские идеологи США и Англии в основу своих доктрин клали поучения Клаузевица — Мольтке. В эпоху империализма, когда усиление милитаризации стало характерной чертой политической жизни

¹ Г. М. Маленков, 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 20.

капиталистических стран, когда крупнейшие империалистические державы начали вооруженную борьбу за передел мира, когда наступил машинный период войны с его многомиллионными армиями, интерес империалистов других стран к реакционной военной идеологии Германии сильно увеличился.

В условиях общего кризиса капиталистической системы кризис буржуазной военной мысли выражается в еще небывалой агрессивности, авантюристичности военных доктрин и вместе с тем в еще большем стремлении заимствовать реакционные, беспочвенные рецепты победы германской военщины.

Однако следует отметить, что в эпоху империализма повсеместный рост милитаризма в капиталистических странах происходит при обострении конкурентной борьбы и в области военной мысли. По своей сущности военные идеологии различных империалистических стран являются однотипными. Не в силу особенностей империализма в различных странах и тех или иных конкретных исторических условий военные идеологии различных стран приобретают специфические черты.

Так, порочная теория победы в войне одними только морскими силами впервые была разработана американским адмиралом Мэхэном и английским адмиралом Коломбом; танковый вариант блицкрига был разработан английским офицером Фуллером; воздушный вариант блицкрига — американским офицером Митчелом, итальянским генералом Дуэ; бактериологическая война — японским генералом Исии Сиро. Автор теории «неприступной обороны» («линии Мажино») выступил французский генерал Гамелен.

В период подготовки империалистами второй мировой войны не только немецкие, японские, итальянские, но и американские, английские, французские и другие реакционные военные идеологи разработали немало фашистских военных «теорий», позаимствованных гитлеровцами. Гитлеризм получил от международной империалистической реакции поддержку не только в виде миллиардов долларов и гнусной мюнхенской «политики», но также и в виде идей танкового и воздушного блицкригов.

Германский империализм в период между первой и второй мировыми войнами являлся ударной силой мирового империализма в войне против СССР, которую он готовил. Главная роль в разработке наиболее реакционной военной идеологии принадлежит в этот период германской фашистской военщине. Чтобы полнее разобратся в вопросе о взаимоотношении немецко-фашистской и американско-фашистской военных школ, необходимо вкратце рассмотреть еще некоторые особенности развития буржуазной военной мысли в условиях общего кризиса капитализма.

После первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции империалисты всех стран мечтали о коротких войнах, в которых методами террора, коварства, «молниеносным ударом» всех сил цель агрессии достигается раньше, чем придут в движение враждебные империалистическим разбойникам социальные силы.

Отражением этих реакционных чаяний и были теории «малых армий» с соответствующей им стратегической концепцией «кинжального удара». Являясь выражением антисоветской, контрреволюционной, агрессивной политики международной буржуазии в целом, варианты этой теории вместе с тем выражали особенности империализма той или иной страны, групповые интересы той или иной буржуазии.

Такие взгляды были характерными не только для Германии, но и для Англии, США, Италии, голоса в защиту этих взглядов раздавались и во Франции.

Одними из первых крайне реакционные, авантюристические взгляды высказали представители американской военщины Персинг, Митчел, Саджент и другие.

Военные идеологи США стремились сделать из опыта войны 1914—1918 гг. выгодные для американских империалистов выводы. Характерным в фальсификации этого опыта было восхваление военного искусства кайзеровской армии.

Превознося немецкие военные «авторитеты» и военное искусство, американские военные идеологи встречали крупнейшую трудность — факт военного поражения Германии.

Из этого тупика фальсификаторы истории пытались выбраться либо путем замалчивания этого «упрямого факта», либо путем утверждения того, что немецкие «рецепты победы» были все же... верны.

Этот фальсификаторский подход к обобщению опыта был позаимствован ими у той же немецкой военщины. Из подобной «методологии» исходил американский военный писатель Саджент, когда он в 1920 г., разбирая немецкую стратегию в войне 1914—1918 гг., отнюдь не ставил ей в вину ее авантюризм. Как раз наоборот. В полном согласии с немецкими военными идеологами Саджент писал: «...следует постоянно иметь в виду, что перевес боевой силы у какой-либо из сторон не является необходимым... потому что опытный полководец нередко сумеет достигнуть этого либо внезапно, либо быстротой сосредоточения, либо искусством в маневрировании...»¹.

Саджент, как и немецкие милитаристы, был рьяным сторонником метафизической теории «вечных принципов» военного искусства. Он, например, утверждал: «Эти принципы непоколебимы. Они в наши дни те же, что и во времена Александра, Ганнибала, Цезаря и Наполеона»². Как и военные идеологи Германии, Саджент выдвигал приводящие моменты на первое место и превращал их (вероломство и т. д.) в «вечные» принципы, в решающие факторы победы. В стратегии, по Садженту, нет необходимости заниматься учетом соотношения сил и ресурсов.

¹ Саджент, Стратегия на Западном фронте (1914—1918), Москва, 1923 г., стр. 50.

² Там же, стр. 7.

Неудивительно, что, положив в качестве общей основы «исследования» войны столь порочные тезисы, он безудержно восхвалял своего кумира — Людендорфа.

Для английского империализма были характерны взгляды военных идеологов типа Лиддель Гарта и Фуллера. Эти фашиствующие военные писатели заполняют своими писаниями страницы английских и американских журналов, фабрикуют множество книжек уже на протяжении трех десятилетий.

Их взгляды оказали несомненное влияние на государственную военную политику. В плане нашей темы следует указать, что «труды» Лиддель Гарта и Фуллера на разных этапах их сочинительства показывают, что в английской военной мысли (как и в американской) сочетается заимствование взглядов германских милитаристов с реакционным «творчеством», что как то, так и другое целиком отражает интересы английского империализма.

Так, Лиддель Гарт в своей претенциозно озаглавленной книге «Правда о войне 1914—1918 гг.» высказывает неудовлетворение формулой Гольца «вооруженный народ», как «недостаточный», и предлагает заменить ее формулой «воюющий народ». Стало быть, Лиддель Гарт как будто бы за массовые армии. Но это не так. Вся его книга, каждая ее страница проводит идею о том, что массовая армия отнюдь не является исторически неизбежной: наоборот, применение миллионов войск изображается им как плод ошибок стратегии. Нелегко было фальсификатору истории Лиддель Гарту после первой мировой войны сочинять аргументы в пользу «малой армии». То он всячески хвалит германских милитаристов за создание ими в мирное время кадров запасных и порицает других участников войны за расчеты выиграть войну одной профессиональной армией, то еще более рьяно восхваляет непомерно малую и отсталую, приспособленную для полицейских целей и колониальных войн английскую армию.

Перейдя к описанию массовой мобилизации в Англии, Лиддель Гарт утверждал, что военное ведомство, проводя наборы, чрезмерно увлеклось «континентальными» методами и забыло английские «...традиционные методы использования британской армии на суше...»¹. Здесь явственно видна направленность теории Лиддель Гарта, вытекавшая из политики английских империалистов, которые всегда стремятся загребать жар чужими руками.

Он писал: «Весь последний век Британия представляла собой преимущественно морскую державу, появляясь на суше только для старой, традиционной политики — дипломатической и финансовой поддержки союзников, военные усилия которых она подкрепляла частицей своей профессиональной армии»².

Таковы были «творческие муки» Лиддель Гарта, стоящего перед фактами огромного исторического опыта миллионов армий, по

¹ Лиддель Гарт, Правда о войне 1914—1918 гг., Воениздат, 1935 г., стр. 39.

² Там же, стр. 37.

прилагающего неимоверные усилия, чтобы доказать преимущества «малой армии», и претендующего при всем этом на научность своих писаний, на «правду о войне».

Для военной политики Англии Лиддель Гарт делал недвусмысленный вывод: «Маленькая, хорошо подготовленная армия, «как гром с неба», обрушивающаяся на противника в важном стратегическом направлении, может привести к такому стратегическому успеху, который по своим размерам ни в каком отношении не соответствовал бы ее небольшой численности»¹.

Нетрудно заметить, что эта английская теория «малой армии» отражала особенности английского, по определению Ленина, колониального империализма.

Что касается общего для всего класса буржуазии политического содержания этой теории, то Лиддель Гарт отразил его в полной мере. Вся его книга проникнута ненавистью к Советскому Союзу, изобилует злыми выпадами против революционного движения и вместе с тем полна славословий по адресу кастовой профессиональной армии, состоящей из преданных буржуазии наемников.

Английская теория «малой армии» была непосредственно связана с порочной трактовкой роли техники в войне. Одним из первых глашатаев реакционной идеи замены человека на войне машинной выступил Фуллер.

В 1922 г. в книге «Танки в великой войне 1914—1918 гг.» Фуллер писал: «...я верю в механическую войну, т. е. в армию, снабженную машинами, которая потребует мало людей и сильные машины»².

Стремление Фуллера укрепить существенно ослабленные английские позиции в колониях, как одна из основных идей, проводимых в его теории малой танковой армии, была высказана им с полной откровенностью.

Он доказывал дешевизну колониальных войн, проводимых с помощью танковых войск. И более того, Фуллер мечтал, что танк станет средством, который увековечит колониальное владычество английской буржуазии.

Фуллер писал: «Один танк, стоящий, скажем, 10 т. фунтов, может не только выиграть малую войну, нормально стоящую 2 000 000 ф. ст., но сделать маловероятным, если не невозможным, самое возникновение таких войн»³.

Не является ли это утверждение яркой иллюстрацией того, до каких нелепостей и в области «чисто военной» могут доходить буржуазные идеологи, обуреваемые реакционными идеями?

В разбираемой книге Фуллер договорился до такого абсурда и нелепостей, которые наглядно показывают, насколько бесконечно далека его теория от науки. «...Идеальная армия, — писал Фул-

¹ Лиддель Гарт, Правда о войне 1914—1918 гг., Восниздат, 1935 г., стр. 39.

² Фуллер, Танки в великой войне 1914—1918 гг., Высший военно-редакционный совет, 1923 г., стр. 199.

³ Там же, стр. 200.

лер, — к которой надо стремиться, это не вооруженный народ, а один человек, способный нажать кнопку и вынуть пробку и тем привести в действие машины...»¹.

Вполне логично, что фашист Фуллер в наши дни, заменив в своей теории танк атомной бомбой, выступает с новым вариантом «кнопочной» войны, еще более реакционным и беспочвенным.

Придавая танковым войскам ренаншующее значение на войне, Фуллер извращал опыт войны 1914—1918 гг., показавший необходимость гармоничного сочетания всех родов войск.

Фуллер и Лиддель Гарт проповедывали также стратегию «кинжального удара». В конкретном ее изложении они оказались полностью беспомощными. Пустым прожектерством был их «рецепт победы», состоящий в том, что танки вторгаются в глубь страны и поражают штабы вражеских армий. Подобное доктринерство возрождало (в XX столетии!) худшие времена так называемой «академической», схоластической стратегии конца XVIII и начала XX в.

Среди империалистической военщины как до второй мировой войны, так и после нее широкой известностью пользуется теория малой воздушной армии итальянского фашистского генерала Дуэ. Дуэ предлагал итальянским империалистам иметь всего-навсего 1000 самолетов, утверждая, что ежедневное использование 500 самолетов обеспечит скорую победу.

Этот авиатор-практик писал, что 500 самолетов могут обеспечить «...ежедневно полное разрушение 50 центров всякого рода... в пределах района в 200—300 км позади линии войск, сражающихся на поверхности земли»². О ширине фронта этот экстремист не считал нужным и упомянуть.

Дуэ заявлял, что при наличии авиации можно совершенно не считаться со всеми остальными вооруженными силами. «Эта наступательная сила, — пытался уверить Дуэ, — по своему масштабу настолько превышает наступательную силу всех остальных известных боевых средств, что, при сопоставлении, действительность последних становится почти не заслуживающей внимания»³.

Теория Дуэ отражала интересы итальянского империализма, алчного и слабого, вынужденного искать прежде всего дешевые средства агрессии.

Нет необходимости доказывать то, что Дуэ, как и Митчел, извращал опыт первой мировой войны.

Наоборот, опыт первой мировой войны, гражданской войны в СССР, научно обобщенный товарищем Сталиным, свидетельствовал, что «задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия»⁴. Опыт второй мировой войны показал, что

¹ Фуллер, Танки в великой войне 1914—1918 гг., стр. 257.

² Г. Дуэ, Господство в воздухе, Воениздат, 1926 г., стр. 21.

³ Там же.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 170.

советские Вооруженные Силы, строительство и боевое использование которых основано на положениях сталинской военной науки, во всех отношениях превосходят вооруженные силы империалистических государств.

Одним из проявлений международной реакции и военной мысли были взгляды главаря современных французских фашистов де Голля.

Содержание его тощей книжонки «Профессиональная армия» состоит в перепевах идей блицкрига, осуществляемого малой танковой армией, т. е. идей Фуллера и немецких фашистов.

Оплеывая лучшие страницы истории Франции, проповедуя фашистскую геополитику, «культ оружия» и «корпоративный дух» войск, преисполненный ненависти к Советскому Союзу, к трудящимся, де Голль добивался, чтобы военное дело Франции стало привилегией «100 000» фашистских молодчиков. Вся полнота власти в мирное и в военное время должна быть передана, требует де Голль, фашистскому военному диктатору.

Реакционер де Голль видит путь развития военного искусства в возврате ко временам абсолютизма.

Он писал: «Восстановить (обновить) старинные методы маневрирования с помощью всего того, что в смысле силы, точности и быстроты допускается современными машинами, — вот в чем в наши дни состоит работа тактиков».

Конечно, вольно фашисту де Голлю мечтать о порядках времен Людовика XIV, при котором французская армия состояла из касты офицеров-дворян и вымуштрованных наемных солдат.

Но беда де Голля и других реакционных «мечтателей» в том, что времена сословно-кастовых армий безвозвратно канули в прошлое. Что же касается надежд, которые де Голль связывает с машинной техникой, то история учит, что эта техника революционизирует тактику и исключает возможность возврата к тактике мануфактурного периода войны.

Де Голль присоединился к сторонникам теории малой танковой армии в 1934 г., но в это время военным идеологам капиталистических стран уже пришлось в существенной степени отступить от своей мечты об «аристократической» армии, ибо объективная действительность убедительно доказывала, что численность армий не только не уменьшается, но растет и в будущей войне будут поставлены под ружье еще большие массы людей, чем в первую мировую войну. Если численность регулярных армий до 1932—1933 гг. значительно не увеличилась (стремительный рост начался позднее), то общая численность военнообученных резервов быстро росла. Это достигалось путем обучения миллионов людей в различных военных и полувоенных организациях.

Капиталистические страны, претворяя в жизнь теорию малой армии путем профессионализации регулярной армии, вместе с тем усиленно готовили кадры для многомиллионных армий. Во вторую мировую войну было мобилизовано 110 миллионов человек,

т. е. в два раза больше, чем в первую мировую войну. Это не случайность. Возможность гигантского роста численности армий обеспечивалась ростом производительных сил, а необходимость этого диктовалась небывалой остротой противоречий, все больше раздирающих капиталистическое общество, гигантской напряженностью борьбы.

Еще раз стало ясно, что идея «малой армии» — не больше как реакционная мечта. Историческая действительность показывает, что буржуазия не может избежать того, чтобы не военизировать массы.

С приходом к власти в Германии фашистов, с образованием фашистской империалистической группировки — «оси» Рим — Берлин — Токио с заключением ею антисоветского «антикоминтерновского пакта», с переходом фашистских агрессоров к практической реализации своих разбойничьих планов американско-англо-французские правящие круги становятся на путь пресловутой политики «невмешательства».

Товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б) дал следующую характеристику этой политике. «...Политика невмешательства, — говорил товарищ Сталин, — означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!»¹.

Реакционеры в Англии, Франции, США своей политикой «невмешательства», завершившейся сговором с фашистским агрессором в Мюнхене, толкали Германию и Японию к войне против СССР, добиваясь таким образом осуществления своих контрреволюционных чаяний и заодно ослабления опасных конкурентов.

В военной мысли Англии, США, Франции в этот период мы видим явственное отражение этой политики «невмешательства». Военные идеологи со своей стороны включаются в мюнхенский сговор. В их выступлениях характерными являются два момента: всяческое одобрение и восхваление немецко-фашистских военных теорий тотальной, молниеносной войны и отрицание их преступности, стремление замаскировать разбойничьи, людоедские методы фашистских агрессоров. Эти тенденции откровенно проводил, например, Фуллер.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 570—571.

В 1936 г. в обзоре о событиях в Абиссинии Фуллер весьма положительно отнесся к факту использования итальянскими войсками иприта не только против армии, но и против мирного населения Абиссинии. Захлебываясь от восторга по поводу успехов итальянских фашистов в их войне против безоружного народа, преданного империалистами США, Англии и Франции, он спешил заявить, что итало-абиссинская война будет изучаться «как наиболее замечательная из войн». Этим Фуллер показал, чьим интересам служат его фашистские теории.

Как уже говорилось, этот слуга империалистических агрессоров объявил танковые войска единственным родом войск, который будет решать судьбу войны. Но после итало-абиссинской войны Фуллер предложил «новый» «ключ победы». Фашистская итальянская армия не сумела эффективно использовать танки даже против слабо вооруженной абиссинской армии. И Фуллер, не задумываясь, на место танка ставит самолет: «...в следующей европейской войне,— безапелляционно провозглашал он,— решающим оружием будет самолет, и когда самолеты победят или справятся с себе подобными, людские скопища на земле будут переданы в их руки».

Но в составе наземных войск находятся ведь и недавно столь хваленые Фуллером танки. Однако ему не до танков, когда представился повод «осовременить» авантюристическую, людоедскую теорию, когда за военную теорию, возвеличивающую авиацию, теперь платят больше.

Опыт второй мировой войны показал, что авиация не стала и не могла стать решающим родом войск. «Пророчицатель будущего» Фуллер, а заодно с ним и Дуэ и Митчел, у которых он заимствовал эту «воздушную концепцию», были разоблачены как шарлатаны.

В годы развязывания второй мировой войны Фуллер пропагандировал фашистские идеи фюрерства, экономической автаркии, «молниеносной войны», допустимости изуверских методов борьбы. Эти фашистские «истины» он изрекал, например, в своем докладе на тему «Развитие тотальной войны» в Британском королевском артиллерийском институте в ноябре 1936 г. В своем стремлении облегчить «мюнхенцам» их задачу поощрения агрессора и незаметного для масс «вползания» в войну Фуллер дошел до утверждения, что война становится все более «гуманной»¹. И чем ужаснее средства массового истребления, толковал Фуллер, тем, мол, лучше для человечества, ибо тем скорее восторжествует агрессор и война закончится. Смысл этой разбойничьей проповеди ясен: Фуллер стоит на стороне фашистских агрессоров и рассуждает с их точки зрения, а что касается его забот о «гуманности» войны, то он просто лжет. Человеконенавистника Фуллера уличают его же собственные слова.

В книге «Танки в великой войне 1914—1918 гг.» он писал: «Все эти атаки будут сперва направлены не против неприятельской ар-

¹ „Journal of royal artillery“, № 4, 1937.

мии, которая будет мобилизовываться под землей (?), а против гражданского населения, с целью заставить его принять волю атакующего»¹.

Восхваление немецко-фашистских военных доктрин и маскировка разбойничьей сущности тотальной войны весьма широко проводилась в американской военной литературе.

При этом проводилась самая наглая фальсификация истории.

Немецкие шовинисты исподволь внушали читателям нелепую мысль о том, что Фридрих II является «великим» полководцем. Американские милитаристы поступают проще. Так, американский генерал Симпсон в своей статье, помещенной в американском «Артиллерийском журнале» № 4 за 1937 г. под названием «Командование для всех времен», объявляет Фридриха II «величайшим полководцем всех времен», Шлиффена — «гениальным» начальником штаба, а о Ганнибале и Наполеоне говорит, что они могли бы быть у Фридриха II только командирами соединений.

Таков уровень «научности» писаний американского генерала, способного лишь на то, чтобы смешить читателя своими «исследованиями».

Не за страх, а за совесть восхвалял немецко-фашистскую военщину американский генерал-майор Рейли, черпавший «основной опыт» в штабе гитлеровских экспедиционных войск в Испании, при котором он долго находился.

Рейли поставил себе целью оправдать немецкую авантюристическую стратегию «молниеносной войны».

В своей статье «Молниеносная война» Рейли вынужден был делать осторожные выводы об абиссинском и испанском опыте блицкрига, ибо уже стало широко известно, что итальянские лучшие дивизии добились победы над безоружными абиссинцами отнюдь не «молниеносно», а в результате длительной борьбы и ценой существенных потерь.

Что касается Испании, то, несмотря на весьма благоприятные для фашистов условия, борьба там шла длительное время с переменным успехом. И все же Рейли утверждал, что в Абиссинии «были проверены некоторые из правил молниеносной войны», а Испания оказалась «хорошим полигоном для опытов». Но в своих «выводах» Рейли исходил и из другого «опыта». Американские, английские и французские правящие круги уже договорились с Гитлером и Муссолини и выдали им Албанию и Польшу.

Несказанно обрадованный Рейли перестает стесняться в своем восхвалении блицкрига и успешно конкурирует в этом с Эрфуртом, Фуллером, со своим соотечественником Митчелом и другими фашистскими писаками.

«Албания,— пишет Рейли,— стала местом генеральной репетиции, в Польше система прошла окончательную проверку».

¹ Фуллер, Танки в великой войне 1914—1918 гг., Москва, 1923 г., стр. 258.

Оккупация слабой в военном и экономическом отношении, управляемой антинародной кликой Албании армией крупного империалистического хищника называется на языке Рейли «генеральной репетицией,» проверкой военной доктрины. Оккупация Польши, которая была предана коварными союзниками и собственными правителями, силами мощного в военном отношении фашистского агрессора объявляется им «окончательной проверкой» доктрины «молниеносной войны». Да не потерял ли чувство реального американский генерал-майор Рейли, не перепутал ли он войну с игрой в оловянные солдатики? Бывали ведь такие вещи с реакционными военными идеологами, когда они чрезмерно усердствовали в изысканиях средств для осуществления авантюристических стратегических планов.

После всего того, что стало общеизвестным о подлинных причинах удачи «молниеносной войны» на Западе, и после полного банкротства «блицкрига» немецко-фашистской армии в войне против Советского Союза нет надобности останавливаться здесь на разборе событий в Албании и Польше, но необходимо подчеркнуть, что американский военный идеолог пользовался аргументами, недоброкачественность которых была очевидна.

Чтобы придать своим рассуждениям о блицкриге убедительность, Рейли пытался «обосновывать» свои «выводы» примерами из истории войн, которую он фальсифицирует еще более грубо, чем делали это немецкие военные историки.

«С первых же дней военной истории, — писал Рейли, — внезапность всегда приводила к победе над противником, даже несмотря на его численное превосходство и мужество». Если послушать Рейли, действительно величайшими героями древнего Рима являются мифические гуси.

Военный идеолог разбойничьего американского империализма, вынашивая военную доктрину агрессии, в паническом страхе перед испытаниями затяжной войны изобретает аргументы в пользу «блицкрига», и естественно, что внезапность, как «скромно» он называет вероломство фашистских агрессоров, кажется ему решением всех «проклятых вопросов». Для этого и фальсифицируется история.

Однако история свидетельствует, во-первых, что внезапность — привходящий момент, не решающий судеб войн, и, во-вторых, что момент внезапности нападения (стратегическая и тактическая внезапность) должен рассматриваться исторически.

Расчет гитлеровцев на успех внезапного нападения в войне с СССР позорно провалился. Заодно с планами Гитлера провалились и планы американо-англо-французских реакционеров. Во второй мировой войне заодно с немецко-фашистской военной идеологией показали свою несостоятельность, авантюристичность и американо-английские военные идеологии.

В качестве примера несостоятельности военной идеологии американского империализма могут, например, служить «выводы из опы-

та» второй мировой войны, сделанные Эйзенхауэром в его книге «Крестовый поход в Европу» о том, что «война всегда ведется скорее в сфере возможного и предположительного, нежели определенного и известного». Так, переписывая Клаузевица и Мольтке, следуя за Людендорфом и Кейтелем, Эйзенхауэр пытается «обосновать» авантюризм американского империализма, превзошедший авантюризм германского империализма.

Современные теории американских и английских военных идеологов являются вариантами фашистской теории тотальной войны. Это естественно и понятно, ибо в настоящее время политику США и Англии определяют крайне реакционные элементы империалистической буржуазии.

В соответствии с этими системами военных взглядов американо-английские империалисты, как и гитлеровцы, утверждают «вечность» и «полезность» войны, восхваляют вероломство, провокации, массовый террор, шантаж по отношению не только к армии, но и к мирному населению, т. е. устанавливают «законы джунглей», как объясняют смысл этих изуверских методов агрессии сами американские милитаристы. Англо-американская военщина разрабатывает различные варианты «блицкрига». Грязный поток всяких писаний на эти темы весьма «полноводен». Пишут, выступают по радио, стараясь превзойти друг друга в изуверстве, антисоветской клевете, шовинистических призывах, шарлатанских предложениях «рецептов победы» не только милитаристы, но и гражданские лица, не только реакционные журналисты, но и профессиональные гангстеры, не только «частные лица» — бизнесмены, но и сенаторы, министры, не только представители «науки», но и католические попы. Следует подчеркнуть, что и официальные государственные руководители в США откровенно отправляются от теории тотальной войны. Людоедские выступления Даллеса, Брэдли, Баруха, Метьюса и других идеологов разбойничьего американского империализма, разоблаченных советскими представителями в Организации Объединенных Наций как отъявленные поджигатели войны, достаточно известны. «Категориями» тотальной войны оперируют Маршалл, Брэдли, Эйзенхауэр, Макартур и другие агрессоры. Для этого ими привлекаются всяческие аргументы, в том числе и затасканный социальный дарвинизм и атомная бомба.

В первые же дни после победы над гитлеровской Германией, требуя не снижать программу вооружений военного времени и запугивая американский народ призраками несуществующей опасности, Маршалл писал в своем докладе военному министру США: «Всем известный закон жизни гласит, что выживают только наиболее приспособленные». В этой короткой фразе (как достаточно хорошо известно) имеются две передержки: «закон жизни» биологической и «закон жизни» общественной, которые в корне отличны один от другого и не могут быть отождествляемы, — это, во-первых, и, во-вторых, подобная формулировка борьбы за существование и для биологического мира является плодом ошибки Дарвина, позаимствовавшего мальтузианскую реакционную теорию народонаселе-

ния, ошибки, которую широко использовали и немецкие идеологи агрессии.

Давая сигнал начать кампанию военной истерии, Маршалл в упоминавшемся выше докладе писал: «...потребуется всего несколько часов, чтобы противник, находясь на другом континенте, мог разрушить Нью-Йорк, Питсбург, Детройт, Чикаго и Сан-Франциско».

Невозможно, конечно, объяснить, почему Маршалл не продолжил этот список. Ему ничего не стоило бы увеличить перечень городов, которым угрожает неизвестное нападение, до нескольких сотен. Врать, так врать. Ведь все равно подобные доклады (начальника генерального штаба вооруженных сил США военному министру!), в которых Нью-Йорк и Сан-Франциско постигает участь мюнхаузеновской полдюжины уток, застреленных из ружья, заряженного шомполом, и заодно зажаренных в воздухе, подобные доклады являются литературой в стиле американских детективных романов.

Американские поджигатели войны стремятся удушить последние остатки демократических свобод не только в США, но и в маршаллизованных странах, которые они все больше и больше подчиняют своим интересам. При этом они беззастенчиво попирают государственный и национальный суверенитет этих стран.

Так, президент Трумэн и государственный секретарь США Ачесон, выступая в апреле 1950 г. в так называемом «американском обществе газетных редакторов», потребовали дальнейшего развертывания агрессивной, империалистической пропаганды не только внутри Соединенных Штатов и в маршаллизованных странах, но и там, куда в настоящее время стремятся проникнуть американские экспансионисты. «Мы должны, — говорил Трумэн, — неуклонно стремиться уничтожить барьеры или перепрыгивать через эти барьеры там, где они существуют». Ему вторит генерал-поджигатель Брэдли, провозгласивший, что на смену «национализму» (т. е. государственному суверенитету — Л. Л.) должно прийти американское «планирование координированной обороны», означающее на деле не что иное, как право американской военщины хозяйничать в чужих странах по своему произволу.

Политика «перепрыгивания через барьеры» — это империалистическая политика захватов чужих земель и порабощения народов. Эта политика неизбежно потерпит поражение.

Империалисты спешат развязать войну, тщательно надеясь изменить ход истории, которая работает против них.

В то время как Советский Союз и страны народной демократии после окончания второй мировой войны приступили к мирному созидательному труду, достигнув огромных успехов в развитии мирных отраслей народного хозяйства, американско-английские империалисты начали бешеную гонку вооружений, обрекая народы своих стран и народы маршаллизованных государств на нищету и безработицу. Все народное хозяйство этих стран поставлено на службу войне, развязываемой в интересах монополий.

Несмотря на то, что в 1950/51 бюджетном году почти весь бюджет США расходуется на военные цели, Трумэн, генерал-поджигатель Эйзенхауэр и другие слуги Уолл-стрита призывают не останавливаться на этом и идти по пути еще большей гонки вооружений. А их английский партнер Монтомгери цинично заявляет, что третья мировая война «будет для нас настоящим праздником и мы уьем множество людей».

Такова мораль, таковы действительные стремления американо-английских поджигателей «тотальной войны», такова их авантюристическая «тотальная политика», сущность которой достаточно откровенно выболтал Ачесон в марте 1950 г. в одном из своих выступлений. «Наше время,— заявил он,— требует атомной дипломатии... Мы должны признать, что наша способность достигнуть своих целей не может определяться одним стремлением к миру, но что она должна поддерживаться силой, чтобы разрешить задачи, которые провидение может поставить перед нами». Известно, что под маской «провидения» скрываются жадные к наживе американские империалисты, которые и ставят задачи трумэнам и ачесонам, брэдли, эйзенхауэрам и монтомгери.

Известно, что в своей политике грабежа и разбоя немецкие фашисты тоже руководствовались указаниями «провидения». Но назидательные уроки, полученные германскими агрессорами в войне против Советского Союза, не пошли впрок их американским последователям.

Ненависть ко всему передовому и прогрессивному, жажда наживы не дают покоя поджигателям войны, сочиняющим все новые «доказательства» того, что война всегда была присуща человеческому обществу.

Даллес, например, в одной из своих речей «доказывал» вечность войны тем, что и первобытные люди «бросали друг в друга палки и камни». Пустив в ход «палки и камни», он объявил марксистско-ленинское учение о войне и армии «низложенным», «опровергнутым». На деле невежда Даллес свалил в кучу случайные столкновения в доклассовом обществе и войны, присущие лишь классовому обществу и являющиеся продолжением политики государств и классов. В доклассовом обществе вооруженные столкновения были следствием бессилия дикаря в борьбе с природой. Классовому же обществу органически присущи войны, в которых с наибольшей остротой проявляются его внутренние противоречия.

Что касается захватнических войн буржуазной эпохи, то о них Ленин писал:

«...Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ. При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 310.

Ленин научно объяснил, почему империалистические войны и связанные с ними величайшие для миллионов людей бедствия неизбежны при капитализме. Вместе с тем эти же ленинские положения не оставляют никаких сомнений в том, что с окончательной ликвидацией капиталистического строя, с всемирной победой социализма войны становятся невозможными, так как исчезают их причины. Эти положения марксизма-ленинизма в наше время стали достоянием миллионов простых людей во всем мире. Вот это и страшит даллесов и маршаллов и их хозяев морганов, дюпонов, фордов. Войны принесли гигантские прибыли американским миллиардерам. Войны рассматриваются американско-английскими империалистами как единственное средство, позволяющее отсрочить неизбежную гибель капитализма. В целях поддержания гниющего, обрекающего на величайшие страдания человечество строя капиталистического рабства, в целях получения военных сверхприбылей монополиями идеологи империалистической буржуазии славословят войну и зовут человечество итти вспять, к «законам джунглей», к первобытности. Напомним, что и немецкие фашисты тоже звали «назад к варварству» и что именно моральное падение гитлеровцев оказалось одним из источников их слабости. Человечество не хочет возврата к дикости, оно не хочет в интересах реакционной кучки империалистов и их наймитов уничтожения миллионов людей в войнах. Современное человечество, опираясь на созданные им могучие производительные силы, неудержимо идет ко всеобщему миру и к великому прогрессу народов, к коммунизму и на этом пути могучую опору находит в великом Советском Союзе.

6 ноября 1947 г. В. М. Молотов говорил:

«Капитализм стал тормозом прогресса человечества, а продолжение авантюристической политики империализма, приведшей уже к двум мировым войнам, является главной опасностью для миролюбивых народов. Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла глаза народам, что век капитализма приходит к концу, и что открыты надёжные пути ко всеобщему миру и к великому прогрессу народов. Судорожные усилия империалистов, под ногами которых колеблется почва, не спасут капитализма от приближающейся гибели. Мы живём в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»¹.

Отрицая преступность и утверждая «законность» кровавого пути «тотальной войны», военные «теоретики» и представители других областей «науки» в США, Англии широко разрабатывают химические, бактериологические, психологические (приемы лживой пропаганды, провокации, шантажа) методы ведения войны. Особое место уделяется атомной бомбе.

Как и у немецких фашистов, в американско-английских доктринах «тотальной войны» применение разбойничьих методов и средств рассматривается как путь к достижению скорой, молниеносной победы.

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, стр. 507.

Известны различные англо-саксонские варианты «блицкрига», но все они в своей основе не отличаются от немецкого «блицкрига», ибо проникнуты тем же духом вероломства, изуверства и авантюристического прожектерства, сумасбродной фантастики, полного игнорирования исторического опыта. Все это является свидетельством того, что буржуазная военная наука переживает глубокий кризис.

Так, в США получила распространение концепция «двухактной войны», согласно которой собственные вооруженные силы Соединенных Штатов предлагается применить по принципу молниеносной войны, т. е. сразу, добиваясь победы в короткий срок. Но этому блицнаступлению, по мнению авторов «двухактной войны», должна предшествовать подготовительная стадия, когда за интересы США должны воевать «маршаллизованные» страны.

В этой «новой» теории разве ново лишь только название. Еще Кутузов называл подобную политику Англии политикой «коварного Альбиона», и в наше время под этой политикой понимается стремление американо-английских империалистов загребать жар чужими руками. Именно курса этой политики придерживались господствующие классы США и Англии в обеих мировых войнах. Но эти империалистические цели становились все менее достижимыми для них. Империалисты США и Англии особенно жестоко просчитались в период второй мировой войны и в послевоенные годы в Китае.

Победа великого китайского народа означает не только победу над прогнившим гоминдановским реакционным режимом, но и над американскими империалистами, которые не жалели ни долларов, ни вооружения для сохранения власти чанкайшистской клики. В этом одно из наглядных доказательств дефективности и неминуемого провала американской стратегии «двухактной войны». Исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что разбойничья политика загребания жара чужими руками и заодно стратегия «двухактной войны» несостоятельны.

Правительство США снарядило 160 чанкайшистских дивизий, 9 эскадрилий в составе 1720 самолетов, передало Чан Кай-ши 757 кораблей, затратило на поддержку реакционного, антинародного гоминдановского правительства 6 миллиардов долларов; 113 тысяч американцев принимали непосредственное участие в интервенции. Однако великий китайский народ при моральной помощи всего антиимпериалистического лагеря разгромил армии Чан Кай-ши и в основном освободил территорию своей страны от интервентов. Китайский народ во главе с рабочим классом совершил великую революцию, завоевав возможность творческого строительства своего народного хозяйства и культуры. Китайская Народная Республика, родившаяся в огне этих битв, стала новым крупнейшим фактором в борьбе человечества за социализм, против империализма.

Таков плачевный итог американской авантюристической политики и стратегии в Китае.

Ярким свидетельством авантюризма американских милитаристов является их провал в войне против корейского народа. Планы американских интервентов «молниеносно» покончить с Народной армией Корейской Народно-Демократической Республики потерпели крах.

Развязывая войну в Корее, американские империалисты мечтали загрести жар руками стотысячной армии предателя корейского народа Ли Сын Мана. Они не сомневались в успехе. «Вам не сможет сопротивляться любой, даже сильный противник», — говорил прокуратор Даллес, обращаясь к лисынмановцам.

Однако поджигатели войны просчитались. Наступление стотысячной армии лисынмановцев, вооруженной американским оружием, руководимой американскими генералами и офицерами, было сорвано: отбросив врага, корейская Народная армия повела стремительное наступление на юг. Разгром лисынмановских наемников и их бегство означали, что первая фаза американской «двухактной» стратегии не увенчалась успехом, что теория «двухактной» стратегии оказалась несостоятельной.

Второй «молниеносный удар» должны были нанести сами американские войска. Но дивизии американских интервентов, оказавшиеся неспособными даже замедлить наступление Корейской Народной армии, были опрокинуты, и доблестные корейские войска освободили к концу сентября 1950 г. 95 процентов территории своей родины. Далее провалилось еще несколько «молниеносных ударов», предпринимавшихся американской военщиной.

«Последнее и решающее» наступление Макартура, о котором он хвастливо возвестил в декабре 1950 г., окончилось для интервентов большим позором. В результате контрнаступления Народной армии Корейской Народно-Демократической Республики американским агрессорам пришлось не наступать, а бежать, неся при этом большие потери и бросая свою боевую технику. Не удалось и «методическое» наступление интервентов весной 1951 г. Также провалилось «неограниченное наступление» Риджуэя.

В Корее еще раз провалился «блицкриг», основанный на использовании главным образом воздушных сил. В Корее еще раз стало ясно, что техника не способна заменить человека. Даже некоторые американские милитаристы признали, что «нужна пехота».

В Корее еще раз провалилась фашистская теория «тотальной войны». Весь мир является свидетелем гнуснейших преступлений американских империалистов в Корее. Клевета на корейский народ с целью его международной изоляции, расстрелы десятков тысяч корейских патриотов, истребление сотен тысяч мирных людей в целях устрашения корейского народа, уничтожение городов и сел, тактика «выжженной земли», массовое ограбление населения, все разбойничьи приемы фашистской «тотальной войны», — все, что может придумать садистская фантазия американских фашистских разбойников, применяет американская армия, чтобы добиться своей цели. Зверства, совершаемые американской военщиной в Корее,

превзошли зверства гитлеровцев. Человечество не простит американским фашистам их злодеяний.

Корейский народ героически борется с огромной военной машиной американских интервентов. Изуверство насильников вызывает лишь бурю гнева и ненависти к поработителям. Если войска американской армии, ведущей несправедливую войну, проявляют неустойчивость и безинициативность, то воины Народной армии Кореи и китайские добровольцы, борющиеся за свободу и независимость, проявляют массовый героизм, беспримерную храбрость и воинскую доблесть.

Одновременно с интервенцией в Корее американские империалисты начали столь же разбойничьи, захватнические действия против Китайской Народной Республики. Они оккупировали китайский остров Тайван, их авиация совершает варварские налеты на китайские города, села и железнодорожные станции. Таким образом, империалистические разбойники бросили вызов и великому китайскому народу. Поэтому при таких обстоятельствах китайские патриоты не могли оставаться безучастными к событиям в Корее. Оказывая братскую помощь корейскому народу, защищая самого себя от агрессии оголтелых американских интервентов, китайский народ внес и продолжает вносить свой вклад в общее дело разгрома американских захватчиков и изгнания их с корейской и китайской земли. Китайские добровольцы помогают Народной армии Кореи громить зарвавшихся интервентов.

Весь ход событий на Дальнем Востоке показывает, что военная авантюра американских монополистов обречена на провал.

Исчерпывающий анализ перспектив империалистической интервенции в Корее дан в следующих ответах товарища Сталина на вопросы корреспондента «Правды» (февраль 1951 г.):

«Вопрос. Что Вы думаете об интервенции в Корее, чем она может кончиться?»

Ответ. Если Англия и Соединённые Штаты Америки окончательно отклонят мирные предложения Народного Правительства Китая, то война в Корее может кончиться лишь поражением интервентов.

Вопрос. Почему? Разве американские и английские генералы и офицеры хуже китайских и корейских?»

Ответ. Нет, не хуже. Американские и английские генералы и офицеры ничуть не хуже генералов и офицеров любой другой страны. Что касается солдат США и Англии, то в войне против гитлеровской Германии и милитаристской Японии они показали себя, как известно, с наилучшей стороны. В чём же дело? А в том, что войну против Кореи и Китая солдаты считают несправедливой, тогда как войну против гитлеровской Германии и милитаристской Японии они считали вполне справедливой. Дело в том, что эта война является крайне непопулярной среди американских и английских солдат.

В самом деле, трудно убедить солдат, что Китай, который не угрожает ни Англии, ни Америке и у которого захватили амери-

канцы остров Тайван,— является агрессором, а Соединённые Штаты Америки, которые захватили остров Тайван и подвели свои войска к самым границам Китая,— являются обороняющейся стороной. Трудно убедить солдат, что Соединённые Штаты Америки имеют право защищать свою безопасность на территории Кореи и у границ Китая, а Китай и Корея не имеют права защищать свою безопасность на своей собственной территории или у границ своего государства. Отсюда непопулярность войны среди англо-американских солдат.

Понятно, что самые опытные генералы и офицеры могут потерпеть поражение, если солдаты считают навязанную им войну глубоко несправедливой и если они выполняют в силу этого свои обязанности на фронте формально, без веры в правоту своей миссии, без воодушевления»¹.

Американские империалисты, мечтающие о завоевании мирового господства, терпят поражение за поражением уже в первых своих походах против свободы и независимости свободолюбивых народов. Нет сомнения, что в войне, которую пытаются развязать американские агрессоры, их ждет полное банкротство.

Глубокие противоречия между главными участниками агрессивного империалистического блока, борьба за то, кому же удастся загрести жар чужими руками, противоречия между главными и второстепенными участниками, за счет которых хотят поживиться при всех случаях, огромный подъем национально-освободительного движения в колониях и полуколониях, невиданное движение борьбы за мир, и, главное, могущество СССР, Китая и стран народной демократии — все это показывает беспочвенность американской «двухактной стратегии».

«Нельзя, однако, не признать,— говорится в «Заявлении Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте»,— что одно дело — создание всякого рода группировок и собрание подписей под новыми и новыми пактами, состряпанными в канцеляриях американского госдепартамента и британского Форейн-оффиса, и, разумеется, совсем другое дело — действительное достижение тех целей, которые преследуются вдохновителями этих группировок и пактов»².

В апреле 1949 г. на заседании палаты представителей США лидеры палаты произносили свои очередные агрессивные речи в связи с рассмотрением военных ассигнований, в частности выступил Кеннон. Поддерживая политику правящих кругов США, направленную на то, чтобы использовать население «маршаллизованных» стран в качестве пушечного мяса, Кеннон говорил: «Мы должны снарядить солдат других стран, и пусть они посылают на гибель свою молодежь, вместо того, чтобы мы посылали свою». Кеннон, призывая к войне против СССР и стран новой демократии, требо-

¹ И. В. Сталин, Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951 г., стр. 7—9.

² Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте, стр. 17.

вал добиваться в первые дни «решающего» успеха путем бомбежки Москвы и других советских городов атомными бомбами, в противном случае, говорил Кеннон, Советский Союз в течение 60 дней оккупирует всю Европу. «Мы должны,— требовал людоед Кеннон,— поразить Москву и любой другой город в России в течение недели после начала войны. Мы должны в течение трех недель превратить в развалины каждый военный центр Советского Союза».

Выбалтывая агрессивный характер Северо-атлантического пакта, Кеннон говорил: «С подписанием Северо-атлантического пакта мы получили необходимые базы. Единственное, в чем нуждаемся,— это в самолетах для доставки бомбы», т. е. атомной бомбы.

Вспомним, что маниак Гитлер намеревался захватить Москву в три недели, а его последователь Кеннон мечтает о ее уничтожении в первую неделю войны. Гитлер намеревался «покончить» с СССР в шесть недель, а Кеннон собирается разрушить все советские города и заводы в течение трех недель. Уроки истории и особенно уроки второй мировой войны ничему не научили Кеннона. Сей американский конгрессмен относится к тому типу хвастливых провокаторов, образ которых хорошо передан в басне знаменитого русского баснописца Крылова. Моськи-кенноны рассуждают, произнося свои речи, точь-в-точь, как рассуждала крыловская Моська, радуясь, что о ней скажут: «Ай, Моська, знать она сильна, коль лает на слона».

В своей разбойничьей политике установления мирового господства американские империалисты особые надежды возлагают на создание системы стратегических баз для агрессивной войны против СССР. Одной из задач Северо-атлантического пакта американские поджигатели войны и считают предоставление США этих баз.

Характерно, что эта гнусная политика начала осуществляться еще в годы второй мировой войны. Отражая взгляды американских монополистов, постоянный корреспондент «Чикаго Дейли Ньюс» Уиллер в книге «Заокеанские базы» еще в 1944 г. требовал для США «стратегически обосноваться под своим собственным флагом на всех континентах... Америка должна добиваться предоставления ей опорных пунктов не на срок в девяносто девять лет, а навечно».

Так Уолл-стрит и Пентагон цинично заявляют о своих притязаниях превратить «все континенты» в американские военные базы.

Агрессоры теряют почву под ногами и все больше ударяются в авантюризм, все более настойчиво и лихорадочно ищут «рецепты победы» — средства, которые обеспечили бы им успех вопреки неблагоприятному для них соотношению сил и обстановке.

Свой «рецепт победы» Шлиффен выразил в «Каннах». Он подвизался в эпоху империализма и был вынужден не забывать о «красном призраке, который у всех встает в тылу».

Немецко-фашистские военные идеологи, а вместе с ними Дуэ, Митчел, Рейли, Фуллер и другие, сохранив «принцип Канн», пытались усовершенствовать «рецепт победы», стремясь заменить ставшего ненадежным для буржуазии человека техникой — танками, самолетами. Американские военные идеологи идут дальше,

но по тому же самому пути: они носятся с «усовершенствованным» «рецептом победы», весь смысл которого заключен в мечте о блиц-победе при помощи атомной бомбы. Авиация, несущая атомные бомбы,— таков «ключ победы» американских поджигателей войны.

Если немецкие империалисты в свое время болели «танкоманией», то американские империалисты после второй мировой войны болеют «атомноманией». Товарищ Молотов еще в 1947 г. говорил: «...в экспансионистских кругах Соединённых Штатов Америки распространилась новая своеобразная религия: при неверии в свои внутренние силы — вера в секрет атомной бомбы, хотя этого секрета давно уже не существует»¹.

Вариант блицкрига, связанный с использованием авиации, несущей атомные бомбы, применением которых, как мечтают его авторы, можно достичь скорой победы в начале войны, получил наиболее широкое признание в среде агрессивных кругов США и Англии. Бывший американский командующий стратегическими воздушными силами генерал Спаатс писал: «Исход войны, возможно, в отдаленном будущем будет, вероятно, решен авиацией, прежде чем наземные силы окажутся способными войти в соприкосновение с врагом и развернуть большое сражение. Это важнейший военный урок современной истории»².

Такие же авантюристические мысли высказывали позже американские генералы Брэдли и Кенни, дополнив их гнусными анти-советскими выпадами.

Спаатс, Брэдли и Кенни по существу повторяли «воздушную концепцию», заимствованную Герингом у Дуэ и высказанную им еще до второй мировой войны: «Я повторяю,— писал Геринг,— что я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, если пробьет час, будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала сражения враг должен чувствовать, что он пропал». Что получилось из хвастовства главы гитлеровских воздушных пиратов, хорошо известно. «Грозилась сорока море спалить», говорит русская поговорка.

Мечты о техническом средстве осуществления «молниеносной» агрессии уже давно не дают покоя агрессорам. Эта авантюристическая идея разрабатывалась еще в первые годы машинного периода войны. В 1905 г. голландский историк права Штейнметц занялся этими «изысканиями» в книге «Философия войны». Нет необходимости критиковать содержание разбойничьей «философии» Штейнметца, достаточно указать на то, что его книга переиздавалась несколько раз в кайзеровской, а затем в гитлеровской Германии.

Достойный предок современных голландских и других империалистических насильников, душителей свободы индонезийского народа, Штейнметц также мечтал о средстве, при помощи которого можно было бы молниеносно выигрывать агрессивные войны.

¹ В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, стр. 496.

² „Foreign Affairs“, april 1943, vol. 24, № 3, p. 399.

Он, конечно, не мог предвидеть атомной бомбы, но тем интереснее, что и по содержанию и по форме его «теория» блицкрига ничем не отличается от того, что пишут атомщики. Стоит почитать Штейнметца, чтобы лишний раз убедиться, что дело не в атомной энергии, не в бомбе, а в реакционном мировоззрении. «Если бы, — писал Штейнметц, — было возможно сейчас же в начале войны взорвать на воздух 50 тысяч человек при помощи какой-нибудь скрытой мины, огромный ужас всей войны, а с ним вместе все страдания, ею вызываемые, были бы завершены одним ударом. Ужасное взрывчатое средство явилось бы таким образом великим благодеянием»¹.

Болтовня о «страданиях» и об «ужасе войны» у Штейнметца была, конечно, только дымовой завесой, имевшей назначение замаскировать агрессивную разбойничью идею. Штейнметц буквально из кожи лез, изыскивая аргументы, оправдывающие грабительские войны капиталистов и помещиков.

Одним из этих «доказательств», что война — «благо», у распоясавшегося циника Штейнметца было утверждение о том, что без войн, голода, безработицы и прочих «прелестей» капитализма стал бы скучно на земле. Требуя никогда не упразднить войну, он писал: «Нельзя отрицать весьма важного значения контраста для усиления удовольствия». Именно из подобных источников черпают изуверские идеи Трумэн, Маршалл и Барух, которые в своих людоедских бреднях превзошли своих предшественников.

Избрание американско-английскими империалистами атомной бомбы в качестве средства достижения победы говорит о том, что они являются злейшими врагами человечества.

Атомные бомбы, как это доказано и опытом и всесторонним теоретическим анализом, столь блестяще проведенным советскими представителями в Организации Объединенных Наций, не предназначаются для действий против войск. Атомные бомбы — террористическое средство, предназначенное для массового уничтожения и запугивания мирного населения. Атомные бомбы — средство ведения войны по разбойничьим «законам» фашистской тотальной войны.

Применение атомных бомб — злодеяние, уголовное преступление. Истребление мирного населения квалифицируется как уголовное преступление и законодательством всех стран и международными конвенциями.

Планы агрессивных войн, исходящие из использования атомных бомб, являются преступлением кучки заговорщиков-империалистов не только против народов, на которые они покушаются, но и против собственных народов, а коль скоро это так, история учит, что в наше время такие планы несомненно обречены на провал.

Однако этим не исчерпывается характеристика этих планов. Они несостоятельны и обречены на провал так же, как и любые

¹ Р. Штейнметц, *Философия войны*, Издательство «Образование», Петроград, 1915 г., стр. 273.

другие планы, основанные на «рецепте победы». Германия, пытавшаяся осуществить свои «рецепты победы», потерпела крушение в двух мировых войнах, ибо судьбу войны решают постоянно действующие факторы. История учит, что не существует искусственных средств, пользуясь которыми можно, возмещая все неблагоприятные обстоятельства, выигрывать войны. Не существует «рецептов победы».

И атомная бомба так же, как «танки» Фуллера и Гудериана, «самолеты» Дуэ, Митчела, Геринга, не способна помочь империалистическим разбойникам в их затруднениях. В этом смысле все современнейшие «рецепты победы» принципиально не отличаются от заклинаний шаманов, от молебнов о ниспослании победы. Не забудем, что и эти «средства» в свое время вполне серьезно рассматривались как «рецепты победы».

Несостоятельность, авантюристичность «атомной» стратегии американской военщины была разоблачена товарищем Сталиным сразу же после ее провозглашения. Отвечая на вопросы американского корреспондента Верта, товарищ Сталин говорил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьёзной силой, какой склонны её считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб»¹.

Тогда же товарищ Сталин говорил, что «монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго». 6 ноября 1947 г. товарищ В. М. Молотов в своем докладе, посвященном тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, заявил, что секрета атомной бомбы «давно уже не существует». Это означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и что он имеет такое оружие.

Однако американско-английские империалисты упорно продолжали свою агрессивную политику, делая вид, что Соединенные Штаты Америки монопольно владеют секретом атомной бомбы.

Но империалистическая политика атомного шантажа потерпела полное крушение. 25 сентября 1949 г. весь мир узнал из сообщения ТАСС, что Советский Союз владеет атомным оружием с 1947 г. Предположения близких к правительству США ученых, которые считали, что Советское государство может овладеть атомным оружием не ранее 1952 г., оказались беспочвенными. СССР и в этом отношении доказал свою несокрушимую силу и мощь социалистической экономики, огромные возможности социалистической промышленности.

Несмотря на то, что Советский Союз располагает атомным оружием, он попрежнему остается верен своей политике безусловного запрещения применения атомного оружия. Сталинская внешняя политика еще раз проявила свои гуманные, мирные, прогрессивные цели. И, наоборот, отказ американско-английских поджигателей войны

¹ Журнал «Большевик», № 17—18, 1946 г., стр. 3.

от запрещения атомного оружия, от сокращения вооружений окончательно разоблачает агрессивность политики империалистов.

Связывая свою фашистскую теорию «тотальной войны» с иллюзорными надеждами на атомный блицкриг, американско-английские военные идеологи идут еще дальше обанкротившихся немецко-фашистских милитаристов, которые возлагали все свои надежды на воздушно-танковый блицкриг. В своих выводах американская военщина опирается не только на Кейтеля, Гальдера, Гудериана, Людендорфа, но и апеллирует к Клаузевицу и даже к Фридриху. Конечно, пытаясь учесть плачевный опыт гитлеровцев, американско-английские поджигатели войны в то же время хотели бы избежать участи немецко-фашистских агрессоров.

И вот тут в их собственных писаниях отражается обреченность класса, которому они служат.

Возьмем, к примеру, статью Фуллера «Век уничтожения. Атомная бомба и война будущего», помещенную в 1946 г. в американском военном журнале, в которой Фуллер собрал из фашистских писаний о тотальной войне все, что мог.

Война объявлена Фуллером вечным, биологическим явлением, следствием того, что человечество, мол, одолевает «патология... драчливости». Это определение сущности войны является простым перепевом взглядов немецких милитаристов, в частности Мольтке, утверждавшего в свое время, что, дескать, «миролюбивой» Германии необходимо вооружаться и готовиться к войне, так как «неуживчивость народов» толкает ее на это. Точь-в-точь с такими же провокационными призывами выступают американско-английские поджигатели войны после второй мировой войны, крича об опасности нападения на США и на Англию со стороны «неуживчивых» народов.

Глашатай фашистских методов войны Фуллер утверждает, что «объявлять войну было бы чистым безумием». Он и в данном случае выступает апологетом вероломства, т. е. тех методов международного разбоя, к которым призывали и которыми широко пользовались мольтке и людендорфы, гитлеры и кейтели.

Проводя идеи, заимствованные у военных идеологов Германии, Фуллер активно защищает немецких военных преступников. Его цинизм в этом отношении не имеет границ. Фуллер заявляет, что «майданеки скоро забудутся», поэтому, дескать, нет оснований обвинять гитлеровских генералов в военных преступлениях и надо считать их лишь «военными специалистами».

Рассуждая об атомной бомбе, Фуллер видит в ней средство, восполняющее то, чего не было у немецко-фашистских агрессоров для осуществления «тотальной войны». Чтобы убедиться, что в писаниях Фуллера об атомной бомбе нет ни тени истины, достаточно привести хотя бы следующее место, где он касается вопроса о влиянии атомной бомбы на ведение войны: «...прошедшая война (т. е. вторая мировая война. — Л. Л.) так же устарела, как, например, Троянская... Все сухопутное, морское и воздушное оружие следует

выбросить как ненужный хлам»¹. Так Фуллер, отражая возросший страх буржуазии перед массами, дошел в своем сочинительстве до абсурда. Объявив атомную бомбу «абсолютным оружием», Фуллер не без оснований задумывался над возможностями ее применения. Фуллера озадачили два вопроса — это, во-первых, вопрос о возможной уголовной ответственности за применение атомного оружия и, во-вторых, вопрос о том, не могут ли располагать атомным оружием и те, против которых его хотят применить американско-английские агрессоры.

Страх этого фашистского милитариста не случаен: он помнит о том, что, несмотря ни на какие старания американско-английской реакции, не удалось спасти немецко-фашистских преступников на Нюрнбергском процессе от виселицы, от справедливого возмездия народов. Но эта боязнь не удерживает поджигателей новой войны и самого Фуллера от разнузданной пропаганды вооружений и агрессии. Они знают, что решения Организации Объединенных Наций, осуждающие пропаганду войны, подписаны правительствами США и Англии не для того, чтобы выполнять их, а лишь для того, чтобы обмануть общественное мнение.

В своей «Истории второй мировой войны» (1948 г.) Фуллер, одобряя зверства гитлеровцев — майданеки, освенцимы и т. д. — и говоря, что они «забудутся», вновь высказывает свои людоедские фашистские идеи. Учитывая факт крушения гитлеровской Германии и помня о том гневе народов, который был вызван фашистскими злодеяниями, он предлагает не полагаться только на вооруженное насилие, но, «как учил Клаузевиц», широко применять в своих интересах политические средства: политический шантаж, провокации, усыпление бдительности намечаемых жертв агрессии, т. е. он предлагает применять все те приемы, которые в наше время получили название «атомной дипломатии». Заметим, что в наше время возможности «политического маневрирования» для буржуазии отнюдь уже не те, которые были во времена Клаузевица. Вообще же Фуллер считает, что лучше всего, если намеченная для захвата страна будет внезапно, по-воровски оккупирована воздушно-десантными силами. Итак, если до второй мировой войны метод стратегии «кинжального удара», предложенный Фуллером, заключался в том, что танки внезапно проникают в страну противника и оккупируют ее, то теперь на место танков ставятся атомные бомбы и воздушные десанты, что, конечно, никак не изменяет фашистской сущности этого бреда, выдаваемого за «последнее слово» военной теории.

Фашистская военная «теория» Фуллера построена на базе идей космополитизма. Атомная бомба объявляется им средством насильственного создания «мирового правительства», под вывеской которого финансовая олигархия США и Англии стремится установить свое мировое господство. Возможность создания «мирового правительства» он «подкрепляет» примерами из истории: «В 1771 году, — пишет Фуллер, — появился трактат Эммануила Канта под заголов-

¹ Fuller, Army ordnance, 1946, Jan. — Febr., № 154.

ком «К вечному миру», за которым последовала первая действительная, хотя далеко и не жизненная, мирная организация — «Священный Союз» 1815 года.

Круг замкнулся. И Фуллеру понадобился лозунг германских реакционеров «назад к Канту», чтобы оправдать политику маршализации, военные блоки империалистов, чтобы ратовать за так называемое «мировое правительство». Он восхваляет «Священный Союз», — организацию, силой насаждавшую реакцию, подавлявшую революционное движение, демократию. Его военные взгляды исходят из политических идеалов, почерпнутых у реакционеров конца XVIII и начала XIX в. Но так как Фуллер занимается своей военно-литературной стряпней в середине XX в., то старые реакционные идеи он подкрашивает в «атомный цвет».

Руководствуясь фашистской теорией «тотальной войны» и идя по еще более реакционному, по еще более авантюристическому пути, чем тот, по которому шли немецко-фашистские агрессоры, американско-английская военщина безудержно восхваляет германских милитаристов.

Так, например, автор книги «Американская армия» Харвей Форд ссылается на «ценные» для США доктрины Мольтке и Шлиффена. Другой американский автор — генерал Нельсон выступил в 1946 г. с большой статьей об американском генеральном штабе в журнале «Инфантри Джорнэл». Исходя из империалистической программы завоевания мирового господства, он требует «держат достаточное количество стратегических баз», объявляет «зоной обороны США» практически весь мир. Для осуществления этих целей Нельсон требует иметь генеральный штаб, построенный по немецкому образцу. По его мнению, главная задача генерального штаба — тайное планирование агрессивной войны, осуществление вероломных нападений и внезапных захватов; «...велики были награды за успехи в войне тем, кто воспользовался элементом неожиданного нападения», — восторгается Нельсон.

Печальные для гитлеровцев последствия вероломного нападения фашистской Германии на СССР — важнейший урок военной истории. Но какое дело до подлинных уроков истории американскому агрессору!

Связав все надежды на успех агрессии с внезапностью и вероломством, с «молниеносной атомной атакой», Нельсон считает, что генеральный штаб США и должен обеспечить эту, как он выражается, «вспышку». Стоит лишь вспомнить взгляды Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и их заговорщицкую, преступную практику, чтобы убедиться в том, что Нельсон полностью пересаживает авантюристическую военную теорию германских милитаристов на американскую почву.

Как правило, империалисты заинтересованы в длительных грабительских войнах, которые приносят им огромные сверхприбыли. Но, как известно, длительные войны, ведущиеся империалистами, революционизируют народные массы, которые не только борются против зачинщиков войны, но и угрожают самому существованию

капиталистической системы. Поэтому буржуазные военные идеологи и прибегают к теориям «молниеносных войн».

Широко пропагандируя теории «малых армий», американские милитаристы на практике создают в США многомиллионную армию. Это — одно из неразрешимых противоречий буржуазной военной мысли, которое в современных условиях достигло небывалой остроты.

В то же время американские империалисты всеми средствами пытаются заставить своих сателлитов поставлять основную массу пушечного мяса. 26 января 1951 г. Эйзенхауэр заявил, что по условиям Северо-атлантического пакта «основной контингент людской силы поставляет Европа...»¹.

Таким образом, Уолл-стрит хочет переложить основную тяжесть подготовки и ведения агрессивной войны на своих сателлитов.

Тот же Эйзенхауэр указывает, что в подготовке третьей мировой войны «планирование и руководство северо-атлантической обороной (!) поручено США... Машины и большая часть методов должны быть американскими»². Так американский гаулейтер в Европе Эйзенхауэр идет по стопам Гитлера и Кейтеля.

В своем докладе конгрессу об инспекционной поездке по странам, заключившим Северо-атлантический пакт, он цинично говорит о расовом превосходстве американцев, которые... «обладают лучшей сообразительностью, чем все народы мира»³.

В политическом содержании и методах идеологической подготовки войны в США (и Англии) наблюдаются те же приемы, которые существовали и в Германии. Используя расистские и космополитические идеи, американско-английские империалисты пытаются оболванить солдат таким образом, чтобы выработать у них низменные чувства шовинизма и расовой ненависти к другим народам, привить им жажду обогащения путем ограбления других народов, воспитать их в духе изуверства и готовности выполнять любые преступные приказы.

У американских и английских военных идеологов, как и у немецких, мы можем встретить немало слов и фраз о «моральном духе», но все они трактуют моральный фактор в войнах в отрыве от подлинного, т. е. политического, содержания борьбы. «Забывая» уроки истории, идеологи империалистической буржуазии тщетно пытаются доказать, что высокий моральный дух может быть присущ и империалистическим армиям в их разбойничьих войнах, что, собственно говоря, моральный дух войск не определяется политическими целями войны.

В журнале «Милитари Ревю» в июле 1943 г. американский генерал Костелло, повторяя лживую басню буржуазии о том, что ее армия стоит «вне политики», писал: «Часто злоупотребляют и преувеличивают значение слова «мораль», оно может быть опреде-

¹ United States News and World report (26.I.1951).

² Там же.

³ «The Army-Air — Navy Register», 3 February, 1951.

лено как душевное состояние группы людей и означает взаимодействие и доверие». Монтгомери также настаивает на том, что «армия должна остаться вне политики». Империалисты изолируют солдат от политического воздействия на них со стороны пролетариата, коммунистических партий и прогрессивных демократических кругов.

В одной из своих замечательных статей М. И. Калинин писал в январе 1945 г.:

«Фридриховские принципы и методы организации и воспитания армии — дело далекого прошлого. Но до последнего времени все европейские правительства считали их военным идеалом и стремились к тому, чтобы их армии походили на фридриховскую. Разумеется, время и развитие внесли свои поправки и значительно ограничили такие вождедения. Тем не менее палочная дисциплина, казарменность, изолированность от внешнего мира, аполитичность, запрещение читать прогрессивную литературу, одним словом, все меры изоляции армии от народа и народа от армии принимаются и теперь. И впереди всех зарубежных стран в этом отношении идет Германия, где культ палочной бездушной дисциплины процветает и доныне. Там имеется даже тщательно охраняемый от своего народа специальный заповедник (Пруссия) для особой породы людей, единственной целью которых является война»¹.

Времена меняются. Средоточием фашистского милитаризма стали США, в армии которых фридриховские традиции нашли самую благоприятную почву.

Уже после второй мировой войны американские военные «историки» Митчел, полковник Маршалл, Харвей Форд, Костелло и другие попрежнему расхваливают тактику Фридриха II, а Костелло даже утверждает, что и в современных условиях следует полагаться на «сомкнутые боевые порядки».

Однако известно, что сама по себе муштра уже давно не устраивает буржуазию и помещиков. Мы видели, что уже Мольтке считал необходимым муштру дополнить шовинистической обработкой солдат.

В эпоху империализма лозунг милитаристов «армия вне политики» означает требование — не допустить проникновения в армию коммунистических и даже буржуазно-демократических идей и вместе с тем монополизировать в своих руках «право» на обработку солдат.

Американские и английские империалисты, как и немецкие, не могут решить эти задачи, замыкаясь лишь в пределах армии.

Для идеологического оболванивания постоянной армии и подготовки ее резервов, идеологической обработки тыла американские империалисты применяют всевозможные средства.

«...Американские экспансионистские круги, — говорил Жданов, — кровно заинтересованы в том, чтобы задушить всякое возможное сопротивление внешним авантюрам внутри страны, чтобы отравить

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, 1947, стр. 244.

ядом шовинизма и милитаризма политически отсталые и малокультурные массы рядовых американцев, чтобы «оболванить» американского обывателя при помощи разнообразных средств антисоветской, антикоммунистической пропаганды посредством кино, радио, церкви и печати»¹.

Преследуя свои преступные цели развязывания новой войны, милитаристы фальсифицируют предисторию и историю второй мировой войны. Особенно постарались в этом отношении Маршалл, Эйзенхауэр, Монтгомери, Фуллер и другие фашиствующие генералы, сочиняющие выдумки о заслугах США и Англии во второй мировой войне и принижающие, замалчивающие решающую роль Советского Союза в деле победы над гитлеровской Германией и империалистической Японией. Больше того, они восхваляют военное искусство немецко-фашистской армии, всемерно пытаются оправдать военную идеологию гитлеровской Германии.

Из ряда вон выходящей гнусностью было опубликование в 1948 г. министерствами иностранных дел США и Англии сборника тенденциозно подобранных, лживых записей гитлеровских дипломатических чиновников, фальсифицирующих советско-германские отношения накануне второй мировой войны.

Разоблачив это вероломство по отношению к своему союзнику во второй мировой войне — Советскому Союзу, — «Историческая справка» Советского Информбюро дает следующую оценку тем целям, которые ставили перед собой американо-английские империалисты, публикуя документы фашистских дипломатов. «Такая вероломная позиция соответствует взглядам на характер межсоюзнических отношений, типичным для правящих кругов англо-американских стран и заключающимся в том, что вместо честных и искренних отношений между союзниками, их взаимного доверия и поддержки, проводится политика использования всяких возможностей вплоть до клеветы — для ослабления своего союзника, для использования его в своих узких интересах и укрепления своего положения за его счёт»².

Известно, что публикации тенденциозно составленных «Сборников документов», в которых стремятся утаить все порочащее международных разбойников и навязать читателю ложные выводы по политическим и военным вопросам, — один из излюбленных буржуазной историографией приемов фальсификации истории войн.

Так, например, в 1949 г. английский министерство иностранных дел выпустило в свет «Сборник дипломатических документов 1938—1939 гг.» В нем не найти документов, разоблачающих мюнхенцев. Большинство документов посвящено так называемому судетскому вопросу. Таким подбором документов составители сборника хотят создать впечатление, что в ходе совещаний английских и французских правительств с Гитлером речь шла не о предательстве Чехословакии, не о натравливании гитлеровцев на СССР,

¹ А. Жданов, О международном положении, стр. 25.

² Фальсификаторы истории (Историческая справка), стр. 6.

а всего-навсего о Судетах. Показательно, что при всех своих стараниях фальсификаторы все же оказываются не в состоянии утаить всю правду.

Также характерен американский «Сборник документов о военных действиях на Тихом океане». Вопреки известным фактам, вопреки той неоспоримой истине, что разгром Советской Армией японской Квантунской армии привел Японию к капитуляции, составители этого «Сборника документов» пытаются изобразить дело так, что «решающая роль» в деле разгрома Японии принадлежала американской авиации.

В связи с растущей агрессивностью и авантюризмом политики правящих кругов США и* Англии «историография», состоящая на службе у империалистов, усиленно занимается фальсификацией истории второй мировой войны. Разнузданность этой фальсификации беспримерна.

Фальсификаторы истории занялись своим грязным делом еще в годы войны. Не успела еще отгреметь великая Сталинградская битва, как в англо-саксонской литературе появляются отождествления этой всемирно-исторической битвы... с боем у Эль-Аламейна. Однако всем известно, что даже боевые события третьего ранга значения, развертывавшиеся на советско-германском фронте, нельзя сравнивать с боем у Эль-Аламейна.

В своем докладе, упоминавшемся выше, Маршалл добивается того, чтобы исподволь подвести читателя к выводу о том, что планы гитлеровцев в войне против СССР то и дело срывались из-за «непогоды», «из-за грязи и мороза». Одновременно выдвигалось такое, например, объяснение поражения гитлеровской армии: «Германия слишком растянула свои армии, что послужило одним из основных факторов, приведших Германию к поражению». То есть читатель вновь же исподволь подводится к выводу о том, что Германия имела большие силы не только на советско-германском фронте, но и на Западе. Тогда как в действительности против Англии и США все годы войны действовало не более трех-четырёх десятков второсортных дивизий немецко-фашистской армии.

В 1948 г. Лидделл Гарт в книге «По ту сторону холма» уже без обиняков утверждает лживую, противоречащую фактам, безграмотную с точки зрения любого непредвзятого военного историка и вообще мало-мальски компетентного военного человека геббельсовскую версию о причинах поражения гитлеровской Германии: «победили морозы и бездорожье». Он всячески выгораживает и восхваляет германскую военщину, германский генеральный штаб.

Особенно много фальсификаторы истории занимаются оценкой «уроков истории» второй мировой войны. Если подвести общий итог тому, что пишут эйзенхауэры, фуллеры, болдуины и им подобные поджигатели войны, то становится очевидным следующее: задним числом осуждая участие США, Англии, Франции в войне против фашистского блока, они одновременно пытаются развязать новую войну против СССР, стран народной демократии, Китайской Народной Республики; оправдывая гитлеровскую агрессию. ме-

тоды кровавой «тотальной войны», стратегию «блицкрига», американо-английские поджигатели войны тем самым пытаются оправдать собственную преступную политику развязывания войны, свой политико-стратегический авантюризм, свои преступления против человечества в Корее, свои гнусные людоедские планы.

Для англо-американских империалистов «исторической истиной» является все то, что в интересах политики агрессии, что в интересах финансовой олигархии, наживающейся на военной истерии и гонке вооружений, на захватнических войнах.

Но подлинную историческую правду невозможно затемнить никакой фальсификацией истории злобствующими империалистами.

С первых дней существования Советского Союза Советское правительство было единственным правительством, отстаивающим дело мира и международной безопасности. Оно неоднократно ставило вопрос в Лиге наций и вне ее о разоружении, об обуздании агрессоров и организации коллективной безопасности. Советское правительство своевременно указывало на угрозу миру, которая создавалась итало-немецкими фашистами в Европе и японскими империалистами в Азии при помощи империалистов других стран. Но правительства США, Англии и Франции, проникнутые ненавистью к стране социализма, не хотели считаться с этими советскими предложениями и предостережениями. Они добивались того, чтобы агрессивные устремления немецких и японских империалистов были направлены против Советского Союза. Такова правда о предистории второй мировой войны, развязанной германскими и японскими империалистами при прямой поддержке их агрессивных глав финансово-олигархической США, Англии и Франции.

Попытки американо-английских реакционеров фальсифицировать историю второй мировой войны также провалились, как провалились их попытки фальсифицировать ее предисторию.

Миллионы людей во всех странах мира знают подлинную историю второй мировой войны, в которой победа над силами немецкого фашизма и японского империализма стала возможной лишь благодаря героической борьбе советского народа и его Вооруженных Сил, благодаря тому, что эту борьбу возглавила, организовала и вдохновила партия Ленина — Сталина, благодаря тому, что этой борьбой руководил великий вождь и учитель народов Советского Союза и трудящихся всего мира, гениальный полководец товарищ Сталин.

* * *

«Опыт истории говорит, — писал товарищ Сталин еще в феврале 1942 г., — что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся»¹.

Это указание товарища Сталина легло в основу политики Советского правительства по германскому вопросу еще тогда, когда со-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 46.

ветский народ не на жизнь, а на смерть вел тяжелую борьбу с немецко-фашистскими ордами. Советский Союз никогда не отождествлял германский народ и германское государство с кликой Гитлера, с империалистами. Советский народ не руководствовался и не руководствуется чувством мести по отношению к германскому народу при проведении своей политики о послевоенном устройстве Германии.

Отношение советского народа к германскому народу с особой наглядностью проявилось после разгрома гитлеровской армии и окончания войны в Европе. Каждое мероприятие советских оккупационных властей в Германии направлено на оказание помощи немецкому народу в его созидательном труде, в его мирном, демократическом развитии, в его борьбе за свою государственную и национальную независимость.

В истории не найти примера такого бескорыстия и гуманности победителя по отношению к побежденному, как бескорыстие и гуманность, проявленные советским народом к немецкому народу.

Как уже говорилось выше, только прямой ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками Советскому государству во время Великой Отечественной войны, составляет 679 миллиардов рублей. Однако репарации с Германии в пользу Советского Союза по инициативе самого Советского правительства были установлены всего в 10 миллиардов долларов, что составляет ничтожную сумму по сравнению с прямым ущербом, понесенным СССР. В мае 1950 г. в ответ на просьбу правительства Германской Демократической Республики Советское правительство, по согласованию с правительством Польской Демократической Республики, приняло решение сократить оставшуюся к выплате сумму репарационных платежей (6342 миллиона долларов) на 50 процентов.

Это решение Советского правительства было воспринято всем немецким народом, как акт великодушия, какого не знает история. Оно воодушевляет все прогрессивные слои германского народа на борьбу против фашистских реваншистов, милитаристов в Западной Германии, против политики американо-англо-французских империалистов.

За последние тридцать пять лет Германия дважды развязала кровопролитнейшую войну: в 1914 г. — первую мировую войну, а в 1938 г. — вторую мировую войну. Произошло это не случайно, а в силу того, что во главе германского государства, во главе германской политики стояли империалисты, агрессоры-захватчики, которые подчиняли интересам агрессии и порабощения других народов всю жизнь страны и народа, терроризировали его, разжигали в нем низменные инстинкты.

Ясно, что в интересах сохранения мира и безопасности народов в будущем необходимо изолировать германских империалистов и стоящие за ними реакционные силы, необходимо демилитаризировать и демократизировать Германию.

Поэтому в вопросе о послевоенном устройстве Германии Советское правительство, учитывая интересы безопасности народов

Европы, а также жизненные интересы самого германского народа, неизменно проводило и проводит политику, направленную на то, чтобы превратить Германию в единое, независимое, демократическое и миролюбивое государство. Именно в этом духе и были достигнуты соглашения правительств СССР, США и Англии на Ялтинской и Потсдамской конференциях.

Однако после разгрома гитлеровской Германии, встав на путь подготовки третьей мировой войны за завоевание американскими империалистами мирового господства, правительства США, Англии и Франции пошли на явное нарушение этих соглашений. Они взяли курс на раскол, расчленение Германии, на возрождение германского фашизма, на восстановление военно-промышленного потенциала Западной Германии. Они стремятся лишить германский народ его национальной независимости, превратить Западную Германию в колонию американских империалистов, в очаг фашизма и милитаризма, в очаг третьей мировой войны, в плацдарм для военного похода против Советского Союза и стран народной демократии, а германский народ — в пушечное мясо третьей мировой войны.

Американо-английские империалисты широко используют в Западной Германии остатки разгромленной Советской Армией агрессивных, реакционных сил: финансовых магнатов, гитлеровских чиновников, полицейских, офицеров и генералов, гнусных предателей германского рабочего класса и всего германского народа — правых социал-демократов. Призвав к себе на службу эти реакционные силы, американо-английские магнаты финансового капитала поставили их во главе так называемого боннского правительства, которое верой и правдой служит новому хозяину.

С помощью немецких милитаристов-гитлеровцев американо-английские империалисты создают в Западной Германии наемные армии. Если раньше гитлеровские войска сохранялись в Западной Германии под видом «частей обслуживания», «промышленной полиции», «гражданской гвардии» и различных неонацистских «союзов» и «обществ», то после создания в сентябре 1949 г. марионеточного западногерманского правительства в Бонне американские империалисты уже открыто перешли к формированию регулярной западногерманской армии. С ноября 1949 г. в Западной Германии существует ставка западногерманских наемных войск. Возглавлять эти войска призваны бывшие начальники гитлеровского генерального штаба Гальдер и Гудериан, бывший командующий гитлеровскими военно-воздушными силами генерал Штумпф, генерал Шпейдель и другие фашистские милитаристы.

Американо-английские империалисты и их немецко-фашистские наймиты пытаются решать судьбу германского народа без его участия, без его согласия. Однако германский народ не может и не хочет оставаться игрушкой в руках милитаристов и агрессоров. На опыте двух мировых войн он убедился, что империалистические авантюры могут привести его лишь к еще большим страданиям и мукам, к национальной катастрофе. Народные массы Германии разгадали политику американо-английских поджигателей войны, по-

сягающих на их национальную независимость. Германский народ встает на борьбу за свою национальную независимость, за мир, за единую, миролюбивую, демократическую Германию.

Гонка вооружений, империалистические войны выгодны капиталистам, прибегающим к этим средствам для порабощения народов, для борьбы с революционным движением, для получения сверхприбылей.

Народы не хотят войны и ненавидят ее. Они выступают единым, мощным лагерем за мир и международную безопасность. Лагерь демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, растет и крепнет, а лагерь империализма во главе с США слабеет.

«Могут ли быть какие-либо сомнения в том, — говорит товарищ Маленков, — что если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма»¹.

Исторический опыт учит, что чем большие успехи будет иметь лагерь демократии и социализма и чем безнадежнее будет становиться положение империалистов, тем больше они будут неистовствовать и бросаться в омут военных авантюр.

Чтобы отстоять дело мира и международной безопасности, товарищ Сталин призывает народы к бдительности, к тому, чтобы твердо и решительно бороться с происками поджигателей войны:

«Мир будет сохранён и упрочен, — говорит товарищ Сталин, — если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну»².

Различие целей и задач двух противоположных лагерей определяет и различие их политики.

Выполнив свою историческую освободительную миссию в войне против коалиции фашистских агрессоров, Советский Союз все свои силы направил на мирный, созидательный труд. После второй мировой войны Советский Союз достиг новых огромных успехов во всех областях мирного социалистического строительства.

Из Великой Отечественной войны Советское государство, Вооруженные Силы Советского Союза вышли еще более окрепшими, еще более могущественными. Советский народ в невиданно короткие сроки восстановил пострадавшие районы страны, восставил довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и превзошел этот уровень в значительных размерах. Охваченный пафосом мирного социалистического строительства советский народ победно шествует по пути к коммунизму.

Велики успехи в хозяйственном и культурном строительстве и стран народной демократии.

¹ Г. М. Маленков, 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1949 г., стр. 21—22.

² И. В. Сталин, Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951 г., стр. 14.

Советские Вооруженные Силы, охраняя мирный, созидательный труд советского народа, бдительно стоя на страже государственных интересов Советского Союза, в послевоенные годы достигли новых успехов в боевой и политической подготовке.

На основе обобщения опыта Великой Отечественной войны и учета достижений непрерывно развивающегося военного дела совершенствуется сталинская военная наука.

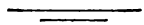
Перед Советскими Вооруженными Силами поставлены задачи дальнейшего укрепления дисциплины, повышения воинского мастерства и боевой готовности.

Победа не приходит сама, учит товарищ Сталин, ее завоевывают в борьбе. Одной из важных областей этой борьбы является критика военной идеологии империалистов, поджигателей войны, агрессоров.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава 1. Истоки агрессивной немецкой военной идеологии	12
Исторические условия возникновения прусского милитаризма	—
Прусская феодально-абсолютистская военная идеология	19
Глава 2. Юнкерско-буржуазная военная идеология	43
Пруссский милитаризм в период победы и утверждения капитализма	—
Попытка приспособить „фридриховское наследство“ к условиям нового времени (Бюлов)	52
Взгляды Клаузевица — основного носителя военной идеологии прусского юнкерства в мануфактурный период войны	57
Усиление авантюризма и шаблонизации в прусском военном искусстве (Виллизен, Рюстов)	99
Глава 3. Германская военная идеология в период 1870—1918 гг.	107
Особенности германского империализма и германский монархический милитаризм	—
Юнкерско-буржуазная реакция в военной идеологии в период начавшегося упадка капитализма (Мольтке)	118
Реакционная военная идеология Германии в период подготовки первой мировой войны (Шлиффен, фон-дер Гольц, Бернгарди)	141
Глава 4. Немецко-фашистская военная идеология	175
Образование очага второй мировой войны в Европе	—
Уроки первой мировой войны в освещении германских милитаристов	184
Германский милитаризм и фашизм	203
Военные „теории“ Людендорфа, Кейтеля и других носителей фашистской военной идеологии	213
Глава 5. Военная идеология германских империалистов и американо-английские поджигатели войны	297

Редактор полковник *П. И. Лысенко*

Технический редактор *С. Г. Калачев*

Корректор *Шебаршева А. А.*

Г-52225.

Подписано к печати 21.7.51г.

Изд. № 50-н

Зак. № 2103

Формат бумаги 60×92¹/₁₆—10,75 бум. л—21,5 печ. л.

24,533 уч.-изд. л.

2-я типография имени К. Е. Ворошилова Управления Военного Издательства
Военного Министерства Союза ССР

Цена 12 руб.

Я. М. Лещинский — БАНКРОТСТВО ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ